

К. Д'Оссон

ИСТОРИЯ
МОНГОЛОВ

Т. I

К. Д'Оссон

ИСТОРИЯ МОНГОЛОВ

ОТ ЧИНГИЗ-ХАНА ДО ТАМЕРЛАНА

Том I

ЧИНГИЗ-ХАН

Перевод и предисловие
проф. Н. Козьмина

ОГИЗ
ВОСТОЧНОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1937

ЧИНГИЗ-ХАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Партией и правительством обращено особое внимание на то неблагоприятное положение, которое имеет место на историческом научно-исследовательском фронте. Это неблагоприятие не только отражается на правильном и быстром развертывании научной разработки исторических дисциплин, но и очень тяжело сказывается на замедлении с изданием учебной литературы. Это неблагоприятное положение между прочим объясняется разрывом, в настоящее время усиленно изживаемым, между работами „методологов“, которые оперировали голыми схемами, не опирающимися на углубленное изучение фактического материала по первоисточникам, и „исследователей“, которые давали иногда чрезвычайно кропотливые и ценные сводки, анализы, но не освещенные марксистско-ленинской научной мыслью, характерными образцами которых являются издания Академии Наук 20-х и начала 30-х годов.

Здесь надо указать на отмеченную в постановлении Совнаркома СССР о преподавании истории вредную роль „школы“ Покровского, которая последовательно не только вела к подмене „связного изложения гражданской истории социологическими схемами“ в средней и высшей школе, но и давала соответствующие неправильные и вредные методологические установки для разработки истории. „Как ни странно это может звучать,—писал Покровский по вопросу о закономерности исторического развития¹,— он (т. е. этот вопрос) решается не столько исследованием фактов, сколько

¹ М. Н. Покровский. „Историческая наука и борьба к лассов“. Вып. 2, 1933, стр. 6. Ср. его же Марксизм в программах трудовой школы. 1924, изд. 2-е, стр. 8.

отвлеченно-логическими соображениями". Покровский как бы считал методологически неизбежной взаимную независимость „теории“ и „фактов“.

У Ленина как раз подчеркивается недопустимость этого разрыва и необходимость ставить теоретическую работу в связь с конкретным изучением исторической действительности. „*Теоретическая* работа ее (соц. интеллигенции. Н. К.) должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие“¹.

В настоящее время уже изживается неправильная установка научно-исследовательской методики, сводившая дело к механической переработке освоенного буржуазной наукой фактического материала вместо марксистской разработки и освещения его. Эта установка давалась в свое время Покровским уже на пройденном теперь этапе академической жизни, когда наспех приходилось приспособлять наличный материал к советской школе. Покровский лично занимался переложением курсов истории, составленных старыми русскими историками; ему было не до кропотливых изысканий в архивах. Но здесь сам Покровский не избег влияния „того или другого предрассудка“, от которого, по его словам, не предохраняет положение „превосходного знатока“ той или иной дисциплины. Он оказался попрежнему во власти взглядов представителей экономического материализма, богдановщины и т. д.² Это, конечно, совсем не значит, что старая историческая лите-

¹ Ленин. Что такое „друзья народа“ и как они воюют с социал-демократами. Изд. 3-е, стр. 191. Стр. 14. „Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации, в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?“ Эта работа Ленина особенно интересна для нас тем, что написана по поводу методологической полемики с „субъективной школой“ и поэтому высказывания Ленина сделаны не мимоходом, а в систематическом развитии его теоретических взглядов.

² См. „Под знаменем марксизма“, 1936, № 5, ст. А. Щеглова. Методологические истоки ошибок М. Н. Покровского,

ратура механически должна быть выброшена за борт. Но марксистская история может быть построена только на марксистской же разработке первоисточников.

Замечания по конспектам учебников по истории СССР и новой истории тт. Сталина, Кирова и Жданова и постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании истории в школах СССР являются поворотным пунктом в направлении работ в области не только преподавания истории, но и исторических исследований. Они направлены против укоренившихся „анти-марксистских, анти-ленинских, по сути дела ликвидаторских, анти-научных взглядов на историческую науку“. „Совнарком и ЦК ВКП(б) подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории, как науки, связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой „исторической школе Покровского“. Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения“¹.

Наш издательский аппарат выполняет соответствующее задание широко, хотя, конечно, еще в далеко недостаточном размере. Имеются опыты издания классиков—Ксенофонта, Светония, Аристотеля, Аппиана, Лукиана, а по истории СССР такие как „Хозяйство крупного феодала“ и др., вплоть до начавших выходить бурят-монгольских летописей. Имеются сведения, что подготавливаются издания китайских и монгольских источников. Эти издания явятся особенно результативными ввиду того, что указанный выше „прорыв“ в разверты-

стр. 55—69; „Большевик“, 1936, № 3, ст. Историческая наука и ленинизм. „Большевик“, 1936, № 7, ст. П. Горина. О некоторых ликвидаторских взглядах на историческую науку, стр. 55—67. Как характерный образчик „экономизма“ Покровского, можно, кроме отмеченных указанными авторами, привести трактовку Покровским истории „падения крепостного права“ в IV т. его „Русской истории“, особенно разделы пореформенной экономики и аграрного вопроса; собственно вся почти история второй половины XIX в. изложена в аспекте „хлебных цен“. Покровский, видимо, сам считал до вскрытия его ошибок эту трактовку своим оригинальным достижением. См. Марксизм в программах, стр 12.

¹ Цитирую по напеч. в „Большевике“, № 3, 1936 „На фронте исторической науки“.

вании научно-исследовательской работы на историческом фронте имеет сугубое значение в отношении центрально-азиатского его участка и, в частности, монгольского.

Литература по истории центральной Азии и Монгольской империи чрезвычайно скудна. Ученые востоковеды занимались монгольской историей, главным образом, в связи с работами по истории Китая, средней или передней Азии. Работы, специально посвященные Монгольской империи или Чингиз-хану, хронологически располагаются с большими промежутками. Первым крупным трудом по истории монголов была „История Женчискана¹ и всей династии Монгу“ иезуита Антуана Гобиля, вышедшая в 1739 г. и составленная по китайским источникам. По тем же источникам написана была работа Жозефа Де Гиня—„Историческая записка о происхождении гуннов и турков“, вышедшая в 1748 г., и его же большая „Всеобщая история гуннов, турков, монголов и прочих западных татар“ 1756—58 гг. В 1779 г. появилась в свет „История Татарии“ Висделу и в следующем году „Описание географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое Китайской империи и китайской Татарии“ Дю Гальда². Наконец, уже в 1829 г. русским синологом, монахом Иакинфом Бичуриным, был опубликован известный большой его труд „История первых четырех ханов дома Чингисова“, а через 22 года „Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древнее время“ (1851). Мы перечисляем лишь самые крупные, так сказать, стержневые работы. В основу их всех легли китайские летописи, гл. обр., эпох Танской и Юаньской династий. Все они представляют первые опыты применения к историческим исследованиям накопившихся к их времени знаний по китайскому языку и литературе и ни в какой мере не соответствуют современному нам уровню этих знаний. И очень характерно, что других публикаций подобного рода, которыми пользовался бы нынешний историк, пока не имеется. Все труды основаны на публикациях Иакинфа, Гобиля, Висделу, Дю Гальда, Де Гиня, несмотря на то, что уже во время публикации трудов Иакинфа неудовлетворительность его научных приемов была ясна, как и его предшественников-французов. Таким же кладезем материалов служит вышедшая в 1777—1781 гг. „Общая история Китая“ Майльи. Знакомство и пользование китайскими летописями ограничено этими трудами.

Их до сих пор не умирающая ценность и заключается.

¹ Т. е. Чингиз-хана.

² Всех этих трудов нет на русском языке.

в переводе на французский и русский языки китайских летописей. Каждый перевод является, по существу, известным толкованием, пояснением оригинального текста. При научном исследовании нельзя пользоваться переводным текстом, не доверяясь сознательно переводчику и его авторитету, или не обращаясь, при отсутствии такого полного доверия, к тексту оригинала. Между тем все указанные авторы дают не перевод, а пересказ источника, комментируют и дополняют или сокращают текст. Следовательно труды перечисленных авторов не являются исследованиями и не представляют публикаций первоисточников в текстуальном соответствии. К этому надо добавить еще одно обстоятельство. В XVIII в. был период повального увлечения, в высших общественных кругах З. Европы, Востоком, в частности Китаем и центральной Азией, начиная от китайских ваз, ширм и будуарных безделушек и кончая китайскими сюжетами в произведениях искусства и восточной тематикой в научных сочинениях (именно в эту эпоху известный Монтескье излагал свои политические взгляды в „Персидских письмах“). Было две причины для этого увлечения и моды, захвативших и русские дворянские круги екатерининской России. Националистическая реакция, сопровождавшая изгнание монголов из Китая (1368 г.), нашла выражение в шовинизме и преследованиях, вплоть до избиений и погромов иностранцев при Минской династии. Китай совершенно замкнулся от общения с ними. Приход Маньчжурской, иноземной, династии во второй половине XVII в. пробил брешь в этой „китайской стене“ отчужденности. Маньчжуры открыли доступ иностранным специалистам и военному снаряжению в особенности. Этим воспользовались, главным образом, иезуиты для целей пропаганды. Привыкшие иметь дело с придворными и правительственными сферами, они ловко втерлись и в доверие маньчжурской династии. Иезуиты дали из своей среды и первых синологов (китаеведов), как выше уже было указано; вместо с тем связанные с высшими кругами и в З. Европе, они непосредственно содействовали форсированию того интереса к Китаю, который в связи с колониальной и меркантильной политикой, диктуемой торгово-промышленными и фискальными вожделениями, уже и раньше имелся. С другой стороны, феодальный порядок был накануне падения, и упадочное настроение влекло к восточной экзотике так же, как к пасторальной, идиллической поэзии, Китай мог представляться в виде нетронутой еще патриархально-феодальной „Аркадии“. Иезуиты тогда мечтали о превращении Китая в огромный „патримониум св. Петра“, который

мог возместить те утраты, которые нанесли реформация и просветительная философия католицизму и папству, и были еще полны радужных надежд. Они восторгались самым бытом китайцев.

Это восторженное отношение к Китаю прошло от Гобля до Иакинфа, и отражается на позднейших писателях о Китае и его истории; как на типичный образчик, можно указать на известного французского политического и литературного деятеля Жюль Симона. На Китай и Дальний Восток был спрос в „обществе“, и этот спрос отразился на характере и качестве публикаций, которые получали назначение быть „назидательными и любопытными“, как это иногда отмечалось в самых заглавиях. Тому обстоятельству, что сами авторы находили „любопытными“ даже мелкие факты, мы обязаны большим количеством фактов и отсутствием больших пропусков, „купюр“. Критическое отношение к китайским летописям почти совершенно отсутствовало. Гобиль даже мотивировал это отсутствие критики источников тем, что китайские летописи представляют официальное произведение и продукцию коллегияльных учреждений, что, по его мнению, являлось гарантией достоверности сообщаемых ими фактов.

В отношении центральной Азии это и сам по себе был односторонний материал. Китайские летописцы передавали исторические факты на основании китайских архивных данных, заключавших донесения посольств, опросные и информационные сведения, добытые из вторых и третьих рук.

В XVIII же веке шведскими военнопленными в Тобольске была приобретена рукопись хивинского хана и историка, Абульгази багатур-хана, „Шеджере-и турк“, т. е. „Родословное древо турков“. Это было событием в научном мире того времени. Шведы устроили перевод сочинения Абульгази на немецкий язык; с немецкого оно было переведено на французский и английский; с французского известный Тредьяковский перевел на русский. Только впоследствии были сделаны переводы научного характера: на русский язык Саблуковым (неполный, Казань, 1854) и на французский — бароном Демезон (История монголов и тартар, С.-Петербург, 1871—4). XIX век является веком величайших открытий в области языка и письменности: Шамполионом были дешифрованы египетские письмена, Гротефендом и Раулинсоном — персидские, вавилонские и шумерийские; тогда же начаты научные изучения санскрита. Сочинение Абульгази оказалось компиляцией на основании сочинений писателей более ранних эпох (Абульгази жил 1603—63), главным образом, Рашид-эд-дина, писавшего в конце XIII и начале XIV в. Об-

ший подъем востоковедческих изучений сказался не только на историографии передней Азии, но и центральной. Был открыт ряд рукописей арабских, персидских и—что наиболее ценно—турецких, заключавших исторические сочинения высокого научного значения, в том числе Али Ибн-уль-Этира, современника Чингиз-хана, его же современника Мохаммеда Нессауи, современников ближайших преемников Чингиз-хана Алай-эд-дина Джувейни и упомянутого Рашида. Благодаря той политической роли, которую присваивала себе Франция в качестве покровительницы христиан на мусульманском востоке, французам наиболее посчастливилось в отношении рукописных собраний. В „Введении“ к своему труду Д'Оссон дает обзор более двух десятков рукописей, а ссылки им в „Истории“ делаются еще на большее число.

Со времени Д'Оссона открыто еще значительное количество сочинений мусульманских писателей, хотя едва ли могущих равняться по своему научному значению с Рашидом, Этиром, Нессауи и Джувейни. Как и с китайскими историками, плохо обстоит дело с критическим, научным изданием мусульманской исторической литературы. Большая ее часть остается даже в рукописях, не всегда приведенных во внешний порядок.

Заслуга Д'Оссона, между прочим, заключается в том, что он первый широко познакомил ученый мир с сокровищами мусульманского исторического творчества, ввел в научный оборот не только большой фактический материал, собранный и записанный арабскими, персидскими и турецкими историками и летописцами, но и познакомил с высокой для XIII—XIV в. научной культурой средней и передней Азии. У него нет и тени того преклонения пред восточной экзотикой, которая так пленяла ранних китаистов (синологов), но нет и высокомерия представителя европейской школы. Он дает в большинстве случаев простой, не претендующий на передачу литературного и идейного своеобразия средневекового творчества, перевод. У него нет слепого доверия к показаниям очевидцев, какие бы посты они ни занимали и как близко к первоисточникам ни стояли. В этом отношении он выше многих последующих писателей.

Д'Оссоны были турецкие армяне. Они владели турецким, армянским и персидским языками. Мураджа Д'Оссон перешел на шведскую службу, работал в Париже и издал большой труд „Картина Оттоманской империи“ (1788—90). Наш автор носил титул (шведского) барона, был членом стокгольмских Академий Наук и Изящной словесности, упсальского научного общества и др. Над своим трудом он работал,

главным образом, в Парижской и Лейденской библиотеках. Труд его написан в Париже и под сильным влиянием французской исторической школы, но издан в Голландии (в Гааге и Амстердаме). Он владел хорошо латинским языком и был знаком основательно с летописями немецкими, польскими, венгерскими, английскими и французскими на этом языке. Он владел русским языком и проштудировал русские исторические сочинения Щербатова („История российская“) и Карамзина („История государства Российского“, вышедшая в 1816—24 гг.). Знание русского языка он использовал и для того, чтобы проштудировать вышедших в 1829 г. „Первых четырех ханов“ Бичурина. Все успевшие выйти в то время работы ориенталистов Клапрота, Абеля Ремюза были ему хорошо известны. Он стоял, безусловно, на уровне тогдашней ориенталистики. Знание целого ряда восточных языков давало ему большие преимущества. Но он не знал китайского.

Во Франции это была эпоха, когда появились замечательные произведения Тьерри („Подлинная история Жака Бонома“ 1820, „История завоевания Англии норманнами“ 1825, „Письма об истории Франции“ 1830), Гизо („Опыт истории Франции“ 1823 и знаменитые „История цивилизации в Европе“ и „История цивилизации во Франции“ конца 20-х годов). Эти работы поставили остро вопросы изучения общественных формаций, в частности эпохи феодализма, классовой структуры общества, классовых антагонизмов и борьбы. Борьба между противоположными классами, по мнению Тьерри, составляет душу истории, и результатом ее является последовательное освобождение трудовых масс. В то же время во Франции и Германии велась живая работа по собиранию, изданию и критике исторических документов. Целые „корпусы“ греческих, латинских, германских и др. письменных документов подготавливались к изданию. Все это не могло не иметь влияния на подготовку, методологические приемы и литературную манеру Д'Оссона.

В 1824 г. вышел первый том его труда. Но опубликование в 20-х годах целого ряда трудов Клапрота, Абеля Ремюза, Бичурина и др. заставило его совершенно переработать этот том, и в 1834 г. вышли первых три тома, а в 1835 г. четвертый том его капитального труда „История монголов от Чингиз-хана до Тимур-бея или Тамерлана“¹. Через два десятка лет это издание было повторено.

¹ Полное заглавие его труда такое: *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan*, par M. le Baron C. D'Ohsson, Membre des Academies royales des Sciences et des

Первый том включает историографический обзор источников, очерк кочевых народов центральной Азии, начало и образование Монгольской империи, деятельность Чингиз-хана, его завоевания и заканчивается характеристикой монгольского завоевателя и созданной им империи. Второй том состоит из двух книг по семи глав каждая и включает историю Монгольской империи при Угэдэе (Оготае), Куюке и Мунгкэ (Мангу), историю Хубилая и юаньской династии Китая, падение юаньской империи и сжатый очерк последующих судеб монголов до маньчжурского завоевания. Третий и четвертый тома (12 и 14 глав) заключают историю Персии за время владычества монгольской династии хулаги-дов (т. е. преемников внука Чингиз-хана и брата Хубилая, Хулагу, бывшего первым „иль-ханом“ Персии). Все четыре тома заключают 2540 стр. или, в переводе на наш современный листаж (40.000 знаков в печ. листе), 71 печ. лист. К изданию была приложена карта земель, входивших в состав Монгольской империи и генеалогические таблицы Чингиз-хана и его потомков в Китае, Персии, Чагатае (Туркестане) и Кипчаке. По обилию фактического материала, его свежести и неиспользованности в последующее время особенно интересны томы 2-й и последние два.

Труд Д'Оссона—труд представителя буржуазной историографии. Но он относится к эпохе, когда капитализм только что одержал победы над крепостничеством, когда буржуазия, хотя и короткое время, шла во главе прогрессивного развития¹. И Д'Оссон с его вниманием к городам и городской

Belles Lettres de Stockholm, de la Société royale des Sciences d'Upsal, etc. Avec une carte de l'Asie au XIII siècle. La Hay et Amsterdam. Les frères van Cleef. 1834—1835.

¹ Ср. Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг. Партиздат. 1936, стр. 11: „Великие люди, просветившие французские головы для приближавшейся революции, сами были крайними революционерами. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государство—все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности“. Стр. 12: „Мы знаем теперь, что это царство разума было нечем иным, как идеализованным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что естественное равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуазной собственности“. Стр. 289: „Даже во Франции, где феодализм был совершенно вырван с корнем, буржуазия как совокупность всего класса господствовала только короткий промежуток времени“. К. Маркс и Ф. Энгельс, М а н и ф е с т К о м м у н и с т и ч е с к о й п а р т и и. Партиздат. 1933, стр. 16: „Буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль“. „Буржуазия

культуре, к представителям средневекового капитала и производства, несмотря на то, что он был пионером в области построения монгольской истории и поневоле должен был сугубое внимание уделять хронологии и внешней истории, поэтому то и сохраняет еще свое научное значение, сохраняет и значение интересного автора, труд которого читается и теперь с неослабным вниманием.

Покойный Б. Я. Владимирцов в своем небольшом очерке, посвященном монгольской истории „Чингиз-хан“, из всей предшествующей исторической литературы выделил особо, наряду с работами академика Бартольда, „Историю монголов“ Д'Оссона („особое значение имеют“, стр. 7). Академик Бартольд, который был крупнейшим знатоком монгольской истории, в своей рецензии на книжку Владимирцова присоединился к мнению последнего о работе Д'Оссона и углубил этот отзыв. „Среди трудов синологов по истории монголов,—писал он,—нет ни одного, который мог выдержать хотя бы отдаленное сравнение с трудом Д'Оссона“¹.

После Д'Оссона по истории монголов вышел большой труд английского ученого Ховорса „История монголов“ в четырех томах, первый из которых вышел в 1876 г., а последний выпущен сыновьями автора в 1927 г. Ховорс не владел восточными языками, но обладал огромной начитанностью. Его труд—колоссальная компиляция, но с попытками давать самостоятельные решения частных вопросов. Он широко использовал труд Д'Оссона, и прямо указывает на него, как на одну из важнейших опор своего труда².

Ко времени выхода труда Д'Оссона собственно монгольские источники были введены в научный оборот в работе

разоблачила, как свойственное средним векам, проявление грубой силы, что приводит реакцию в такой восторг, дополнялось соответственно самой непробудной ленью. Только она впервые показала, что может создать человеческая деятельность“.

¹ Восток, 1928, № 56, стр. 252; ср. стр. 251: „Автор вполне справедливо отдает старому труду Д'Оссона (в текущем 1924 г. исполнилось столетие со времени выхода первого издания) предпочтение пред более поздними западно-европейскими сочинениями, в том числе „History of the Mongols“ Ховорса (Howorth).

² History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century. Ховорс очень характерно говорит о своем труде в предисловии: „our hobby grew bigger as we tended; it out grew our resources, and we had once more to restrain our coat within the limits of our cloth“. (стр. VI). О труде Д'Оссона он выражается так: „The name of D'Ohsson occurs on very many pages of this work... He has ransacked almost every authority for his facts, and his book forms the main pillar upon which I have relied in large sections of the present work“ (Introduction, стр. XXVI).

известного исследователя Сибири П. С. Палласа „Собрание исторических известий о монгольских народах“ (в двух частях 1776 и 1801)¹. Этот сборник составлен из материалов, относящихся к образу жизни, хозяйству, общественному и военному устройству, суду (1-я часть) и храмам, духовенству, религии (2-я часть) монголов и калмыков. Паллас не указывает происхождения материалов и не дает монгольских текстов. Д'Оссон эту работу использовал. Большое впечатление было произведено изданием Шмидтом истории монголов, составленной монгольским князем Санан-Сэцэном, в 1829 году², т. е. одновременно с выходом „Четырех ханов“ Бичурина. Как содержание самого сочинения, так и работа редактора и переводчика вызвали немедленно большое разочарование. Но Д'Оссон использовал и Санан-Сэцэна, хотя возможность использования оказалась ограниченной. Оба эти издания не могли ни в какой мере идти в сравнение с мусульманскими и китайскими источниками ни с количественной, ни с качественной стороны. После Д'Оссона самым крупным научным событием в монгольской историографии надо признать опубликование известным русским синологом, Палладием Кафаровым, русского перевода китайской редакции монгольского сочинения о Чингиз-хане под заглавием „Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане“³. По-китайски оно носит название „Юань-чао-миши“, т. е. секретная (фамильная) история династии Юань (официальное название монгольской династии).

Нам необходимо остановиться на том значении, какое имело для развития монгольской историографии открытие этого замечательного памятника.

Кафаров, публикуя свой перевод, уже указал на существование монгольского текста „Юань-чао-миши“, на поиски которого и направлены усилия монголистов. Открыто не-

¹ Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas. Русского перевода нет.

² I.-I. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen von Ssan an g-Ssézen. Монгольский текст и немецкий перевод. Русского перевода не было дано. Шмидт и Паллас изданы в Петербурге.

³ В томе IV „Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине“, СПб, 1866 г. Русские монголисты характеризуют перевод, как „замечательный“ (Ак. Владимирцов. Общественный строй монголов. Лен. 1934, стр. 6). Известный французский ориенталист Пелльо вообще высоко оценивает работы Кафарова (Les deux meilleurs sinologues qui avaient vécu en Chine au XIX-e siècle, Palladius et Wylie T'oung Pao. 1926, XXIV, 3).

сколько предполагаемых вариантов этого текста¹. Варианты, представляющие монгольский текст, написанный китайскими условными знаками, в настоящее время восстанавливаются монголистами в уйгурской или латинской транскрипции. Пелльо сообщил об открытии Монгольским Ученым Комитетом „большой монгольской истории“ на монгольском языке². Повидимому, в ее состав вошел один из вариантов монгольского текста Ючмш. Пока опубликована попытка частичного восстановления монгольского текста немецким ученым Хэнишем³; ожидается появление в свет транскрипции Пелльо и в Институте Востоковедения Академии Наук СССР ведется коллективная работа такого же порядка. В таком положении находится дело с монгольским текстом Ючмш. Монгольское ее название Нигуца Тобчиян, т. е. секретная история монголов. Только с установлением первоначального монгольского текста этот исторический памятник получит все то научное значение, которое он может иметь для установления правильной монгольской терминологии, собственных имен и некоторых обстоятельств, относящихся к монгольским деятелям. В настоящем своем виде памятник имеет значение, указанное самим переводчиком и комментатором его Кафаровым. „Нет сомнения,—писал он в своем введении к переводу,—что летописи Рашид-эд-дина, переводимые на русский язык нашим известным ориенталистом Березиным, завершат и далеко оставят за собою все прежние повествования и истории. Думаю, что настоящее Монгольское сказание не будет бесполезно для уразумения некоторых подробностей рассказа персидского историка, и во всяком случае будет заимствовать от него много света и достоверность. Других источников для сличения, заслуживающих внимания, я не нахожу“⁴. „Нигуца Тобчиян“ не перестроит истории образования Монгольской империи, и основным источником все-таки будет для историков капитальный труд Рашида. А последним и воспользо-

¹ Кафаров установил, что основная редакция Ючмш. состояла из трех текстов: монгольского, писанного уйгурскими буквами, китайского тонического, представлявшего только звуки монгольского текста, выраженные условными китайскими знаками, и, наконец, китайского переводного. Кафаров переводил с последнего. Найдены варианты второго.

² T'oung Pao, 1930, стр. 171 („La grande histoire mongole en mongol que le Comité scientifique mongol d'Urga a decouverte récemment“).

³ Untersuchungen über das Yuan-ch'ao pi-shi, die geheime Geschichte der Mongolen von Erlich Haenisch. Leipzig. 1931.

⁴ Стар. монг. сказание, стр. 15.

вался Д'Оссон. Но, несомненно, „Сказание“ в переводе Кафарова уже вводит нас в чрезвычайно интересные подробности закулисной истории Чингиз-хана и чингизидов, которые, вероятно, не были безызвестны Рашиду, но, в качестве официального историографа, он должен был замалчивать одно и принимать в официальной версии другое. Едва ли можно согласиться с мнением Бартольда и присоединившегося к нему Владимирцова, что „Сказание“ представляет „произведение богатырского эпоса“, с эпическим беспристрастием передающее и положительные и отрицательные черты и поступки действующих лиц, вплоть до самого Чингиз-хана¹. Это, напротив, произведение, носящее резкий отпечаток партийности. Оно явно имеет задачей, с одной стороны, реабилитировать поведение Чингиз-хана, тогда еще просто Темучина, в отношении его сюзерена, кереитского хана, замазать его поведение в отношении Чжамухи, а с другой, с плохо скрываемой тенденцией, компрометирует положение старшего сына Чингиз-хана, Чжучи, как престолонаследника, явно набрасывает тень на потомков Угэдэя и не щадит самого „каана“. Можно пожалеть, что в руках Д'Оссона не было этого памятника для дополнения набросанной им яркой картины борьбы за престол линий Угэдэевичей и Тулуевичей во 2-м томе его „истории“.

Серьезное значение имело открытие Орхонских памятников, случившееся спустя шестьдесят лет после выхода труда Д'Оссона. Это памятники с обширными, но плохо сохранившимися надписями, изображающими деятельность турецких каганов и князей в первой половине VIII в. нашей эры. Об их сооружении имелись сведения в китайской летописи Танской эпохи, но они не были использованы для отыскания памятников вплоть до открытия последних Ядринцевым и до дешифровки турецких надписей туркологами Радловым и Томсенем².

¹ Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб. 1900, стр. 43—44. Ср. Владимирцов. Общественный строй монголов. Лен. 1934, стр. 6—8.

² Д'Оссон, видимо, собирал известия об этих памятниках. В примечании V он приводит сообщения Джувейни и Рашида об уйгурах, и между прочим рассказ о том, что орхонскими турецкими памятниками заинтересовался Каан, т. е. Угэдэй (Окатай), и привлек к их объяснению буддийских книжников-уйгуров. Интересно, что через 500 лет не сохранилось воспоминаний ни о турецком государстве, ни об орхонской письменности, уступившей место уйгурской. Каан получил фантастические объяснения.

О них имеется большая литература. В их изучении принимали участие выдающиеся турковеды, как Радлов, Томсен, Бартольд, Мелиоранский, Херт и др.¹ С их помощью китайские памятники, относящиеся к туркам, получили новое освещение. Устанавливается правильная турецкая терминология; вместо странно транскрибированных китайцами имен мы имеем уже турецкие. Явилась возможность не только заниматься бесконечными войнами, дворцовыми переворотами, но и хозяйственными и социальными явлениями. Особенно замечательны работы по согласованию туркологических данных китайских памятников с турецкими. Она была начата еще до расшифровки орхонских надписей, но вызвана главнейшим образом ими². В настоящее время имеются замечательные работы Пелльо, Паркера и др.

Но если мы и тут спросим себя, произошли ли в туркологической литературе сдвиги, которые бы говорили о целом перевороте после Д'Оссона, то мы должны будем ответить отрицательно. Эти сдвиги только еще наметились. Переворот наметился в сторону использования орхонско-енисейских памятников для построения социальной истории турков. Несомненно, изучения эти повлияют и на монгольскую историографию. Но пока Рашид, Джувейни, Нессауи и другие мусульмане остаются, как и при Д'Оссоне, основными источниками для монгольской истории.

Остается тот темный период истории центральной Азии, который лежит между танской эпохой и временем Чингизхана. Это время уйгуров, кытаев (китаней), чжурчженей. Но он остается почти таким же темным, каким был при Д'Оссоне, несмотря на то, что за это время появились новые публикации документов и исследования, как, напр., Васильева „История и древности восточной части Ср. Азии от X до XIII века“ (СПб. 1856). Не установлено даже, кто такие были кытай (китан) — турки, монголы или тунгусы. Пелльо, напр., в настоящее время лишь „склоняется“ к мнению, что это были монголы, хотя и ссылается на наличие уже серьезных оснований для этого. Существует совершенный разнобой в мнениях относительно керейтов, на-

¹ См. „Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности“. Тр. Тр.-Кяхт. отд. русск. геогр. общ. 1914 г., т. XV, стр. 55—80. Этот обзор принадлежит перу ак. А. Н. Самойловича и охватывает довоенный период. Автор оговаривается, что на исчерпывающую полноту материал отнюдь не претендует; но он дает список 296 известных автору работ.

² Напр., В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах. СПб. 1893 (приложение к LXXII тому Записок Академии Наук).

иманов, татар, не говоря уже о чжелаирах, сунитах, баргутах и пр. Особого прогресса и здесь со времени выхода в свет „Истории монголов“ Д’Оссона нет.

Обратимся к капитальным работам по истории монголов, вышедшим со времени Д’Оссона до наших дней. Выше мы указали на труд Ховорса, вышедший еще до периода открытия орхонско-енисейской письменности и памятников центральной Азии¹. Здесь, прежде всего, надо отметить самый выдающийся за последние десятилетия труд, докторскую диссертацию покойного академика В. В. Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ 1900 г.² Как это видно из заглавия, этот труд имеет в виду историю Туркестана, а не самой Монгольской империи. Бартольд, как и Д’Оссон, привлек новые мусульманские источники. Он подверг критическому рассмотрению и старый материал. Но это все-таки работа, ориентированная на определенный отрезок времени и определенную территорию.

За четыре года до „Туркестана“ Бартольда вышла на французском языке книга Леона Каена „Введение в историю Азии. Турки и монголы от начала до 1405 года“. Хронологические рамки взяты как раз те же, что у Д’Оссона. Каен уже мог использовать орхонские материалы. Бартольд в своей рецензии на эту книгу высказался отрицательно о научном ее значении; но тем не менее признал ряд справедливых выводов и положений автора и даже „блестящих догадок“. Бартольд не обратил должного внимания на попытки Каена разобраться в политических группировках при дворах монгольских ханов, за которыми стояли, несомненно, столкновения реальных интересов. Эти попытки нельзя назвать удачными, но все же им привлечен интересный материал. Он сводит антагонизмы к религиозной и национальной борьбе. Каен отрицал классовую („кастовую“, по его терминологии) структуру у турков и здесь находил одобрение у Бар-

¹ Путешествия Свен Гедина, А. Стейна, Ольденбурга и др. открывают целые археологические сокровища пред востоковедами. Но работа над ними только еще начинается.

² В 1928 г. вышло оксфордское издание авторизованного перевода на английский язык бартольдовского „Туркестана“—*Turkestan down to the Mongol Invasion*“. В предисловии к этому английскому изданию говорится: „Нет никакой необходимости оправдывать включение настоящего перевода в серию Гибба. Бартольдовский, составивший эпоху (Barthold's epoch-making work), труд появился в свет в 1900 г.

...Несмотря на то, что он был написан на сравнительно мало известном языке, он нашел место во всех претендующих на полноту библиотек“ и т. д., стр. XIII.

тольда¹. Каен дает не исследование, а опыт своего рода философии истории турков².

Семь лет тому назад вышла книга на английском языке Лэма „Чженгис-хан“, составленная под сильным влиянием Каена. Это один из очерков, посвященных не столько монголам, сколько личности Чингиз-хана, интерес к которому повысило то упадочное настроение, которое в последние годы характерно для буржуазной интеллигенции. О связанной с ним чингиз-ханианской литературе будет сказано дальше.

Истории центральной Азии посвящен большой труд Ренэ Груссэ „История Дальнего Востока“. Автор стоит в курсе всей литературы, включительно до академической транскрипции слов, взятых из восточных языков. История Монгольской империи входит составным очерком в этот труд. Несмотря на научную выдержанность книги, она читается легко. Новое в сравнении с Д'Оссоном все же ограничивается частностями³.

В начале 20-х годов вышла в четырех томах „Общая история Китая“ крупнейшего французского сиолога Кордые; второй том ее посвящен турецким и монгольским народам. Так же, как и книга Груссэ, труд Кордые стоит на высоте

¹ „В этом военном обществе есть иерархия, но нет аристократии, вельможи (то есть беки) скорее могут быть названы высшими чиновниками, чем аристократами“. „Турецкие „великие нации“ могут быть скорее названы военными отрядами и принимают имя своего начальника“. Он считает за чистую монету заявления орхонского кагана. „В противоположность остальным народам, у турков царь кормит свой народ, одевает его, дает ему содержание“. Бартольд по этому поводу говорит, что орхонские памятники помогли Каену составить „ясное представление“ о политических отношениях у турков (ЖМНПр. 1896, № 6, стр. 369 и след.). Определения Каена он считает очень удачными (стр. 378—382).

² Вот общая оценка труда Каена, данная Бартольдом: „Блестящая в чисто литературном отношении книга Каена отнюдь не пополняет пробела в научной литературе. Мы не считаем труд Каена совершенно бесполезным; в его книге иногда высказываются широкие и плодотворные идеи, которыми наверно воспользуются будущие историки; от внимания ученых исследователей часто ускользают такие явления, истинное значение которых может выясниться только художник. Но с точки зрения той цели, которую поставил себе Каен, мы можем только пожалеть о том, что он употребил свое блестящее дарование на дело, заранее обреченное на неудачу“ (там же, стр. 381—2). Книга Каена написана, действительно, с большим подъемом и легко. Но в большом объеме пафос ее делает чтение утомительным. На русском языке ее нет.

³ René Grousset, Histoire de l'Extrême-Orient. Paris. 1929 в двух томах с общей пагинацией (770 стр. in-8°), по-русски не имеется.

современных научных требований, поскольку синолог Кордые был осведомлен во всем, что имело отношение к истории Китая; вместе с тем это был основатель и редактор известного ориенталистского журнала „Дун-бао“, который в значительной мере посвящен разработке проблем турецкой и монгольской лингвистики и истории. В четырехтомник вошли более ранние труды Кордые, как, напр., о христианстве в Китае¹.

На русском языке, в 1926 г., вышел труд известного путешественника и знатока центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло „Западная Монголия и Урянхайский край“ в в трех томах, из которых второй посвящен истории центральной Азии, в частности Монгольской империи. Труд этот является попыткой такого же обзора литературных данных и сводки их, как и указанный ранее труд англичанина Ховорса. Автором широко использован и Д'Оссон. По своей громоздкости и отсутствию исследовательской работы по первоисточникам этот солидный труд не может заменить Д'Оссона².

Наконец, надо указать на большой труд нашего покойного монголоведа Б. Я. Владимирцова „Общественный строй монголов“. Подобно Пелльо и в значительной мере под влиянием школы этого маститого французского ориенталиста, Владимирцов последние годы был занят очень кропотливой, но плодотворной работой по установлению значения и правильной транскрипции монгольских слов. Таковы его работы о происхождении терминов чингиз, отчигин, утукэн, беки и биги и пр.³ Его „Общественный строй монголов“ построен отчасти в тех же рамках. Но, вместе с тем, эта работа является результатом пересмотра его методологических установок в его ранней работе „Чингис-

¹ Cordier, Histoire générale de la Chine, 1920 - 2, 4 тома. Кордые принадлежит, между прочим, замечательное издание путешествия Одорика, монаха-миссионера, в Китай (в XIV в.).

² Западная Монголия и Урянхайский край. Том второй. Исторический очерк этих стран в связи с историей средней Азии. Составлен Г. Е. Грум-Гржимайло, почетным членом Государств. Русского и Корол. Нидерландского Географических Обществ. Издание Ученого Комитета Монгольской Народной Республики. Ленинград. 1926, in-8°, 896 страниц. 1-й том—геогр. очерк, 3-й том—народности.

³ Очень большую работу, нашедшую лестную аттестацию Пелльо, ведет в этом же направлении проф. Н. Н. Поппе, в связи с своими лингвистическими работами по монгольским, турецким и тунгусским языкам. И здесь советские ученые выходят в первые ряды, благодаря той перестройке лингвистической методологии, которая осуществлена за последнее десятилетие.

хан". Это попытка изучения форм общественного развития монголов в свете марксо-ленинской методологии¹.

Большой исторический материал, накопленный за последние десятилетия по центральной Азии, отражается на работах и в смежных научных областях. Так, напр., в выходящей во Франции серии по географии мира—том, посвященный центральной Азии и принадлежащий перу одного из крупнейших специалистов Гренару, использует данные не только путешественников современных, но и XIII—XVII веков, также исторические памятники².

Мы должны теперь остановить внимание на той литературе, которая вызвана особым интересом к личности Чингиз-хана и созданной им военной империи, с „твердой“ централизованной властью и культом своего рода „фю-рера“ в среде монгольской аристократии.

Чингиз-хан и монголы своими завоеваниями в масштабах, не имевших прецедентов в истории, произвели в XIII в. потрясающее впечатление на умы средневекового общества как в Азии, так и в Европе. Мусульманские писатели в уста самого Чингиз-хана вкладывали заявление, что он „бич“, посланный небом, чтобы покарать людей за грехи. То же самое повторялось на разные лады в Европе относительно „выпущенных из преисподней“ татар. Весь этот мистический ужас сознательно поддерживался монгольским завоевателем и его полководцами. Они постоянно повторяли, убеждая неприятеля добровольно подчиняться, что в случае сопротивления „один только бог знает, что будет“. Это впечатление современников монгольских завоеваний отразилось на исторических документах—летописях, письмах, поэтических произведениях, которыми должен пользоваться и современный нам историк. Ниже мы попробуем кратко указать, как влияние документа преломлялось в научной работе Д'Оссона и последующих историков и литераторов. Здесь же мы отметим другую сторону медали—обратное впечатление от тех мероприятий, которые были направлены чингизидами к установлению „твердого порядка“ в пределах Монгольской империи, того „социального мира“, который выра-

¹ Академик Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. Академии Наук СССР. 1934 г., 223 страницы, in-8°. Несколько ранее вышла на ту же тему работа автора настоящего предисловия: проф. Н. Н. Козьмина. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. ОГИЗ. 1934, 150 страниц. Последняя работа написана в ином плане и резче ставит вопрос об единых путях общественного развития.

² Grénard, Haute Asie. Paris. 1929.

жался, в конкретной формулировке Чингиз-хана, в повиновении младших старшим, прекращении бунтарства, „разбоев“.

Социалистическая революция, разразившаяся в октябре 1917 г. на одной шестой части земной поверхности, и по географическому охвату, и по произведенной ликвидации старых порядков произвела гораздо большее впечатление на умы правящих классов в Европе, чем чисто политические события семьсот лет тому назад. В условиях „загнивания“ капиталистического строя и упадка буржуазной культуры потрясенное крушением старого социального порядка и угнетенное бесперспективностью настоящего воображение „культурного“ представителя европейского буржуазного общества склонно искать исторических аналогий и находить их в исключительных событиях семисотлетней давности. С другой стороны, тоска „по твердой и сильной власти“, способной защитить интересы связанных со старым, обреченным на крушение порядком классов, искала и других аналогий, питающих надежды на появление „избавителя“, восстановителя социального мира, восстановителя порядка, спокойных условий жизни. Этим в значительной мере объясняется поворот интереса к Чингиз-хану и его эпохе, выразившейся на Дальнем Востоке в фантастических планах воссоздания какого-то монгольского государства до Тибета и, по крайней мере, северного Китая включительно, под властью носителя идеи реставрации „богом установленного“ порядка. Тут же надо искать объяснения причин появления целой чингиз-ханианской литературы, характерного тем, что в этом литературном творчестве принимают участие не одни востоковеды по профессии, но и просто литераторы, вплоть до авторов сценариев для театральных постановок, и что самые исторические работы носят отпечаток мистических настроений.

Серьезный научный характер имеет из этой чингиз-ханианской литературы небольшая книжка академика Владимирцова, уже упоминавшаяся нами, „Чингиз-хан“. Это его первая попытка оформить накопившийся за время монголистических занятий большой материал фактов и историографических чтений. Книжка написана под сильным влиянием „Туркестана“ Бартольда, все установки которого Владимирцов безоговорочно принимал как в отношении источников и их оценки, так и самого построения истории монголов. Он, несомненно, этой книжкой шел навстречу тому общественному интересу, к соответствующим темам, о которых мы выше говорили. Его книжка издана издательст-

вом Гржебина. Очень характерен эпитаф, выбранный Владимирцовым к своей работе. Он взял слова поэта-философа и мистика Вл. Соловьева: „Тогда поднялся от востока народ безвестный и чужой“. И в тексте он говорит о судьбе этого „безвестного и чужого“ племени и его „грозного вождя Чингиз-хана“. Биография Чингиз-хана начинается рассказом о рождении „в семье Есугея-багатура мальчика; в правой руке новорожденное дитя держало кусок запекшейся крови, ребенок этот впоследствии и стал известным под именем Чингиз-хана“. Это, конечно, со стороны Владимирцова был лишь литературный прием. Но он был им употреблен в виду будущих читателей книжки, отвечал их настроениям. Эту специфическую читательскую среду имеет в виду и заключительная часть книжки. Автор излагает основные положения того, что он считает „ясаком“ (джасаком) Чингиз-хана и говорит: „Тот, кто будет держаться этих установлений и впоследствии, с таким же правом, как сам Чингиз-хан, скажет: „Небо повелело мне править всеми народами“. Таково было мировоззрение „гениального дикаря“. Говорят, Чингиз-хан был громадного роста, крепкого телосложения и имел кошачьи глаза“. Ученый не мистик, но он считается с мистическими настроениями и желает на них реагировать. Эти настроения были той исторической обстановкой, в которой книжка писалась. Люди жаждали и искали, за что „уцепиться“¹.

Русская эмигрантская среда за границей дала интересные для ее характеристики произведения „чингиз-ханианы“. Прежде всего назовем „Краткую историю Монголии от Чингиз-хана до Советской республики“ бывшего императорского дипломата и посла в Китае Коростовца. Книжка издана на немецком языке и, очевидно, имеет назначением дать ответы на тот интерес, который был пробужден не только среди русской бело-эмигрантской, но и немецкой публики революционными событиями и строительством в Монголии и теми узами дружбы, которые связали два соседних, сбросивших феодальный гнет и капиталистическую кабалу, народов. Коростовец, конечно, как дипломат, при том

¹ Б. Я. Владимирцов. Чингиз-хан. Изд-во З. И. Гржебина. Петроград—Москва—Берлин. 1922. Есть еще одна книжка того же автора „Буддизм в Тибете и Монголии“ (Петроград, 1919). Это его публичная лекция и также является отражением или, вернее, откликом на настроения момента. „Буддизм,—говорится там,—до сих пор остается живой верой многих миллионов людей, до сих пор царует ум и сердце человека центральной Азии. Он не сказал еще своего последнего слова“ (стр. 52).

специалист по дальневосточным делам, изучал новейшую историю Монголии, поскольку императорскому правительству приходилось разрешать монгольский вопрос в связи с отношениями с Китаем. Старую историю Монголии он должен был изучить „постольку постольку“. Он и заручился сотрудничеством двух германских специалистов. Книга имеет в виду широкую публику и специальные задачи— осветить советско-монгольские отношения. Научного значения она не имеет. Самое заглавие ее показательное¹.

Другой белоэмигрант, Эр. Хара-Даван выпустил книгу в Белграде под заглавием „Чингиз-хан как полководец и его наследие“². Это уже типичное для указанной выше среды упадочного буржуазного общества произведение. Автор, как кажется, медик по образованию и калмык по национальности, связанный с калмыцкими феодальными кругами, ни в какой мере не принадлежащий к кругу представителей исторической науки. Из его предисловия видно, что, как это свойственно диллетантам, он обращался за советами и помощью к монголистам, в том числе известному ученому Котвичу, охотно ободряющим литературные занятия. Но едва ли советы могли затрагивать вопросы научного исследования. Автор ощущает себя в родстве с монгольским прошлым и ищет в нем утешения в крушении старого порядка. Тон книги сентиментально-приподнятый. Она не только не имеет никакого научного значения, но и в литературном отношении представляет нечто вроде т. н. бульварного романа.

Выше мы указали на книгу Лэма (Lamb). Очень характерно заглавие книги: „Чженгис-хан. Повелитель всего человечества“³. Подобно своему главному образцу, Каену, Лэм любит использовать отдельные слова и речения, встречаемые в документах, для превращения их в эффектные термины и определения. „Повелитель“ или „император всего человечества“ взят из сообщений средневековых писателей об оставленном якобы Чингиз-ханом завещании покорить весь мир под власть своему роду и о воле неба поставить его во главе всех земель.

¹ Korostovetz I. G. Von Cinggis-khan zur Sovietrepublik. Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit. Unter Mitwirkung mit Erich Nauer. Mit 38 Abbildungen, eine Uebersichtskarte der Mongolei und einem Geleitwort von prof. Otto Francke. Berlin—Leipzig 1926, стр. XII+351.

² Эренцен Хара-Даван. Чингиз-хан как полководец и его наследие. Белград. 1928.

³ Lamb, Genghis-khan. The emperor of All men.

Одна из последних новинок на книжном рынке за границей книга Ральфа Фокса „Чженгис-хан“. Это тоже книжка, вызванная спросом на чингис-ханиану и не представляет научного исследования¹.

Представляет интерес общее развитие взглядов на монгольскую историю и ту роль, которая может быть отведена Монгольской империи в истории человечества. В своем введении Д'Оссон высказал, как читатели увидят, довольно пессимистический взгляд, и нужно признать, под тяжелым впечатлением от содержания источников, над которыми он работал². Это место в его книге вызвало немедленно возражение со стороны знаменитого ориенталиста Абея Ремюза. Сущность этого возражения повторялась и Бартольдом и другими авторами. Поэтому мы считаем полезным дать здесь в переводе подробную выдержку. „Эти выражения,—писал Ремюза,—не свидетельствуют о том, чтобы автор был пристрастно настроен в пользу народа, историю которого он взялся написать, и нужно признать, что монголы во многих отношениях заслуживают тот суровый приговор, который в данном месте вынесен им. Но хотя первый период их исторического существования и был запятан бесчисленными жесткостями, между теми упреками, которые им по справедливости можно адресовать, нет таких, которых нельзя было бы относить точно также к другим народам, имевшим несчастье искать славы в завоеваниях. И если татарами опустошения были совершены на более обширных пространствах, чем греками и римлянами, то это обстоятельство отнюдь нельзя поставить в заслугу этим последним; ибо, конечно, не умеренность была причиной того, что их разрушительная ярость была ограничена более тесными пределами³. Что касается Чингиза, было бы

¹ Лэм отдает дань и другой стороне темы. Он приводит слова Роджера Бэкона, что монголы были „солдатами Антихриста, вышедшими снять последнюю, страшную жатву“. У него же приведены меланхолические слова одного магометанина: „Они пришли, они произвели разрушения и убийства—потом погрузили свою добычу и ушли“. У Р. Фокса (Genghis-khan. London. 1936) цитирован краткий разговор Чингиз-хана с одним имамом, обычно приводимый историками: „Останется после меня великое имя?—Имя может сохраниться надолго только там, где есть люди“.

² Мысли, высказанные здесь, повторяются в разных частях четырехтомного сочинения Д'Оссона. Не только „кровавые раздоры“ между отдельными чингизидскими государствами, но и печальное положение масс вызывало со стороны автора резкие реплики.

³ Такой же взгляд мы находим в книжке Шаванна, посвященной завоеваниям монголов и татар, вышедшей в 1870 г. „Войны,—гово-

несправедливым не признать в нем способного политика, великого полководца и, может быть, даже даровитого законодателя. Наконец, если, как уверяет автор, история монголов утомляет сухостью однообразных рассказов об осадах, набегах и сражениях, то в этом она разделяет общую участь с другими историями, и эта неприятная черта зависит, может быть, менее от характера народа и рода событий, в которых он принимал участие, чем от природы произведений, в которых сохранилось о них воспоминание. Это общий недостаток хроник всех народов, большинство коих наполнено всегда рассказами о военных походах¹.

Этот отзыв был дан по поводу первого издания первого тома „Истории“ Д'Оссона. Ремюза прав. Источники могут существенно влияют на историка. Если мы возьмем первый том, с одной стороны, и четвертый том, с другой стороны, мы увидим, как разные части сочинения одного и того же Рашид-эд-дина повлекли разное построение работы. Рашид был современником правлений Аргуна, Гайхату, Байду, Газана и Олджайту. Поэтому он дал порою великолепные очерки внутреннего положения в Персии за это время. Главы VIII и особенно IX четвертого тома производят сильное впечатление. Картины разложения феодального строя и обнищания трудовых масс напоминают художественно написанные страницы „Старого порядка“ Тэна. Д'Оссон дает почти дословный перевод персидского историка. Кровавые раздоры здесь отступают на задний план, но едва ли читатель сменит отрицательное отношение к монгольским правительствам на положительное.

После Д'Оссона историки, если можно так выразиться, вульгаризировали отрицательное отношение к монголам и чингизидам. Типичным изображением эпохи Чингиз-хана можно считать очерк истории средней Азии Генриха Шурца в Гельмольтовской „Истории человечества“. В ней очень типично противоположение культуры и номадизма, диких

рится в ней о Чингиз-хане,—которые он вел, не были более несправедливы, чем походы Александра В. и Цезаря. Если он пролил потоки крови, опустошил и разграбил целые государства, отдал на поток и разграбление города, то он не выказал себя ни более жестоким, ни более неумолимым, чем сын Филиппа или победитель галлов“. *Conquêtes en Asie par les Mongols et Tartares sous Gengiskan et Tamerlan*, par. M. de Chavannes. Tours. MDCCCLXX, стр. 100.

¹ Abel Rémusat, *Sur l'histoire des Mongols*. Nouveaux Mélanges asiatiques. 1929, т. I, стр. 431—432.

наездников и цивилизованных народов. „То, что достигнуто было культурой и религиями,—говорит Шурц,—для укрощения грубого населения средней Азии, являлось результатом работы целого ряда столетий. В оазах воздвигались буддийские храмы, места культа Заратустры, христианские церкви и магометанские мечети; промышленность процветала, торговля привлекала в страну иностранных купцов и кто стремился к утончению нравов и к облагорожению своего существования, у того не было недостатка в блестящих образцах. Правда, в гораздо меньшей степени это может быть отнесено к кочевникам, но и у многих из них высшие религиозные формы пустили корни; между ними встречались люди, знакомые с искусством письма, а прелести цивилизованной жизни не могли не производить соответствующего впечатления. Дорога, которая должна была вывести эти народы из их прежней дикости, уже многократно была протоптана: силы культуры, повидимому, везде победоносно шли вперед. Тогда номадизм еще раз собрался с силами, чтобы дать отпор, который был страшнее всех предыдущих и который снова проложил надолго широкий путь необузданной страсти к войне и разрушениям, самыми типичными и самыми дикими представителями которой были пастушеские племена средней Азии. Мир воспылал в эпоху монголов кровавым светом. Дважды, сначала при Чингиз-хане и его первых преемниках, а потом еще раз при Тимуре, орды диких всадников ворвались в культурные страны Азии и Европы; дважды они бушевали так, как будто бы они хотели растоптать все страны и обратить их в пастбища для своих стад; они с таким ожесточением производили свои опустошения и истребления, что разоренные ими страны сохраняют и поныне следы их разрушительной ярости. Это были последние извержения среднеазиатского кратера; теперь культура победила, и орды этой широкой степи не представляют более опасности, пред которой ей приходилось бы дрожать. И на этот раз против культурного мира выступила вся накопившаяся сила среднеазиатского кочевничества, временно объединенная одной властной натурой. Новый народ, который появляется как будто внезапно и сразу выступает огромными ордами, народ, который до того едва был известен и почти не обращал на себя внимания, в действительности дает только первый толчок и является сначала лишь авангардом лавинообразно нарастающей массы; от него она получает свое имя, от него же воспламеняется снова диким воинственным духом, который частью ослаб было от соприкосновения с

культурой. Но решающее значение имеет всегда личность¹.

Такие взгляды были и остаются очень распространенными. Достаточно заглянуть даже в старые учебники по истории. Своеобразное художественное отражение их можно видеть в знаменитой опере Римского-Корсакова на тему сказания о городе Китеже.

Реакцией против этого упрощенного и отрицательного отношения к монгольскому движению является труд Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“. Нового по сравнению с высказанным Абедем Ремюза он, по существу, не дал, но он попытался на основании фактического материала выявить, что монголы дали положительного, а вместе с тем вместо образа „гениального дикаря“, в лице Чингиз-хана—изобразить военного и политического деятеля с определенным планом. Он попытался пересмотреть взгляд на личность завоевателя, его сотрудников и преемников и на значение монгольского завоевания и созданной монголами государственности. „Огромные организаторские способности Чингиз-хана,— говорит он,— заслуживают тем более внимания, что он до конца жизни был чужд всякого образования, не говорил ни на одном языке, кроме монгольского, и, конечно, представлял себе устройство империи только в виде господства победителей кочевников над культурными народами“.

Так же высказываются ученики Бартольда. Владимирцов почти всюду буквально повторяет мысли и даже выражения Бартольда. Он и другие монголисты говорят о гениальных организаторских способностях Чингиз-хана, оправдывают его жестокости и кровопролития тем, что он был „сыном своего времени“, и указывают, что чингизиды были искусными правителями и государственными деятелями. Некоторые из них идут очень далеко в противоположе-

¹ История человечества, под общей редакцией д-ра Г. Гельмольта, т. II. Русск. пер. под ред. академика В. В. Радлова. Изд. т-ва „Просвещение“, стр. 159. Перевод сделан также известным этнографом Л. Я. Штернбергом. В цитате подчеркнутое принадлежит оригиналу. Следует обратить внимание на выражения „извержение среднеазиатского кратера“, „лавинообразно“, „бушевали“ и пр. Подчеркивается стихийность движения. Рядом же стоят указания на „дикость“, „разрушительную ярость“. Несмотря на научные цели издания, мистицизм и „расизм“ отразились на статье. С другой стороны, делается ударение именно на „личность“ Чингиз-хана.

нии прежним отрицательным оценкам положительных характеристик¹.

Из сказанного видно, что школа Бартольда все-таки стоит на точке зрения некоторого исторического чуда. Чингиз-хан хотя и гениальный, но все же дикарь. Кочевники внезапно создали невиданное еще государство, и их правители выказали удивительные административные и политические таланты, превратившись из кочевников в культурных людей. Очень близкая, в основном, к Бартольду французская группа ученых склонна глубже смотреть на вопрос о „кочевниках“ и некультурных наездниках. Уже цитированный Ренэ Груссе в своей „Истории Дальнего Востока“ высказывает более правильную мысль. „Следует,—говорит он²,—рассеять заблуждение, согласно которому монгольское завоевание было результатом слепого движения кочевых орд. Ничего подобного. В монгольском завоевании, как бы ни были кровавы его результаты, все было методически правильно (*méthodique, ordonné*). Победы монгольских полководцев—какого-нибудь Субутая или Мукули—являлись плодом не численного перевеса, а высшего стратегического искусства (*une science stratégique supérieure*)“. Несомненно, такой взгляд является некоторым прогрессом в буржуазной монгольской историографии.

Считая монголов „дикими номадами“, обрушившимися на культурные страны, и, в лучшем случае, лишь использовавшими некоторые культурные средства и силы этих стран, историки не усматривали возможности воздействия государственных и социальных порядков Монгольской империи на западные страны. Крупнейшие русские историки, как, напр., Соловьев, Ключевский, Платонов придавали чисто внешнее значение „татарскому игу“: оно обострило и завершило те процессы, которые ранее самостоятельно развивались³. Такая же неправильная точка зрения и у Покров-

¹ Ср. Котвич. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб. 1914, стр. 7: „Недавние дикие кочевники оказались не только победоносными завоевателями, но и искусными администраторами; пользуясь помощью выдающихся людей из среды других народов, в том числе и европейцев, они сумели установить и поддерживать порядок в своих необъятных владениях“.

² René Grousset, Histoire de l'Extrême-Orient, стр. 426.

³ „Ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший“. Ключевский. Курс русской истории, II, стр. 50. „Ощутительно сказалось не влияние татар, а сказанса самый факт их господства“. Платонов. Лекция, стр. 109.

ского, хотя он и подверг жесткой критике предшествующие взгляды¹.

Повидимому, и здесь мы можем отметить наметившийся сдвиг.

В одном итальянском журнале за прошлый год помещена рецензия на вышедшую в Париже книгу А. Экка „Русское средневековье“². Автор рецензии свое внимание заострил, главным образом, на том влиянии, которое татары имели на образование русского государства и хозяйства, а также социальные отношения. Самая книга Экка, судя по рецензии, использовала в качестве источников те богатые результаты археологических раскопок, которые произведены советскими учеными, и на ней отразилось то направление, в котором последними ведутся исследования. „Автор, — говорит рецензент, — стремится подвергнуть критическому пересмотру довольно распространенное как в России, так и в других странах мнение, согласно которому татарское владычество имело роковое влияние³ на историческое развитие России. Татары обыкновенно изображались как угнетатели и варвары, и им приписывалось все, что было отсталого в русской политической, социальной и культурной жизни“. Прежде всего татары установили непосредственные связи как торговые, так и культурные между русскими и народами Азии. Да и сами они оказываются не такими уже варварами, как их часто рисовали историки. Раскопки в Сарае, бывшей столице Золотой орды, выявили существование настоящего индустриального центра; извлечены на свет многочисленные кирпичные заводы и керамические мастерские; открыты следы гидротехнических сооружений, искусственные водоемы и каналы, которые разносили воду по мастерским и жилым помещениям. В торговом квартале найдены предметы производства и товары, привозившиеся со всех концов света, между прочим, венецианские парча и стеклянные изделия. Автор подчеркивает открытие хри-

¹ Покровский считал такие взгляды правильными „в том отношении, что ничего по существу нового (подчеркнуто Покровским) этот внешний толчок (татарское нашествие) в русскую историю внести не мог. Но, как обычно бывает, внешний толчок помог разрешиться внутреннему и дал, отчасти, средства для его разрешения“ (Русская история, т. I, стр. 107). Как известно, большую роль монголам отводил Костомаров, но он ограничился лишь областью политических отношений (см. его статью об единой державии).

² A. Eck, *Le Moyen Age russe, avec la préface de Henri Pirenne*. Paris, 1933.

³ Un'influenza nefasta.

стианских могил, остатки церкви; исторический факт существования даже православной епархии в Сарае. Знаменитый хан Узбек, несмотря на магометанское правоверие, был женат на византийской принцессе. Отмечено влияние финансовой системы монголов на русские порядки¹.

Монгольская империя создавалась почти одновременно с завоеванием крестоносцами Константинополя и освоением Латинской империи, в которой принялись хозяйничать венецианцы (1204—6 годы). Этот последний факт, в основном, правильно расценивается историками, как полное фиаско тех политических и экономических целей, которые ставили крестовым походам их идейные вдохновители — папство и торговый капитал. Часть задач, разрешения которых в течение столетия с четвертью добивались тщетно руководящие круги З. Европы, и была разрешена монгольскими завоеваниями и Монгольской империей. Впервые Восток и Запад перестали быть тайнами друг для друга. Прежде всего купец связывается непосредственно с отдаленнейшими странами. Не только арабы и персы, но и итальянцы и другие европейцы оказываются в политических и торговых центрах Востока. За ними следуют, отчасти под непосредственным воздействием тех же купцов, инженеры, военные специалисты, врачи и т. д. Европейские государства обмениваются посольствами с монгольскими ханами. Политическая и военная разведка, обычно под видом духовных миссий, дает первые научные сведения о Китае и центральной Азии, а также населяющих их народах. Монгольские войска, совершившие победоносные походы вплоть до Саксонии и Адриатического моря, доставили в Азию не только массу сведений о далеком западе, но и массу пленных специалистов, особенно по рудному делу, металлургии и пр. Монголы, раз-

¹ Rivista storica italiana 1935, VI, стр. 221—222. Книга Экка отмечена как полезная не только для „профанов“, но и для лиц, специально занимающихся затронутыми в ней вопросами. К сожалению, книги Экка не удалось достать; поэтому нельзя было проверить правильность ее оценки. Но в данном случае для нас важен выбор тематики, а не научное достоинство книги.

Советскими учеными монографическая разработка ведется преимущественно над памятниками материальной культуры. Из работ этого характера можно отметить исследование А. Ю. Якубовского „К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке“. Известия ГАИМК. 1931, VIII; его же „Самарканд при Тимуре и Тимуридах“. Гос. Эрмитаж. 1933; его же „Феодализм на востоке. Столица Золотой Орды—Сарай Берке“. ГАИМК. 1932.

бивавшие вдребезги закованные в сталь и считавшие себя непобедимыми рыцарские ополчения, заставили преобразовать военный строй и тактику европейцев. Уже это должно было отразиться важными последствиями на политических отношениях и хозяйстве, финансовой организации западных государств. Но мощный централизованный административный аппарат непосредственно оказал влияние на западные политические представления, беспомощно путавшиеся в библейских и квази античных идеях. Затем монголы разрушили величайшие торговые и промышленные центры, разорили целые цветущие страны. Но одновременно они мобилизовали те громадные „сокровища“, которые были накоплены в виде золота, серебра, драгоценных камней на Востоке и отчасти в самой Европе¹. В этом отношении Монгольская империя, с одной стороны, довершала роль крестовых походов, а с другой—предвосхищала роль, сыгранную открытием „золотой“ Америки. Этим определяется крупное значение монгольских завоеваний в развитии и разложении феодальных отношений в Европе и Азии. Тот большой материал, который собран и систематизирован Д'Оссоном, совершенно устраняет представление буржуазных историков о внезапности и какой-то „чуждости“ появления на сцену Монгольской империи и о исключительных гениальных способностях ее создателя — Чингиз-хана. В той чрезвычайно сложной хозяйственной и политической обстановке, в которой создавалась империя, нужны были особые условия, чтобы именно монголы и один из их феодальных князей стали во главе империи, но эти особые условия не представляют ничего чудесного. Сам „завоеватель мира“, намеренно, из политических соображе-

¹ Ср. К. Маркс. К критике политической экономии. Партизд. 1935; стр. 126: „В виде бесформенного металла меновая стоимость обладает непреходящею формой. Золото или серебро, приведенные таким образом в виде денег в недвижимое состояние, суть *сокровища*. У народов с чисто металлическим обращением, например, у древних, образование сокровищ представляет собой повсеместный процесс, который осуществляется как отдельными лицами, так и государством, охраняющим свое государственное сокровище“. „Быстрое перенесение таких сокровищ из одной страны в другую завоевателями и их частичный внезапный прилив в обращение составляют особенность античной экономики“. Также, К а п и т а л. 1, стр. 79 (изд. Партиздата, 1935): „Эта наивная форма накопления сокровищ укрепляется у таких народов, где традиционному, рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, напр., у азиатов, особенно у индусов“.

ний, превозносившийся его сотрудниками и преемниками, при ближайшем ознакомлении, утрачивает эпические и мистические черты. Сокрушив мощную, как казалось, Цзиньскую империю (сев. Китай), он сам более правильно, чем его историки, оценивал значение событий. „В семь лет,—говорится в написанном по его приказанию письме,—я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не от того, что у меня есть какие либо доблести, а от того, что у цзиньцев правление непостоянно, я получил от неба помощь и достиг престола“¹. В отношении монгольского или „татарского“ влияния надо четко различать отдельные этапы его. Монгольское государство в XIII веке было совсем не то, что, напр., в XV веке. С XV в. средняя Азия погружается в тот застой и разложение, которые наложили на нее отпечаток, под которым новейшие путешественники, ученые и политики ее изучали и которые не могли не оказывать тлетворного влияния и на подчиненные страны. Эта роль была иная, когда в Монгольской империи были не только золотые и серебряные деньги, но и кредитные знаки (бумажные „балиши“), в то время, как русские пользовались еще беличьими и куньими шкурками, лапками и „мордками“ для меновой торговли².

Мы, конечно, не могли, в пределах вступительного очерка, дать сколько-нибудь исчерпывающего обзора положения на историографическом фронте Монгольской империи. Здесь намечены лишь некоторые основные линии, чтобы облегчить суждение о месте в исторической литературе, занимаемом трудом Д'Оссона. Если двенадцать лет тому назад крупный советский монголист Владимирцов считал уместным в качестве эпиграфа к своей работе „Чингиз-хан“ поставить цитату из произведения Соловьева о „народе безвестном и чужом“, то менее авторитетным ученым трудно было предъявлять особые требования в отношении углубленного знания не одних внешних отношений монгольского народа с соседями и его культурных и политических связей, но и тех внутренних причин, которые [эти смены вызвали. „История,—учили Маркс и Энгельс,—всякого существовавшего донныне общества есть не что иное, как история клас-

¹ Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, стр. 370.

² Рубрук. Путешествие в восточные страны. Спб., 1911, стр. 135. Звонкая монета яскот (балиш; бумажные—„бумажка из хлопка“ (carta de wambasio), в ладонь, с печатью Мангу (императора). „Ходячей монетой русских служат шкурки разных пушных зверей“.

совой борьбы“. „В прежние исторические эпохи мы почти повсюду находим полное расчленение общества на различные сословия, разнообразную градацию по общественному положению“¹. Между тем во всех до сих пор выходивших трудах фигурируют монголы „в целом“, в качестве ли „диких номадов“ или „усваивающих“ культурные навыки завоевателей. Еще Бартольд и Владимирцов поддерживали представление о родовом быте в пределах монгольского государства и считали, что родовые отношения и разложили империю, созданную Чингиз-ханом². Бартольд разделял мнение Березина, что „гениальные планы монгольского хана потерпели крушение вследствие одного обстоятельства, которого он не мог предвидеть, именно вследствие несовместимости цивилизации с кочевым бытом“³. Чувствуя противоречие в этих положениях, Бартольд и его школа поддерживали опять таки старый тезис о сверхестественной одаренности Чингиз-хана, позволившей ему, несмотря на невежество и дикость, одерживать победы, подбирать сотрудников и создавать административную организацию, позволившую Монгольской империи и ее наследницам, империям чингизидов, просуществовать в течение ряда поколений. „Это тем более замечательно,—говорит Бартольд,—

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Партиздат. 1933, стр. 13,14; Коммунистический манифест, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса. 1930, стр. 50.

² „Это распадение империи, на наш взгляд, находится в связи с распадением рода, основной экономической единицы у кочевых племен. Понятие о родовой собственности, господствовавшее в частной жизни, было перенесено и на государство“. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. Зап. В. О. Р. Археол. Общ-ва, т. X, стр. 118—119. Рассуждения Бартольда даже с литературной точки зрения очень напоминают взгляды сторонников давно отжившей свой век теории родового быта, которые переносили отношения в княжеских „родах“ на „родовые отношения всего народонаселения“. Историк Соловьев сделал меткое указание: „Кто знаком с источниками,—говорил он,—нашей древней истории, с летописями, тот знает, что это летописи княжеские, говорящие преимущественно, исключительно почти о княжеских отношениях“ (История России с древнейших времен. Изд. т-ва „Общественная польза. Т. I, стр. 50—52, примечание). Это обстоятельство еще раз указывает, насколько значительно отставание на монгольском историографическом фронте. Здесь еще история Чингиз-хана перекрывает историю монголов даже в трудах крупных исследователей.

³ Там же, стр. 117.

что ни один из сыновей и внуков не унаследовал его высоких дарований“¹.

Буржуазная историческая наука и обречена на это блуждание среди разрозненных фактов и „загадочных“ явлений. В чем задача историков, стоящих на почве научной методологии?

Мы не можем выяснить классовую структуру населения центральной Азии, не изучив ее базиса, который дается экономической структурой, в соответствие с тою ступенью развития материальных производительных сил, которой достигли различные страны этой колоссальной географической зоны. Между тем даже в больших трудах мы встречаем неизменные фразы о пастушеских племенах и диких или полудиких ордах, блуждавших якобы по необозримым степям этой зоны, как будто бы забывается при этом о виноградниках и хлопковых полях Уйгуристана и Кашгарии, шелководстве и шелковом производстве, о торгово-промышленных городах этих стран, о своеобразной культуре на востоке, в Бохае и Гаоли, о засыпанных песками городах пустыни Текла-макан, раскинувшихся на десятки километров оросительных сетях Присяянья, военных дорогах и крепостях. Разве на всем пространстве этой географической зоны были одни и те же почвенные, климатические и исторические условия? Разве одинаково складывались производственные отношения, в которые вступали люди центральной Азии? Забывают также, что у западных историков уже стало стереотипной фразой указание на культурное превосходство, которое имела передняя Азия над Западной Европой в раннее и среднее средневековье. Между тем Мавераннахр, Согдиана, Хорасан не уступали во многих отношениях Персии. Средневековый Китай также

¹ Туркестан, стр. 498 и сл. Бартольд и др. историки указывают, что Чингиз-хан „до конца жизни был чужд всякого образования“ и „не говорил ни на одном языке, кроме монгольского“. Груссэ научнее смотрит на это. В выше цитированных его словах он правильно указывает, что в действиях самого императора и его сотрудников неизменно сказывалась метсдичность и глубокие знания военного дела. Среди современников Чингиз-хана и в 3. Европе было много правителей, не умевших писать и читать, но мастерски ориентировавшихся в сложных вопросах. Борис Годунов, четыреста лет спустя, не умел писать, но был куда культурнее начетчика Ивана IV. Что Чингиз-хан не знал ни одного языка, кроме монгольского, такое мнение основывается на словах, вложенных историческим анекдотом в уста сына его Угэдэя. Во-первых, это анекдот; во-вторых, под знанием чужого языка и грамотностью тогда понимали нечто другое, чем мы; китайцы считали народ не имеющим письменности, если последняя не похо-

далеко оставлял за собой самые передовые промышленные страны запада. В Европе лишь обозначалось развитие мануфактур, когда на востоке в них работали десятки, если не сотни тысяч рабочих.

Соответственно должны быть поставлены изучения сложной социальной структуры отдельных стран. А эта структура, при сложности экономики, не могла не быть также сложной, как сложна она вообще в средние века, когда мы имеем „феодалных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев и крепостных и почти в каждом из этих классов еще особые подразделения“. Все эти классы—порабощенные и поработители—„находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, оканчивавшуюся каждый раз или революционным переустройством всего общества, или же совместной гибелью борющихся классов“¹. Мы более всего, отчасти по состоянию источников, а отчасти и по объективным условиям, имеем дело в центральной Азии со скрытыми формами социальной борьбы. Но мы ее всюду видим или чувствуем. Мы можем наблюдать полные трагизма картины „гибели борющихся классов“ как в эпоху Чингиз-хана, так и в последующие.

Вот для этих детальных изучений и для изучения всего центрально-азиатского комплекса требуется напряженная и четкая работа над колоссальным сырьевым научным материалом, требуется привлечение огромного фактического материала. И такие авторы, как Д'Оссон, извлекавшие на свет целые сокровищницы источников и оперировавшие почти исключительно ими, окажут большую помощь в этой очередной работе.

Помогут в работе и указанные выше место и время появления труда Д'Оссона. Если мы его труд сравним с

дила на китайскую. Чингиз-хан не знал ни арабского, ни персидского, ни, вероятно, китайского, но он, несомненно, говорил не только по монгольски. Он должен был долго жить при дворе кереитского Онгхана-Тогрула, а это, вопреки мнению Владимирцова, был „знаменитый и почтенный царь“, и рыцарским правилам обхождения и феодальной политической науке при его дворе можно было обучиться. Дворы королей и крупных феодалов и были высшею школой для средневековой рыцарской молодежи. Знание людей, умение выбрать из них нужных исполнителей, умение повелевать и повиноваться даются многолетней практической школой.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Партиздат 1933, стр. 14; Коммунистический манифест. Изд. института К. Маркса и Ф. Энгельса. 1930, стр. 50.

появившимся в то же время трудом русского историка Карамзина, мы найдем между ними большую разницу. Карамзин, как историк, всей своей фигурой обращен к прошлому—и прошлому дворянскому, феодальному, идеологом которого он был. Д'Оссон писал тогда, когда шел последний бой между попытавшейся возвратить утраченные позиции феодальной реакцией и бившейся за занятые во время Великой французской революции высоты буржуазией Франции. Это был, по выражению Энгельса, „только короткий промежуток времени“, но все же буржуазия тогда заканчивала свою прогрессивную миссию. „Рядом с борьбой между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представителя всего остального общества, существовал общий антагонизм—эксплоататоров и эксплуатируемых, богатых тунеядцев и трудящихся бедняков. Именно он дал возможность представителям буржуазии явиться защитниками не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества“¹. Д'Оссон, отражая идеологию французской буржуазии, и дал богатый материал для изучения монгольского феодализма эпохи империи. В XII—XIII вв. шла борьба между феодалами и городами, между феодалами и нарождавшейся буржуазией, и эта борьба была не в одной Западной Европе. И персидский историк Рашид-эд-дин, находившийся на службе у монгольской монархии, отражал идеологию нарождавшейся буржуазии, а не феодалов, поскольку это можно говорить в отношении XIII—XIV вв. Этим объясняется значение его как источника. Тут нашел себе место идейный контакт между персидским историком и Д'Оссоном. Последний не раз возвращался в своем труде к глубоко заинтересовавшей и вызывавшей его симпатии личности „врача из Хамадана“, великого везира и трудолюбивого историка.

Нам нужно выполнить великий завет об освоении всего культурного и научного наследства, оставленного нам историческим прошлым, чтобы с тем большим успехом двигаться к великим целям, которые ставятся перед советской наукой. А для этого освоения, прежде всего, нужно, чтобы это наследство было доступно, было под руками научных работников. В этом значение изданий старых историков—и в том числе одного из виднейших—Д'Оссона.

Необходимо сказать несколько слов о тех небольших отступлениях, которые допущены переводчиком от обыч-

¹ Фр. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 12.

ных приемов перевода. В труде Д'Оссона особую ценность для исследователя имеют воспроизводимые им в извлечениях материалы мусульманских писателей. Эти тексты представляют значительные трудности для чтения ввиду своеобразия арабской орфографии. Этим объясняются различия у различных авторов, иногда делающие те или иные названия и термины неузнаваемыми. Для исследователя имеет ценность, как читал Д'Оссон. В переводе и дана французская транскрипция Д'Оссона. К сожалению, по типографским условиям нельзя было дать арабскую транскрипцию. Но этот недостаток не особенно значителен, так как эта транскрипция нужна для лингвиста, а он, конечно, будет иметь дело с манускриптом или вполне авторитетным научным изданием его. Приведенным выше соображением объясняется и могущее на первый взгляд показаться странным обстоятельство, что цитаты из сочинений Иакинфа Бичурина даются в переводе с французского, а не заменены подлинными текстами. Нам казалось полезным дать текст, а особенно китайские слова в понимании и транскрипции Д'Оссона. Для русской транскрипции мы следовали указаниям издания Коммунистического университета им. Сталина „Пособие по китайской транскрипции“ Поливанова и Попова—Тативы (М. 1928).

При переводе мы стремились быть возможно ближе к подлиннику. Мы ограничились небольшим числом пояснительных примечаний, дополнительно к авторским. Большое количество было бы громоздким. Недостатком труда Д'Оссона с точки зрения специалиста является то, что он далеко не всегда прodelывает критическую работу на глазах читателя. Он разделяет этот упрек с другими выдающимися писателями, между прочим с Ключевским. Но это же и делает труды этих писателей доступными для широких кругов читающей публики.

К книге приложен портрет монгольского императора, Чингиз-хана. Он воспроизведен по фотографическому снимку, сделанному с портрета, находящегося в бывшем императорском дворце в Пекине. Снимок сделан аппаратом „Кодак“. Клише выполнено не непосредственно по фотоснимку, а по репродукции художника Б. И. Лебединского. Если сравнить изображение Чингиз-хана с таким же портретом его внука, императора Хубилая, в том же дворце, то ясно, что второй портрет сделан с натуры, в портрете же основателя династии видна стилизация. Едва ли он сделан с натуры. Но художник мог видеть старого императора и, несомненно, пользовался указаниями близких к Чингиз-

хану людей. В чертах лиц Чингиз-хана и Хубилая, в общем несходных, имеется много родственного. Хубилай был сын младшего из сыновей Чингиз-хана и его любимца, Тулуя. О нем имеется отзыв в Ючмш, что это был видный и красивый, по монгольским понятиям, человек. Как видного и красивого мужчину изображает Марко Поло и Хубилая. Можно думать, что изображение старого императора близко к оригиналу и, во всяком случае, отвечает тому образу, который его современники составили себе о нем.

Проф. Н. Н. Козьмин.

ВВЕДЕНИЕ

В тринадцатом веке значительная часть Азии и восточные местности Европы были покорены и опустошены народами Татарии. В эту эпоху кочевые народы и племена последней, до той поры враждовавшие между собой, объединившись под одним знаменем, распространились, подобно разрушительному потоку, по странам, представлявшим им богатую добычу, и покрыли их кровью и развалинами. Человек, подчинивший своей власти эти свирепые и буйные орды, был сначала лишь вождем нескольких жалких племен, бродивших в горных массивах, в которых берут свои истоки реки Онон, Керулэн и Тола, к юго-востоку от Байкала. В кровавой борьбе, поднятой честолюбивыми монгольскими князьями, которые также стремились к верховной власти, этот вождь, по имени Темучин, после испытаний, посланных изменчивой судьбой, успешно уничтожил своих соперников. Когда он организовал под своей властью большую часть монгольских племен, он подчинил одну за другой остальные народности Татарии и заставил провозгласить себя императором с титулом Чингиз-хана. Он не только отказал в вассальной присяге (homage) повелителю северного Китая, данниками которого были тогда татарские народы, но обрушился на эту империю во главе многочисленной конницы и произвел опустошения вплоть до самых берегов Желтой реки. Овладев безмерной добычей, он покинул Китай лишь для того, чтобы устремиться к другим завоеваниям. Центральная Азия была подчинена его законам, он разорил Трансоксианию, Хорэзм и Персию. С одной стороны, его войска продолжали войну в Китае, с другой, громили берега Инда и Евфрата, проникали через Грузию на север от Черного моря, наводняли Крым, опустошали часть России и вели нападение на болгар на берегах верхней Волги.

Разгромив Персию, Чингиз-хан возвратился в Тангут, истребил население этого государства, территория которого ранее составляла часть Китая, и, пораженный болезнью, умер в опустошенной им стране, завещав своим сыновьям закончить завоевание мира.

При первых преемниках Чингиз-хана монголы утвердились в странах к северу от Каспийского моря, Кавказа и Черного моря, и жестоко разграбили Россию, которая два века оставалась под их господством. Они опустошили Польшу и Венгрию, завоевали побережья Тигра и Евфрата, Армению, Грузию и Малую Азию, ниспровергли трон багдадских халифов, завладели всем Китаем, Тибетом и частью Индии за Гангом. Так, выполняя последнюю волю Чингиз-хана, его потомки, полвека спустя после его смерти, царствовали почти над всей Азией.

Эта империя, слишком обширная для одного повелителя, затем разделилась на четыре монархии. Китай, Тибет и Татария, до Алтайских гор, составили непосредственные владения преемников Чингиз-хана, из которых четвертый установил свою резиденцию в городе, теперь известном под названием Пекина. От этих императоров Китая зависели три остальных монгольских царства, которые принадлежали соответствующим ветвям Чингиз-ханова дома. Страны к западу от Алтая до Джихуна¹ составляли удел ветви Чагатай; те, которые простираются на север от Каспийского и Черного морей, подчинялись потомкам Чжучи; наконец Персия управлялась государями, которые также, как императоры Китая, происходили от Чингиз-хана через его младшего сына Тулуя. Цари этих феодальных государств получали инвеституру от Пекинского двора.

Эти четыре монархии заключали в себе зародыши разложения, которые быстро развились, лишь только монголы перестали заниматься завоеваниями. Во время роста их могущества единение и беспрекословное подчинение составляли всю их силу, но когда они воцарились в завоеванных странах, то обладание каждым из престолов стало постоянным источником войн между потомками Чингиз-хана. Верховная власть принадлежала линии последнего монарха. Но старший не обладал исключительным правом, и принцам крови предоставлялось выбирать между соискателями. По постановлениям Чингиз-хана, новый суверен должен был выбираться членами его дома на общем собрании. Их

¹ Аму-Дарья (перев.).

согласие и торжественное признание только одни могли узаконить царскую власть. Облеченные этой прерогативой, наделенные значительными уделами и обладавшие собственными войсками, эти чингизиды, число которых чудовищно возросло, брались за оружие по поводу всякого вакантного престола, дрались друг с другом или вели войну с своим сувереном. Рассказ об этих кровавых распрях составляет всю историю монархий Чагатая и Чжучи, которые были разрушены, одна в середине четырнадцатого, другая—в конце пятнадцатого века.

Равным образом, в судорогах анархии к 1336 году рухнула власть потомков Чингиз-хана в Персии. В 1368 году его династия была изгнана из Китая, и потомство монгольского завоевателя осталось царствовать только над кочевыми народами центральной Азии.

Завоевания монголов изменили лик Азии. Рушились великие империи, гибли старинные династии; исчезали одни народы, почти полностью были истреблены другие, всюду, по следам продвижения монголов, оставались развалины и груды человеческих костей. Превосходя в жестокости наиболее варварские народы, они хладнокровно вырезали в покоренных странах мужчин, женщин и детей; они предавали пожарам города и села, уничтожали жатвы, превращали в пустыни цветущие страны; и однако ими не руководила ни ненависть, ни месть, они едва знали имена тех народов, которые они искореняли. Можно было бы думать, что история преувеличила совершенные ими жестокости, если бы летописи всех стран не были согласны на этот счет.

После завоевания монголы третировали, как рабов, жалкие остатки побежденных народов и заставляли их стнать под ужасающей тиранией. Их правление было торжеством растленности. Все благородное и порядочное было принижено. Между тем самые испорченные люди, перейдя на службу к свирепым владыкам, достигали ценою своей гнусной преданности богатства, почестей и приобретали власть притеснять своих сограждан.

История монголов, запечатленная их варварством, представляя только картины отвратительные, тесно связана с историей многих государств, знать ее необходимо для понимания великих событий тринадцатого и четырнадцатого веков. Имеется достаточно материалов, чтобы приняться за ее разработку. Если монголы не оставили письменных памятников о своих подвигах, то летописи покоренных ими стран восполнили этот недостаток, хотя они и оставляют

желать лучшего, особенно те китайские летописи, которые переведены на европейские языки. У народа, который уже столько веков культивирует искусства и науки, у которого исторические изучения всегда стояли в первом ряду среди гуманитарных знаний, мы должны найти многочисленные материалы, относящиеся к эпохе завоевания и владычества монголов. Китайские летописи, действительно, упоминают о важных трудах, составленных по повелению нескольких императоров монгольской династии, как, напр., Tsien-pieп, который содержит летописи эпохи Чингиз-хана, Оготая, Тулуя, Куюка и Мангу, или King-chita-tien, сборник монгольского обычного права и наставлений и примеров, данных императорами династии Чингиз-хана, или Таї-Учап-топг-тчи, собрание законов, изданных при этой династии. Но мы знакомы пока только с содержанием двух исторических обзоров, Sou-houng-kian-lou и Thoung-kian-kang-mou, переведенных в трудах Гобиля (Histoire de Gentschiscan et de toute la dynastie des Mongous, ses successeurs), Mailla (Histoire générale de la Chine) и архимандрита Иакинфа (История первых четырех ханов из дома Чингисова, по-русски); первый из этих двух обзоров замечателен своей сухостью и отсутствием связи между событиями. Мы находим у русских, польских и венгерских историков главнейшие события, сопровождавшие завоевания их стран. Европейцы, которые проезжали центральную Азию в тринадцатом веке, передали нам интересные подробности относительно нравов и обычаев кочевых народов Татарию; но самые обильные и наиболее драгоценные материалы для этой истории нам дают персы и арабы. Лучшие их труды о монголах имеются в богатом собрании восточных рукописей королевской библиотеки в Париже.

Пользование этими историческими памятниками, как и памятниками того же рода, которыми обладает Лейденская библиотека, было нам предоставлено с тою готовностью, за которую нельзя быть достаточно признательным, и так как они не для всех доступны, мы считаем своим долгом дать им здесь краткий обзор, который позволит нам в дальнейшем изложении исторических данных ограничиваться только ссылками на их заглавия.

Первый магометанский автор, писавший о монголах, по всей видимости, был Изз-уд-дин Али Ибн-уль-Этир, в двенадцатом томе своей всеобщей истории, озаглавленной:

Kamil-ut Tévarikh или Полная история (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже). Она начинается

с сотворения мира и оканчивается на 628 году геджры (1231 н. э.). Камил упоминает под годами 617 (1220) и последующими о военных действиях или, лучше сказать, опустошениях, произведенных монголами в Трансоксании, Персии, на берегах Тигра и Евфрата, в Грузии и к северу от Кавказа. Автор жил тогда в Мосуле и поэтому имел возможность получить точные сведения о событиях, которые происходили к западу от Персии. Он писал по-арабски, языком простым и иногда даже небрежным, но его рассказ внушает доверие.

Али Ибн-уль-Этир, родившийся в Джэзирэ, на берегу Тигра, 4 джем. 1, 555 года (13 мая 1160 года), поселился в Мосуле, главном городе небольшого княжества, владетель которого несколько раз посылал его с миссией к Багдадскому двору. Он много занимался историей и магометанской теологией. Его летопись использована в большинстве лучших исторических трудов. Его изображают столь же скромным, как благочестивым и просвещенным. Он умер в Мосуле, в шабанах 630 года (май 1233 года)¹.

В королевской библиотеке в Париже имеется шесть томов, т. е. вторая половина Камил-ут-Тэварих; превосходная статья о последнем помещена Мишо (Michaud) в *Bibliographie des Croisades*.

Sirét-us-soultan Djélal-ud-din Mangoubirti или Жизнь султана Желал-уд-дина Мангубирти, сост. Шихаб-уд-дин Мохаммедом, сыном Ахмеда, ель-Нессауи, или уроженцем Нессы (арабская рукопись Парижской библиотеки).

Султан Желал-уд-дин был последним государем из турецкой династии Хорезм-шахов. Его отец, Мохаммед, царствовал над Трансоксанией и Персией, когда Чингиз-хан явился опустошать эти прекраснейшие страны. Преследуемый по пятам победоносными монголами, он укрылся на маленький островок на Каспийском море, где через несколько дней и умер. Желал-уд-дин ушел в Индию, но после ухода Чингиз-хана он возвратился в Персию и заставил признать там свою власть. В то же время он принялся задирать своих соседей, не переставая их беспокоить до тех пор, пока появление из Татарики новой монгольской армии не заставило его подумать о собственной за-

¹ Биографический словарь под заглавием *Vafiat-ul-A'уап*, сост. Ибн Халканом; арабская рукопись королев. библиотеки в Париже.

щите. Убегая от этих страшных врагов, он бросился в горы к курдам, где и был убит.

Автор этой занимательной истории осведомил нас, что он был владельцем замка Харендера, расположенного близ Нессы, на севере Хорасана, и что он поступил на службу к Джелал-уд-дину в качестве секретаря, вскоре после его возвращения из Индии. „Должность эту,—говорит он,—я принял с отвращением, но затем я очень держался за нее из-за тех выгод, которые она мне доставляла“. Он затем был назначен интендантом округа Нессы и получил разрешение исправлять эту должность через заместителя, чтобы не покидать двора.

В царствование Джелал-уд-дина, которое продолжалось только шесть лет, на его секретаря возлагались не раз ответственные посольства; но он находился при своем повелителе в ту роковую ночь, когда султан, застигнутый врасплох монголами близ Амиды, с головой, еще отуманенной винными парами, вырвался из рук врагов только для того, чтобы найти смерть от руки курда. „Я провел большую часть ночи,—говорит Мохаммед,—за письменной работой и уже начал вкушать прелесть сна, когда один из моих слуг разбудил меня, крича, что все погибло. Я поспешно оделся, вышел, бросив на произвол судьбы все, что имел, и сел на лошадь. В это время я увидел, что шатер султана окружен татарскими эскадронами. Проскрывавшись три дня в каком-то вертепе, я прибыл в Амид. Только в конце второго месяца я смог выехать из этого города и проехал в Эрбиль, а затем в Азербейджан. Я был лишен всего, но меня не покидала надежда, ибо повсюду, где я проезжал, я слышал разговоры о том, что султан еще жив и собирает войска: ложные слухи, порождаемые напрасными чаяньями. Наконец, приехав в Мэзияфарэкин, я получил точные сведения об его смерти, не оставлявшие сомнений. Я тогда возненавидел жизнь; я скорбел от сознания бессмысленности судьбы, весь остаток моей жизни я охотно разделил бы с моим повелителем и мне не хотелось бы сохранить для себя ничтожной ее доли.

Несколько лет спустя после смерти султана в мои руки попал исторический труд, по праву носящий название Камил (Совершенный), составленный Али, сыном Мохаммеда, слышшим под именем Ибн-уль-Этира, и вот, читая эту всеобщую историю, в которой я нашел довольно полно и точно изложенными события царствования султана Мохаммеда, а также султана Джелал-уд-дина, я пришел к мысли составить жизнеописание последнего государя, замечательного

более, чем кто-либо другой, по испытанным превратностям судьбы“.

Сочинение Мохаммеда из Нессы излагает в ста восьми главах историю последних лет царствования Хорезм-шаха Мохаммеда и историю царствования его сына, султана Джелал-уд-дина, до его смерти в 628 (1231) году. Автор, писавший в 639 (1241) году, подробно рассказывает о том, что он сам видел, или что происходило в его время в Персии; это довольно редкое достоинство у магометанских писателей, большинство хроник которых, как он это отмечает и сам в своем предисловии, лишь дословно повторяет одна другую. Написанный им труд, который можно было бы назвать его собственными мемуарами, содержит массу интересных данных, хотя он говорит о монголах лишь попутно. Его простой и непритязательный рассказ внушает более доверия, чем те два исторические сочинения, о которых будет речь дальше и которые очень искусно отредактированы людьми, не смевшими говорить правду и заботившимися более о том, чтобы угодить изысканному слуху, чем уму читателей.

Tarikh Djihan kuschaï, или История завоевателя мира, сост. Алай-эд-дин Атта-Мульком Джувеини, т. е. уроженцем Джувеина (персидская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Это сочинение, разделяющееся на две части, описывает в первой части события десяти последних лет жизни Чингизхана, из которых наиболее подробно изложены те, которые связаны с завоеваниями Трансоксании и Персии. За ними следуют царствования его двух преемников, императоров Оготая и Куюка. Имеется одна глава, отведенная уйгурам, другая посвящена ханам Кара-Китая; излагается полностью история турецкой династии Хорэзм-шахов, а также история монгольских наместников в Персии, от времени ухода Чингизхана и до времени, когда эта страна перешла под власть его внука Хулагу.

Вторая часть начинается избранием императора Мангу и включает лишь первые акты его царствования; но она описывает поход Хулагу в Персию и завоевание им страны исмаилитов Аламута. По поводу уничтожения этой державы, наводившей ужас своими кинжалами, автор дает исторический очерк персидских исмаилитов, начиная с Хассана Саббаха, предпослав ему краткую историю исмаилитских халифов Египта и происхождения секты баттинитов, представлявшей ответвление секты шиитов.

Таким образом, история завоевателя мира останавливается на 655 году геджры (1257), хотя ее автор дожил до 681 (1282) года. Алай-эд-дин, родившийся в кантоне Джувейна, в Хорасане, был сын Бохай-эд-дина Мохаммеда, который в течение двадцати лет стоял во главе финансового управления Персии, под властью монгольских правителей. Алай-эд-дин сообщает, что ему не было еще полных двадцати лет, когда он поступил на службу в учреждениях, находившихся в управлении его отца. В 650 (1252) году он сопровождал его во время поездки в Татарию, которую Бохай-эд-дин совершил со своим шефом Аргунем, монгольским наместником Персии, чтобы представить изъявление верноподданнического долга вновь избранному императору Мангу. Аргун, утвержденный в звании наместника, провел назначение Бохай-эд-дина на должность генерального администратора персидских финансов. Они вместе возвратились в Персию в следующем году; но вскоре после своего приезда Бохай-эд-дин умер в возрасте шестидесяти лет. Представляется вполне вероятным, что сын заместил его на оставленном посту. По прибытии в Персию Хулагу, в 654 (1256) г., Алай-эд-дин оказался одним из трех сановников, которых наместник Аргун, отозванный к императорскому двору, оставил при этом государе для наблюдения за исполнением его приказов. Алай-эд-дин сопровождал главный штаб Хулагу во время его похода против исмаилитов, когда его брат Шемсуд-дин Мохаммед был возведен в 662 (1264) году в достоинство везира Хулагу; Алай-эд-дин получил губернаторство в Багдаде, включая Ирак Араби и Хузистан. Он был оставлен на этом доходном посту Абакой, который в следующем году наследовал своему отцу Хулагу, и сохранил его до самой своей смерти в 681 (1283) году, не избежав впрочем жестоких превратностей судьбы, которым обычно подвергались все те, кто имел касательство к управлению государственными финансами под властью монгольских государей, как это будет видно из этой истории.

Понятно, что Алай-эд-дин не мог писать с должной свободой, но он вполне добровольно превратился в панегириста варваров, которые разорили до основания его отечество и продолжали опустошать или угнетать мусульманские страны.

Он может говорить о Чингиз-хане и его потомках лишь с глубочайшим почтением; он до небес превозносит императора Мангу и исчерпывает в честь его целый каталог самых преувеличенных гипербол. Но он идет и дальше. В своем предисловии он берется доказать, что опустошение

стольких магометанских стран было неизбежным злом, из коего проистекли два великих блага: одно духовного порядка, другое — мирского.

„Знайте,— говорит он,— что зло и добро в этом мире равным образом являются результатом действия божественной воли, все веления коей продиктованы глубочайшей мудростью и строжайшей справедливостью. Величайшие бедствия, рассеяние народов, несчастье добрых, торжество злых признаны необходимыми божественной мудростью, неисповедимые пути которой выходят за пределы человеческого разумения; но то, что мы можем наблюдать и что бросается всем в глаза, это то, что через шесть веков победы чужеземного народа осуществили видение нашего пророка, открывшее ему, что его религия проникнет до крайних пределов Запада и Востока. Божественное провидение воспользовалось нашествием чужеземной армии для возвеличения знамени Корана, чтобы возжечь его факел и дать солнцу веры сиять над всеми странами, куда еще не достигло благоухание ислама и где звуки текбира и эзанна еще не восхищали слуха; ибо в этих восточных странах в настоящее время обосновалось уже много магометан; одни туда были уведены в качестве пленных из Трансоксании и Хорасана, чтобы служить мастеравыми или пастухами, другие были переброшены путем реквизиций; многие из них, приехавшие с Запада в целях торговли или в поисках счастья, устроились там прочно на жительство, построили дома и гостиницы, воздвигли мечети и школы в виду языческих храмов. Мало того, дети язычников, попав в качестве рабов в руки мусульман, были воспитаны в вере последних; идолопоклонники добровольно обращались в исланизм; наконец, многие князья из дома Чингиз-хана, восприяв нашу религию, стали образцами для подражания их вассалам и их войскам“.

Автор, не краснея, превозносит затем монголов за их мягкость в отношении тех, кто им покоряется; он восхваляет с большим основанием их терпимость ко всем культам, полное изъятие от обложения, даруемое служителям культа для всех религий, церковным имуществам, благотворительным фондам, и в заключение он приглашает сохранять повиновение им, согласно словам пророка: „Остерегайтесь раздражать турков, ибо они страшны“.

Алай-эд-дин замечает, что в разные эпохи люди навлекали на себя своими прегрешениями небесные кары, что Магомет умолял верховное существо избавить его народ от тех бедствий, коими он покарал другие нации, и получил обещание, что мусульмане будут сохранены от всех родов

гибели, кроме гибели от сабли; и „действительно, вполне очевидно,—добавляет автор,—что без этого последнего средства было бы невозможно исправить величайшие беспорядки; небольшое число праведных было бы угнетено массой нечестивых. Отсюда видно, что это исключение было сделано для блага служителей бога. Вот почему в начале седьмого века геджры, так как народ Магомета оказался развращенным наслаждениями земными благами, богу, чтобы наказать его за его беспечность, чтобы дать ужасающий урок будущим поколениям и дать затем исламу возможность засиять новым блеском, было угодно вооружить десницу мстителя; но он не замедлил показать и свое милосердие. Точно так же как рассудительный врач исцеляет при помощи соответственных лекарств болезни, изнуряющие человеческое тело, и высочайший целитель, желая излечить свой народ, применяет свои средства соответственно его темпераменту“.

Автор осведомляет нас, что именно во время своего пребывания при дворе Мангу, в 650 (1252) году, он принял, по настойчивой просьбе своих друзей, за составление этой истории, посвященной главнейшим образом задаче увековечения великих деяний императора Мангу; но, приступив к работе, он почувствовал всю трудность предприятия, „ибо, по его словам, нельзя иметь совершенного успеха в науке и литературе без помощи добрых наставников, между тем во время той революции, которая потрясла мир, школы были разрушены и ученые перерезаны, особенно в Хорасане, который являлся очагом просвещения, средоточием светил науки, как это свидетельствуют слова пророка: знание есть дерево, которое укрепилось своими корнями в Мекке и приносит свои плоды в Хорасане. Сколько было ученых людей в этой стране, все они погибли от меча; поднявшиеся из ничтожества существа, которые их сменили, заняты лишь уйгурским языком и письменностью. Все должности, даже самые высокие посты, заняты представителями самого низкого простонародья; много бездельников обогатилось; всякий интриган превратился в эмира или везира; всякий нахал стал вельможей; раб играет роль патрона; всякий, надевший тюрбан доктора, изображает доктора, а темная личность сходит за сеньора. В подобное время, которое является годом неурожая науки и добродетели, ярмаркой невежества и разврата, когда все честное унижено, а все извращенное в чести, можно представить себе, что за ободрение ожидает занятие наукой и литературой“.

После этой неожиданной диатрибы, которая находится в явном противоречии с предыдущими умствованиями, приведенными с целью доказать, что монголы явились резать мусульман исключительно для блага их самих, автор передает, что до двадцатисемилетнего возраста служебные занятия оставляли ему мало досуга для приобретения полезных сведений, и что он, к сожалению, не использовал советов своего отца; но с годами его разум созрел, и он постарался наверстать потерянное время; что, кроме того, он не раз проезжал по Трансоксании и Туркестану, а также по более восточным местностям; что он был свидетелем кое-каких событий и что о других событиях ему удалось получить сведения из уст образованных и заслуживающих доверия лиц. Что касается слога, то Алай-эд-дин, по общему признанию восточных писателей, не нуждается в снисходительности, о которой он просит. Историк Вассаф, писатель первого порядка, высказывает величайшее удивление как перед стилем, так и историческими достоинствами Тарих Джиханкушай; но европейцу позволительно находить этот стиль чересчур напыщенным и высказать сожаление, что автор не внес более правдивости в его красочность и более порядка—в изложение.

Kitab Tedjziyét-ul-emssar ve tezdjiyet-ul-a'ssar, т. е. Разделение стран и чередование веков¹, сост. Абд-уллахом, сыном Фазель-уллаха, известным под титулом Вассаф-уль-Хазрет или Панегрист его величества (персидская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Это сочинение содержит историю монголов с 1257 (655) до 1327 (728) года. Оно разделено на пять частей, где изложены главнейшие события, свидетельницей коих была Персия в царствование монгольских повелителей этой страны; некоторые факты из истории монгольских императоров в Китае и чингизидских государей в Туркестане и Трансоксании; наконец, современную историю Египта, Фарса, Кермана и Индии. Чтобы сделать свой труд исчерпывающим, автор заканчивает четвертую часть сжатым историческим очерком, посвященным Чингиз-хану и его первым преемникам и заимствованным из Тарих Джиханкушай.

¹ Известно, что магометанские писатели дают часто своим сочинениям заглавия, не имеющие ничего общего с содержанием, но слова в них образуют ритм и созвучия, приятные для слуха.

Отсюда видно, что Вассаф следовал тому же самому плану, что и Алай-эд-дин. Он заявляет, что его история начинается там, где остановился его предшественник; действительно, шестая глава посвящена походу Хулагу против Багдада, который имел место непосредственно после завоевания страны исмаилитов. По этому поводу Вассаф дает пышный хвалебный отзыв о Т а р и х Д ж и х а н к у ш а й— „сочинении, которое, по его словам, вскрывает причины великих завоеваний Чингиз-хана и его преемников, чрезвычайную энергию их мероприятий, строгость их правления, их особые способности в военном искусстве, их политические таланты в мирное время, их превосходство во всех отношениях, которое никогда еще не блистало в такой степени и и не было изображено столь хорошо каким-либо другим пером“. Вассаф затем предупреждает, что он передает факты, так как их слышал из уст заслуживающих веры лиц. Его предисловие имеет датой 699 (1300) год и содержит хвалебную речь султану Газану, правнуку Хулагу. 24 мохаррема 712 года (2 июня 1312) Вассаф имел честь представить преемнику Газана, султану Олджайту, свой исторический труд, законченный за год перед этим и состоявший тогда из четырех частей. Нужно отметить, что Вассаф предстал перед своим повелителем в городе Султание, после долгих домогательств этой милости и благодаря высокому покровительству автора Дж а м и у т-Т е в а р и х, везира Рашида, о котором будет сейчас речь. Он был представлен везиром, как выдающийся литератор. Вассаф просил министра испросить разрешение прочитать султану оду, составленную им в честь восшествия последнего на престол. Олджайту соблаговолил выслушать; несколько раз он прерывал чтение этого произведения вопросами на счет значения того или иного термина, какой-либо метафоры. Объяснения давались везиром или великим судьей и даже автором. Вслед за этим Вассаф прочитал оду, в которой он воздавал хвалу городу Султание. Султан, который в течение этих двух чтений не раз выказывал знаки одобрения, был так восхищен его талантом, что пожаловал ему одну из своих одежд и дал титул В а с с а ф-у л ь-Х а з р е т или панегирист его величества. Вассаф посвятил целую главу изложению того, что произошло на этой царской аудиенции, когда его самолюбие получило удовлетворение.

Стиль Вассафа до излишества поэтичен. Он сам заявляет в предисловии ко второй части, что если бы в его намерения, при составлении этого труда, входила исключительно задача сохранить исторические факты, то он удо-

вольствовался бы изложением событий в сокращенной форме; „но я желал,—говорит он,—изображая историю наших дней, чтобы эта книга представила собой собрание литературных красот, образчиков всех родов красноречия, сборник всевозможных риторических фигур; мне хотелось, чтобы наиболее выдающиеся литераторы воздали мне дань справедливости, признав, что в отношении выбора выражений, изящества оборотов речи, уместности цитат и стилистических украшений ни один автор не превзошел меня ни на арабском, ни на персидском языке, и что сравнение моего труда с любым иным трудом может послужить лишь к моей славе. Известно, что риторика допускает как распространенную, так и сжатую речь, та и другая одобряются соответственно обстоятельствам. Сжатая речь, по своей полной очарования краткости, может быть сравниваема с ночью, которая осуществляет страстные желания влюбленных, но и распространенная речь может также нравиться, как длинные и блистающие косы, падающие с головы красавицы, поэтому-то я надеюсь, что мои почтенные читатели одобряют изобильность моего слога“.

Действительно, в сочинениях Вассафа исторические факты, взятые в качестве канвы, украшаются богатейшими узорами, иногда бывает трудно следить за ходом событий сквозь туман метафор, который обволакивает рассказ, и огромное количество стихов и цитат, с которыми он перемеживается. Ритм и созвучия увеличивают прелесть этого поэтического стиля. Он позволяет автору наслаждаться сокровищами арабского языка, но очень мало соответствует историческому жанру.

Спустя шестнадцать лет после представления своего сочинения султану Олджайту, Вассаф дополнил его пятой частью, посвященной главным образом истории царствования Абу-саида, до 728 года (1328). Эти пять книг содержат драгоценные материалы для истории монгольской династии в Персии.

Djami ut-Tévarikh или Собрание летописей Фазель-уллах-Рашида¹, сына Абу-л-Хаира, уроженца Хэмэдана (персидская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Первый том этого труда посвящен истории монголов и разделяется на две части. Первая содержит перечисление кочевых народов Татарики в эпоху Чингиз-хана, упоминает об их племенах, их происхождении и отмечает те местности,

¹ Он называется также Рашид эд-дэвлет, Рашид-эль-хакк-вэ-эд-дин.

в которых они обитали. Вторая, после изложения преданий, собранных на счет происхождения монголов и предков Чингиз-хана, дает историю этого завоевателя от его рождения, и историю его потомков в Китае до Тимура, в Персии до Олджайту, которые оба царствовали в начале четырнадцатого века. В конце каждой эпохи имеется исторический перечень современных государей Азии.

„До настоящего времени,— говорит автор в предисловии к этому первому тому, который был написан в 702 (1303) году,—мы имели лишь очень несовершенные сообщения о народах Монголии, о происхождении и взаимоотношениях их племен, событиях жизни Чингиз-хана и царствованиях его преемников, те, кто писал их, могли пользоваться лишь народными рассказами, и они обрабатывают их, как им подсказывает фантазия. То небольшое количество фактов, которое ими приводится, не подтверждается князьями — чингизидами и вождями монгольской нации.

„Однако в архивах (монгольского хана в Персии) существовали исторические отрывки признанной подлинности, написанные на монгольском языке и алфавите, но мало лиц имело возможность их читать. Чтобы сделать эти материалы доступными для публики, султан Махмуд Газанхан повелел, чтобы из них был составлен исторический свод и доверил эту работу в 702 году нижайшему из своих слуг Фазель-уллаху, сыну Абуль-Хаира, по прозванию врачу Рашиду, из Хэмэдана, который получил приказ воспользоваться для пополнения этих материалов советами ученых китайских, индийских, уйгурских, кипчакских и др., которые находились при его дворе, и лично великого нояна, генералиссимуса и правителя государства, Пулада Чинксанка, который знает, как никто в мире, происхождение и историю турецких народов и, в частности, монголов. Этот труд, назначение которого сохранить память о выдающихся фактах, был тем более необходим, что мало лиц теперь знает о том, что произошло столетие тому назад, и что большинство молодых монгольских вельмож даже не знает имен, генеалогии и подвигов своих предков.

„В силу этого царского приказа, я внимательно и критически изучил хранящиеся в архивах мемуары и, дополнив то, что в них не доставало, сведениями, которыми меня снабдили ученые различных национальностей, находящиеся при дворе султана Газана, я составил эту историю, в которой я прежде всего старался внести ясность и порядок“.

Во втором предисловии Рашид передает, что его работа не была еще закончена, когда смерть унесла Газана,

11 шеваля 703 (17 мая 1304) года, и он ее закончил в царствование его преемника Олджайту, которому и счел долгом ее посвятить, но этот монарх приказал ему оставить во главе составленной им истории славное имя своего брата, султана Газана, под покровительством которого она была начата.

„Султан Олджайту,— продолжает Рашид,— государь, употреблявший свое время на приобретение полезных знаний, прочитав и исправив мой труд, заметил, что не существует никакой всеобщей истории, что даже в этой стране нет летописей иноземных народов, и что ни один монарх до сих пор не поинтересовался познакомиться с ними; но теперь, когда значительная часть земли находится под его властью и властью других потомков Чингиз-хана, когда при его дворе собралось значительное число ученых, астрономов и историков, китайских, индийских, кашемирских, тибетских, уйгурских, арабских и франкских, и каждый из них обладает каким-либо историческим сочинением о своей стране, представляется необходимым, чтобы я составил сводный очерк истории всех этих народов, посвящение которого себе он принял бы, и чтобы я присоединил к нему описание различных стран земли, с географическими картами, говоря, что эти два тома и моя история монголов, дополнением которой они бы были, составили бы единый и общий труд, достолавный памятник его имени.

„Я повиновался, и после опроса наиболее образованных людей различных народов, после использования наиболее ценного из их исторических трудов, я составил второй том, посвященный всеобщей истории, и третий том, посвященный географии, и дал всему труду в целом название Собрание летописей.

„Но так как историки, в общем, не были свидетелями сообщаемых ими фактов, так как даже те, кто пишет историю своего времени, должны составлять ее по рассказам, а известно, как они изменяются даже в устах одного лица со дня на день, то станет понятным, что история стольких народов и столь отдаленных времен не может быть полностью достоверной; что одни и те же факты будут изложены различным образом или потому, что автор был введен в заблуждение преданием, источниками, в которых он черпал свои сведения, или потому, что он с намерением преувеличивает некоторые факты и опускает другие, или потому, что, не желая изменить истине, он выражается намеренно неточно; так что историк, который пожелал бы быть совершенно правдивым, не нашел бы ни-

чего для передачи; но если бы из страха перед возможными ошибками и боязни упреков в недостоверности воздержаться от изложения примечательных событий, то последние скоро пришли бы в совершенное забвение. Долг историка таким образом состоит в том, чтобы черпать исторические сведения о каждой нации в наиболее ценных у нее летописях и пользоваться советами наиболее образованных ее представителей. Каждый народ рассказывает о событиях на свой лад, поэтому противоречия неизбежны; но их нельзя ставить в вину составителю. Например, мы, мусульмане, считаем наши предания более достоверными, чем предания других наций; однако их нельзя брать за основу для их истории; нужно держаться того, чему они сами верят и рассказывают.

„Этому правилу я сам лично следовал, соображаясь с наиболее ценными у каждой нации историческими трудами, и извлекая сведения в наиболее проверенных преданиях; тем не менее, я не могу льстить себя надеждой, что я вполне достиг своей цели. Для подобного предприятия нужно обладать обширными и глубокими знаниями, которых мне нехватает; необходима свежая энергия молодого возраста и много досуга; а я приступил к нему на склоне моих лет, в пору, когда я занимал министерский пост, до которого я возвысился, несмотря на слабость моих талантов, и мое время было поглощено государственными делами. Надеюсь, что мои читатели усмотрят в этих обстоятельствах мотивы для извинения ошибок, которые они, возможно, найдут в этом труде.

„Когда султан,—прибавляет Рашид,—познакомился с моим предисловием, он сказал: „Возможно, что факты, переданные в известных до сих пор исторических сочинениях, не вполне соответствуют истине; их авторы заслуживают извинения по тем основаниям, которые ты привел, то же относится и к тебе; но что касается истории монголов, начиная с Чингиз-хана и до наших дней, то есть той части твоего труда, которая для нас представляет наибольший интерес, то никто никогда не написал более правдивой и верной, по единодушному свидетельству тех, кто досконально знает историю моих предков“.

Из этого видно, что второе предисловие было составлено, когда труд был дополнен двумя томами, по приказанию Олджайту; в то время, как первое назначалось лишь

для истории монголов, составленной по поручению Газана. Это единственная история, из которой мы узнаем о древних народах Татарики, предках Чингиз-хана и первых годах жизни этого завоевателя. Она имеет весьма существенное значение в этом отношении; сверх того, большинство фактов, которые она передает, имелось уже в трудах, о которых мы говорили ранее и главным образом в Тарих Джиханкушай, часто в дословной передаче Рашида; но история этого везира является наиболее полной; в ней царствует наибольший порядок и метод, и его стиль отличается той благородной простотой, которая приличествует историческому стилю.

Рашид остановился на смерти Газан-хана; его история была продолжена анонимным составителем до конца царствования Абу-саида, который умер в 736 (1335) году и может считаться последним монархом из династии Чингиз-хана в Персии.

Продолжатель в коротком предисловии, предпосланном царствованию Олджайту, сообщает нам, что так как султан Шахрух Багадур, который наследовал в 1405 году своему отцу Тамерлану, имел тем большее желание видеть продолжение исторического труда Рашида, которое охватывало бы царствование султана Мохаммеда Худабенде (Олджайту) и его сына, султана Абу-саида Багадура, что тогда работали над историей Тамерлана, которая включала события, следовавшие за смертью Абу-саида, то он принял за составление истории этих двух царствований на основании различных трудов, написанных достойными доверия людьми, и что он следовал тому же самому плану, что и Рашид. Этот составитель в конце рукописи сообщает нам, что его зовут Масс-удом, сыном Абд-уллаха, и что он окончил свою работу 4 реджеба 837 (16 февраля 1434) года.

Рашид, сначала состоявший на службе султана Газана, в качестве врача, был в 1300 году поставлен этим монархом во главе администрации Персии. При своем восшествии на престол, в 1304 году, Олджайту утвердил его в достоинстве везира, которое Рашид сохранил в течение всего царствования этого государя. В 1307 (706) году он представил ему свой труд Джами-ут-Тэварих; по этому случаю он получил выдающиеся знаки благоволения султана; но вначале царствования Абу-саида его постигла участь, обычная для везиров в эпоху монгольских монархов. Ложно обвиненный своими противниками в отравлении Олджайту, он был осужден, и этот старик, отличавшийся обширными познаниями, ревностный покровитель наук и искусств,

мудро управлявший Персией в течение восемнадцати лет, был зарублен пополам, поперек тела, 13 сентября 1318 года (718)¹.

Kitab raouzat ul-djennatfi evsaf médinet il Hérat. Сады Рая или Описание области Хэрата (Герата), составл. Моа'йэн-эд-дином Мохаммедом Ель-Эсфезари или уроженцем Эсфэзара, местечка в Гератской области (персидская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Это сочинение, дающее описание не только Герата, но и всего Хорасана, а затем историю Герата от завоевания его арабами до времени, когда жил автор, включает подробности, связанные с опустошением Хорасана войсками Чингиз-хана и судьбами этой области под монгольским владычеством.

Моа'йэн-эд-дин осведомляет нас, что он занимал видный служебный пост при дворе потомка Тамерлана, султана Хуссейн Бахадур-хана, который после убийства Абу-саида овладел Гератом в 873 (1468—9) году, и что он составил свой труд под покровительством этого государя, в 26-м году его правления.

Мо'izz-ul-anssab или Августейшие родословные (персидская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Эта рукопись содержит родословную принцев Чингизханова рода и родословную Тамерлана, имена жен и наложниц государей этих двух династий и главных его сотрудников. Анонимный автор передает, что он составил эти родословные таблицы в 830 (1427) году по приказанию хана Шахруха Бахадура (сына Тамерлана). Линия Тамерлана продолжена до Бэди'юз-Зэмана, умершего в 923 (1517) году, так что последние листы не принадлежат тому же автору.

Краткая всеобщая история, по-сирийски, Григория Абу-ль-фараджа, называемого также Bar Hebraeus.

Эта тощая хроника дает очень мало фактов из эпохи монгольского владычества в Персии дополнительно к тем, которые переданы арабскими и персидскими историками. То, что автор записал о завоеваниях Чингиз-хана и царствованиях его преемников, извлечено им главным образом из исторического труда Джувейни. По мере того, как события приближаются к эпохе, когда он жил, он передает их более подробно. Он часто упоминает факты, относящиеся к жизни:

¹ В I и V т. т. Mines de l'Orient имеются две превосходных заметки: о жизни и трудах Атта Мулька Джувейни и Рашида, составленные: Эт. Катрмэром.

христиан на Востоке, а это материал, которым магометанские историки почти никогда не занимаются; в частности, он пространно говорит о современных ему происшествиях в Мосуле и Эрбиле.

После смерти Бар-Хебреуса, последовавшей в 1286 году, его хроника была продолжена до 1297 года автором, имени которого мы не знаем, и эта последняя часть содержит подробный рассказ о главнейших событиях царствований Гихату и Байду.

Эта хроника, начинающаяся с сотворения мира, составляет только первую часть труда Бар-Хебреуса; вторая часть его посвящена истории антиохийских патриархов и останавливается на 1285 годе. Третья часть трактует об якобитских примасах, патриархах и мафрианах, а также несторианских патриархах до 1286 года. Эти последние две части еще не были опубликованы.

Сирийский текст всеобщей хроники был издан в 1789 году, с латинским переводом, двумя германскими учеными, Брунсом и Киршем. Многочисленные ошибки, допущенные в этом переводе, были исправлены Фердинандом Грегором Майером в сочинении, озаглавленном *Beiträge zu einer richtigen Uebersetzung der syrischen Chronik des Gregorius Bar Hebraeus*. Wien 1819, in—8°.

Григорий Абу-ль-фарадж, родившийся в 1226 году в городе Малатии или Мелитене, был сын врача, по имени Аарона. Он рано посвятил себя церковной службе, и в возрасте двадцати лет был посвящен якобитским патриархом в епископы Гобоса, в следующем году перешел в епископство Лакабены, позднее в Алеппо, а в 1264 году был избран мафрианом, т. е. якобитским примасом (промежуточный сан между патриархом и митрополитом). В последнее время жизни он, по просьбе некоторых магометанских сеньеров, перевел свою сирийскую хронику на арабский язык. Вероятно, этот именно перевод и известен нам под заглавием *Tarikh makhtassir ud Duwel* или Краткая история царств от Адама до 1285 года, которую издал в 1663 году в Оксфорде Росок с латинским переводом под заглавием: *Historia compendiosa Dynastiarum*. Григорий Абу-ль-фарадж, кроме того, писал сочинения по богословию, метафизике, логике, диалектике, этике, политике, политической экономии, физике, астрономии и медицине. Его брат Барсума, наследовавший ему в сане мафриана, в конце биографической заметки, посвященной Абу-ль-фараджу, дает перечень тридцати одного труда, написанного им по этим различным проблемам.

Schédjère-i Turki, Генеалогическое древо турков, сост. Абу-ль-Гази Бахадур-ханом и написанное на восточном диалекте турецкого языка.

Это сводка истории монголов, начиная с предков Чингиз-хана до времени автора, который жил в начале семнадцатого века. Сочинение разделено на девять книг; первая начинается от Адама и включает, на нескольких страницах, весь промежуток времени, который протек между первым человеком и сказочным персонажем Монголом, предполагаемым потомком Иафета. Вторая книга доходит до рождения Чингиз-хана, третья дает жизнь этого завоевателя, и шесть последних книг посвящены истории его потомков.

Та часть труда Абу-ль-Гази, которая соответствует изучаемой нами эпохе истории монголов, представляет очень посредственный сокращенный пересказ исторического труда Рашида и поэтому была для нас совершенно бесполезна.

Автор наиболее пространно останавливается на истории потомков Чжучи, которые царствовали в Кипчаке, Туркистане, Трансоксании и Хорэзме, и особенно на истории государей Хорэзма с 1506 по 1664 год,—время смерти их потомка Абу-ль-Гази Бахадура. Эта часть составляет треть всего труда.

Абу-ль-Гази, сын Араб Мохаммед-хана и потомок Чжучи в двенадцатом колене, родился в области Ургэнджа 15 раби 1014 года (13 июля 1605 г.); он достиг верховной власти в Хорэзме в 1053 (1643) году и умер в 1074 (1663—4) году, вскоре после того, как передал престол своему сыну Ануше Мохаммед-Бахадуру. Абу-ль-Гази, не успевший закончить свой труд, поручил это дело своему сыну Ануше, и именно последним изложены события, происходившие с 1056 (1646) года до смерти Абу-ль-Гази.

Мы обязаны знакомству с этим трудом шведским офицерам, которые были взяты в плен при Полтаве и сосланы в Тобольск. Они случайно приобрели рукопись написанной Абу-ль-Гази истории, которая была по их поручению переведена на немецкий язык. С немецкого текста был сделан французский перевод, изданный в Лейдене в 1726 году Варенном-де Мондесс (Varenne de Mondesse) под заглавием *Histoire généalogique des Tatars*.

Неточность этого перевода легко установить после того, как опубликован подлинный текст истории Абу-ль-Гази. Это издание появилось благодаря щедрому пожертвованию покойного русского канцлера графа Николая Румянцева, взявшего его под свое покровительство. Текст отпечатан в

типографии Казанского университета в 1825 году одним томом в 183 страницы in folio.

Следующие сочинения, относящиеся к истории Сирии и Египта, касаются сношений и войн между египтянами и монголами.

*Kitab Hassan ul-ménakib is sériyet el monta-za'atmin iz-sirét is-zhahiriyé*t, т. е. О прекрасных свойствах царского достоинства, извлечение из жизни Захира, сост. Шафи ель Катиб или секретарем (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Это биография султана Эз-Захира Бейбарса, царствовавшего над Египтом и Сирией с 1260 по 1277 год. Автор в своем предисловии передает, что личный секретарь этого султана, Мохайн-уд-дин Абу-ль-Фазел Абд-уллах, составил биографию Бейбарса, в которой он, так сказать, день за днем записывал его действия и поступки, причем рассыпался в неумеренных похвалах на счет его доблестей; это многословие делало чтение биографии чрезвычайно скучным. Рассматриваемое сочинение является сокращением, сделанным Шафи по его просьбе.

Teschrif-ul eyiam vé-l ou'ssour, bi-siret is soultan, el melik el Manssour, т. е. Слава времен и веков или Жизнь султана Аль-Манссура (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже).

История правления египетского султана Калавуна, царствовавшего с 1280 по 1290 год. В этой рукописи недостает почти всей первой части и начала третьей. Имя автора неизвестно.

Tévarikh us-selatin ve-l-muluk ve-l a'ssaker, т. е. История султанов, князей и войск (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Эта рукопись представляет лишь отрывок биографии египетского султана Абу-ль-Фет Мохаммеда, сына султана Калавуна; заключает события 704 и 705 годов (1304—1306). В библиографическом словаре Катиб Челеби имеются указания, что автором рукописи был Шемс-уд-дин ель Шуджа'йи, и что это был египтянин.

Nihayet ul-éreb fi funoun il édeb, т. е. Результат приложения к различным отраслям художественной литературы, сост. шейхом Шихаб-уд-дин-Ахмедом, сыном Абд-уль-Ваххаба, более известным под именем Новаири (арабские рукописи Лейденской библиотеки).

Этот очень ценимый труд состоит из пяти фенн или отраслей литературы; каждый фенн разделен на кассмы, отделы, бабы, книги, и фаслы, главы.

Первый фенн трактует о небесах, метеорах, подразделениях времен, земле и семи климатах. Второй рассматривает человека в физическом и нравственном отношениях, изучает его отношения с себе подобными и трактует об искусстве управления. Третий посвящен животному царству; четвертый — царству растительному; пятый охватывает священную и светскую историю от Адама до начала четырнадцатого века, т. е. времени расцвета деятельности автора.

В начале первого тома имеется таблица, указывающая содержание отдельных глав этого труда. Рейске дал перевод этой таблицы в своих *Prodidagmata ad Hogji-Chalifae Librum memorialem rerum a Muhammedanis gestarum*, вслед за таблицами Сирии Абу-ль-Феды, переведенными Келером (Koehler), на стр. 302 и сл.

История Чингиз-хана и государей его династии находится в одиннадцатой книге пятого раздела пятого фенна. Приступая к ней, автор указывает использованные им источники: „Мы изложим, — говорит он, — вкратце события жизни Чингиз-хана от начала его карьеры до эпохи, когда он покорил столько стран. Мы передадим то, что имеется в трудах, которые мы имели перед своими глазами, и запишем то, что узнали из устной передачи. Хотя огромное протяжение этой империи, удаленность колыбели ее и гибель многих современных исторических сочинений не позволяют нам ни собрать все факты, относящиеся к ее истории, ни убедиться в точности тех фактов, о которых имеются сообщения, однако мы не почли возможным обойти молчанием события, сделавшиеся знаменитыми; мы изложим поэтому, но без определенного порядка, кое-что относящееся к государям этой династии, на основании данных, которые мы находим в составленной личным секретарем Джелал-уд-дина истории последнего и в историческом труде Изз-уд-дина, сына Этира, Эль Камил; что касается других, которые могли писать об этом предмете, то их писания не дошли до нас. Сверх того, мы изложим факты, отсутствующие в этих двух исторических трудах, как и происшествия, которые имели место позднее жизни их авторов, и сведения о которых были нами собраны, как от посланников, приехавших от этих государей ко двору нашего, так и других лиц, побывавших в их странах“.

Но искать материалов для истории монголов надо не в этой части труда Новаири, так как мы теперь располагаем кроме тех источников, в которых он черпал свои материалы, еще и другими, оставшимися, повидимому, ему неизвестными и им совершенно не упоминаемыми, как, например,

трудами Джувейни, Рашида, Вассафа, написанными на персидском языке, которого он мог и не знать хорошо, а в его истории мамелюкских султанов Египта, где он обстоятельнейшим образом рассказывает о войнах и дипломатических сношениях между этими египетскими государями и монгольскими ханами Персии.

В этой египетской летописи современник автор записал кое-какие факты, относящиеся лично к нему. Наприм., под 677 (1278—9) годом там имеется следующее известие: „В этом году, в ночь, которая предшествовала утренней заре 21 зулкада (5 апреля), родился в Ахмиме, городе Саида, в Египте, автор и составитель этого труда, шейх Шихаб-уд-дин Ахмед, сын Абд-уль-Ваххаба, сына Мохаммеда и т. д. (он доводит свою генеалогию до халифа Абубекра), известный под именем Новаири“. Под 699 (1299—1300) годом он передает, что его отец Тадж-уд-дин Абу-Мохаммед Абд-уль-Ваххаб, корейшит, известный под именем Новаири, умер в четверг 22 зулхаджета (8 сентября 1300 года) в Каире, в зале школы Салиха Неджми, где читались лекции по обряду Малик, и что он родился в Миссере, в школе Ма'рунат в 618 (1221) году.

Новаири сообщает, что он был очевидцем в 702 (1303) году сражения при Мердж-из-Софаре, в котором египтяне, под командой сына Калавуна, султана Нассира, одержали решительную победу над монголами, но он не говорит, в качестве кого он там находился.

Он же сообщает под 710 (1310—1) годом о своем назначении на высокий пост в Сирии; это было в правление султана Нассира. „Я получил приказ, — говорит он, — отправиться в Триполи для исполнения обязанностей заведывающего финансами (сахиб-уд-диван); грамота о моем назначении была составлена ученым муллой Шихаб-уд-дином, сыном Махмуда, из Алеппо, а переписана его сыном кади Джемал-уд-дин Ибрагимом; она датирована 15 мохаремма (14 июля 1310 г.). Я выехал (из Каира) 1 сафера (30 июня) и исполнял в Триполи сказанные обязанности до 1 шевала (21 февраля 1311 г.), когда я перешел на должность военного интенданта (Назир уль-Джейш)“. Новаири недолго занимал эту должность, как мы узнаем из следующего места в его труде под 712 (1312—3) годом: „В середине месяца джомада 1 (сентября) я получил отставку от должности военного интенданта в Триполи и возвратился в Каир“.

Эта часть египетской истории, современной монгольской династии в Персии, находится в 12 бабе 5 кассма V фенна.

Библиотека Лейденского университета обладает двенадцатью томами in—4° труда Новаири, содержащими почти всю историческую часть.

En-pudjoum iz-zahiret fi mulouk Missr v-el cahiret, т. е. Сияющие звезды, История египетских царей, сост. Джемал-уд-дином Абу-ль-Мохасин Юссуфом, сыном Тангри-вирди, умерш. в 815 (1412—3) году (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Летопись, начинающаяся с 224 (838) года и оканчивающаяся в 690 (1291) году.

Es-sulouk li ma'rifet duvvel il-mulouk, Введение в познание монархий, составл. шейхом Таки-уд-дин Ахмедом ель-Макризи (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Представляет историю Египта от разрушения державы фатимитских халифов Саладином до 845 (1441) года. Она является продолжением двух других сочинений того же автора, которые содержат историю Египта от завоевания его арабами. Макризи родился в Каире в 766 (1364—5) г. и умер в 845 (1441—2) году.

Kitab fil adab is soltanyet v-ed-duwel il isla-miyet (арабская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Это сочинение разделяется на две части: первая трактует об искусстве управления; вторая содержит сокращенную историю абассидских и фатимитских халифов. Имена автора в предисловии рукописи отчасти стерлись; но он сообщает нам, что во время одного пребывания в Мосуле он имел честь быть представленным государю этого города, Ель Мелику ель Мо'аззаму Фахер-уд-дину, и был так очарован его приемом, что решил составить для него эту книгу, имеющую вместе с тем назначение служить историческим воспоминанием и знаком памяти со стороны автора, предполагавшего тогда отправиться в Тебриз. В конце рукописи значится, что труд окончен в середине 701 года, т. е. в начале 1302 года, когда автор еще был в Мосуле. Он принадлежал к секте Али; государь, которому он посвящал свою книгу, был вассалом монгольского хана в Персии, и Тебриз, куда он проектировал уехать, был столицей этого монарха; этими обстоятельствами объясняются хвалы, расточаемые монгольскому правительству этим сочинением; с ним знакомит Сильвестр де Саси в своей арабской хрестоматии.

Messalik ul-abssar fi mémalik il emssar или Путешествие взоров по всем странам, составл.

имамом Шихаб-уд-дин Абу-ль-Аббасом, более известным под именем Ибн-уль-Омари, так как он вел происхождение от халифа Омара.

Этот список, единственный из сказанного труда, имеющийся в Парижской библиотеке, содержит лишь 23-ю книгу, которая начинается 541 (1146—7) годом и оканчивается на 744 (1343—4). Это летопись, которая рассказывает о положении дел в Сирии и Египте, но более кратко, чем история Тангри-вирди и история Макризи.

Ибн-уль-Омари служил в магистратуре в Сирии и Египте, и умер в Дамаске в 749 (1348) году.

Düvvel ul islam, т. е. О магометанских монархиях, составл. шейхом Шемс уд-дином ез-Зэхэби (арабская рукопись Лейденской библиотеки).

Сочинение состоит из двух частей: первая начинается с Мохаммеда и оканчивается царствованием халифа Ель-Моктэди, умершего в 487 (1094) году, вторая доведена до 744 (1343—4) года. Излагаются важнейшие события в магометанском мире для каждого года геджры, особенно имевшие место в Египте и Сирии. Эта летопись, по всей вероятности, является сокращением другого труда того же автора, озаглавленного Tarikh ul-islam или История ислама.

Raousat us-safa, т. е. Сад наслаждения, составл. Мохаммедом, сыном Хавенд-шаха, прославившимся под именем Мирхонда и умершим в 903 (1497—8) году (персидская рукопись, принадлежащая автору).

Пятый том этой всеобщей истории, которая довольно общеизвестна, излагает историю монголов по Джами-ут-Тэварих, Тарих Джиханкушай и Тарих Вассафа. Эти три труда равным образом служили источниками, в которых другие магометанские писатели, жившие позднее тринадцатого века, черпали все, что относится к Чингизхану и его преемникам.

Tarikh Monedjim-baschi, т. е. История начальника астрономов (турецкая рукопись, принадлежащая автору. Два тома in — 4°).

Это турецкий перевод одной арабской всеобщей истории, составленной дервишем Ахмедом-Эфенди, начальником придворных астрономов и астрологов отоманского султана Мохаммеда IV, который вступил на престол в 1058 (1648—9) году. Заканчивается историей отоманского дома, доведенной до 1093 (1682) года. Перевод предпринят в 1102 (1720) году Ахмед бен-Мохаммедом Нэдимом, под покровительством великого везира Дамад-Ибрагима паши.

Tarikh Kiptchas khani или История, сост. Кипчак-ханом (персидская рукопись королевской библиотеки в Париже).

Очень сухое сокращение всеобщей магометанской истории, доведенное до 1138 (1725—6) года и посвященное лагорскому владетелю Сейф-уд-девлет-Абд-ус Самед-хану.

Делая частые ссылки на сочинения, которыми мы воспользовались для нашей истории, мы сожалеем, что не могли отмечать каждый раз страницы, на которых находятся почерпнутые нами сведения; но восточные рукописи не имеют постраничной нумерации, и если даже рука европейца проделала эту работу, ссылка на страницу такой рукописи лишена значения для того, у кого перед глазами находится другая копия того же произведения. Однако, ориенталисты, которые пожелали бы проверить эти ссылки, могут без особого труда найти их в исторических сочинениях, составленных в форме летописей, так как здесь нужно отыскать лишь год события; что касается сочинений, в которых хронологический порядок не выдержан строго, то здесь в поисках текста, подлежащего проверке, должны помочь рубрики.

Карта Азии, помещенная в начале нашей работы, была составлена шевалье Лапи по лучшим, известным нам историческим источникам. Малая Азия, Персия и страны, лежащие между этой страной и Индией, взяты из большого труда, над которым более десяти лет упорно работал этот талантливый географ и для которого им использовано огромное количество маршрутов. Индия взята с большой карты Arrowsmith и нескольких частных карт. Центральная Азия нанесена на основании многих маршрутов, комбинированных с данными русских карт.

Достаточно указать на маршрут Кашмир-Тараз через Бадахшан и Ходжент, проливший большой свет на почти неизвестные до того области. Сибирь извлечена из многочисленных русских карт, между прочим карты Колывани, в которую внесены были поправки при помощи нескольких маршрутов. Обширная Китайская империя взята с китайских карт, опирающихся на порядочное число астрономических определений и исправленная при помощи многочисленных маршрутных съемок. Наконец, все береговые линии опираются на новейшие астрономические наблюдения

и для них использованы все опубликованные съемочные данные.

Границы между различными государствами Азии в начале тринадцатого века нанесены согласно указаниям истории. За отсутствием удовлетворительных данных могло быть лишь приблизительно намечено географическое положение трех крупных городов: Бишбалыка, Каялыка и Алмалыка.

ГЛАВА I

Кочевые народы центральной Азии.—Древние турецкие и татарские монархии.—Их сношения с китайской империей.—Центральная Азия в начале тринадцатого века.—Народы татарского происхождения в эту эпоху и районы их обитания.—Их нравы.

Центральная часть Азии, ограничиваемая на севере цепями гор, которые отделяют ее от Сибири, на юге Кореей, Китаем, Тибетом, рекой Сыр-Дарьей (Сихун) и Каспийским морем, представляет необъятную географическую зону, которая протянулась от Волги до Японского моря. С незапамятных времен она была населена кочевыми народностями, принадлежавшими к трем различным расам, которые можно обозначить обобщенно именами турков, татар или монголов и тунгусов или чжурчже. Это разделение еще более выражено различием языков этих народов, чем физическими особенностями.

В истории Китая¹, в наиболее отдаленные века, упоминаются кочевые обитатели центральной Азии под именем северных варваров. В ней сохранилась память о главнейших переворотах, которые потрясли эту часть земного шара, и об империях, которые возвышались там одна вслед за другой. Первой варварской державой, упоминаемой в китайских летописях, было государство Сюн-ну или Хюн-ну (Hiong-pous), которое просуществовало до 93 г. по Р. Х. Для того, чтобы обезопасить Китай от набегов именно этих варваров и была возведена около двух с половиной веков до нашей эры знаменитая стена, которая

¹Китайские книги были бы еще более ценны для истории и географии центральной Азии, если бы иностранные названия народностей, людей и мест не подверглись таким изменениям, что очень часто нет никакой возможности распознать их.

охватывает весь север этой громадной империи. За господством хунну последовало господство сянь-би (sien-pis), которое просуществовало до 233 г. Затем господами Татари (Tartarie) и даже Северного Китая стали тоба (topas) или соду (sotous). В начале пятого века возвысилась держава жужаней (géougens), которая была разрушена в свою очередь через сто пятьдесят лет турками (turcs), империя которых простиралась от Восточного океана до Каспийского моря и от Китая и Тибета до Ледовитого моря, но она была ниспровергнута, в 744 г., китайцами, соединившимися с уйгурами (ouïgours) и другими соседними народами. Уйгуры, сделавшиеся в эту эпоху очень могущественными, должны были уступить в 848 году силе оружия киргизов (kirguises).

В начале десятого века китани (khitans), территория которых находилась к северу от Ляо-дуна (Léao-tong), сделались господами Татари, а вскоре и северного рубежа Китая. Их монархия была низвергнута в 1125 г. чжурчженями (tchourchès), другим кочевым народом, который занимал восточную окраину Татари. Этот народ покорил треть Китая, и его государи перенесли сюда резиденцию своей империи, известной под именем Цзинь (Kin) или Золотой, которое приняла царствовавшая династия. Эта империя простиралась на юг до реки Хуай (Hoai), которая отделяла ее от части Китая, оставшейся под властью китайских императоров династии Сун (Soung), на востоке она граничила с Японским морем, на западе с королевством Ся (Hia) или Тангутом, которое включало часть Шень-си (Schen-si), на северо-западе и по ту сторону великой пустыни Ша-мо с империей Кара-Китай (Cara-Khitai). На севере ее границы продвигались за р. Амур и озеро Байкал, включая всю Татарию, кочевые народы которой были ее данниками. Эти воинственные орды во все времена были бичом Китая. Бедность их соседей с севера не могла искушать их хищнических инстинктов. Сибирь была местом обитания лишь охотничьих народцев, которые бродили по ее необъятным лесам; таким образом, на азиатском материке, как и в порядке ступеней цивилизации, пастушеские народы помещались между охотниками и земледельцами. Когда обстоятельства были благоприятны их грабительским наклонностям, скотоводы Татари делали набеги на Китай. Они обыкновенно опустошали одну из провинций, пока военные гарнизоны не соединялись для их отражения, и затем удалялись со своей добычей и пленниками через великую пустыню, где их было трудно преследовать. Некогда построенная для охраны Китая от их вторжений стена не могла помешать

им проникать за нее. Китайское правительство имело обыкновение принимать на службу себе целые орды этих варваров, которые размещались на северных границах империи и обязывались защищать их против других народов Тартарии; но эта система часто имела роковые последствия. Наиболее верный способ предохранить себя от их оружия заключался в том, чтобы поддерживать рознь между отдельными племенными главарями, и забота об этом являлась главной задачей китайской политики. Благодаря их распрям, императорам Китая удавалось заставлять признавать себя сюзеренами этих кочевых народов; они принимали знаки вассальной зависимости (*hommage*) от их тайчжи (*tanjous*) и ханов, жаловали им почетные титулы и утверждали в сане (давали инвеституру) присылкой печати, грамоты, царской одежды, литавров и знамени; но когда эти орды объединялись под властью способного и честолюбивого вождя, они, с своей стороны, предписывали законы повелителю Китая. Он должен был покупать мир ценою ежегодной дани, уплачиваемой серебром или шелком; ему приходилось удовлетворять ненасытную жадность татарских князей; к нему посылались многочисленные посольства с целью получения подарков, состоявших из кусков шелка, материй, чая и серебра, и он не мог отказываться от выдачи в замужество за царей этих кочевников принцесс из своей семьи¹.

В начале тринадцатого столетия западная часть описанного пояса Азиатского материка, от Енисея и Верхнего Иртыша, была населена турецкими народностями, как-то: киргизами, уйгурами, огузами, кипчаками, карлуками, канглами (*can calis*), калачжами, агачерами и пр., — народами, которые свыше пятисот лет поставляли правителей большей части магометанских стран Азии и Африки. Самые восточные области этой полосы, к востоку от Хингана, откуда берет начало р. Сунгари (*Songar*), принадлежали народностям тунгусской расы, которые владели тогда северной частью Китая и потомки которых в настоящее время являются властителями всей этой империи. Промежуточные страны, к северу от великой пустыни Ша-мо, были заняты народами татарской расы, которые, объединившись в эту эпоху под знаменами Чингиз-хана, покрыли кровью и развалинами почти всю Азию и восточную часть Европы.

¹ Mailla, *Histoire générale de la Chine*. Paris 1779, in—4°, томы II—VIII. De Guignes, *Hist. génér. des Huns*. Paris 1756, in—4°, т. 1, кн. 1—6.

Эти татарские народности, состоявшие данниками Цзиньской империи, имели между собой очень большое сходство в физическом облике, наречиях, нравах, обычаях и суевериях. Одна из наиболее многочисленных, *наиманы*¹, обитала в области, через которую протекает верхний Иртыш и которую пересекает горная цепь Большого Алтая; на западе они были отделены пустыней от страны турков-уйгуров, на севере Малым Алтаем от страны турков-киргизов и кем-кемчжутов и на востоке горами Каракурум от территории *кереитов* (*kéraités*), которая простиралась до истоков Онона и Керулена (*Kéroulan*)². Земли к северу от кереитов принадлежали *меркитам*. Ойраты (*ouirates*) занимали страну, орошаемую восемью реками, которые образуют Кем, называемый теперь Енисеем³. *Чжалаиры* (*djélaïres*), разделявшиеся на десять племен⁴, каждое из которых имело особого главу, имели стоянки на берегах Онона и насчитывали семьдесят куреней (*kourés*) или кругов по тысяче кибиток каждый. Татары (*tartares*) обитали в окрестностях озера Буйюра, к границам прежней страны чжурчже, народа, который, как выше сказано, господствовал тогда над частью Китая и над всей Татарией.

Племя *онгутов* находилось на службе у императора чжурчже и несло охрану части великой стены, которую татарские народы называли *онгу*, откуда оно и получило свое имя.

¹ Д'Оссон берет сведения о народах „Тартарии“ в *Джамит-Тэварих* Рашида, но чтение их имен у него отличается от даваемого Березиным в его переводе „Введения“ (Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эд-дина. Перевод с персидского И. Н. Березина. Введение. Спб. 1858). Разночтение объясняется трудностью восстанавливать, за частым отсутствием диакритических знаков в арабской транскрипции, собственные имена. Мы даем чтение Березина, как ставшее привычным для русского читателя, а в скобках — чтение Д'Оссона, когда оно представляет вариант, причем иногда, видимо, более удачный (напр., см. далее *куркан* вм. *хорхан*; *кёрлуут* вм. *курлуут*); но в других случаях — удачнее у Березина (*канглы* — *канкалы*). Звук „дж“ у Березина и Д'Оссона мы передаем через „чж“, в соотв. с академической транскр. и новыми алфавитами. *Перев.*

² Название этой реки в *Тарих Джиханкушай* и *Джами ут-Тэварих* всегда пишется *Келуран*.

³ Эти восемь рек упоминаются под следующими названиями: *Гёк*, (*Gueuk*), *Он*, *Кара*, *Седи*, *Акрай*, *Ака*, *Чжурчже* (*Tchourtché*) и *Чаган*. *Кем*, — добавляет Рашид, — впадает в *Ангару*. В истории *Абу-ль-Гази* четвертая из этих рек называется *Себи-кун*, пятая — *Акари*, шестая — *Акар*.

⁴ Вот названия этих племен: *чаты* (*tchates*), *тукарауты*, *кунгкассауты*, *уйяты*, *билкасан*, *кугер* (*kouguer*), *тулангкит*, *бури* и *шингкуты*. В другом месте Рашид говорит, что *чжалаиры* обитали по берегам *Керулана*.

Тангуты владели частью большой провинции западного Китая Шень-си, а также областями, в которых находились истоки Желтой реки; все эти области составляли королевство Ся (Hia), основанное в десятом веке одним из вождей этой народности.

Обширные леса на запад от Байкала были населены урасутами (orassoutes), теленгутами и киштымами (keschtimis); эти племена славились знанием лекарственных трав и ловкостью в лечебном искусстве. Их соседями на западе были киргизы и кем-кемчуты, два народа турецкой расы; их территорию отграничивала Ангара. Страны к северу от этой реки назывались Ибир-Сибир.

На восток от Байкала обитали хори (couris), коалаш (coalaches), буряты и туматы, четыре народа объединявшиеся под именем баргутов, которое обозначало положение их страны по ту сторону Селенги; она называлась Баргучжин-Тугрум, так как ею оканчивалась на северо-востоке область, занятая народами татарской расы¹. Их соседями на севере были булгачины, кермучины и урянхиты (ourianguites), носившие название лесных народов. Эти последние принадлежали к тунгусской расе².

К этим же народам относили еще сунитов, курлутов (keurloouotes), сагаитов (sacaites) и хурханов (courcans), но точное положение стран, в которых они обитали, неизвестно³.

Наконец, монгольская народность владела страной, расположенной к югу от озера Байкал; среди ее многочисленных племен байяуты кочевали по берегам Джиды (Tchida), тайчжиуты (taïdjoutes) по берегам Селенги, хонкираты (coungcarates) у горной цепи, отделявшей страну татар от страны чжурчжэ; территория племени, к которому принад-

¹ Баргучжин является названием реки, которая впадает с востока в озеро Байкал, а слово Тугрум, обозначающее границы, сохранилось в названии Даурии, которое дают стране, лежащей к востоку от упомянутого озера, и где живут до сих пор буряты.

² См. примечание 1 в конце тома.

³ В числе татарских и турецких народностей, указанных в введении к истории Чингиз-хана в Djami ut-Tévarikh, упоминается народ текрины или мекрины, которые не были ни уйгурами, ни монголами, т. е. ни турками, ни татарами, и которые жили в очень гористом районе Уйгурии.

Примечание перев. В Березинском переводе Введения, в гл. о бекирин (стр. 129), дается вариант мекрин („их также называют мекрин“), но в гл. о мергитах (меркитах), говоря о вариантах имен, Рашид, по Березину, говорит: „так и племя бекирин называют кебин“ (стр. 70). Таким образом, имеется три различия.

лежал Чингиз-хан, находилась в горах Бергаду или Буркан-Калдун, откуда берут начало реки, из которых одни, как Тола (Тола), текут к Байкалу, а другие, как Онон и Керу-лэн, несут свои воды в Восточный океан¹.

Эти горы и другие горные цепи, которые обступают с юга Байкал, унижены мшистыми скалами, в расселинах между которыми растут отдельные группы деревьев, и вечные льды покрывают их наиболее выдающиеся вершины. Почва долин в общем песчаная, текущие здесь реки окаймлены лугами или сосновыми и березовыми лесами.

Температура воздуха в Татарии, вследствие высокого положения страны, более сурова, чем в находящихся под теми же широтами частях Европы. Воды Байкала обычно остаются подо льдом в течение четырех-пяти месяцев и столбчатый термометр нередко показывает 25° ниже точки замерзания. Там часты северные сияния, также как сильные грозы и землетрясения².

Строение лица у этих народностей татарской расы, довольно схожее со строением лица у китайцев, давало возможность легко отличать их от представителей других народов. Карие глаза, посаженные вкось к носу, между выдающимися скулами, толстые щеки, плоский нос, мясистые губы, круглое лицо и голова, оливковый цвет кожи, редкая растительность на подбородке, таковы были характеристические черты их наружности, и такими остаются они у их потомков — монголов, калмыков и бурят. Они были, в общем, среднего роста, широкоплечие и обладали тонкой талией в поясе.

Они брили волосы на верхушке головы в форме подковы; равным образом сбривали их сзади, а из оставленных в промежутке делали косы, свешивавшиеся за ушами.

Головы они покрывали плоскими шапками различного цвета, края которых были несколько загнуты, за исключением задней части, с которой свешивался лоскут длиною и шириною в ладонь. К полям этого головного убора прикреплялись два шнурка, которые завязывались под подбородком; на шнурках висели два язычка, развевавшиеся по

1. Djami ut-Tévarikh (сборник летописей везира Рашида из Хэмдана). См. прим. II в конце книги, где приведены названия всех монгольских племен.

² Pallas, Voyages, trad. Française, Paris, 1785, том I, стр. 378; т. VI, стр. 62; Georgi, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich, Petersb., 1775, том I, стр. 130 и сл. Du Halde, Descript. de la Chine et de la Tartarie chinoise. Paris, 1735, том IV; Witsen, Noort en Oost Tartaryen, 3 édit. Amst., 1785 in-folio, т.т. I и II, passim.

ветру. Полы кафтана перекрещивались на животе и застегивались сбоку; пояс плотно стягивал его вокруг тела. Зимой они носили две меховых одежды—одну мехом к телу, другую наружу. Женщины надевали очень высокие головные уборы, но костюм девушек так походил на мужской, что их было трудно отличить от мужчин.

Они жили в юртах, сделанных из решеток, вышиною в рост человека, положенных вокруг и поддерживавших жерди, концы которых укреплялись в деревянном кольце. Это тонкое сооружение покрывали кусками войлока, скреплявшегося волосяными веревками, которыми обматывали юрту. Дверь, равным образом сделанная из войлока, всегда была обращена на юг. Круглое отверстие вверху оставалось всегда открытым, чтобы дать доступ воздуху и выход дыму от очага, занимавшего центр этого тесного жилища, в котором помещалась целая семья.

Их стада, состоявшие из верблюдов, быков, баранов, коз и, главным образом, из лошадей, доставляли им все средства существования и составляли все их богатство. Любимым их блюдом была конина. Чтобы сохранить мясо, они резали его тонкими ломтиками и сушили или на воздухе, или в дыму над очагом. Они ели, кроме того, мясо всех видов животных, даже погибших от болезни, и любили опьянять себя кумысом, напитком, приготовлявшимся из кобыльего, перебродившего и перегнанного, молока.

Сверх того, их стада удовлетворяли все их потребности. Они делали одежду из шкур, которые давали им домашние животные, из шерсти и волоса они приготовляли войлоки и веревки; из костей—наконечники стрел; высушенный помет служил топливом в песчаных степях; из кожи быков и лошадей выделывали бурдюки и из рогов артака, дикого барана, делали чаши для питья.

Необходимость выпаса заставляла эти народы беспрестанно кочевать. Как только корма на участке, на котором они находились, оказывались вытравленными, юрты разбирались, навьючивались на животных, на которых перевозилась также вся обстановка, утварь, маленькие дети, и орда отправлялась на поиски новых пастбищ. У каждого племени было особое тавро, которым клеймились принадлежавшие ему животные. Каждое племя имело свою территорию, заключенную в точно определенных границах; на различных участках ее оно жило, соответственно временам года; весной оно направлялось в горы; с приближением зимы возвращалось в равнины. Тогда даже животные имели только ту

пищу, которую они могли достать, отрывая ее копытами из под снега; но когда сильный заморозок следовал за оттепелью, животные не были в силах разбивать льда и гибли от голода. Лошади, менее подвергавшиеся этой опасности, благодаря силе своих ног, всегда преобладали в составе этих стад, и заботы о конском табуна составляли главнейшую отрасль татарского хозяйства.

Они брали в жены столько женщин, сколько хотели или сколько могли содержать; чтобы получить девушку, ее родителям давалось условленное количество голов скота. У каждой жены была особая юрта и хозяйство. Сын должен был заботиться о содержании вдов своего отца; часто он женился на них, за исключением той, которая дала ему жизнь. На брате равным образом лежала забота об овдовевших невестках. Женщины, отличавшиеся очень деятельным образом жизни, разделяли со своими мужьями заботы о стадах, шили одежду, изготовляли войлок, правили повозками, вьючили верблюдов и ездили верхом на лошади так же смело, как и мужчины. Последние, когда не уходили на охоту, проводили большую часть времени в праздности; их вообще упрекали в коварстве, плутоватости, хищности, неопрятности и склонности к пьянству, которое у них не считалось за порок.

Когда кто-нибудь заболел, перед его юртой втыкали копье, и никто в нее не входил, за исключением человека, который за ним ухаживал. После его смерти, его родичи и другие испускали жалобные вопли, а затем спешили похоронить из-за суеверного страха, что он находится уже во власти злых духов. Перед покойниками ставили мясо и молоко. Те, кому он был дорог, приходили предложить ему пищу. На краю могилы закалывали оседланного в полную сбрую его любимого коня, которого укладывали в могилу вместе с домашней утварью, луком и стрелами для обслуживания покойника на том свете. Присутствовавшие на этой церемонии проходили между двумя кострами. Точно также очищали юрту умершего и все, что ему принадлежало, и устраивали в память его погребальное пиршество.

Государей помещали после их смерти на престоле среди юрты, перед столом, на котором ставилось блюдо с мясом и чашка с кобыльим молоком; эту юрту зарывали, и с ней кобылицу с жеребенком, оседланного и взнузданного коня и разные драгоценности. Это погребение старательно скрывалось или же ставили особую стражу, чтобы не давать приближаться к нему. Дом покойника разрушался, и не позволялось произносить его имя до третьего колена.

Верования и суеверные обряды татарских народов имели величайшее сходство с верованиями кочевых и диких народностей северной Азии. Они признавали высшее существо, которое они обозначали, как и небо, именем Тэнгри (Tangri). Они поклонялись солнцу и луне, горам, рекам, стихийным силам. Они выходили из юрт, чтобы воздать почитание дневному светилу коленопреклонением, которое они совершали, обращаясь лицом к югу; когда они пили, то брызгали часть напитка в честь небесных тел и стихий. Их божества были представлены маленькими фигурками из дерева или войлока, называвшимися онгонами, которые они подвешивали к стенам своих юрт; они совершали поклонение перед этими идолами и во время еды угощали их лучшими кусками, натирая им рот мясом или молоком. У них, кроме того, была масса суеверных представлений, и смерть, по их мнению, была только переходом в другой мир, где жили так же, как в этом. Они приписывали свои бедствия влиянию злобных духов, которых они старались умиловить или приношениями, или посредничеством камов, слугителей их грубого культа, которые были одновременно колдунами, толкователями снов, гадателями по полету птиц и внутренностям животных, астрологами и врачами. Каждый из этих кудесников претендовал на общение с дружественными ему духами, которые, якобы, являлись к нему, чтобы открывать тайны прошлого, настоящего и будущего. Они вызывали их магическими словами при звуках бубна, постепенно приводили себя в возбужденное состояние, впадали в исступление, и когда духи вдохновляли их, они произносили свои прорицания, делая неистовые прыжки и страшные судорожные движения. С ними советовались во всех случаях жизни, так как питали к ним слепое доверие, которое они умели поддерживать к себе даже когда события не оправдывали их предсказаний, искусно оставляя лазейки, обеспечивавшие непогрешимость за их искусством предвидения.

Образ жизни этих кочевников делал их особенно приспособленными к военной службе. У них, как у диких животных, органы обоняния, слуха и зрения отличались изумительной тонкостью. Живя круглый год в поле с самого раннего детства, изощрявшиеся в верховой езде и стрельбе из лука, закаленные в невзгодах и лишениях под суровым небом, они как бы рождались для войны. Их маленькие и невидные, но превосходные на бегу лошадки переносили также хорошо усталость, как неблагоприятную погоду, они были чутки ко всем движениям

всадника, который мог управлять ими без помощи узды, пока его руки были заняты стрельбой из лука. На войне каждый человек вел несколько коней, ибо эти народы сражались только верхом. Они прикрывали себе тело кожаными доспехами. Лук был главным оружием. Они нападали издалека, пуская стрелы, тревожили неприятеля, обращались в бегство и в то же время на всем скаку продолжали стрелять, но они при всякой возможности избегали рукопашных схваток. Походы они совершали чаще всего осенью, потому что их лошади тогда бывали наиболее выносливы. Они располагались кольцом перед неприятелем, со своим вождем в центре. Небольшая юрта, бурдюк для молока и котелок составляли весь их багаж. В походе они вели за собой часть стад, которые доставляли им все средства для жизни. Через реки они переправлялись, сидя на кожаных мешках, в которые складывали свое имущество и которые привязывались к хвостам их лошадей.

Главы племен носили титул *нояна* (Noyan) или *тайши* (Taischi) и подчинялись царю, стоявшему во главе всего народа; достоинства эти были наследственны. Каждое племя разделялось на роты под командой своих начальников, и люди, принадлежавшие к одной роте, становились лагерем всегда вместе. Ежегодно они уплачивали нояну известное количество голов скота. Эти вожди, которым они оказывали неограниченное повиновение, могли, сверх этого, располагать по произволу всем имуществом и даже их личностью. Организованные по военному, татарские орды вели непрерывные войны между собой, а когда они объединились под властью одного вождя, они завоевали не только Азию, но и часть Европы¹.

¹ См. описания путешественников, проезжавших по Татарии в XIII в., Карпини, Vincentii, Speculum Hist. Venetiis, 1591 (in-folio); Рубруквис, Марко Поло, Жан де Мандевиль; Восточн. Истор. Гайтона в собрании путешествий Бержерона, Гага, 1735 (in-f.), гл. 48; сочинения новейших путешественников, которые описывали нравы монголов, калмыков и бурят, подтверждают, что эти народы до сих пор сохраняют обычаи своих предков времени Чингиз-хана. См. Pallas, Sammlungen historischer Nachrichten mongolischen Völkerschaften. Petersb. 1776 и 1801, 2 тома in—4°; Georgi, Bemerkungen и пр.; Bergman, Nomadische Streifereyen unter den Kalmuken, Riga, 1804, 4 тома in 8°.

ГЛАВА II

Древние предания монголов.—Предки Чингиз-хана.—События его молодости. Он становится главою нескольких племен.—Его первые войны.—Его отношения с ханом керейтов.—Сведения о керейтах.—Походы Темучина и Унг-хана против некоторых кочевых народов.—Вражда между этими двумя князьями.—Поражение Темучина.—Его послание к хану керейтов.—Поражение Унг-хана.—Его смерть.—Победа Темучина над найманами.—Смерть их царя.—Подчинение меркитов.—Уничтожение татар.—Вторжение Темучина в Тангут.—Сведения об этом государстве.

Монголы, не знавшие искусства письма, передавали друг другу устно имена своих предков и исторические факты, относившиеся к их племенам. Согласно этим преданиям, за две тысячи лет до рождения Чингиз-хана монголы были побеждены и искоренены другими народами Татарии. От резни спаслись лишь два мужчины и две женщины, которые укрылись в стране, замкнутой горными хребтами, под названием Эргэнэ-Кон (Erguéné-Сон), или скалистые горы. В этой местности, отличавшейся плодородием почвы, потомство обоих беглецов, носивших имена Тэгуза (Tégouz) и Кияна (Киан)¹, быстро размножилось и разделилось затем на отдельные племена. Будучи чересчур стеснено в границах, образуемых этими остроконечными скалами², население стало обсуждать способы выбраться из них. В одной из этих гор постоянно добывалась железная руда. Здесь именно навалили огромное количество деревьев, и огонь, раздуваемый семьюдесятью мехами, расплавил руду, открыв выход этому новому народу. Память об этом событии торжественно

¹ Киян—значит поток. Прим. перев. В Березинском переводе двое беглецов носили имена Нукуз и Кьян (Введение, стр. 133, 134, 135, 137).

² Историк Рашид передает, что монголы, видевшие горы Эргэнэ-Кон, говорили ему, что они не были очень утесисты.

Прим. перев. В Березинском переводе (стр. 135): „Имя того места было Эргэнэкон (Хон—значит горный пояс, а Эргэнэ—барьер, т. е. крутой хребет)“.

праздновалась монгольскими властителями, потомками Чингиз-хана; в ночь, предшествующую первому дню года, кузнецы ковали раскаленное железо в присутствии всего двора, и богам возносились торжественные благодарственные молитвы. Таким представлялось происхождение монгольского народа; имя монгол значит простой и слабый¹.

У нескольких племен, вышедших из Эргэнэ-Кон, около середины восьмого века, и обосновавшихся на берегах Онона, Керулэна (Kéroulan) и Тугулы или Толы (Toula), был племенным вождем Буртэ-Чино², восьмой потомок которого, Дунбун-баян оставил после себя, умирая, молодую вдову, по имени Алун-Гоа, происходившую из племени Хорлас (Courlasse), и двух сыновей: Белгэтэя (Belguéteï) и Бэгонтэя (Bégonteï). Несколько лет спустя после смерти своего мужа Алун-Гоа забеременела. Так как родственники Дунбуна упрекали ее, она им сказала, что по ночам она несколько раз во сне видела, как луч света проникал через верхнее отверстие в ее юрту и принимал вид белокурого молодого человека³. От этого луча у нее родилось три сына: Бугун-Хатаги (Boucoun Catagui), Бугун-Сальджи (Bouskin-saldji) и Буданч-жар (Boudantchar)⁴. Этот последний был по восходящей

¹ Djami ut-Tévarikh.

² Это имя означает бурого волка.

³ Такая легенда часто повторяется в истории Азии, чтобы освятить рождение основателя государства и династии. Например, китайская история рассказывает, что „мать А-рао-кхи, основателя империи Китаней или Ляо, родившегося в 872 г. н. э., зачала его после того, как увидела солнце, упавшее в ее лоно“ (Visdelou, Histoire de la Tartarie, стр. 81). Рашид, писавший в начале XIV в., предполагает, что Алан-куа жила четыреста лет перед этим. „История всех этих народов (Татарии),—говорит он,—темна, так как приходится руководиться лишь их неопределенными преданиями. Я привожу относительно их происхождения и племенных разветвлений все, что ныне об этом известно. Нельзя точно установить эпоху, в которую жили Дунбун-Баян и Алан-куа, но по данной истории дома Чингиз-ханова, которая хранится в ханской сокровищнице, и свидетельствам и соображениям старцев, весьма преклонного возраста, можно относить ее на четыре века от нас, т. е. к первым временам Аббасидов и Саманидов“. Цитированный здесь Рашидом манускрипт немного далее фигурирует у него, вероятно, под заглавием Алтан-Дефтер или Золотой список; он хранился в сокровищнице, под надзором нескольких высших чиновников.

⁴ Рашид, Djami ut-Tévarikh; Mailla, IX, стр. 3; История Юаней, т. е. китайских государей, происходивших от Чингиз-хана, перев. с китайского на русский достопочтенным отцом Иакинфом в его Истории первых четырех ханов дома Чингисова. С. Петерб. 1829, in-8, стр. 2. То лицо, которое Рашид называет Дунбун-Баян, в китайской истории и в Монгольской истории Санан-Сецена, носит имя Дубон-Мергена. Согласно последнему, Алун-гоа (наз. Рашидом и Mailla—

линии восьмым прадедом Чингиз-хана. Их рождение относится к десятому веку. Многочисленное потомство этих трех братьев образовало несколько племен, которые различались от других ветвей монгольской народности прозванием Нирун, т. е. из ребра, чтобы отметить чистоту их происхождения и, по выражению Рашида, они были по отношению к простым монголам то же, что жемчужины по отношению к своей раковине, то же, что фрукт по отношению к дереву. Персидский историк добавляет, что, несмотря на их большое число, было известно происхождение каждого из этих племен благодаря той заботливости, с которой монголы так же, как и арабы, сохраняли память о своих родословных, которые они заставляли детей запоминать, так же, как в других местах обучают основным догматам религии¹.

Маха-Тудан (Makha Toudan)², внук Буданчара, умер еще не старым, оставив семь сыновей³ от своей жены Монулун. Шесть из этих юношей были убиты, как и их мать. Народ джелаиры подвергся, на берегу Керулэна, нападению армии Цзиньского императора, которая произвела среди них большую резню. Семьдесят джелаирских семейств, убегая от меча победителя, перешли на территорию Монулун и,

Алункуа) была дочерью Хоритая, туметского (Tumted) князя. Согласно китайским историкам, переведенным Mailla и Иакинфом, Аланкуа имела от Дубон-Мергена двух сыновей—Буху-Хатаги (Boucu Khatagui) и Бухуни Сальджи (Pouhoципi Saldji) или Богдо-Сальджики (Bogdo Saldjiki); они не упоминают Белгетей и Бегонтея; после смерти мужа у Аланкуа будто был один лишь сын Буданчар.

Чтение монгольских имен в арабской транскрипции в трудах Рашида и других персидских историков представляется иногда сомнительным, в виду отсутствия гласных и пропуска или перестановки диакритических знаков, ставящихся для различения согласных звуков; поэтому мы внесли в него поправки, в частности, в отношении имен предков Чингиз-хана, на основании монгольского текста, публикацией которого с немецким переводом мы обязаны стараниям и эрудиции Шмидта. С точки зрения исторической, этот труд, озаглавленный *Geschichte der Ost-Mongolen von Ssanang-Ssetsen*. Petersburg, 1829, in—4°, однако был нам совершенно бесполезен, но он очень ценен для изучения монгольского языка, по которому в Европе имелись лишь тощие словари до выпуска Шмидтом перевода сочинения монгольского князя Сананг-Сецена (Sanang-Setsen). Тот же ученый недавно издал монгольский словарь с русским и немецким текстом,

¹ См. генеалогическую таблицу предков Чингиз-хана, прим. III в конце этого тома.

² У Рашида он назван Дутум-Менен, в китайской истории это имя пишется Мипеп-Доу-доуп. Иак. Ист. четырех первых ханов, словарь, стр. 370.

³ По Рашиду девять сыновей.

побуждаемые голодом, принялись рыть корни¹ на лугу, на котором ее сыновья обычно объезжали своих лошадей для бегов. Монулун решила не допускать порчи ровной поверхности этого участка; она выехала к ним в своей повозке и в порыве раздражения некоторых ранила. Джелаиры отомстили, отогнав табун Монулун. Ее сыновья бросились в схватку, не успев одеть брони. Обеспокоенная этим, Монулун приказала невесткам отнести доспехи, но они уже не застали сыновей Монулун в живых. Джелаиры убили затем и ее самое. Из всей семьи остались в живых только ее внук Кайду, с которым его кормилица спряталась в куче хвороста, и ее седьмой сын Начин, который, женившись на девушке из Баргу, обосновался там на жительство.

Начин², узнав об участи матери и братьев, спешит к месту, где они жили; он находит там лишь несколько старух и среди них Кайду. Он сгорает от желания отомстить за своих и возратить похищенное, но у него нет верхового коня; к счастью возвратился домой отшатившийся от похищенного табуна рыжий конь. Начин садится на него и направляется к джелаирам. Ему навстречу едут два охотника верхом, на небольшом расстоянии один от другого, с соколом на кулаке у каждого; в соколах он признает ловчих птиц своих братьев. Начин подъезжает к младшему из всадников и спрашивает, не видал ли тот гнедого жеребца, который увел табун на восток. Юноша отвечает отрицательно и спрашивается у него, нет ли диких уток и гусей в тех местах, откуда он приехал. Начин отвечает, что есть, и берется проводить его туда, но на повороте извиистой дороги он закалывает его кинжалом, привязывает к его телу коня и сокола и спокойно направляется к другому охотнику, к которому обращается с тем же вопросом на счет табуна. Тот спрашивает, в свою очередь, у него, почему первый всадник, которого он называет сыном, так

¹ Корни растения, которое, по словам Рашида, в этой стране употребляется в пищу и называется судусун. По Mailla (стр. 5), это были корни *gip - seng*. „Сагайские татары,—говорит Паллас (т. VI, стр. 220),—и другие бедные племена, живущие в Кузнецких горах, питаются всякого рода дикими корнями и растениями; они, как тунгусы, очень искусно разыскивают их в норах степных грызунов, которых они называют кулум. Этот зверек выкапывает себе обширные подземные жилища с переходами, сообщающимися с другими норами; последние служат складами для корней, которыми он питается во время зимы. Татары имеют род лопаток, которыми раскапывают и поднимают дерновину, где находятся корни.

² Монгольское название хищной птицы.

долго остается лежащим на земле. Начин говорит, что у того пошла кровь носом, и, улучив момент, убивает и этого охотника. Далее он усматривает несколько сотен лошадей, пасущихся в долине, где мальчики пастухи забавлялись игрой в камешки. Он поднимается на возвышенность, осматривает окрестности и, не видя никого, нападает на этих подростков, убивает их, а лошадей отгоняет к жилищу Монулун, куда подъезжает с соколами на обоих кулаках. Он забирает с собой Кайду и старух и отвозит их в страну Баргу.

Как только Кайду достиг возмужалости, Начин и жители Баргу передали ему командование. Новый вождь выступил против джелаиров и подчинил их. Он избрал для своей главной стоянки берег черной речки Кара Кол (Kara Keul). К нему стали съезжаться семьи из разных племен, и число его подданных изо дня в день росло¹.

Кайду, владения которого были расположены в местности Баргучжин-Тугрум (Bourgoutchin-Tougroum)², что на краю Монголии, оставил трех сыновей. Старший Бай-Сангор (Baï-Sangcor) был отцом Тумбагай-хана³, а у последнего было девять сыновей, которые стали родоначальниками многих племен, численность которых на протяжении двух веков так возросла, что в 1300 году большая часть их насчитывала в своем составе от двадцати до тридцати тысяч семей.

Кабул-хан, шестой из сыновей Тумбагая, стал после него во главе части монгольских племен. Передают, что этот князь, будучи вызван ко двору чжурчженского императора⁴, поразил последнего своим непомерным аппетитом, а однажды, напившись, забылся до такой степени что схватил этого монарха за бороду. Когда опьянение

¹ Ист. Юань, перев. Иакинфа, стр. 2 и сл.; Mailla, т. IX, стр. 8. Страна Баргу, расположенная к востоку от Байкала, получила название от реки Баргузина, который впадает в это небольшое море.

Примечание перев. В переведенном Березиным В е д е н и и Рашида: „в стране, которая находится близ границы отдаленнейшей обитаемости и которую называют Баргу, а также Баргуджин-Тукум“, стр. 142. Несомненно, не Баргучжин получил название от реки, а последняя сохранила старинное название страны.

² У Березина Баргучжин-Тукум (см. предыд. прим., ср. В е д е н и е, стр. 141, 130—131, 87—88, 85, 92, 3).

³ В В е д е н и и — Тумена-каан, Тумена-хан (стр. 184, 189, 200, 206—7). Здесь возможно смешение имен Тумена, Амбай и Амбагай (стр. 184). Прим. перев.

⁴ Это был император династии Цзинь (Kin), царствовавшей над северным Китаем.

прошло, и ему сказали об его проступке, он сам просил о наказании его, но император только рассмеялся; в доказательство прощения его вины, ему были даны богатые подарки с разрешением возвратиться домой. Однако, едва Кабул успел отправиться, как император, уступая злобным внушениям придворных, послал ему вслед приказание вернуться. На его отказ посланцы арестовали его. Ему удалось вырваться из-под ареста и возвратиться домой; по приказу Кабула прибывшие по его следам офицеры императора были убиты его рабами.

Кабул-хан оставил шесть сыновей, сила и храбрость которых заслужили им прозвище Кыйот (Kiyoutes) или бурные потоки; это имя осталось за их потомством. Оно было названием народа, вышедшего из Эргэнэ-Кон, но потом забылось, когда потомство Дунбун-Баяна размножилось и образовало многочисленные племена, из которых каждое приняло особое наименование. К этому времени относится война, вспыхнувшая между монголами и татарами на почве мести за убийство. Саин-Тегин (Saïn-Tékin), шурин Кабула¹, захворал; для его лечения пригласили татарского кама. Несмотря на камлание, Саин умер. Его родственники настигли кама на пути к дому и убили его. Татары тотчас взяли за оружие, чтобы отомстить за одноплеменника. Неизвестно, чем кончилась эта борьба, во время которой сыновья Кабул-хана присоединились к родственникам их дяди по матери, но спустя некоторое время Амбагай-Каан², правнук Кайду и глава племени тайчжут, отправившись искать себе жену у татар, был ими схвачен и выдан чжурчженскому императору; последний, вспомнив об убийстве Кабул-ханом китайских офицеров, велел пригвоздить его к деревянному ослу; это было казнью, применявшейся к мятежным кочевникам.

Смерть Амбагая вызвала месть со стороны его семьи. Его сын Кадан-Тайши (Cadan-Taischi) соединился с Хубилаем, сыном Кабул-хана, и Исугаем-Багадуром, его внуком и отцом Чингиз-хана, чтобы идти против чжурчженей.

¹ Саин-Тегин был брат Гоа-Кулькауа (Goa-Coulcoua), красавицы Кулькауа, жены Кабула и матери его сыновей. Она была из племени Конкират (Conpcouate).

В Введении — „брат Хуаху“ (стр. 52). Прим. перев.

² Амбагай был сын Сорчодугу-Чино (Sourcandou Goutchina), сына Джеркэ Лингуна (Tcherga Lingkoum), второго сына Кайду-хана. Каан, сокращение слова хакан (Khasan). Лингун, по Рашиду, китайский титул и значит великий эмир.

Хубилай, превосходивший своих братьев силой и доблестью и поэтому ставший наследником Кабул-хана, был поставлен во главе этого похода. Он также стремился отомстить за своего брата Укин-Бурхана (Eukin-Bersan), который, будучи взят в плен татарами и выдан ими чжурчженям, погиб таким же образом, как и Амбагай. Хубилай при участии многих монгольских князей вторгся в пределы китайской территории, разбил неприятельскую армию и возвратился с богатой добычей.

Этот Хубилай стал любимым героем монгольских певцов. Они восхваляли в своих песнях силу его голоса, который раздавался подобно грому в горах, и мощь его рук, которые походили на медвежьи лапы и которыми он разламывал человека пополам так же легко, как стрелу. Они рассказывали, как в зимние ночи он ложился спать голым около костра, в который наваливал большие деревья, и не чувствовал ни искр, ни головешек, сыпавшихся на его тело, принимая при пробуждении ожоги за укусы насекомых. По их рассказам, он съедал ежедневно по целому барану и выпивал огромные количества кумыса.

Возвращаясь из своего похода в Китай, Хубилай развлекался вместе с несколькими из своих людей охотой, как вдруг подвергся нападению воинов из монгольского племени Дурбан. Его слабая свита рассеялась. Чтобы ускользнуть самому, он пустился в болото, где его конь завяз по шею; став на седло, он выскочил из этой трясины. Когда преследователи, подъехав как раз в это время к противоположному берегу, увидели его пешком, они не удостоили его преследования, говоря: что сможет сделать монгол, который потерял своего коня?

Между тем сопровождавшие Хубилая люди разнесли всюду известие об его смерти, и Исугай, отец Чингиз-хана, отправился к его семье с кушаниями, чтобы вместе с ней справить по нем поминки. Но жена Хубилая не хотела верить, что он погиб. „Как это возможно,—говорила она,—чтобы воин, голос которого потрясает небо, а руки похожи на лапы трехгодовалого медведя, допустил взять себя дурбанам, нужна какая-то другая причина, что он запоздал, и он скоро к нам покажется“.

Действительно, когда его враги удалились, Хубилай вернулся к болоту, вытащил из него своего коня за гриву и, снова сев на него верхом, сказал про себя: „Как же это я буду терпеть издевательства от этих трусов и вернусь домой, ничего у них не забравши“. Тут он видит косяк кобылиц, проходящих по дурбанской территории, вскакивает на

жеребца, гонит косяк перед собой и подъезжает к своему дому в тот момент, когда его начали оплакивать.

У Бартан-Бахадура (Bartam-Bahadour), брата Хубилая, было четыре сына, из которых третий, Иессугэй-Бахадур¹ (Issougai-Bahadour), был выбран за свою доблесть главой племен кыят и нирун, к которым принадлежала его семья. У него было много войн с другими монгольскими народами, с китайцами, с татарами. С убийства шамана, который дал умереть Саин-Тегину, потомки Кабула питали неугасимую вражду к этому народу. В 1155 году татары были побеждены Иессугэем в битве, в которой погибли два их вождя; один из них прозывался Темучин-Угэ (Témoutchin-Oga). Когда он возвратился из этого похода, одна из его жен, по имени Улун-Эке² из монгольского племени Олхонут (Olconoutes) разрешилась от бремени сыном в местности около горы Делюн-Булдак (Diloun Bouldac)³, и он дал ему в память о только что одержанной победе имя Темучина⁴.

¹ Jissoun или Jessou обозначает по-монгольски число девять, считающееся счастливым у турецких и татарских народов, и м. б. Jissougai означает девятый; Bagatour, Bahadour—прозвище, означающее по-турецки храбреца.

² У л у н значит облако, экэ—мать. По Сананг-Сецену, Иессугэй-Багатур, охотясь однажды со своими двумя младшими братьями, встретил татарина по имени Иеке Чилату (Jéke Tchilatou), который женился только что на девушке из племени Олхонут и вез ее к себе. Этот человек, заметив, что трое охотников направляются к нему с дурным намерением, обратился в бегство, покинув свою молодую жену, которая и была захвачена Иессугэем. Ёгёлен-экэ (Eugueulen-éké), как ее звали, стала женой Иессугэя и подарила ему в 1162 году сына, названного Темучингом (Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 63).

³ Рашид—Deligun-Bouldac, около Онона, С а н а н г-С е ц е н, стр. 106. Bouldac значит по-монгольски холм. Китайцы передают это название через слогИ Tie-li-vun-ran-te (И а к и н ф, стр. 38, по Ган-му). Эта гора находится на берегу Онона (П у т е ш е с т в и е Тимковского, т. II, стр. 226).

⁴ Имя Темучин (Témoutchin), которое по-монгольски значит лучшее железо, как это объяснено в историческом словаре юаньской династии, помещенном в конце Истории первых четырех ханов дома Чингисова, перев. скитайского отцом Иакинфом (см. стр. 378), смешивалось с именем Темурджи, обозначающим по-турецки кузнеца, что без сомнения дало место легенде, что Чингиз-хан занимался этим ремеслом, как это мы видим у греческого историка Пахимера, арабского историка Новаири, в отчетах армянского князя Гайтона и миссионера Рубрука; такое мнение до сих пор еще существует среди монголов. Тимковский, совершивший в 1820 году путешествие от Кяхты до Пекина, проезжая около горы Дархан, в 193 верстах или 37 лье к юго-западу от Урги, узнал, что имя Д а р х а н, которое значит к у з н е ц, дано ей потому, что Чингиз-хан ковал железо у подножья этой горы. „Дархан,—прибавляет он,—простирается с севера к югу, хребет состоит

Таким образом, тот, кто прославился под именем Чингиз-хана, родился близ современной нам границы двух величайших империй в мире. Рассказывают, что при своем появлении на свет он держал в правой руке кусок запекшейся крови. Иесугай, владения которого были расположены в высоких горах Буркан-Калдун¹, откуда выходят реки Онон, Керулэн и Тола, имел от Олун-Экэ еще трех сыновей, по имени Чжучи (Tchoutchi), Качиун (Catchoun) и Тэмугэ (Témoücou). Его потомки отличались от других кытвов прозвищем Борчжигин (Bourtchoukin), что значит сероглазый.

После смерти Иесугая Темучин, оставшийся в возрасте лишь тринадцати лет, был покинут племенами нирун, находившимися под властью его отца. Они не захотели повиноваться ребенку и перешли под знамена Таргута², правнука Кайду-хана, который был главой тайчжутов, самого сильного тогда из монгольских племен. После казни Амбогая

из обрывистых скал красного гранита, между которыми растут алтагана (*gobinia rugosa*) и другие кустарники. В конце южной возвышенности, у подошвы которой мы находились, виднеется о б о, сложенное из камней монголами, которые ежегодно летом съезжаются сюда, чтобы праздновать память Чингиза. Гун (граф) Ахай, во владениях которого расположены станции Шибету и Шара-Хороту, приносит ему жертвы на горе Дархан (*Voyage à Pékin*, франц. перевод, Париж, 1827, стр. 155, 173 и 179). О б о—это куча из камней, песку, земли или дерева, перед которой ламаиты-монголы расprostираются ниц, совершая молитву (там же, стр. 26). Может быть, этот обычай является не более как следом упоминавшейся нами церемонии в память о выходе из Эргэ-нэ-кон.

„День и час рождения Темучина, по словам Рашида, в точности неизвестны; однако, согласно с общим мнением князей-чингизидов и монгольских вельмож, установлено, что он жил 72 солнечных года, или 74 лунных, и около трех месяцев, и что он умер в пятнадцатый день осеннего месяца года свиньи (гахай-йил), который в 624 г. начинается в сафере (февраль 1227) года; сверх того, известно, что он родился также в год свиньи (монгольского двенадцатилетнего цикла); из этого следует, что его рождение должно быть отнесено к году свиньи, предшествовавшему на шесть циклов году его смерти, т. е. к году, начало которого должно падать на зулькад 549 года (февраль 1155)“.

Но *Histoire de la Chine*, перев. Mailla (стр. 8) относит его рождение к 1161 г. Гобиль говорит, что, по китайским известиям, Темучжен (Témoügen) родился в 1162 г. (*Hist. de la dyn. des Mongous*, стр. 2, прим. 1). Историк Юаней, Ган-му и Сананг Сецен согласны в том, что он умер в возрасте 66 лет. В таком случае Темучин родился в 1162 году.

¹ Горная цепь, дающая начало этим рекам, современными монголами и манчжурами называется Кентей.

² Таргутай (Targoutai) был сын Адал-хана (Adal-khan), сына Кадантайши, сына Амбогай-Каана, сына Суркандугу-Чинэ, сына Чжеркэ-лингуна, сына Кайду (Рашид).

Каана, члены его семьи и вожди тайчжутов съехались для выбора преемника ему, но не сошлись на кандидате. Неизвестно, кто непосредственно после него царствовал над тайчжутами; мы знаем только, что когда этот народ после смерти Иесугая взялся за оружие против его сына, то государем у него был сын Адал-хана, Таргутай. Вдова Иесугая села на лошадь, взяла в руки туг¹, т. е. знамя с четырьмя бычьими хвостами и пустилась их преследовать; она храбро атаковала их, но ей удалось вернуть лишь небольшое число вассалов.

Сторонники Темучина были ослаблены впоследствии отпадением еще нескольких других племен, из которых самым значительным было племя чжаджират (*djadjérates*), у которых вождем был Чжамуга (*Djamouca*), по прозвищу Сэцэн (*Satchan*) или мудрый. Тэгучар, родственник этого Чжамуги, земли которого граничили с рекой Иро (*Irou*), отправился промышлять добычу с несколькими всадниками в район Улагай Булак², соседний с Сары-кегером, (*Sari-kihar*)³, где были земли Темучина. Вблизи было местожительство Чжучи Термела (*Djoudji Termela*), одного из потомков тех чжелаиров, которые за убийство Монулун попали в положение рабов у предков Темучина. Чжучи спрятался между лошадей, и когда увидел приближавшегося Тэгучара, убил его стрелой. Это убийство было причиной

¹ Таоц или *тоу*—китайское название знамени, состоявшего из длинного копья, к которому привешен мохнатый хвост тибетского быка. Таковы были знамена императоров Китая, и когда последние жаловали царское достоинство вассальным турецким и татарским князьям, они посылали им в качестве знаков инвеституры такие знамена вместе с литаврами (*Visdelou, Hist. de la Tartarie, 97; Abel Rémusat, Recherches sur les langues tartares, 1, 303*). Отсюда произошло название ТУГ, усвоенное турецкими и татарскими народами, которые при недостатке хвостов тибетских яков водружали и конские хвосты. Туг и литавры служили у них знаками инвеституры и командования. „Именно,—говорит Кювье,—из хвоста яка или буйвола с лошадиным хвостом, разновидности малорослого буйвола, хвост которого покрыт сплошь длинными волосами, как у лошади, и который водится в горах Тибета, стали впервые делать те знамена, которые до сих пор в употреблении среди турков, в качестве знаков отличия высших офицеров“ (*Régne Animal, т. II, стр. 270*). Рубруквис упоминает об этом животном под названием тангутского быка, у которого хвост как у лошади, а брюхо и спина покрыты длинными волосами (*Voyage en Tartarie, 28*).

² Улагай—значит красный. Булак—источник или речка у ее истока; м. б. это небольшая речка Уленгуй, которая берет начало на водоразделе Онона и Ингоды и впадает в последнюю реку (см. *Ritter, Asien, II, стр. 27*).

³ Близ реки Сали, по Истории Юаней, Иакинф, стр. 9.

вражды, которую Чжамуга возымел к Темучину. Охваченный чувством злобы, он перешел со своей ордой на сторону тайчжутов, которые были еще усилены икирасами, урутами, букакинами¹ и хорласами (courlasses).

В молодости Темучин однажды был застигнут и схвачен тайчжутами. Их князь Таргутай, по прозванию Харалтук (Kéreltouc) или сварливый, велел надеть на него колодку; этот снаряд состоит из двух плашек с выемкой на одной стороне, которые накладываются на плечи пленнику и замыкаются около шеи. Рассказывают, что во время этого плена за Темучином ухаживала одна старая женщина, которая расчесывала ему волосы и заботливо засовывала кусочки войлока в те места, где колодка терла кожу. Он нашел все-таки способ ускользнуть и спрятаться в маленьком озере, погружаясь вместе с колодкой в воду и выставляя из воды одни ноздри. Тайчжуты искали его в этом месте, однако не могли обнаружить; но его заметил один сельдуз, который был среди них, и решил спасти его. Как только его спутники удалились, он вытащил из воды молодого Темучина, освободил его от колодки, которая давила ему плечи, и проводил к своему жилищу, где спрятал в телеге, нагруженной шерстью. Люди, разыскивавшие его, понапрасну обшарив окрестности, заявили в жилище сельдуза, старательно его осмотрели, даже протыкали кольями шерсть, в которой укрывался Темучин, но все их старания были напрасны. После их ухода сельдуз посадил Темучина на кобылицу, дал жареного мяса, снабдил оружием и отправил домой. Этот человек, по имени Сурган-Шира (Schébourgans-Schiré)², впоследствии должен был бежать, чтобы избежать мести тайчжутов, и явился к Темучину, который впоследствии не забыл оказанной ему услуги.

В другом случае Темучин избегнул еще большей опасности. Около него было только двое из его друзей, Бургуджи и Бургул, когда он заметил отряд из двенадцати тайчжутов. Он храбро выступает им навстречу; двенадцать стрел выпускаются в него одновременно; он ранен в рот и горло. От сильной боли он падает без сознания, оба его друга спешат на помощь и находят его корчащимся в сильных судорогах на земле. Бургул нагревает камней, бросает на них снегу и держит рот

¹ Прим. перев. В Введении названы нутакин (стр. 186), а в Истории Чингиз-хана довошества его на престол (стр. 92) нутякин.

² У Саннан-Сэцэна—Торган Шара.

Темучина над паром, чтобы удалить запекающуюся в горле кровь и облегчить несколько дыхание. Так как в это время падал густой снег, Бургуджи держал обеими руками свой плащ над головой раненого и в таком положении пробыл всю ночь, хотя был по пояс в снегу. С наступлением дня Темучина посадили на лошадь и привезли домой. Бургуджи и Бургул были позднее вознаграждены за свою преданность при этом обстоятельстве привилегиями тарханов (terkhan)¹. Тот, кто получал это звание, был свободен от всякого обложения; он сохранял полностью всю добычу, которую добывал на войне; во всякое время ему был открыт свободный доступ к государю и он мог безнаказанно совершить восемь тяжких преступлений, он подвергался осуждению только после девятого преступления².

Когда впоследствии Темучину удалось объединить под своим командованием несколько племен, он одержал над тайчжутами победу, которая явилась первой ступенью в его возвышении. Уведомленный, что они выступили с целью захватить его врасплох, в числе тридцати тысяч всадников, он быстро собрал всех своих людей в степи около Бальджуны, маленькой речки, которая впадает в Ингоду. Хотя его силы достигали лишь тринадцати тысяч человек, он смело встретил тайчжутов и разбил их. На берегу этой речки был лес. Темучин имел жестокость сварить там своих пленников в восьмидесяти котлах. Этот успех заставил многие маленькие орды перейти на его сторону.

В 1194 году восстал против власти Цзиньского императора Мадагу один из татарских князей, Мучжин-Султу. Император послал для его усмирения войско под командой министра Уанян-Сяна (Ouanien-Siang). Одновременно ряд кочевых племен получил приказ также выступить против мятежников. Темучин с радостью ухватился за этот случай причинить ущерб давнишним врагам монголов. Он собрал отряды, какие оказались по соседству, и бросился с берегов Онона на татар, которые отступали к северу, преследуемые чжурчженями (tchourchés). Он убил

¹ Djami ut-Tévarikh.

² Tarikh Djihankuschaï.

Приводим здесь, вероятно, самое старинное упоминание титула Тархана. Когда Земарх, посол императора Юстина, был отпущен в 590 г. хаганом турков, Дизабулом, последний отправил с ним, в качестве посла, офицера по имени Тагма, имевшего достоинство Тархана. См. Menander, Excerpta de Legationibus.

их вождя и завладел обозом и стадами¹. В вознаграждение за его усердие Уанян-Сян² пожаловал ему китайский титул чжаут-кури (tchaout-cougi)³, который соответствовал одному из первых воинских чинов⁴.

В 1195 году Темучин принял в число своих вассалов Джагамбу⁵, младшего брата Ван-хана, а в следующем году его посетил сам царь керейтов, многочисленного народа, обитавшего на берегах Орхона и Толы, а также в соседстве гор Каракорума. Этот народ состоял из племен: чиркир, тунгкаит, тумант, сакиат, элиат и керейт⁶, при чем последнее название стало общим со времени объединения всех их под властью государей, происходивших из племени керейт. Их нравы, обычаи, наречие были весьма близки к монгольским. Этот народ был христианским⁷; он был обращен в христианство в начале одиннадцатого века несторианскими священниками⁸. Еще задолго до этого христианство проникло в восточные области. Одна

¹ „Между предметами, отнятыми у татар, которые считались самым богатым народом в этих странах, находилась, по словам Рашида, серебряная колыбель с парчевым одеялом, которым не выдавшие никогда таких предметов роскоши монголы очень дивились; они очень шумели по поводу этой добычи“.

² Этот генерал в *Djami ut-Tévarikh* фигурирует лишь под своим китайским титулом Чинг-санга, присваивавшимся лицам, имевшим ранг министра. По Гобиллю, это испорченные китайские слова *tsaï-siang*, означающие министра (стр. 171, прим. 4).

³ Этот титул пишется *tcha-ou tou-lou* в Иакинфовском переводе Ган-му, стр. 39, и означает, согласно этой китайской истории, генерала против мятежников. Рашид говорит, что Чинг-Санг Алтын-хана в это же время дал Тогрулу, государю керейтов, титул Онг-хана (*Ong-khan*), что значит царь. На самом деле Уанг или Ванг означает по-китайски князя.

⁴ Рашид добавляет, что Темучину было тогда сорок лет, и это все, что известно о первом периоде его жизни, но если Темучин родился в 1161 г., то ему было только 33 года. *Mailla, Hist. gén. de la Chine*, IX, 9—20; *Gaubil, Hist. du grand Genghizcan*, Paris, 1739 in—4°, 3—4; Иак. 1—14.

⁵ Собственное имя этого князя было Керайти. Он был третьим сыном Куджатур-Буюрук хана (*Coudjacobuz-Boyouougouc khan*). Попав еще в детстве в плен к тангутам, он долго жил среди них и заслужил большое уважение, которое и дало ему титул джагамбу; на тангутском языке, по Рашиду, джа значит страна и гамбу—великий эмир. Это имя пишется Часи-Гамбу в Иакинфовском переводе Истории Юань. *Gamrouc* был титул, который тибетцы давали своему царю.

⁶ В Введении: керайт, хархын, сахыят, тонгкоит, кераит, добуот и албат. Прим. перев.

⁷ *Djami ut-Tévarikh*.

⁸ Вот что по этому предмету сообщает история восточных династий, составленная Абульфараджем: „Несторианский патриарх Иоанн

надгробная надпись, открытая в 1625 году близ Си-ань-фу, главного города китайской провинции Шень-си, и которая датирована 781 годом, свидетельствует, что сирийские миссионеры несторианской секты водворились в Китае с 635 года¹. Пользуясь покровительством китайских государей, христианство сделало большие успехи; церкви множились и сирийские епископы были поставлены для руководства этими новыми общинами. Восточная церковная история сообщает, что в первосвященство Тимофея, который занимал с 778 по 820 г. несторианский патриарший престол, учрежденный в Ассирии, посылались миссионеры до крайних пределов Азии. Тимофей даже сделал предложение принять христианство хакану турков².

Маркуз-Буюрук³, дед Уанг-хана, попав в плен к татарскому государю Нур-Буюруку (Naour-Boouououoc), был им выдан императору северного Китая и погиб пригвожден-

(который занимал первосвященническую кафедру, учрежденную в Багдаде) получил от Ебед-Иешу, бывшего митрополитом в Мару, одном из городов Хорасана, письмо следующего содержания: Царь народа, называющегося Херит (Chérith), который обитает к северо-востоку, внутри Турции, охотясь однажды в некоторых, покрытых тогда снегами, горах, заблудился. Он уже потерял всякую надежду на спасение, как вдруг явился ему святитель и сказал: „Если ты уверуешь в Иисуса Христа, я избавлю тебя от опасности и покажу дорогу“. Царь обещал ему сделаться одной из овец христианского стада; тогда святитель стал ему проводником и вывел на добрую дорогу. Возвратясь в свою стоянку, государь расспросил относительно догматов их религии христианских купцов, которые пребывали в этой стране. Он узнал от них, что нельзя стать христианином без крещения, но он получил от них евангелие, которому ежедневно воздает поклонение. Он прислал мне приглашение явиться к нему лично или послать священника, который бы мог крестить его. Он расспрашивал меня на счет поста, говоря: у нас нет другой пищи, кроме мяса и молока, как же нам поститься? Он прибавил, что двести тысяч человек готовы последовать его примеру. Патриарх в ответ на это поручил митрополиту послать к названному царю двух священников и диаконов, снабженных священными сосудами, чтобы окрестить всех тех, кто пожелает быть обращенными, и наставить их в христианских обрядах; он указал, что они должны предписать им воздержание постом от мяса, но разрешить употребление молока, так как, по их словам, в их стране нет постных кушаний“. Абульфарадж относит это событие к 398 году геджры (1007 г.). Марес, сирийский писатель, тот же факт включает в жизнеописание патриарха Иосифа. *Assemani Bibliotheca orientalis. Romae. 1719 г. in-f-o, т. III, стр. 484.*

¹ См. перевод этой надписи в конце Восточной библиотеки Гербелота.

² *Assemani Bibl. orient. III, стр. 477 и 482.*

³ Буюрук—турецкое название и означает командующего, императора.

ный к деревянному ослу. Его вдова, решив отомстить за него, отправилась к Нур-Буюруку под предлогом выполнения долга вассала (homage); в виде обычного дара она доставила сто баранов, десять кобылиц и сто мехов, наполненных будто бы кумысом, а на самом деле скрывавших вооруженных людей. Эти люди вышли во время устроенного царицей пиршества и, соединившись с ее свитой, убили татарского хана и всех находившихся тут татар.

Маркуз оставил двух сыновей, Курджакуз-Буюрука и Гурхана; первый наследовал ему. После его смерти один из шести его сыновей, Тогрул¹, утвердил за собой верховную власть при помощи убийства двух из своих братьев и нескольких племянников и получил от своего сюзерена, императора, китайский титул вана (oang) или царя, к которому он присоединил титул хана, но его дядя Гурхан, который убежал к правителю соседнего народа найманов, Инанчжу (Inandje), вооружил последнего в свою пользу, победил Тогрула и захватил власть над кереитами. Тогрул спасся с сотней всадников и просил помощи у отца Темучина, Иесугэя, который выступил против Гурхана. Он принудил его бежать в Тангут и восстановил Унг-хана в его владении. Последний, будучи признателен за эту услугу, поклялся Иесугэю, с чашей в руке, в вечной дружбе, что у татар называлось сделаться анда или клятвенным другом².

¹ „Тогрул,—говорит Рашид,—есть имя птицы, которой никто никогда не видал, но которая также славна у этих народов (турков и монголов), как анка на западе (Азии). Говорят, что она походит на коршуна, что она имеет твердые и острые, как сталь, когти и что зараз убивает двести-триста других птиц. Рассказывающие об этом факте прибавляют, что они этому верят, хотя сами свидетелями этого не бывали, так как охотники и кочевники часто видали, как из воздуха зараз в одном месте падало до двухсот-трехсот птиц различных видов, которые все были с оторванными головами, разорванными животами и сломанными лапами; отсюда они делали вывод, что эти птицы могли быть убиты лишь каким-нибудь пернатым хищником необычайной силы, когти которого должны быть чрезвычайно твердыми и острыми“.

² Этот Унг-хан стал знаменитым среди христиан, ибо азиатские христиане верили, что в глубине Азии существовал какой-то христианский государь и даже священник, именно пресвитер Иоанн. Это мнение распространялось несторианами; именно они насадили христианство в восточных областях. Крестоносцы нашли это мнение установившимся; первые миссионеры в Татарии также старательно наводили справки о царе-пресвитере Иоанне. „Он всюду был очень известен, — говорит брат-кордельер Вильгельм де Рубруквис,—хотя когда я проезжал по его стране (1253 г.), никто не знал, кто он был, за исключением немногих несториан, а они рассказывали о нем удивительные вещи, но гораздо больше, чем было в действительности, ибо таков уж

✓ После долгих лет царствования Тогрул-Унг-хан был низложен своим братом Еркэ-Кара (Erkué Kara) при поддержке найманов. Он бежал на территорию Кара-Китая, расположенную в западной части Татарии, но он тщетно молил о помощи государя этой империи. Лишившись всяких средств, он несколько лет вел бродячую жизнь, имея в своем распоряжении лишь немного коз, молоко которых служило ему пищей. Наконец, получив известие, что сын его старинного друга Иесугэя стоит во главе многих племен, он решил отправиться к нему. Весною 1196 г. он прибыл в окрестности озера Кусугу (Keussugu), откуда и послал о себе весть Темучину, который вышел с берегов Верхнего Керулэна навстречу ему. Монгольский вождь собрал со своих вассалов контрибуцию скотом и отдал последний ему. Следующей осенью он устроил в его честь празднество на берегу Туры¹ и обещал ему смотреть на него впредь, как на своего отца, в уважение к его старинной дружбе с Иесугэем.

Весною 1197 г. Темучин и Онг-хан выступили в поход против племени Буркин, часть которого была перед этим уничтожена монгольским князем, и взяли в плен двух глав этого племени Сача-Биги² и Тайджу (Taïdjou). К осени оба союзника совершили поход против меркитов. Этот кочевой народ, который назывался также у дуют (oudouyouotes), состоял из четырех племен: огуз (ohoz)³, модон, тода-

обычай несториан, что когда они приходят из тех мест, они поднимают много шума из-за пустяков" (Voyage en Tartarie, гл. XIX, в собрании Бержерона). Эти европейские путешественники верили в существование царя пресвитера Иоанна, но в отношении его они могли получить лишь неопределенные сведения. Христианство керейтов и сходство титула Уанг с именем Иоанн (Iohan) послужили к закреплению этой путаницы. „Унг-хан, т. е. Иоханан (Iohan), царь христианский“, — говорит сирийский историк Бар Хебреус (texte sur. 437). По сбивчивым показаниям Карпини, де Рубруквис и Марко Поло видно, что именно в роде царей керейтских они предполагали баснословную личность царя-пресвитера Иоанна. Мы будем писать Онг-хан (Ong-khan), как в Джамии ут-Тэварих.

¹ У Иакинфа (стр. 16) Тура, у Mailla—Тула. Тура—небольшая речка, берущая начало между Ононом и Ингодой и впадающая в эту реку.

² Биги — тот же титул, что бек или бей у турков. Он давался также женщинам. Абель Ремюза полагал, что он происходит от китайского рэ — что значит князь. См. Recherches sur les langues tartares, том I, 303.

³ Ср. т. II, стр. 188: ouhouse-merkite. В В в е д е н и и, перев. Березиным: „всех их называют племенем ороют“. Племя ороют-мергит состоит из четырех „ветвей“: модан, тодаклин, ухур-мергит и джиюн. Д'Оссоновской транскрипции ohoz, ouhouse соответствует ухур Березина. В „Истории Чингиз-хана“ вм. ороют — одоют (I, стр. 110). Прим. перев.

клин (toudacalin), джиюн (djioun), подчинявшихся бегу Тукта. Одно из этих племен было разбито в местности, под названием Мульдже¹, близ Селенги, и Темучин отдал кереитскому государю всю добычу, доставшуюся в результате этой победы. На следующий год Онг-хан, дела которого с помощью Темучина поправились, смог собрать достаточно народа, чтобы сделать, не предупредив его, новую кампанию против меркитов. Он разбил их при Тукар-кегер (Toucar Kehré)², убил Текун-Бега (Tékoun Bey), сына Тукты, взял в плен его брата Куту и другого сына, по имени Джилауна, у которых он забрал семьи и стада; но он ничего из этой добычи не дал монгольскому князю. Меркитский хан Тукта бежал в Баргучжин (Bargoutchin), страну, расположенную за Селенгой, на восточном берегу Байкала³.

В 1199 г. Онг-хан и Темучин ходили вместе против наиманов. После смерти Инанчж-Бильге Буку-хана (Inandje Belga-Boucoi Khan)⁴, главы этого народа, два его сына Тай-Буга и Буюрук рассорились из-за обладания одной из наложниц своего отца и, охваченные непримиримой ненавистью друг к другу, разделились. Буюрук удалился с племенами, которые остались верными ему, в горные местности Кизил-Таша в Алтае, а Тай-Буга, который был старшим из них, сохранил за собой резиденцию своего отца и степи⁵. Большинство наиманских государей присоединяло к своему титулу хан или эпитет Кучлук, что значит по-турецки могущественный, или эпитет Буюрук, что означает командующий, но Тай-буга носил ки-

¹ В „Истории Чингиз-хана“, перев. Березиным, Мунча: „В местности Хорас Мурос, впереди Келурэна, близ Селенги, в месте, которое называют Мунча“. Прим. перев.

² В „Истории“ — Бокир-кегер (кегер, кеер, кыр, степь, пастбищная степь). Прим. перев.

³ Djami ut-Tévarikh; Mailla, Hist. de la Chine, т. IX, стр. 9—20; Gaubil, Hist. du grand Genghiscan, стр. 5; Hist. des Jouans, перев. Иак., стр. 14 и сл.

⁴ Инандж — турецкое слово, означающее верующий, Бельга — титул, и Букухан — имя одного древнего царя уйгуров, прославившегося своими победами (Djami ut-Tévarikh).

Прим. перев. В „Введении“ Березин дает чтение Инанч-Екэ-Тука-хан, а в „Истории“ (I, стр. 111) Инанч-Екэ-Тукухан.

⁵ Рашид указывает географическое положение территории наиманов, имя которых означает по-монгольски восемь. Она включила в свой состав Большой Алтай и горы Каракурум, а также горы Алуй Серас (Elouï Serass), озеро Ардиш (Зайсан), течение р. Иртыша (Ardisch), горы, расположенные между этой рекой и страной киргизов. На севере она граничила со страной последних, на востоке — с терри-

тайский титул Тай-вана (Taï-vang) или великого царя, который он получил от цзиньского императора и который монголы произносили Таянг (Tayang); именно под этим именем он известен в истории. Оба брата остались врагами. Темучин и Онг-хан воспользовались их раздорами, чтобы напасть на Буюрука, у которого они отняли много народа и скота. Наиманский государь укрылся в стране Кем-кемчжут, находившейся под властью киргизов, но один из его военачальников, Сайрак, прозванный Гугусу (Guegousou)¹, т. е. по-турецки слабогрудый или хриплый, следующей зимой напал на своих врагов с отрядом войск. Ночь приостановила бой. Сражавшиеся расположились лагерем на поле битвы, готовясь возобновить бой на рассвете. Тогда Чжамуга, прозванный Сэчэн, или хитрый, глава монгольского племени джаджератов, завидовавший Темучину, сумел так возбудить против него подозрительность Онг-хана, что последний, велел зажечь большие огни, тайно снялся с лагеря. Этот неожиданный уход вынудил Темучина к отступлению, и он возвратился к своей стоянке на Сары-Кегер² (Sari-kihar). Сайрак бросился преследовать Онг-хана и на Идер-Алтае (Iderou-Altai) настиг двух его братьев Билка и Джа-гамбу, у которых он захватил семьи, стада и имущество. Проникнув на керейтскую территорию, он забрал лошадей и скот, которых нашел в приграничных волостях Далду и Амашэра³. Оба брата Онг-хана спаслись почти одни и присоединились к этому государю, который отрядил против неприятеля своего сына Илха Сенгуна (Ilco Singoun)⁴ и послал просить помощи у своего союзника. Темучин тотчас же отправил войско под предводительством Бургуджи, Мукули, Бургула (Bougousou) и Чжилаокана. До их прихода Сингун был

торией керейтов, на юге — с Уйгурией и на западе со страной канглов (cancalis).

В конце статьи, посвященной наиманам (в его обзоре народов, обитавших в центральной Азии), Рашид упоминает еще об одном народе, соседившем с наиманами и называвшемся Сикин бики. Его государь носил титул Кадир-Буюрук-хана. Этот народ был могущественнее наиманов и керейтов, но ко времени Чингиз-хана находился в упадке, и последний включил его в состав онгутов. Девушки из этого народа, как и наиманские, славились своей красотой.

¹ В „Истории“ — Кукэку Сабрак. Он титулуется здесь: бек из бек в Буюрук-хана. П. п.

² Кегер значит степь, по-монгольски.

³ В „Истории“ — Талаин Амасере (очевидно, монгольское название). П. п.

⁴ По Рашиду, Сингун по-китайски значит сын господина (сеньера).

разбит, но названные военачальники напали на найманов, обратили их в бегство и возвратили захваченное ими — пленников, имущество и скот. Все это было отдано Онг-хану по приказанию Темучина. В благодарность за эту услугу, керейтский государь подарил Бургуджи, который был главным начальником монгольского вспомогательного войска, одежду и десять больших золотых чаш¹.

Немного времени спустя, младший брат Темучина, Джучи Касар, ходил на найманов и одержал над ними полную победу².

Тукта послал двух своих братьев, Куту и Орчинга (Ordjank), к тайчжутам с целью побудить их взяться за оружие в его пользу, и эти племена, главными князьями которых были Ангу Угуджу (Ongsou Nasoudjou), Хорил (Corigil), Худудар, Таргутай Керилтук³ собрались в великой пустыне⁴. Онг-хан и Темучин свиделись на степи Сарыкегер (Sari) весной 1200 г. и сговорились итти против тайчжутов, которые и были разбиты. Кудудар и Таргутай были преследуемы, взяты в плен и убиты в местности Еланкут-Тураш⁵. Второй из них погиб от руки Чжилаокана, сына сельдуза Сургана Ширэ, Ангу Угуджу, который был виновником этой войны, бежал с двумя братьями Тукты в Баргучжин и Хорил укрылся у найманов.

Эта новая победа усилила беспокойство среди других монгольских племен за свою независимость и заставила объединиться против все возраставшего могущества Темучина. Орды Катагин, Сальджут, Дурбан, Хонкират и одно из татарских племен, соединившись⁶, укрепили свой союз клятвой, считающейся самой страшной у этих народов⁷. Племенные вожди одновременно рубили своими

¹ Дж а м и у т-Т э в а р и х; И а к., стр. 17.

² M a i l l a, н. с., стр. 22; И а к и н ф, стр. 18.

³ Онгку Хакуджу, по словам Рашида, значит очень раздражительный, гневливый; Таргутай — собственное имя и Керелтук — значит завистливый.

⁴ „Они, — говорит Рашид, — соединились в местности у Онона, которая является великой монгольской пустыней“. В Истории Юаней: „у реки Онона“.

⁵ В „Истории“ — Энгут-Турас. П. п.

⁶ У Ару-булака (у Иакинфа, стр. 19).

⁷ „За несколько лет перед этим, — говорит Рашид, — Чингиз-хан отправил эмиссара к хатакинам и сальджутам с поручением склонить их к доброму согласию с ним. У монголов было в обычае облекать такие поручения в загадочную форму, выраженную в ритмически и искусно составленных фразах. Таким же было послание Чингиз-хана. Они не могли его понять; наконец, один молодой человек объяснил его так: „те монгольские народы, которые для нас являются чужими,

саблями жеребца, быка, барана, кобеля и козла, произнося следующие слова: „Небо и земля, слушайте наши клятвы; мы клянемся кровью этих животных, которые суть главы их пород, что мы готовы умереть, как они, если нарушим наши обязательства“. У них состоялось соглашение напасть на Темучина и Онг-хана. Последние, осведомленные тайно главой конкиратов и тестем Темучина, Даин-Нояном, отправились с берегов озера Куртуна¹, лежащего в смежестве с Ононом, встретились с этими племенами около озера Буюра и после упорного боя рассеяли их.

Онг-хан был в пути с берегов Кэрулэна на зимовку у Курта-кая (Courta-каа)², когда был открыт заговор, составленный против него его братом Кераидаем, более известным под тангутским титулом Джа-гамбу, и четырьмя керейтскими генералами. Джа-гамбу бежал к найманскому царю Таян-хану, который был врагом Онг-хана. Последний провел зиму у Курта-кая, а Темучин на Чангачжаре (Tchangatchar), на чжурчженской границе.

Перезимовав в этом районе, Темучин выступил в поход против нескольких племенных вождей, объединившихся против него; это были меркит Олан-Удур (Alac-Oudour), тайчжут Хархан-Тайши (Carcan-Taïschî) и татары Чаукур и Кэленкер, одинаково опасные своей храбростью и честолюбием. Он напал на них в Темуркинской степи, разбил их и завладел всем их достоянием.

Многие вожди стремились к власти над монголами. Среди этих соперников были Сача, князь племени Кыят-Буркин, Чжамуга, глава племени Джаджератов, Чжучи, брат Темучина, и Олан-Удур; наконец, Темучин, который оказался более ловким или счастливым, чем его соперники, кончил тем, что уничтожил их всех, кроме своего брата.

Племена Хонкират, Икирас, Курулас, Дурбан, Татар, Катагин и Сальджут, собравшись в 1201 г. на берегу реки Киан³, выбрали своим главой Чжамугу и поднесли ему

все уже соединились с нами; тем более должны быть дружественными мы, состоящие в близком родстве“.

„Те племена надсмелись над этими увещаниями и с оскорблениями отправили обратно посланца. Они присоединились к тайчжутам, вместе с которыми они долгое время вели войну против Чингизхана“.

¹ В „Истории“: Хугун-нор. П. п.

² В „Истории“: Хуба-хая.

³ Рашид говорит: „на берегу реки Кем“, но это должно быть ошибка. В Истории Юань (стр. 20)—река Киан.

титул Гур-хана, что означало великий хан. Затем они отправились на берега Толы, где, составив лигу против Темучина, произнесли следующую клятву: „Пусть тот из нас, кто разоблачит наше намерение, будет затоптан, как эта земля, и разрублен на куски, как эти деревья“,—при этом они ногами обвалили землю в реку и рубили саблями деревья. Затем они сговорились напасть врасплох на своего врага, но Темучин, предупрежденный о их плане неким Хоридаем (COURIDAÏ), выступил им навстречу и разбил при Иеди-Кургане (Yédi-Courgan). Чжамуга спасся бегством, а племя хонкират подчинилось Темучину¹.

Весною 1202 года Темучин отправился с берегов реки Улкуй-Сильджуйжуг² в поход против татар. Этот народ, обитавший в стране, окружающей озеро Буюр, на границе с чжурчженями, насчитывал тогда семьдесят тысяч кибиток, или семей и разделялся на шесть племен: тутукальют, ильчи³, чаган, кутин, тэрат и теркуй⁴, у которых у каждого был особый племенной вождь, и которые вели беспрестанные междуусобные войны между собой и грабили друг друга. Между ними и монголами царствовала величайшая вражда. Темучин напал на татар ильчи и чаган, которые были им побеждены. Он отдал приказ своим войскам, в случае победы, энергично преследовать неприятеля, не заботясь о добыче, и дал обещание, что после полной победы добыча будет справедливо разделена.

Осведомившись, что его дяди Худжир и Даритай и двоюродный брат Алтан⁵ не послушались этого приказа, Темучин велел отобрать у них всю захваченную ими добычу и при распределении ничего им не дал. Этот акт строгости отшатнул от него этих трех вождей, которые вскоре своими интригами вызвали разрыв между Онг-ханом и Темучином.

¹ Джамии ут-Тэварих; Mailla, т. IX, стр. 21 и сл.; Иак., стр., 20. Эти последние события помещены там под 1200 г. Там же говорится, что победа над Чжамугой была одержана в районе Халиартай-хорог.

² Улкуй берет начало под 47° с. ш. в горе Сойолки или Сойолджи, составляющей часть Хинганского хребта, который отделяет с северо-востока к юго-западу Монголию от Манчжурии, и принимает в себя другую речку под названием Сайолджи перед тем, как затеряться в небольшом гобийском озере.

³ У Иакинфа-анци (стр. 21).

⁴ В „Введении“: тутукальют, анчи, чаган, кюин, нерэит и баргуй (стр. 51). П. п.

⁵ Алтан был сын Нэгун-Тайши, второго сына Бертама Бахадура, Куджир был сын Хубилай-каана и внук Кабул-хана. Даритай был младший сын Бертама Бахадура.

В „Истории“ (I, стр. 125): Худжир—сын Нигун-Тайши, Алтан—сын Хутула Каана и Даритай Утджигин. П. п.

Царь меркитов Тукта, возвратившийся из Баргучжина, начал борьбу с монгольским князем, но был снова разбит. Тогда он обратился за помощью к брату найманского царя, Буюрук-хану, под знаменами которого собрались племена дурбан, татар, катагин, сальджут и ойрат, намеревавшиеся отомстить за свои прежние неудачи. Эта многочисленная армия осенью 1202 года выступила против Онг-хана и Темучина. Последние покинули берега Олкуя и отошли к горам Караун-Чидун, на китайской границе¹. Их враги последовали за ними туда, но, попав в эти горы, были застигнуты снежными вьюгами и таким сильным холодом, что у многих людей оказались отмороженными руки и ноги. В наступившей ночной темноте люди и лошади падали в пропасти. Когда войско выбралось из этих горных теснин, оно было в таком скверном состоянии, что пришлось отказаться от преследования врага. Видя плохой исход экспедиции найманов, Чжамуга, который пошел было на соединение с ними, поворотил назад и на пути пограбил союзные с ним племена. Он перешел затем на сторону Онг-хана, который отправился с Темучином на стоянку на берегу Арала². Оба государя расположились тогда на зимовку в Алча Кунгуре³ (Alchia Coungour), недалеко от гор Караун-Чидун, в большой пустыне, где из-за недостатка воды пользуются снегом. Именно здесь Темучин

¹ В „Истории“: „к стороне Онгу“ (I, стр. 126). П. п.

² „Арал—по-монгольски остров“.

³ „Чингиз-хан и Онг-хан,—говорит Рашид,—перешли за Онгу (под этим именем персидский историк подразумевает великую китайскую стену) и отправились на зимние стоянки в местность, называемую Алча-Кунгур (Кунгур по-монгольски значит рыжий конь), которая ранее была зимней стоянкой хонкиратов; впоследствии на этом же месте князь Арик-Буха и его брат император Кубилай дали друг другу сражение. Эта местность представляет безводную пустыню; те, кто живет в ней, пользуются вместо воды снегом“. В жизнеописании Кубилая, четвертого преемника Чингиз-хана, Рашид, упоминая об этом сражении (1261), говорит, что оно было дано в Алча Кунгур перед высотами, называемыми Худжа-Булдак (?) и около озера Семултай. В другом месте Рашид говорит о горной цепи под названием Джай-Алча, которая, подобно „Александровской стене“, отделяет Китай от Монголистана. Он подразумевает, без сомнения, Хинганский хребет. Название Алча присоединено к названию Кунгур, чтобы показать, что эта небольшая речка берет начало в горе Алча. Имеется речка с таким же названием, впадающая в озеро Таал под 43° с. ш. На карте Д'Анвиля не имеется озера Семултая; может быть, название изменилось. Рашид ошибается, говоря, что Онг-хан и Темучин перешли за Онгу (великую стену), от которой они должны были быть около четырех градусов на север, но Рашид иногда путает великую стену с горной цепью, разделяющей страну монголов и страну манчжуров.

просил о выдаче дочери Онг-хана, Чур-биги (Chaour Bigui), в замужество за своего старшего сына Чжучи, а керейтский государь пожелал взять в жены для сына Сенгуна, Куш-Буги (Cousch Bosa), дочь Темучина, Хучжин-биги; но этот двойной брачный союз не состоялся, что положило начало вражде между Онг-ханом и монгольским вождем.

Темучин, недовольный приемом, оказанным Онг-ханом Чжамуге, на которого он, напротив, намеревался напасть, после разгрома найманов, сказал однажды своему сюзерену: „я по отношению к тебе все равно, что степной жаворонок, между тем, как другие твои вассалы поступают как лебеди. Жаворонок живет на севере зимой и летом, а лебеди с приближением холода улетают на юг“¹. Эта аллегория посеяла в уме Онг-хана подозрения против Чжамуги. Последний вскоре нашел случай удовлетворить чувство раздражения против Темучина. Воспользовавшись размолвкой, вызванной крушением проекта двух браков, он обвинил его перед Сенгуном в поддержании тайных сношений с ханом найманов и врагом керейтов Таяном². Они сговорились искать случая убить его и без труда привлекли к участию в заговоре двух монгольских племенных вождей и трех родственников Темучина, которые хотели отомстить за то, что тот отобрал часть их добычи. Сенгун упорствовал в своих планах, несмотря на неодобрение своего отца. Чтобы захватить своего врага, Сенгун сделал вид, что соглашается на просьбу Темучина о выдаче дочери Сенгуна за его сына Чжучи, и послал к нему офицера с поручением пригласить его в свой лагерь на свадебный пир. Темучин отправился было в путь, но остановился по дороге у Мингэлик-Ичигэ (Minguélik-Itchiga), который женился на его матери, он получил от него совет уклониться от этой поездки и возвратился обратно.

Потерпев неудачу в своей первой попытке, Сенгун решил весной 1203 года напасть внезапно на Темучина, который был осведомлен и об этом новом плане. Один из главных офицеров Онг-хана, по имени Йэкэ-Чжеран (Yéga Tcharan), возвратясь в свою юрту, рассказывал своей жене и сыну о только что принятом решении; его рассказ был подслушан двумя пастухами, которые принесли молоко из стада; они уговорились отправиться к монгольскому хану и предупредить о грозившей ему опасности. Темучин немед-

¹ В „Истории“ (I, стр. 113). Эти слова приписываются, напротив, Чжамуге. П. п.

² Ист. Юаней, стр. 23.

ленно снялся с своего лагеря и пошел к Селуделджитским (Seloudelejít) холмам. Он выслал небольшой наблюдательный отряд на гору Му-ондур-дис (Mou-ondour-diss). Онг-хан не замедлил появиться перед этой горой, около которой был лесок из красного тальника. Двое слуг Илчидай-нояна, которые вели лошадей на пастбище, первые заметили неприятеля. Они поспешили дать знать Темучину, который находился на Халанчжин-Алте (Calantchin Alt)¹. Тот сел на лошадь, и солнце едва поднялось, как оба войска оказались друг перед другом. Темучин, силы которого численно были значительно слабее, держал совет со своими генералами. Хуюлдар Сэчэн (Coçuouldar Satchan), из племени мангкутов (mingcoute) подбодрил их дух, предложив водрузить свой туг (toug) на холме позади противника. Он, действительно, счастливо пробился через ряды кереитов и поднял свое знамя на указанной возвышенности под названием Куйтэн (Koutban). Тотчас Темучин ударил со своим войском на кереитов. Храбрейшее из их племен чиркиры (tchirkiges) повернули спину, другое, тунгкаит (tougcaïte), было смято. Монголы прорвались до телохранителей Онг-хана, и Сенгун был ранен в лицо стрелой. Но Темучин, несмотря на все усилия, должен был уступить численному превосходству противника и искать спасения в бегстве². Покинутый на этот раз значительнейшей частью своих войск, он удалился к Бальджуне, которая почти совсем была суха, он был доведен до того, что пил воду, пропитанную илом. Тронутый верностью тех, кто не покинул его в несчастье, он, сложив руки и подняв к небу глаза, обещал им, что отныне разделит с ними и сладкое, и горькое, и что если он изменит своему слову, то готов превратиться сам в бальджунскую грязную воду³. Тут же он выпил этой воды и подал

¹ Можно читать и Калачин и Калайчин. Рашид в другом месте говорит, что Калачин-Алт находится на границе страны Чжурчже (ныне манчжуров), недалеко от речки Улкуя. В Истории Китая (Mailla) эта гора называется Halachon (стр. 32) и Kalantchin (стр. 33), но Khalagou-pola в Истории Юаней, стр. 29. Эти названия, вероятно, обозначают часть Хинганского хребта, откуда вытекают некоторые из южных притоков речки Калки, один из которых на карте Д'Анвиля носит название Halgon.

² „Эта битва при Каланчин-Алте,—говорит Рашид,—славится у монголов. Они до сих пор с гордостью говорят о ней“.

³ Вассаф говорит об источнике Бальджуне и добавляет, что это название обозначает грязную воду. История Юаней передает, что Темучин удалился на берег Банчур (Bantchour), стр. 28. На плато, что к северу от Онона, есть маленькое озеро, небольшой глубины, называемое Бальджина, из которого вытекает небольшая речка Тура, впадающая к северу в Ингоду.

чашу своим офицерам, которые, в свой черед, поклялись никогда его не покидать. Эти спутники Темучина впоследствии были отличены от других прозванием б а л ь д ж у н ц е в и были щедро вознаграждены за свою верность и преданность. Что касается двух пастухов, носивших имена Кишлыка и Бадая¹, которые его предупредили о покушении на его жизнь, то они позднее были сделаны т а р х а н а м и².

Темучин затем явился на берег речки Ор, откуда достиг места, называемого Галтакай-Када, вблизи реки Кала³. К нему там присоединилось несколько военных отрядов; его силы возрасли до четырех тысяч шестисот человек. Пройдя вдоль Калы, он расположился лагерем на берегу озера Тунга, в местности под названием Хурга Хурган (Тоугоуса Соурган), откуда отправил к керейтскому хану некоего Ерти-Джиуна⁴, из племени Илтуркин, с следующим посланием:

„О, мой отец хан, когда ты подвергся преследованиям со стороны твоего дяди Гурхана за то, что ты похитил верховную власть после смерти его брата Буюрука и погубил двоих из твоих братьев, ты спасся в Каравун Кабджал⁵, где ты был окружен и осажден. Кто исторгнул тебя из этого места, как не мой отец? Он дал тебе помощь, с которой ты возвратился, ты нашел Гурхана в Курбан-Беласут, ты обратил его в бегство, и он вынужден был искать спасения, в сопровождении только двадцати или тридцати человек, в стране Хашин (Саучи)⁶, откуда он более уже не появлялся. По этому то случаю ты сделался анда с моим отцом, и поэтому то я называю тебя ханом—моим отцом. Вот первая услуга, которая была тебе оказана⁷.

Когда на тебя напали найманы, ты бежал на запад, в страну, где заходит солнце. Я узнал, что твой младший брат

¹ Они были из монгольского племени к э л и г у т о в; имя это по Абуль-гази (тур. текст, стр., 33) означает по-монгольски зайку и было дано потому, что их родоначальник отличался этим недостатком.

² Djami ut-Tévarikh; Mailla, Hist., IX, 26—32; Иак., 20—26.

³ Кала м. б. та речка, которая ныне называется Халха (Kalka), вытекает из Хингана и впадает в озеро Буюр.

Прим. пер. В „Истории“ вм. Г а л т а к а й - К а д а — К е л т е к т э й - Х а д а ; К а л а - Х а л а .

⁴ В „Истории“: Аргай-Джиуна. П. п.

⁵ По Рашиду, эти два слова означают черный лес, и этот район был расположен по берегу Бедры (м. б. Туры).

В „Истории“ Хараун-Кыпчал, далее—вм. Курбан-Беласут-Г у р б е н - Т е л а с у т . П. п.

⁶ Ho-si или Тангут.

⁷ Djami ut-Tévarikh.

Чжаси-Гамбу находится на территории государства Нючжи; я немедленно послал к нему приглашение прийти ко мне; во время пути его преследовали люди из племени меркит. Я послал двух своих братьев, которые перебили их. Вот вторая услуга, оказанная тебе¹.

„Когда в беде ты явился ко мне, то твое тело просвечивало сквозь твою одежду, точно солнце сквозь облака, и, ослабленный голодом, ты подвигался с медлительностью угасающего огня. Я отправился в поход; я напал на племена, стоявшие в Муричак-Муал (Mouritchac-Moual); я отнял у них баранов, лошадей, имущество и все это отдал тебе. Ты был тощ, а в течение полумесяца ты у меня раздобыл. Вот третья услуга, оказанная тебе.

„Когда племя меркит стояло лагерем на степи Тукара, я послал к Тукта Биги посланца, который на самом деле был моим шпионом; но ты, почтя этот случай благоприятным, напал на это племя, не предупредив меня; ты захватил жену Тукты и жену его брата; ты взял его брата Тудуна и сына его Джилуана; ты ограбил племя удуют-меркит, и из всего этого мне ничего не дал. Тем не менее, когда немного спустя Гугюсу-Сайрак, во главе найманов, ограбил твой улус, я отправил четырех из моих военачальников, которые отобрали и возвратили тебе твоих людей, взятых в плен найманами, и восстановили твою власть. Такова четвертая услуга, оказанная тебе.

„Я полетел, подобно соколу, на гору Чуртумен; я пересек озеро Буюр и захватил для тебя синеногих и пепельнокрылых журавлей, т. е. племена дурбан и татар; затем, перейдя озеро Келэ (Keulé), захватил синеногих журавлей, т. е. племена Катагин, Сальджут и Хонкират (Soupcourate). Такова пятая большая услуга, оказанная тебе².

„Ты припомнишь, о, мой отец хан, что на берегу реки Хара, у горы Чуркан³, мы дали друг другу обещание, что если змея проскользнет между нами и пропитает ядом наши слова, мы не допустим, чтобы ее ухищрения застали нас врасплох, мы не нарушим нашего союза, не повидавшись и не объяснившись; однако ты удалился от меня, не удостоверившись в том, что тебе на меня наговорили. За что, о, мой отец хан, ты преследуешь меня с теми самыми племенами, которых я привел в подчинение тебе? Почему ты не даешь себе покоя и не позволяешь своим детям поль-

¹ История Юаней, стр. 26.

² Djami ut-Tévarikh; Ист. Юаней, стр. 26.

³ В „Истории“: Чоргел-хон. П. п.

зоваться мирно сладостным сном? Я, твой сын, никогда не говорил, что моя доля чересчур мала, я хочу большей, ни что она плоха, и я хочу лучшей. Когда из двух колес телеги одно сломается, а бык силится тащить ее, он ранит себе шею, и его приходится распрячь, а телегу оставить, и разбойники овладевают ею; а если оставить быка запряженным, он погибнет и умрет с голоду. Разве я не одно из колес в твоей телеге?”

Он велел сказать своему дяде Хучжиру и двоюродному брату Алтану: „Вы возымели намерение убить меня. Однако, я с самого начала говорил сыновьям Бартана-Бахадура, как и Сача и Тайджу:¹ Как наша Ононская земля может остаться без властителя? Я хотел уговорить вас взять в свои руки предводительство нашими племенами; вы отказались; я был огорчен этим. Я сказал тебе, Хучжир (Cotcher), сын Негун-Тайши (Tékoun-Taïdji): Будь нашим ханом; ты не послушал меня, и тебе, Алтан, я говорил: Ты сын Хубилай-Каана, который был государем: будь и ты им также; ты не пожелал быть им, и когда вы стали настаивать, говоря: будь ты сам нашим вождем, я по вашей просьбе стал им и объявил, что я сохранию наследие и обычай наших отцов². Разве я домогался высшей власти? Я был избран единодушно, чтобы избежать перехода земель, занятых предками по трем рекам³, под власть чужеземцев⁴. Тогда я решил, что, став вождем многочисленного народа, я должен одарить тех, кто был мне предан; я позабирал много стад, юрт, женщин и детей, которых я роздал вам; я облавил для вас степную дичь; я гнал на вас дичь с гор⁵. Вы служите Онг-хану; но вам должно быть известно, что он непостоянен. Вы видели, как он поступил со мной; он поступит с вами еще хуже“⁶.

Темучин просил Онг-хана вернуть ему рыжую лошадь с седлом и сбруей, отделанными серебром, которую он потерял в день сражения. Он потребовал, наконец, чтобы хан, его сын Сенгун, Чжамуга, Хучжир, Алтан и другие вожди послали каждый по офицеру, чтобы уладить разногласия, и назначил место для встречи у озера Буюра.

¹ Бартан-Бахадур был дед Темучина; Тайджу был его дядя, Сача — двоюродный брат. Как и он, оба были потомками Кабул-хана.

² Djami ut-Tévarikh.

³ В истоках Онона, Керулэна и Толы.

⁴ История Юаней, стр. 28.

⁵ Djami ut-Tévarikh.

⁶ Ист. Юаней, стр. 28.

Онг-хан, выслушав это послание, упрекал своего сына за то, что тот не слушался его советов. Илько-Сингун ответил ему: „Дело зашло чересчур далеко теперь, чтобы нам можно было отказаться от нашего предприятия. Нам ничего не остается, как напасть на него со всеми нашими силами. Если мы одержим верх, он будет в нашей власти; если мы будем побеждены, мы окажемся в его власти“. Он ответил, от имени всех, посланцу Темучина, что они никого не пошлют, что они пойдут на него, и что оружие решит их спор¹.

Темучин выступил вслед за отъездом своего эмиссара. Он ограбил племя хонгкиратов и остановился на берегу Бальджуны.

После битвы при Халанчин-Алте, Онг-хан отправился на стоянку при Каит-Кулгат-Алте. Куту-Тимур, Даритай, Хучжир, Алтан, Чжамуга составили тогда заговор с целью убийства их сюзерена. Осведомленный об этом намерении, Онг-хан напал на них и отнял их обоз. Даритай, одно из племен монголов-нирун и кереитское племя сакиат перешли на сторону Темучина; Хучжир, Алтан и Куту-Тимур, вождь татар, ушли к найманскому хану.

Темучин провел лето 1203 года на берегу Бальджуны. К осени он собрал свои войска у Онона с намерением напасть на хана кереитов. Чтобы захватить его врасплох, он прибег к хитрости. Его брат Чжучи-Хасар, отделившийся от него после битвы при Каланчин-Алте, потеряв все, включительно до жены и детей, захваченных кереитами, был вынужден существовать охотой, пока не соединился с Темучином у Бальджуны. Последний приказал двум слугам Чжучи-Хасара отправиться к Онг-хану и передать будго бы от лица своего господина следующее послание: „Я не знаю, где теперь находится мой старший брат, но я знаю, что моя жена и мои дети находятся в твоей власти, о, мой отец хан, а я уже давно сплю один, не имея другого крова, кроме веток, другой подушки, кроме кочек; я бы хотел соединиться с моей семьей; но я не знаю, как ты примешь меня. Государь, если ты пожелаешь простить мои прошлые вины и вспомнить о моих старых заслугах, я вернусь к тебе с полной покорностью в сердце“.

Онг-хан обещал, что прошлое будет забыто, и чтобы придать более надежности своему слову, он отправил с

¹ Djami ut-Tévariklî; Ист. Юаней, стр. 28.

посланцами Чжучи одного из своих офицеров, которому поручил отнести немного своей крови в бычьем роге с тем, чтобы эта кровь была примешана к напитку, который должен был скрепить присягу в верности¹. Когда они были в дороге, один из монгольских посланцев заметил вдали знамя Темучина; боясь, чтобы кереитский офицер, который был на хорошей лошади, не бросился поднять тревогу в кереитском лагере, он сошел с лошади под предлогом, что в копыто его коня попал камень, и попросил кереита подержать ногу, пока он ее почистит. Пока он занимал таким образом посланца, подошел Темучин. Последний взял в качестве проводников обоих своих послов, всю ночь употребил на переход со своими войсками, которым было приказано положить в рот кляпцы. Он захватил Онг-хана врасплох у гор Чечер-Ундур². После горячего боя Онг-хан и его сын обратились в бегство. При переходе на территорию найманов кереитский хан был убит в местности Онусун³ двумя найманскими офицерами, охранявшими границу. Они отнесли его голову своему государю, который был очень рассержен убийством этого несчастного старика и сохранил его череп, оправленный в серебро. Сенгуну удалось бежать в Бури-Тибет⁴; но через некоторое время его грабежи подняли против него жителей этой страны, и он ушел в страну Куман, порубежную с областями Кашгара и Хотана и принадлежавшую султану турецкого народа Калачжей Килидж-Каре. Будучи захвачен в местности Кусату-Чжар-Кашмэ, он был убит вместе со своими женами и детьми по приказанию этого владельца, который вскоре затем подчинился Чингиз-хану.

Темучин в результате последней своей победы покорил кереитский народ и его владения. Поразвлекшись часть зимы охотой в местности Ниман-керэ⁵ (Niman kehre), он возвра-

¹ Этот обычай существовал у скифов, по Геродоту (кн. IV, 70). „У аксиаков (скифского народа), — говорит Помпоний Мела (кн. II, гл. I), — самые союзы не заключаются без пролития крови. Те, кто заключает договор, наносят себе раны, смешивают кровь и отпивают ее“.

² Чеченту-Ола, у Иакинфа, стр. 30. Ундур — по-монгольски высота. По Гобиллю, стр. 10, эти горы расположены между реками Толой и Келурэном. Точное положение большинства упоминаемых в этой главе местностей нам неизвестно (В „Истории“ — Чечим-Ундыр. П. п.).

³ Он-усун — по-турецки десять рек.

⁴ Djami ut-Tévarikh. — Карпини также упоминает о стране Бури-Тибет (Bouri Tabethi).

⁵ У речки Тэмэгэ, у Иакинфа, стр. 31.

тился в свою орду¹ и занялся приготовлениями к нападению следующей весной на нового врага.

Царь наиманов Тай Буга, более известный под именем Таянг-хана, обеспокоенный все возрастающим могуществом монгольского вождя, отправил посла к Алакуш-Тегину (Alacousch Tékin), главе племени Онгут, с просьбой соединиться с ним против возвысившегося честолюбца, которого он презрительно называл лесным князем, намекая на лесные пространства, в которых жили монголы. Алакуш осведомил Темучина об этом предложении² и заверил его в своей дружбе. Удостоверившись во враждебных намерениях наиманского государя, Темучин решил предупредить его. В виду этого он созвал курилтай, или общее собрание, на речке Тэмэгэ весной 1204 года. Его полководцы были того мнения, что так как лошади в это время года тощи, предпочтительнее отложить поход на неприятеля до осени; но Учжугин Ноян (Utchukin Noyan) и Белгутей, один дядя, а другой брат Темучина, восстали против такого мнения: „Товарищи,—говорили они,—будет нам ссылаться на сухость наших лошадей. Выступим немедленно, предупредим наиманов, которые хвастались, что отнимут у нас наши луки и стрелы. Они кажутся вам страшными из-за обширности их земель и многочисленности их стад; а что для нас это может значить? Нападем на них; о нас будут говорить: они взяли Таяна; и знает бог, что мы возьмем его“. Темучин, который был того же мнения, выступил в поход; но остановился, не дойдя до страны наиманов, и провел все лето в бездействии. Он продолжал поход осенью. Таян явился с Алтая и располо-

¹ Орду называется совокупность шатров, кибиток и хижин, которая составляет обычное местопребывание государя и его жен, а также лиц, состоящих у него на службе; от этого названия произошло название орда (horde), значение которого отлично от первого. Население, подчиненное татарскому государю, называется его улусом, т. е. его народом, а частное земельное владение князя, племенного вождя, главы семьи называется его юртом.

² „Онгуты,—говорит Рашид (в третьей главе, где он дает обзор народностей, обитавших к северу от Китая),— были во время Чингизхана и до него на службе у Алтан-ханов сев. Китая (Khitai). Они похожи на монголов. Эта народность состояла из четырех тысяч домов (или семей). Чтобы предохранить свою страну от набегов монголов, керейтов, наиманов и других кочевых народов, китайские государы, носившие название Алтан-ханов, построили стену, начиная от берегов Чжурчженского моря (Желтое море) до берегов реки Кара-Мурана (Хоанг-хэ или Желтая река), которая, беря начало в странах Тангута (Tangoute) и Тибета (Tubbet), отделяет Китай от Чина и Мачина, и не имеет нигде бродов. Императоры Китая вверили охрану этой стены, называемой монголами Онгу, а турками Буркурга, орде

жился лагерем у подошвы Хангая. Под его знаменами соединились Тукта, царь меркитов, Алин-Тайши, вождь одного из керейтских племен, Кутука Биги, князь ойратов, Чжамуга, глава джаджератов, а также племена дурбан, татар, катакин и сальджут. Когда оба войска разделяло лишь короткое расстояние, найманы по худобе случайно убежавшей из неприятельского лагеря лошади заключили, что монгольская конница в плохом состоянии, и Таян предложил своим генералам отступить медленно, чтобы еще более утомить ее перед нападением; но когда Курису-Баджу, тот самый офицер, который убил хана керейтов, сказал ему в раздражении, что его отец Инандж-Каан никогда не показывал ни своей спины, ни крупа своей лошади неприятелю, Таян, задетый за живое этим упреком, отказался от своего плана.

Когда оба войска были одно в виду другого, Темучин передал командование центром своему брату Чжучи Касару и лично построил войска в боевой порядок. Чжамуга, видя расположение монгольского войска, сказал своим офицерам: „Найманы приняли это войско за стадо коз и баранов; они вообразили, что могут сокрушить его и не оставить ни шкуры, ни ног. По моему мнению, оно в лучшем положении, чем когда-либо“. Предчувствуя дурной исход сражения, он отошел со своими и скрылся. В тот же день монголы и найманы сразились в мало просторной долине, и победа долгое время оставалась в колеблющемся положении; но на склоне дня найманы обратились в бегство ¹.

Онгутов, которых платили постоянное жалованье. Во время Чингизхана глава этой орды назывался Алакуш-Тегин-хури. Алакуш—собственное имя, а Тегин-хури (tikin souri)—титул.

Имя этого вождя заставляет думать, что онгуты были народом турецкого происхождения, ибо Алакуш—турецкое имя и означает пеструю птицу, тегин— титул, присваиваемый у турок главам орд. Хури то же самое почетное прозвание, которое было дано Темучину (нужно, может быть, читать вместо кури—ку-цзы или фу-цзы). Действительно, Гобиль говорит, согласно с известиями китайских историков, что Алаус, глава народов, называемых белыми тата, был из рода древних турецких государей (Hist. de la dyn. des Mong., стр. 10). В виду того, что прозвание онгутов произошло от китайской стены или гор Онгу, называемых китайцами Ин-шань, которые простираются с востока на запад, около одного градуса к северу от Шань-си, нам навсегда останется неизвестным настоящее название этой народности.

¹ Карпини рассказывает (гл. V), что на пути к императору татар в 1246 г. он прошел по тесной долине, где были побеждены в кровавом бою найманы и кара-китани монголами под предводительством Чингиса, которые побили большую их часть; иные бежали, а остальные, не успевшие спастись, были обращены в рабство.

Их царь, покрытый ранами, поднялся на гору; тщетно высшие его офицеры пытались его подбодрить, а Курису-Баджу кричал ему, что его жены, особенно его любимая жена Гурбасу (Keurbassou), ожидают его, нарядившись, в его шатре; ослабев от потери крови, Таян оставался распростертым на земле. Тогда Курису-Баджу сказал другим вождям, что вместо того, чтобы смотреть, как он выпускает дыхание, нужно вернуться в бой и погибнуть на его глазах. Они спустились с горы, бросились на монголов и хотя Темучин, бывший свидетелем их отчаянной храбрости, хотел пощадить их жизнь, они отказались сдаться; они все умерли с оружием в руках. Гурбасу, немного времени спустя, была взята в плен и сделалась женой Темучина.

Наиманские войска, преследуемые победителями, рассеялись в самых обрывистых местах гор Наку, и большое число их погибло в ночной темноте, попадав в пропасти¹. Монголы взяли в плен во время бегства канцлера Таяна, Тататунго, по национальности уйгура, и нашли при нем царскую золотую печать, хранителем которой он был. Темучин, к которому он был приведен, спросил у него, куда он намеревался девать тот предмет, который он носил при себе. Уйгур ответил, что эта печать была ему вверена его монархом, и что он хотел передать ее тому из его семейства, который станет его преемником. Темучин похвалил его за верность; потом, рассматривая печать, он спросил, для чего она употребляется. „Всякий раз,— отвечал ему Тататунго,— как мой господин повелевал брать серебро или зерно, или давал какое-нибудь поручение кому-либо из своих подданных, он приказывал прикладывать к указам эту печать, чтобы засвидетельствовать их подлинность“. Темучин приказал ему хранить ее, чтобы отныне употреблять ее от его имени; он пожелал также, чтобы Тататунго обучал его сыновей уйгурскому языку и письменности, а также законам и обычаям этого народа².

После этого сражения, оставшегося памятным у народов Татари, в котором Чжучи Касар, командовавший

¹ Djami ut-Tévarikh; Иакинф, стр. 31 и сл.

² Император Огодай, сын и преемник Чингиз-хана, призвал его впоследствии во дворец и вверил ему государственные печати. По смерти, время которой неизвестно, он получил почетные титулы: См. гл. о Tha-tha-toung-o, извлеченную и переведенную Абедем Ремюза в его новых *Mélanges Asiatiques*, стр. 61; Mailla, *Hist*, стр. 39; Klaproth, *Reise in den Caucasus*, 1814, т. II, стр. 522; его же *Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren*, в продолжении его *Verzeichniss der Chinesischen und Mandschurischen Bücher und Handschriften der K. Bibl. zu Berlin*. Paris 1822, in-folio, стр. 54.

центром монгольской армии, выказал столько находчивости и храбрости, что его брат в вознаграждение за это дал ему первенство над всеми своими прочими родственниками, племена татар, дурбан, катагин и сальджут покорились победителю; но меркиты не пожелали последовать их примеру и бежали. Сын Таяна, Кучлук, удалился к своему дяде Буюрук-хану; глава меркитского народа, Тукта, искал убежища там же.

Темучин преследовал меркитов и настиг прежде всего племя угуз (ouïhouse), во главе которого был Даир-Усун. Оно остановилось на берегу реки Тар и заявило, что не желает биться. Даир-Усун явился к Темучину, предложил руку своей дочери Кулан, но сказал, что у его племени недостает лошадей и скота, чтобы следовать за ним. Тот приказал разделить угуз-меркитов на роты по сто человек в каждой и, назначив им командующего, оставил их при обозе. После его отъезда эти отряды взбунтовались и принялись грабить обоз армии. Монгольские воины, приставленные к охране обоза, соединившись, успели их отразить и отобрать то, что те захватили. Тогда повстанцы искали спасения в бегстве.

Племя удуют-меркит, которое укрылось в укреплении, под названием Уйгал-Курган, было принуждено сдаться в плен; та же участь постигла три остальных племени этого народа: модун, тудакалин и джиун. Тогда Темучин отправил войска против племени Даир-Усуна, которое засело в укреплении Куру-Капчал, расположенном около Селенги. Оно должно было равным образом сложить оружие.

Немного времени спустя в руки Темучина попал один из опаснейших его врагов; Чжамуга был ему выдан своими людьми. Монгольский государь не пожелал его умертвить, так как они были анда; но он выдал его своему племяннику Илчидай-нояну вместе с его семейством и частью тех, которые его выдали; прочие были преданы смерти, как виновные в измене по отношению к своему сеньеру. Илчидай не замедлил погубить своего пленника. Рассказывали, что он приказал отрубать ему один член за другим, и Чжамуга заявил, что это справедливо, так как он так же поступил бы с своими врагами, если бы судьба отдала их в его руки; он торопил с этой жестокой экзекуцией, подставляя сам свои суставы под нож палачей¹.

¹ Djami ut-Tévaqikh, гл. о Джуриатах. В самом жизнеописании Чингиз-хана Рашид о смерти Чжамуги не упоминает; не указано им и даты события в приведенном рассказе.

Так как большинство орд этих северных стран было тогда приведено к покорности, Темучин выступил против татар, которые остались без союзников. Татары были самым богатым народом в странах к северу от Китая, а между ними племя тутукальютов превосходило прочие своею мощью. Они были побеждены и обречены на полное истребление. Вырезали поголовно всех, включительно до женщин и детей этой враждебной монголам народности. Темучин строжайше запретил щадить кого бы то ни было. Однако две из его жен, родом татарки, а также жены некоторых его офицеров, того же происхождения, успевали спасать тайно татарских детей; даже брат Темучина Чжучи, который при распределении жертв избиения получил на свою долю тысячу татар с тем, чтобы предать их смерти, уступил просьбам своей жены, татарки родом, и велел перебить лишь половину, а пятьсот остальных скрыл. Об этом акте непослушания стало известно Темучину и возбудило в нем сильный гнев. Сверх того, некоторое число татар избегло избиения бегством. Следовательно, эта народность полностью не была истреблена. Встречаются офицеры и даже целые татарские войсковые части на службе у преемников Чингиз-хана ¹.

Но если этот народ исчез тогда с лица земли, его имя не замедлило сделаться славным во всем мире в результате самих побед его истребителей, и в настоящее время им пользуются для обозначения, правда, очень неточного, народов различного происхождения. Китайцы подразумевали под именем татар кочевые орды одного происхождения, которые занимали местности к северу от пустыни Шамо, потому-ли, что из всех этих народов татары были ближайшими соседями китайской территории или потому, что они были самыми могущественными среди них по численности и богатству. Сношения китайцев с западными азиатскими странами способствовали широкому распространению общего наименования, которым они обозначали своих кочевых вассалов, ибо с самого возникновения державы Чингиз-хана, как известно,

¹ Djamit-Tévarikh, гл. о Татарах. Рашид не говорит об этом походе в жизнеописании Чингиз-хана. Не упоминает о нем и История Юаней.

Примеч. перев. В Старинном монгольском сказании о Чингиз-хане (Труды чл. Рос. Дух. Миссии в Пекине, т. IV. Спб. 1886, стр. 77—80) эта война и истребление татар отнесены к году пса, когда Онг-хан ходил на меркитов и ничего не выделил из добычи Темучину.

эти народы стали называться татарами среди западных их соседей, и это имя от одного народа к другому распространилось до крайних пределов Европы, хотя оно с негодованием отвергалось самими завоевателями, как имя народа, враждебного им, который они искоренили ¹.

Когда Темучин увидел себя повелителем воинственных орд Татари, его жадные взоры обратились на Китай, огромные богатства которого во все времена возбуждали грубую алчность северных кочевников. До этого его победы доставляли ему только людей, стада и пастбища. Наиболее ценные и разнообразные произведения природы и промышленности нужно было приобрести ценою будущих побед. Подчиняя своей воле такую массу варварских народов, он тем самым приобретал силы для того, чтобы ограбить цивилизованные нации на юге Азии. Первый опыт он проделал над государством Ся (Hia), которое монголы называли тогда Хашин (Caschi), а потом наименовали Тангут ². Это царство составилось из северной части Шень-си и местностей, граничащих с этой китайской провинцией к северу и западу от великой стены; к востоку и югу оно граничило с империей чжурчженей или Цзинь (Kin). Город Ся-чжоу, теперь наз. Нин-ся, расположенный в северной части Шень-си, был столицей государства. Цари Ся происходили от Ли-цзи-цзяня (Li-ki-tsien), главы тибетской кочевой народности, которую китайцы называли Тан-сян; последняя происходила из горной страны, которая отделяет Китай от Тибета и дает начало великой реке Хуан-хэ. Ли-цзи-цзян, будучи губернатором округа Ся-Чжоу во время анархии, предшествовавшей водворению императорской династии Сунов на китайском

¹ „Они не хотят,—говорит Рубруквис, чтобы их называли татарами, так как настоящие татары были другой народ“.

См. примечание IV в конце книги.

² Название Каши или Коши является испорченным наименованием Хо-си (Ho-si), что по-китайски значит к западу от реки. Так китайцы называли провинцию Шень-си, в виду ее положения к западу от Желтой реки; северная часть Шень-си составляла тогда часть царства Ся. Чингиз-хан,—говорит Рашид,—только что завоевал царство Каши, когда у его сына Оготая родился сын; новорожденный получил имя Каши, но он умер молодым от излишеств в употреблении спиртных напитков, и так как это случилось при жизни его отца, то имя Каши уничтожили, дав стране, которую оно обозначало, название „Тангут“. Это имя, по-монгольски, обозначает страну Тан (Tang), т. е. династии, которая там царствовала и происходила от кочевой народности Тан-сян (Tang-siang); она усвоила китайское имя Ся (Hia).

престоле, в конце десятого века отказался признать нового главу империи и предпочел признать своим сюзеренном китаньского государя; но в 1043 году его внук Чжаоюань-хао (Tchao-уен-hao) подчинился Сунскому императору и получил от него титул царя Ся. Владения этих государей, сначала весьма ограниченные, были значительно расширены завоеваниями в Шень-си. В двенадцатом веке они сделались вассалами империи Цзинь и на престоле сидел седьмой потомок Ли-цзи-цзяна, Ли-шунь-йюу (Li-shun-уеou), когда, в 1205 году, Темучин вторгся в эту страну; он вернулся оттуда с богатой добычей ¹.

¹ Mailla, Hist. de la Chine, том VII, стр. 84—623; том VIII, стр. 40 и 126. Gaubil, Hist. du grand Genghizcan, стр. 50, Du Halde, Description de la Chine. I, стр. 50; Djami ut-Tévarikh.

В этом последнем труде сказано: „Чингиз-хан сначала осадил очень сильную крепость Елинлики (вар. Екинлеки, Лики); он взял ее через несколько дней и велел сравнять с землей. Он затем пошел на большой город Келенклуши (вар. Келенкуши, Асакинкелус), которым также овладел и разграбил. После набега внутрь страны монгольская армия удалилась, гоня перед собой множество верблюдов и увозя несметную добычу. Ист. Юаней (пер. Иакинфа, стр. 35) говорит: „В лето И-Чжоу (1205) Чингиз-хан напал на Си-ся. Взяв крепость Лаири, он двинулся на Лосо-хото, захватил множество жителей и верблюдов и удалился“. Ган-му (там же, стр. 39) передает совершенно то же самое. Лаири означает, на тангутском языке, святую гору (см. Словарь в приложении к Четырём ханам дома Чингисова, пер. Иакинфа, стр. 369). Рашид сообщает нам, что Тангутский государь во время Чингиз-хана носил имя Ли-ван Шадыргу, но их последовательно сменилось несколько в царствование монгольского завоевателя.

ГЛАВА III

Сейм.—Темучин провозглашен императором с титулом Чингиз-хана.— Вторичное нашествие на Тангут.— Подчинение киргизов и кем-кемчжутов.— Подчинение ойратов.— Поход против Кучлука и Тукты.— Третье нашествие на Тангут.— Подчинение уйгуров и сведения об этой национальности.

После того, как все кочевые нации татарской расы были поставлены под его власть, Темучину не хватало титула, соответствующего значению новой державы. Весною 1206 г. он созвал у истоков Онона Курилтай, т. е. общий съезд глав всех племен. Здесь было водружено знамя, состоявшее из девяти белых тугов, расположенных один над другим. В это время к Темучину явился кам или шаман (волхв) по имени Гёкджу (Gueukdju), пользовавшийся среди монголов большим влиянием и часто говоривший с ними от имени божества, и торжественно объявил ему, что после того, как он победил и уничтожил многих монархов, носивших титул Гур-хана¹, т. е. великого хана, ему уже не приличествовало принимать такой титул, блеск которого помрачен; что небо повелело ему принять титул Чингиз-хана, т. е. хана могучих². Племенные вожди, одоббив это предложение, провозгласили Темучина Чингиз-ханом. Ему было тогда сорок четыре года³.

¹ Имя гур, по-монгольски, дает идею целостности, совокупности, так что Гур-хан может означать собственно всеобщий хан.

² Чинк, по-монгольски, значит сильный, крепкий, частица из (guiz) указывает на множ. число; хан—сокращ. хакан.

Прим. перев. Это один из вариантов монгольских толкований титула. В настоящее время большинство авторитетных монголистов объясняют титул из турко-монгольского тенгис, море, океан, отсюда великий, беспредельный (ср. Далай-лама, Далай-хан от монг. далай, однозначущего с тенгис).

³ По Рашиду, он был в возрасте 51 года. История Юаней с этого времени ведет счет лет его царствования. Djamiut-Tévarikh. Tarikh Djihankuschai.

Этот шаман Гёкджу, получивший прозвище Бут-Тенгри¹ или подобия божьего, голову которому вскружил тот почет, каким он пользовался среди монголов, и который распускал о себе молву, что он часто восходит на небо на серой в яблоках лошади, говорил с Темучином о всякого рода вещах с вольностью, которая не могла тому нравиться. Так как он стремился использовать свое влияние, Чингизхан, не нуждавшийся более в авторитете этого шарлатана, приказал своему брату Чжучи убить его, как только тот явится в его ставку и начнет докучать своей наглостью. Когда немного спустя шаман явился к Чингизхану и по обыкновению стал разглагольствовать, Чжучи, прозванный касаром² за свою необычайную силу, выгнал его пинками из императорской палатки и лишил жизни. Отец Гёкджу был тысячником монгольского племени конгхотан. Это был Мингэлик, за которого Чингизхан выдал свою мать Олун-Экэ. Чингизхан относился к нему с большим уважением и всегда садил его с правой стороны от себя, выше своих прочих офицеров. Мингэлик, бывший при этой сцене, поднял оброненную сыном шапку, не подозревая, что дело идет о его жизни. Когда он узнал об его участи, он смолчал, и его преданность Чингизхану от этого нисколько не уменьшилась. Трое других его сыновей были тысячниками³.

После роспуска курилтая, Чингизхан отправился в поход против Буюрука, который наследовал своему брату Таянхану и захватил его на охоте у речки Суджи (Soudja), поблизости гор, называемых турками Улуг-Таг или Великие горы, которые, составляя на западе продолжение хребта Малого Алтая, выше озера Балкаша, отделяют Сибирь от древней Турции. Буюрук был убит; его семья, стада, все, чем он владел, попало во власть Чингизхана. Его племянник Кучлук, сын Таянхана, бежал вместе с меркитским царем Туктой в страну, орошаемую Иртышом.

Осенью 1207 года Чингизхан совершил второе нашествие на Тангут, который не представил условленной дани, и опустошил часть этой страны.

В том же году он послал двух из своих офицеров к царю киргизов и царю кем-кемчжутов, чтобы предложить

¹ В Старинном монгольском сказании: Тэбтэнгэри (стр. 134—138); собств. имя—Кокочу (у Березина—Кукджу). П. п.

² Касар, на монгольском языке, обозначает вообще хищного зверя. См. Абуль-Гази, тур. текст, стр. 40.

³ Djami ut-Tévarikh. Прим. перев. В „Истории“ и „Введении“;—Минглик; в „Старинном монг. сказании“—Мунлик. В последнем подробно рассказан весь инцидент.

им добровольно подчиниться. Киргизы, народ турецкого происхождения, являлись обладателями обширной страны, ограниченной с юга Мало-Алтайским хребтом, который отделял их от найманской территории, и с юго-востока — рекой Селенгой; на севере и востоке она простиралась до Ангары. По Рашиду, в этой стране, в которой жили главным образом кочевники, было много городов и селений¹. В середине седьмого столетия киргизы признали сюзеренитет китайского императора; в 759 г. они должны были подчиниться уйгурам, которые господствовали тогда в Татари, но столетием позднее они восстали, победили уйгуров и ниспровергли их могущество. Тогда государь победоносного народа получил от китайского императора титул хана, и монархия киргизов сменила монархию уйгуров; но она не была долговечной². В это время киргизы и кем-кемчжуты имели отдельных царей, которые одинаково носили титул инала; один из них назывался Урус-Инал³.

¹ Djami ut-Tévarikh; Mailla, Hist., IX, стр. 42.

² Mailla, VI; Visdelou, Hist. de la grande Tartarie, стр. 78 и сл.

³ Вот что говорит в своем обзоре народов центральной Азии Рашид о киргизах:

„Киргиз и кем-кемчжют (kem-kemdjoute) суть определенные страны и образуют два отдельных государства. С одной стороны, эта страна прилегает к Монголии; с другой — ограничена Селенгой, берега которой населены тайчжутами; с третьей — она простирается до большой реки, называемой Ангарой, которая протекает на границах страны Ибир-Сибир (Абер Сибир), с четвертой — она примыкает к областям и городам, которые составляют территорию найманов. Народы Хори (Сори), Баргу, Тумат и Байлук, которые относятся к монгольской расе и обитают в стране Баргучжин Тукум (Bargoutchin Tougroum), также находятся в соседстве с этой большой страной, где много городов и селений, а в то же время там много и кочевых обитателей. Их государи все принимают титул инала. Наиболее известная и главная часть этой страны носит имя Дженин он биди (?), а ее государь назывался... (имя отсутствует в обоих рукописях кор. библ. в Париже). Имя другой страны — Биди-Урен (?) (в другом месте Бити-Афрун), а царь ее называется Урус-Инал“. Пропуск диакритических знаков делает транскрипцию этих двух имен очень сомнительной.

Территория киргизов пересечается рекой Кемом, которую русские называют Енисеем. Кем-кемчжуты, вероятно, жили по берегам Кемчика (Kemdjik) или малого Кема, реки, которая течет с запада на восток и впадает в Кем, около 46° с. ш. Кем-Кемчик — Бом есть название того из пограничных знаков между империями русской и манчжурской, который поставлен в устье Кемчика (Klaproth, De la frontière russe et chinoise в Mémoires relatifs à l'Asie, том I, стр. 26). География Ин-Хаукаля, арабского писателя десятого века (рукоп. Лейд. биб.), помещает киргизов в тех же областях, в коих они жили при Чингизхане. Имя киргизов встречается в отчете о посольстве Земарха, отправленном императором Юстином к турецкому кагану Дизабуду. Последний, как говорит Менандр (in Excerptis de legationibus), подарил Земарху девушку из народа, которую называют Херхис.

Оба добровольно подчинились монгольскому хану и послали ему в качестве даров кречетов с белыми глазами ¹.

Чингиз-хан провел лето 1208 года в своем юрте или своем личном уделе. Следующей осенью он пошел к Иртышу против Кучлука и Тукты. На своем пути он встретился с племенем Ойрат, находившимся под управлением бека Кутуки, который, не будучи в состоянии оказать ему сопротивление, решил подчиниться, подкрепил его войска и даже служил проводником. Кучлук и Тукта подверглись нападению у реки Джем ². Второй из них погиб в битве; его брат и сыновья бежали в страну уйгуров. Кучлук также посчастливилось спастись, и он через Биш-балык ушел в район Куджи (Coudja) ³, откуда явился ко двору великого хана Туркестана, владения которого, располагавшиеся между Уйгурией и Трансоксанией, назывались тогда Кара-Китаем (Cara-Khitai), по имени хитанской народности, к которой принадлежала царствовавшая династия ⁴.

Осенью 1209 года Чингиз-хан в третий раз вторгся в Тангут. Он разбил одну армию, под командой сына царя Лиань-цюана (Li-ngan-tsuan), взял город Уйраку ⁵, крепость И-мэнь, разбил во второй раз тангутскую армию и осадил столицу Чун-син, ныне носящую название Нин-ся-фу (Ning-hia-fou) и расположенную на западном берегу Хоан-хэ или Желтой реки. Он хотел затопить этот город, отведя реку; но воды ее, прорвав плотины, которые были им воздвигнуты, потопили его собственный лагерь и принудили снять осаду. Он послал одного из своих офицеров в Чун-син с мирными предложениями. Царь принял их и дал Чингиз-хану в замужество свою дочь, после чего тот ушел ⁶.

¹ Эти кречеты имели, по Абуль-гази, голову, лапы, клюв и глаза красные. Вот что сообщает История Юаней: В этом году (1207) Чингиз-хан послал двух своих офицеров, Алтани и Бору, к народу киргиз. Немного спустя Идур-нэрэ и Алдар отправили к нему послов с превосходными кречетами (Иак., стр. 40).

² Histoire de la Dynastie mong. на кит. яз., название этой реки пишется Тан (Visdelou, Suppl., стр. 38).

³ Кулджа—небольшой город в Туркестане, на запад от Харашара

⁴ Djami ut-Tévarikh.

⁵ Oui-ra-sa, по-тангутски, значит проход в стене, от уй—в, посреди, ра—стена и ка—проход (по словарю древних названий, встреч. в Истории Юаней, Иакинф, стр. 379). Положение этого города неизвестно; в Djami ut-Tévarikh он назван Ерика. М. б., это Егригайя Марко Поло (изд. Марсден, гл. 52, стр. 235).

⁶ Mailla, Hist. de la Chine, стр. 43. В Истории Юаней, в пер. Иакинфа (стр. 42), напротив, рассказывается, что разрушили плотины сами тангуты и затопили монгольский лагерь. В Djami ut-Tévarikh об этом походе говорится лишь следующее: „Осенью Чингиз-Хан в

По возвращении в Татарию, Чингиз-хан принял послов царя уйгуров, который приносил свою покорность. Уйгуры, турецкий народ, территория которого граничила с территорией найманов на юго-западе, жили в старое время в местностях, орошаемых реками Орхоном, Толой и Селенгой, имеющими истоки в горах Каракурум. Сначала они подчинялись турецкой империи, а потом поддались под покровительство Китая, во время императора Тайцзуна, который царствовал с 626 по 649 год. Тогда в разных местах, где жили составлявшие этот народ племена, были поставлены китайские губернаторы, а наследственному главе этого народа предоставлялся титул одного из высших чинов императорской армии. Один из этих государей, по имени Ху-ли-фи-ло, в китайской транскрипции, воспользовавшись беспорядками в турецкой империи, довершил ее разрушение в 745 году и захватил ее владения. Он получил от своего сюзерена, китайского императора, титул Буку-хана. Он является основателем уйгурской империи, которая простиралась на восток вплоть до гор, где оканчивается великая пустыня и на запад до Алтайских гор, но эта монархия едва продержалась одно столетие и была разрушена киргизами и китайцами в 847 году. Из своих обширных владений уйгуры сохранили лишь небольшое княжество, расположенное к юго-западу от гор Каракурум, в местности, где высятся горы, называемые небесными. Именно туда удалился их глава, преемники которого, с титулом Иди-кута, т. е. по-турецки властителя страны, имели местопребывание в городе Биш-Балыке ¹ и считались вассалами китайского императора. Первоначальная религия уйгуров была общей с другими народностями северной Азии и в наше время известна под именем шаманизма; волхвы, называемые камами, были служителями этого грубого культа. Затем они приняли религию Будды, которой они были обязаны своей цивилизацией; из кочевников они стали земледельцами. Христианство также стало распространяться среди этого народа, обладавшего собственной письменностью, причем большинство знаков их алфавита имеет сильнейшее сходство с сабейским алфавитом.

третий раз вторгся в Тангут; он проник до города Ерлаки (в другой рук. Ерики), получил в замужество дочь государя этой страны и победоносно возвратился“.

¹ Visdelou, *Supplément à la Bibl. orient. d'Herbelot*, стр. 57—71. Кларк доказал ссылками на китайских писателей, что город Биш-Балык был расположен там, где ныне Урумчи, т. е. под 44° с. ш. и 87° 1' в. д. от Парижа (*Mémoires relatifs à l'Asie*, т. II, стр. 355 и сл.).

К 1125 году это княжество сделалось данником новой Каракитайской империи, основанной китанским (khitan) князем, из императорской фамилии Ляо, который выехал из Китая после разрушения китанской монархии чжурчженями или цзинями (kins). В стране уйгуров был губернатор, управлявший от имени императора Кара-Китая. Когда Чингиз-хан установил свое господство над всеми кочевыми народами, к северу от великой пустыни, Иди-кут, или уйгурский царь, по имени Барчжук¹, велел убить, весной 1209 года, в Кара-Ходже кара-китайского губернатора по имени Шукема, который, как говорили, вызвал общую ненависть к себе своими вымогательствами. Чингиз-хан, осведомленный об этом происшествии, поспешил послать к нему двух офицеров: Алб-Утука и Дербая. Иди-Кут отправил с ними двух своих, поручив им передать Чингиз-хану, что он, в виду славы, идущей об его величии и могуществе, уже собирался отправить к нему послов, чтобы осведомить о новых своих отношениях с Гур-ханом Кара-Китая, как вдруг неожиданно прибыли посланцы самого Чингиз-хана, вызвавшие у него приятнейшее удивление: „что точно также, как тучи, рассеиваясь, позволяют узреть солнце в новом ослепительном сиянии или как разломавшийся лед вскрывает чистую и прозрачную волну, так и его тяжелое уныние уступило место живейшей радости; что он предоставляет свою страну в его полное распоряжение и надеется стать его сыном и слугой“. Чингиз-хан знал, что царь уйгуров отказал в убежище брату и четырем сыновьям Тукты, бежавшим после поражения при реке Джеме. Он милостиво принял его послов и снова отправил с ними Алб-Утука и Дербая передать ему, что если он искренен в своих уверениях, то пусть лично явится к нему на поклон (*rendre hommage*) и принесет наиболее ценное из своей сокровищницы. Чингиз-хан отправил это предложение летом 1210 года. Когда он возвратился в Орду из третьего тангутского похода весной 1211 года, он уже застал там уйгурского царя, который поднес ему богатые дары². В то же время Чингиз-хан принял явившихся на поклон³ двух других вассалов кара-китайского гурхана; один из них был Арслан-хан, глава турков-карлуков и князь Каялыка; другой был Озар, князь

¹ Так он назван в Djami ut-Tévarikh; в Su-houng-kian-lou (пер. Гобиля, стр. 13) это имя читается Partchoukorte Tikin; у Visdelou (стр. 138) — Baltchou-ar-the; у Клапрота (Mémoires, II, 335) — Barchu-Arte. Tikin, тегин-тюрецкий титул.

² Djami ut-Tévarikh; Histotre de la Dyn. mong, 138; Klaproth, II, 331.

³ В подлиннике: reçut... l'hommage. В настоящее время имеются ис-

Алмалыка. Когда последний вскоре после того был захвачен на охоте и убит по приказанию Кучлука, ему наследовал его сын Сигнак Тегин (Siknak Tékin) в силу приказа Чингиз-хана, выдавшего за него одну из дочерей своего старшего сына Чжучи. Арслан-хан также женился на княжне из Чингиз-ханова дома¹, и Чингиз-хан обещал уйгурскому царю выдать за него свою дочь Алтун-Биги²

следования в области феодального ритуала как Китая, так и центральной Азии. Особенно интересен тот обряд, который был заимствован русскими и с выразительной точностью назван челобитьем („бить челом“, „добить челом“ тому-то). П. п.

¹ Tarik Djihankuschaï, т. I.

² См. примечание V в конце этого тома.

ГЛАВА IV

Восстание Чингиз-хана против императора северного Китая.—О монархии китаней или Ляо.—Монархия чжурчженей, или Цзинь.—Поход Чингиз-хана на Китай.—Нашествие в Шань-си и Пе-чели.—Поражения, понесенные цзиньцами.—Восстание китаней в Ляодуне и их подчинение Чингиз-хану.—Переворот в Цзиньской столице и насильственная смерть императора Чунгхей.—Восшествие на престол его племянника Утубу.—Война между Ся и Цзинь.—Вторая кампания Чингиз-хана в Китае.—Опустошение Шань-си, Пе-чели и Шань-дуна.—Мир.—Перенесение цзиньской императорской резиденции в Пянь-Цзин в Хэ-нане.—Третья кампания монголов в Китае.—Взятие Чунту.—Поход против Пянь-цзина.

Чингиз-хан, ставший во главе грозной армии, составившейся из подчиненных им своей власти орд, вознамерился напасть на Китай. Несколько областей этой империи уже в течение трех веков были под чужеземным игом. После падения танской династии, которая с 616 по 907 г. царствовала над всем Китаем, последний стал добычей генералов, занимавших посты главнокомандующих в областях, и распался на десять отдельных государств. Междуусобные войны, которые были следствием этого распада, благоприятствовали возвышению новой державы в Татарии. Китани (*khitans*), того же происхождения, что нючжи и манчжу¹, обитали в течение многих веков в стране, лежащей к северо-востоку от Китая и ограничиваемой с юга рекою Сира², с востока

¹ Рашид, которому, повидимому, не была известна разница между тремя большими расами, к которым принадлежала большая часть кочевых народов центральной Азии,—турецкой, татарской или монгольской и чжурчженской или манчжурской, говорит: „К а р а - к и т а и (черные китаи, так названные после утраты ими могущества) суть все кочевники; их территория смежна со страной монголов; язык, наречность, обычаи обоих народов имеют большое сходство“.

² Шара (Шара-мурен). П. п.

р. Сунгари и с запада Хинганским хребтом, в соседстве с великой пустыней. Этот народ, который находился в вассальных отношениях то к турецким каганам, то к императорам китайским, разделялся на восемь племен, во главе каждого из которых стоял особый князь. Абаоцзи (Апаоки, Апаки), князь племени Шэ-лю или, как произносят китайцы, Йе-лю¹, владение которого состояло из округа, ныне называемого Барин (Patin), добился в 907 г. верховной власти и использовал объединенные силы китаней, чтобы подчинить своей власти народы центральной Азии. В 916 году он заставил провозгласить себя императором; когда, десять лет спустя он умер, его власть уже простиралась на востоке до моря, на западе до алтайских гор. Его сын, Дэгуань (Тéкоуан), поддержал своим оружием мятежного китайского генерала, помог ему одержать победу и посадил на престол. В возмещение этой услуги, новый император, назначивший свою резиденцию в Бяне (Pien), ныне Кай-фын-фу, на южном берегу Хоан-хэ или Желтой реки, должен был уступить Дэгуаню шестнадцать округов в области Пе-че-ли, Шань-си и Ляо-дуне и обязаться ежегодно давать ему триста тысяч кусков шелковых материй. Китайский император признал себя вассалом китанского, именуя себя его внуком и подданным в тех письмах, с которыми он к нему обращался. Преемник этого императора вознамерился было изменить эти обязательства. Дэгуань начал против него войну, покорил китайские области к северу от Желтой реки, овладел Бянем, взял в плен императора и отправил его в Татарию. По китайскому обычаю, китанский император принял в 937 году новое название для своей династии, а именно Ляо (Léao), что по-китайски значит железо.

Со времени падения танской империи пять незначительных династий занимали последовательно трон в Кай-фын-фу. На их развалинах возвысилась к 960 году монархия Сун (Soung), которая объединила почти весь Китай. Государи этого дома вели войну против китаней, но они не смогли отнять у них те шестнадцать округов, которые были им уступлены, и в 1004 г., в результате китанского нашествия на Китай, сунский император, чтобы добиться мира, обязался уплачивать ежегодную дань серебром и шелковыми материями.

¹ В Djami ut-Tévarikh (гл. о китайских императорах, современниках отца Чингиз-хана) он называется Джулиджи Апаки (можно читать Джуленджи).

Китанская империя существовала уже два века. Государя ее ввели китайские обычаи, церемониал и учреждения. Лучшие китайские сочинения переводились на китанский язык, для которого был изобретен в 920 г. по приказу Абаоцзи особый алфавит; но успехи цивилизации ослабили воинственный дух; способным и деятельным государям наследовали недалекие и изнеженные монархи. Их слабость правления окрылила честолюбие одного из военачальников народа чжурчженей¹, кочевые племена которых бродили тогда в местностях, ограничиваемых на севере рекою Сахалин (Sagalien) или Амуром, и на западе рекою Сунгари, которая отделяла их от прежней родины китаней. Этот племенной вождь орды, по имени Агуда (Agouta), собрав под своими знаменами небольшое войско, восстал в 1114 г., одержал несколько побед над китанями и заставил в следующем году провозгласить себя императором чжурчженей. Он дал новому государству имя Айджин курун (Aidjin soukou), по-китайски Цзинь-Го (Kin-koué), т. е. золотая монархия, сказав, что он не желает следовать примеру китанских императоров, которые приняли имя металла, подверженного ржавчине.

Агуда завоевал всю китанскую империю. Два года спустя после его смерти, которая имела место в 1123 г., его преемник овладел личностью Йелю-янь-си (Yelu-yen-hi), девятого и последнего государя династии Ляо, которая процарствовала двести девятнадцать лет.

Китайский император (сун) содействовал и даже подстрекал чжурчженей против китаней, в целях вернуть часть Пе-че-ли, которой последние владели. Своей цели он достиг; но ему немедленно пришлось на опыте убедиться, что новая держава была более опасной по своей мощи, чем империя китаней. С 1125 г. чжурчжени проникли в Китай; в следующем году они дошли до реки Хоан-хэ и осадили Сунскую столицу Кай-фын-фу. Трусливый император, царствовавший тогда в Китае, явился в лагерь чжурчженей просить о мире и был задержан в качестве пленника. Он был препровожден в Татарию со всем своим семейством, которое, как говорили, состояло более, чем из трех тысяч человек. Только один из его братьев, который был тогда на юге империи, избег плена и был провозглашен китайцами императором.

¹ Чжурчжэ (tchourtchés) назывались китайцами Ню-чжэ.

Чжурчжени, которых мы далее будем называть цзиньцами (kins), по имени династии их императоров, завладели северной частью Китая, проникли за великую реку Ян-цзы-цзян, взяли Линь-ань (Lin-ngan) главный город области Чже-цян и после многократных побед получили, по мирному договору, заключенному в 1142 году с сунским императором, не только то, что ими было уже завоевано, но и обещание дани в двести пятьдесят тысяч унций чистого серебра и двести пятьдесят тысяч штук шелка, которую китайский император обязался уплачивать ежегодно, признав себя вассалом цзиньского императора. Течения рек Хуай и Хань должны были с этих пор служить границей между двумя империями. Цзиньцы остались господами больших областей Пе-че-ли, Шань-си, Шан-дун, Хэ-нань (Ho-nan) и южной части Шень-си. Тогда же сунский император перенес свою резиденцию в Линь-ань, названный потом Хан-чжоу (Hang-tcheou), в Чже-цяне.

Двадцать лет спустя цзиньцы снова взяли за оружие, чтобы расширить свои владения на юг, в сторону Китая. Эта война закончилась в 1165 году по договору, который оставлял прежние границы, но уменьшал размер ежегодной дани, уплачиваемой сунским императором, который, сверх того, добился изменения в церемониале, а именно вместо почестей (hommage), оказываемых им цзиньскому императору, как вассал своему сеньеру, он должен был обращаться к нему с теми знаками уважения, которые оказывает племянник своему дяде; но в новой войне, которую суны начали в 1206 г., они терпели одни неудачи, и чтобы получить мир, китайский император вынужден был обязаться уплачивать прежнюю дань.

К середине двенадцатого столетия цзиньские императоры учредили свою главную резиденцию в городе, ныне называемом Пекином (Pé-king), который они удостоили титула Чунту (Tchoung-tou) или центрального (срединного) императорского города. Будучи господами целой трети Китая, они усвоили обыкновения, законы и учреждения этой империи, и по примеру китаней приказали создать особый алфавит для своего языка, который был тем же языком, на котором говорят нынешние властители Китая манчжуры (mantchous).

Господство цзиньцев распространялось на всю Татарию. Их прежние властители китани, став их подданными, восстали в 1162 году; но они были усмирены силою оружия. Несколько лет до этого цзиньцы должны были вести неудачную войну против монголов, которую закончили в

1147 г миром, купленным ценою некоторых жертв, и после которой монгольский вождь принял титул хана¹. Эти факты, сообщаемые китайскими историками, согласуются с монгольскими преданиями о Кубилай-каане, брате деда Чингиз-хана².

Решившись напасть на Китай, Чингиз-хан рассчитывал на содействие китаней, нетерпеливо сносивших иго

¹ Mailla, Hist. de la Chine, т. т. VII, и VIII, passim; Visdelou, Hist. de la grande Tartarie, стр. 81 — 124. Иакинф, Записки о Монголии. Спб. 1828, т. II, стр. 151 — 176.

² В эту эпоху северная часть Китая, которая принадлежала цзиньскому императору, носила у татарских народов название Китая (Khitai), хотя китане (khitans) владели лишь небольшою его частью; Ляо-дун они называли Кара-Китаем или Черным Китаем, но вся цзиньская империя в совокупности, т. е. Китай, Кара-Китай, страна Чжурчженей, Солангка (Soulangka) и даже Тангут обозначались у них, по Рашиду, именем Чаокут (Tchaocout) или страны Чао, которое они, без сомнения, заимствовали у китайцев.

Северная часть Китая, подчиненная цзиньцам, китайцами называлась Хань-цзы (Khan-zí); южная его часть, которая принадлежала сунам, получила у китайцев название Мань-цзы, а у татар — Нанькяс (Nangkiyass). Китайцы называли Китай в целом Чжун-го (Tchong-kohe), что значит срединное государство. Кроме того, это государство называлось по царствовавшей династии; так оно называлось Цинь, во время Циньской династии, расцвет которой относится к времени около трех столетий до н. э. Это название сохранилось у индусов, от которых перешло к народам, жившим западнее их; они называли северный Китай Чин, а южный Махачин (Mahatchin), т. е. великий Китай, откуда произошли названия Чин и Мачин, которыми пользуются персы и арабы.

Наконец, чжурчжени (чжурчже) назывались китайцами Ну-чи, а китаням они дали название кидань-тацзы (khidan tatsé) или китанские татары. Djami ut-Tévarikh; Abdallae Beidavei Historia Sinensis; Mailla, Histoire de la Chine, т. X, стр. 86.

Столицей Цзиньской империи был город, ныне называющийся Пекин (Pé-king, Пе-цзин), т. е. северный двор. До господства чжурчженей он носил название Янь-цзин (Yen-king), т. е. двор страны Янь или Янь-ту, т. е. яньский императорский город, или чун-цзин (Tchoung-king), т. е. срединный, центральный двор. Третий преемник Агуды, перенеся туда свое местопребывание в 1153 г., дал ему название Тасин-фу (Ta-hing-fou) и титул Чун-ту или срединный императорский город. Татары называли эту столицу Хан-балыг, что означает Ханский город, императорская столица.

В Цзиньской империи было пять городов, украшенных титулом императорских резиденций: 1) Ляо-ян-чжоу, в Ляо-Дуне, называвшийся восточным двором, по-китайски Дун-цзин (Toung-king), 2) Дай-дун-фу, в Шань-си; это был западный двор, Си-цзин; 3) Современный город Пекин, который, как только что было сказано, носил титул Чин-ту или Чун-цзин, срединная резиденция; 4) город Бянь-лян (Pien-leang) или Кай-фын-фу, на южном берегу Желтой реки, в Хэ-нане, называвшийся южной резиденцией, Нань-цзинь (Nan-king); наконец, Да-нин-фу, на реке Лохе, на севере Китая, который назывался северной резиденцией Пе-цзин (Pé-king).

чжурчженей. То обстоятельство, что начиналось новое царствование, видимо, благоприятствовало выполнению плана. Цзиньский император Мадаху умер в ноябре 1209 года. Его преемник Чун-хэй¹, седьмой государь этой династии, послал в 1210 году одного из своих офицеров к Чингизхану, чтобы известить его о своем восшествии на престол и принять дань. Этот посланец потребовал, согласно с обычным китайским этикетом, чтобы вассал принял повеление своего сюзерена, стоя на коленях. „Кто этот новый император?“—спросил Чингиз-хан.—„Князь Чун-хэй“—ответил посланник. Тогда Чингиз-хан плюнул по направлению к югу. „Я думал,—сказал он,—что сыном неба² должен быть исключительный человек, а такой дурак, как Чун-хэй, разве достоин трона, и мне ли унижаться перед ним?“ Он тотчас же сел на лошадь и уехал³.

Закончив приготовления, он поручил Тугучару, во главе двух тысяч человек, держать в повиновении, во время его отсутствия, вновь покоренные племена, охранять ханский орду и выступил, в марте месяце 1211 года, с берегов Керулэна в поход на Китай. Перед походом он молился небу о помощи на вершине высокой горы. Накинув пояс на шею и расстегнув свой халат, он произнес на коленях следующую молитву: „О, боже присносуший! Я поднял оружие, чтобы отомстить за кровь моих дядей, Беркана и Амбагая, которых предали позорной смерти Алтан-ханы⁴. Если ты одобряешь меня, ниспосли свыше

¹ Чун-хэй было его чжурчженское имя; китайское имя было Юнь-цзи, при восшествии на престол он принял китайский титул Вэй-чжаован. *Visdelou, Hist. de la Tartarie*, стр. 121.

² Это намек на титул Тянь-цзы или сын неба, который носили китайские императоры.

³ *Mailla, Hist. de la Chine*, IX, стр. 50; *Gaubil, Hist. de Gentch*, стр. 14. Извлечения из Истории Юаней и Ган-му, перев. Иакинфом, стр. 43. Ган-му передает, что перед тем, как Темучин принял титул императора, в 1206 г., цзиньский император послал князя Юнь-цзи в Цин-чжоу, чтобы принять дань от монгольского главы; что Юнь-цзи проник в честолюбивые планы последнего и посоветовал императору попытаться отделаться от него при первом же благоприятном случае; но тот не согласился на это; Темучин, осведомленный об этом, стал с этого времени питать свои враждебные намерения (пер. Иак., стр. 40). Иакинф в примечании говорит, что Цин-чжоу находится в аймаке, или округе Дурбан-кукут, а этот округ расположен к северу от стены, в тридцати лье от Дай-дун-фу. Гобиль, который передает тот же факт (стр. 13), сообщает, что город Цин-чжоу называется ныне Хухухото (*Soucou-khoto*), под 40° 49' с. ш. и 4° 48' на запад от Пекина.

⁴ Алтан или Алтын—значит золото по-турецки и по-монгольски, как цзинь (kin) по-китайски; государи династии Агуды, при нивьши этот титул, прозывались татарами Алтын-ханами.

мне помощь твоей руки и повели, чтобы здесь, на земле, люди, добрые и злые духи соединились для содействия мне“¹.

Монгольского хана сопровождали в походе четыре сына: Чжучи, Чагатай, Огатай и Тулуй. Его войско, в котором им была установлена самая суровая дисциплина, было разделено, в согласии со старинной тактикой турецких и татарских народов, на дивизии по тысяче человек в каждой, на роты по сту человек и взводы из десяти человек, командиры которых назывались десятниками, сотниками и тысячниками. Корпусы из десяти тысяч человек, называвшиеся туманами, были под командой его генералов. Приказы императора сообщались его адъютантами, или туга джи, темникам (десятитысячникам), а затем передавались их подчиненным.

Монгольская армия целиком состояла из кавалерии. Каждый боец имел доспехи и кожаный шлем, был вооружен луком, топором, саблей, копьем, и его сопровождало несколько лошадей, не требовавших другого корма, кроме подножного. За войском гнали многочисленные стада; при усиленных переходах каждый брал с собой небольшое количество мяса и молока².

Чтобы достичь великой стены, Чингиз-хан должен был преодолеть пространство около ста восьмидесяти лье. Ему нужно было пересечь пустыню, известную под монгольским названием Гоби, что означает пустыню, и под китайским названием Ша-мо, что значит песчаная степь. На небольшом расстоянии от берегов Керулэна начинается эта безводная степь, пересекаемая обнаженными холмами, усеянная солеными озерами, в которой редко встречаются трава и вода, а леса нет совершенно³. Монгольская армия

Прим.перев. В Старинном монгольском сказании (Юань-чао-миши) Амбогаю (Дньбахая) приписывается завет потомкам мстить за него: „хотя бы вам пришлось стереть все ногти на пяти пальцах и потерять все десять пальцев, мстите за нас!“ (стр. 32 — 33).

¹ Djami ut-Tévarikh.

² Tarikh Djihankuschai, том I; Carpin, Voyage en Tartarie, 6; Marco Polo, Voyages, кн. I, гл. 55, 59.

³ Европейские путешественники познакомили нас с частью великой пустыни, которую прошел Чингиз-хан. во время похода на Китай. Отец Жербийльон, который в 1696 г. совершил путешествие из Пекина до Керулэна в свите императора Кан-си, описал эту дорогу в своем дневнике, опубликованном у Du Halde, Description de la Chine et de la Tartarie chinoise. Гага, т. IV, стр. 368 и след. У нас имеются также сообщения двух русских, совершивших недавно такое же путешествие. Одно принадлежит Тимковскому, который отправился в 1820 г. из Кяхты в Пекин и в следующем году возвратился

пересекла это огромное плоскогорье, которое господствует над Китаем и Монголией, направляясь на провинцию Шаньси, северная граница которой защищена земляным валом с башнями, который китайские императоры велели воздвигнуть, главным образом, в пятом и шестом веках нашей эры, начиная от Желтого моря и до западной окраины этой империи, чтобы обезопасить последнюю от кочевников Татари¹.

Цзиньский император, Чун-хэй, уведомленный о военных приготовлениях монголов пограничным начальником Нахата-Майчжу (Nahata-Maitchou), сначала не хотел этому верить. Он сказал этому генералу, что нет никакого повода для неприязненных действий между ним и монгольским ханом, и спросил, на чем он основывает свое сообщение. Нахата сослался на то, что монголы непрестанно заняты изготовлением стрел и щитов, что им приказано самим таскать телеги, чтобы беречь лошадей, а так как царь Ся только что отдал в замужество за их хана княжну из своего рода, то не было никакого сомнения, что нападение готовилось именно на империю. Чун-хэй решил, что Нахата сам создал повод для недовольства среди соседних народов и распорядился заключить его в тюрьму, но скоро, не имея более возможности сомневаться в их враждебных настроениях, велел его освободить и отправил в монгольский лагерь главнокомандующего в северо-западных областях Нюхуру (Nioukhouou) с мирными предложениями. Так как они при-

из Пекина в Кяхту. Его труд был переведен каким-то анонимом с русского на французский и опубликован с поправками, примечаниями и атласом Клапротом под заглавием *Voyage à Pékin, a travers la Mongolic*, Париж, 1827, в двух томах, in - 8°; другое — архимандрита Иакинфа, который после десятилетнего пребывания в Пекине в качестве начальника русской духовной миссии, учрежденной в этой столице и обновляемой каждые десять лет, проехал оттуда вместе с Тимковским, возвращаясь на родину; он опубликовал отдельно отчет об этом путешествии из Пекина до русской границы под заглавием *Записки о Монголии*, Спб. 1828. Первая часть содержит путевой дневник; вторая — описание Монголии и ее жителей; третья — дает краткий пересказ, по китайским источникам, истории татарских народов с древнейших времен и четвертая, наконец, заключает извлечение из законов монголов, нынешних вассалов Китая.

¹ Тимковский, подъезжая к Китаю, рассказывает: проехав еще две версты, мы достигли горного хребта, который отделяет Монголию от Китая. На его вершинах тянется каменный вал с четырехугольными башнями из кирпича, на определенном расстоянии одна от другой. Эти башни, высотой в девять сажен, поднимаются над платформой около трех квадратных сажен. С этого пункта Китай представляется в колоссальном виде. На юг, восток и запад видны лишь покрытые снегом горы, над которыми зубчатые и темные вершины уходят под

няты не были. Чун-хэй отправил против мятежников десяти-тысячников Тунги Цзяняна, Уаняна¹ Хошо и Хэшеря Хушаху. Последний был губернатором Дай-тун-фу, западного двора, по-китайски с и - ц з и н (si-king)².

Первые же военные действия монголов были облегчены изменой Алакуш-тегина, главы племени онгут, которое располагалось к северу от великой стены³.

Чингиз-хан разбил генерала Таши (Taschi) и овладел округами Да-шуй-ло и Фын-ли. Его генерал Чжэбэ взял приступом крепость Ву-ша-бу, которая прикрывала Дай-тун-фу, прежде чем генералы Тунги Цзянян и Уанянь Хошо успели закончить работы по подготовке крепости к защите. Та же участь постигла крепость Ву-юэ-инь. Монголы разграбили небольшой город Бай-день-чин, в расстоянии лье к востоку от Дай-тун-фу, и осадили этот город. Через семь дней Хушаху вышел с гарнизоном из города и пробился через осаждавших. Отряд из трех тысяч человек энергично преследовал его почти до Чан-пин-чжоу (Tchang-ping-tcheou), к северу от Пекина, и заставил потерять большую часть его людей. Чингиз-хан взял западную столицу, а затем Сюань-дэ-фу (Сюань-хуа-фу) и Фу-чжоу⁴.

Генералы Уанянь Цзю-цзянь (Ouanién Kioukien) и Уанянь-Уанну (Ouanién Ouannou) получили приказ занять позицию около гор Из-ху-лин, лежащих на небольшом расстоянии к востоку от Дай-тун-фу. Уанянь Хошо шел вслед

облака. Отсюда пять верст спускаешься по узкой и очень опасной в это время года дороге до китайской деревни Нор-гьяна; далее перед путешественниками открываются высокие горы, угрожающие вершины которых придают этим местам дикий характер. Такой вид имеет страна, где с высоких монгольских степей спускаешься в китайскую низменность (т. I, стр. 276).

¹ Уанянь (Ouanién) было фамильное имя цзиньских императоров.

² И а к и н ф. И с т о р и я, стр. 47.

³ Djami ut-Tévarikh, гл. Онгут. Там говорится, что Алакуш был убит, немного времени спустя, своими офицерами, которые поставили на его место его племянника Сенгуна. По Рашиду, великая стена называлась по-монгольски Онгу, и отсюда произошло название этого племени.

⁴ Китайские провинции разделены на округа, главные города которых называются фу; это города первого разряда. Округ каждого фу включает второстепенные города чжоу (tcheou) и третьестепенные—сянь (hién). Эти названия, присоединяемые к собственным именам городов, дают понятие о том, к какому разряду принадлежит данный город.

Так как много китайских городов переименовано с 13-го столетия свои названия, мы даем в скобках современные названия.

за ними с главными силами. Узнав о движении этих войск, Чингиз-хан направился на Хо-эл-цзуй. Один офицер, по имени Минган, отряженный Цзюцзянем на разведку, перешел на сторону монголов и дал им все сведения о неприятельской армии, какие только они могли пожелать. Вследствие этого монголы атаковали корпус Цзюцзяня и привели его в полное замешательство; собственная конница потоптала пехоту, и он потерял много людей. Монголы, используя этот первый успех, двинулись на главную армию. Уанянь Хошо не осмелился встретиться с ними. Его войска были преследуемы по пятам вплоть до Хой-хэ-пу, крепости на берегу реки Хой, где они были разбиты наголову; сам Хошо успел спастись. После этой победы монголы взяли приступом Дэ-син-фу (Бао-ань-чжоу). Их наездники подъезжали вплоть до Цзюй-юн-гуаня (Кіоуі-уонг-коуан). Эта важная крепость, расположенная на крутых скалах при входе в дефиле около четырех лье, ведущее к столице, была немедленно эвакуирована ее комендантом Уанянем Фу-чжоу (Ouaniен Fou-tcheou), и ею овладел генерал Чжебэ. Потеря этой крепости, прикрывавшей императорскую резиденцию, распространила там смятение. Наспех приступили к организации защиты; был запрещен выезд мужчинам, способным владеть оружием. Монгольские кавалерийские части делали наезды под самые стены Чун-ту. Перепуганный император хотел ехать на юг своих владений. Гвардия, чтобы отклонить его от этого, поклялась биться до последних сил; действительно, монголы были несколько раз отражены с уроном, и император решил остаться в своей столице. Уанянь Хошо был наказан за свое трусливое поведение понижением в чине; наказание это армия нашла слишком легким. В это время в ее рядах начался упадок дисциплины. Монголы всюду имели успех; неожиданно они бросились на округ, отведенный для императорских табунов, и захватили их.

В то же время царевичи Чжучи, Чагатай и Оготай, каждый во главе своей дивизии, завоевывали шесть округов к северу от великой стены в Шань-си¹, между тем как другие отряды захватывали города, расположенные в северной части Пе-че-ли вплоть до моря.

¹ Это были округа Юнь-ней, Дун-шин-чжоу, Ву-чжоу, Шо-чжоу, Фын-чжоу и Цинь-чжоу, вероятно, расположенные между горами Онгу на севере и китайской стеной; местность, орошаемая р. Турген, которая впадает в Желтую реку; там имеются г. Хуху-Хотун и развалины нескольких других городов.

В начале 1212 года монголы взяли города Чан-чжоу и Хуань-чжоу¹, и после того как генерал Мухули овладел крепостями к северу от стены, между Хуань-чжоу и Желтой рекой Чингиз-хан начал осаду Дай-тун-фу. Цзиньские генералы Хэшери и Цзюцзянь с большой армией подошли на выручку этого города, но Чингиз-хан напал на них около города Цзюан-элцзуй и совершенно разбил их. Затем наголову был разбит отряд войск под командой генерала Отуна (Otoung), но так как все попытки штурма Дай-тун-фу были отражены², Чингиз-хан снял осаду и отступил со всеми своими войсками на север от великой стены.

Предприятию Чингиз-хана против Цзиньской империи благоприятствовало восстание китаней в Ляо-дуне. Когда он начал враждебные действия, один из князей царского дома Ляо, по имени Йэлюй-Лю-гэ, занимавший должность тысяченачальника в цзиньской армии, на северной границе империи, подозреваемый, подобно другим потомкам Ляо, в желании использовать нашествие монголов для восстания, бежал в Лун-ань и собрал там в начале 1212 года армию. Он готовился подчиниться Чингиз-хану, когда последний предупредил его, послав к нему одного из своих генералов, нояна Анчина, с предложением союза против их общего врага. Договор был формально заключен Анчином и Лю-гэ на г. Янь. Принеся в жертву белого коня и черного быка, они переломили стрелу, обратившись лицом к северу, и поклялись один в верности монгольскому монарху, другой от имени своего господина в обязательстве поддерживать китанского князя против цзиньского императора³. Лю-гэ скоро понадобилась помощь. Шестидесятитысячная армия, под командой Уаняня-Хошо, была направлена против него, и император обещал большую денежную сумму и почетную должность тому, кто доставит ему голову мятежника. Лю-гэ, обратившийся за помощью к своему новому сюзерену, получил от него три тысячи человек. Он разбил императорскую армию и захватил ее обоз, который велел доставить в лагерь монгольского монарха. Затем он получил от него более значительную помощь. Для окончательного завоевания Ляодуна из Китая к нему на помощь был

¹ В Татарии, на с.-с.-в от Пекина.

² По Истории Юаней, стр. 54 и сведениям, приведенным у Гобиля (стр. 18), Чингиз-хан был ранен стрелой при осаде этого города, что и послужило причиной снятия им осады и ухода в Татарию.

³ Mailla, Hist., стр. 51, Gaubil, стр. 16. Согласно последнему, это происходило на горе Цзинь в 40 — 50 лье к северу от Мугдена.

послан Чжэбэ. Последний осадил Ляо-ян, называвшийся восточной столицей или дун-цзин (toug-king). После нескольких приступов он увидел, что силой овладеть городом трудно и прибег к хитрости. Он отступил, как будто отказавшись от своего намерения, и, отойдя на несколько дней пути, оставил обоз и, отобрав лучших лошадей, воротился форсированными маршами назад, захватил врасплох город, где считали себя уже в безопасности, и овладел им¹. Сделавшись господином страны китаней, которые толпами собирались под его знаменами, Лю-гэ с согласия Чингиз-хана принял титул царя Ляо.

В 1213 году монгольский хан снова вступил в Китай и начал с того, что взял обратно города, возвращенные было цзиньцами после его ухода. Он вторично взял Сюань-дэ-фу на севере Пе-че-ли и велел осадить Дэ-син-фу (Бао-ань-фу) своему младшему сыну Тулюю и зятю Чики, сыну Альджу, которые штурмовали, взойдя на стены во главе своих войск, и овладели крепостью. Чингиз-хан пошел на Хуай-лай, город, расположенный в пятнадцати лье к юго-востоку от Сюань-дэ-фу, разбил генералов Уанянь-Цзина и Гао-цзи и произвел страшную резню в их войсках, так что на пространстве четырех лье земля была сплошь устлана трупами. Монголы продвинулись вплоть до Гу-бэй-коу (Соу-рё-ке-оу); это одна из крепостей великой стены. Зная, что цзиньцы располагают сильным гарнизоном в Цзюй-юн-гуане, куда они вошли, и что ему трудно в этом направлении проникнуть к Чун-ту, он оставил к северу от этой крепости наблюдательный корпус под командой генерала Кетеджи, а сам затем, обойдя столицу с запада, овладел крепостью Цзы-цзин-гуань (Tsé-king-коуан), которая прикрывала проход в горах Тай-хань, разбил одну из неприятельских армий у гор Ву-хой-лин, на границе Шань-си и Пе-че-ли, и взял штурмом города Чу-чжоу и И-чжоу, расположенные на небольшом расстоянии к западу от Чун-ту. В то же время крепость Гу-бэ-коу была сдана китанским генералом Улан-баром.

В это время императорская столица сделалась театром кровавой революции. Хушаху, тот самый чжурчженский генерал, который в апреле предыдущего года был смещен с должности и сослан, был назначен главнокомандующим, вопреки советам губернатора столицы Туктань-и и других сановников. Он отправился, чтобы принять командование армейским корпусом, стоявшим к северу от столицы. Хотя

¹ Djami ut-Tévarikh; Ист. Юаней, стр. 54.

монголы были в Цзюй-юн гуане, он проводил все свое время на охоте. Рассерженный тем, что император выразил ему неудовольствие по этому поводу, он решил привести в исполнение план мести, задуманный им по своему возвращении. Сначала он распространил слух, что губернатор Туктань-и замышляет мятеж и что он получил от императора приказ вести войска в Чун-ту. Опасаясь сопротивления столичных войск, он решил отвлечь внимание фальшивой тревогой. Всадники во весь опор подскакали к самым воротам города, крича, что татары находятся уже перед северным предместьем. Хушаху пригласил к себе, под предлогом совещания, Туктань-и и собственноручно убил его; затем он вошел во дворец, заставил заменить императорский караул своими воинскими частями и захватил правительственную власть в свои руки. На завтра он переместил императора в другое здание, а через несколько дней, по его приказанию, один из евнухов лишил жизни императора.

Хушаху простирали свое честолюбие до намерения захватить престол; но, заметив скоро, что его возвышение встретит чересчур много препятствий, он предложил верховную власть одному из принцев императорского дома, находившемуся в Чан-дэ-фу, в Хэ-нане. Уанянь-Сюнь, чжурчженское имя которого было Утубу, явился в Чун-ту.

Из И-чжоу монгольский хан отрядил вернувшегося из Ляодуна генерала Чжебэ, приказав ему напасть на Цзюй-юн-гуань с южной стороны. Чжебэ взял эту крепость и выполнил свое соединение с генералом Кетеджи, стоявшим к северу от крепости. Оба эти полководца выделили из своих дивизий пять тысяч отборных всадников для усиления войск генералов Котая и Хатая (Khata), на которых было возложено наблюдение за столицей.

Между тем, в виду того, что один из монгольских корпусов направился к реке Хой-хэ с намерением перейти ее по мосту в Гао-цяо, Хушаху устремился в эту сторону. Вследствие ранения ноги, он построил войска в боевом порядке, передвигаясь в колеснице. Он разбил монголов, но последние на завтра снова начали бой. Хушаху, болезнь которого усилилась настолько, что он был не в состоянии выходить, приказал Чуху-гао-цзи выступить против неприятеля с пятью тысячами человек. Видя, что этот генерал замедлил с выполнением приказа, он, согласно с военными законами, хотел предать его смертной казни; но император, во внимание к его прежним заслугам, помиловал его. Хушаху

усилил корпус Гао-цзи и приказал перейти в наступление, угрожая смертью, если тот не одержит победы. Гао-цзи дал сражение, но после усиленных схваток, повторявшихся с вечера до рассвета, был вынужден отойти к городу. Опасаясь, как бы Хушаху не выполнил своей угрозы, он решил предупредить его; он велел обложить дворец главнокомандующего. Хушаху искал спасения в бегстве; но, желая перескочить через стену своего сада, запутался в своей одежде, упал и поранил себе руку; подбежали люди его противника и отрубили ему голову. Гао-цзи явился с этой головой в императорский дворец и потребовал суда над собой. Император не только простил его, но и возвел в сан главнокомандующего.

В то время, как монголы вторгались с севера империи, западная ее граница подверглась нападению со стороны Ся. Между этими соседними государствами мир существовал уже восемьдесят лет, как царь Ся, подвергшийся в третий раз нападению со стороны Чингиз-хана, обратился за помощью к цзиньскому императору. Не получив ее, он избавился от монгольского нашествия посредством договора и разорвал в 1210 году с цзиньцами. Эта война велась вяло; в конце 1213 года войска Ся взяли пограничный город Цзин-чжоу (King-tcheou).

Силы империи уменьшались вследствие многочисленных измен. Генералы переходили вместе с бывшими под их командой войсками на службу к Чингиз-хану. Последний образовал из этих перебежчиков сорок шесть бригад, которые включил в состав своей армии. Оставив Котая и Хатая к северу от Пекина для наблюдения, он в конце этого года двинулся с остальными своими силами, разделив их на три больших корпуса с тем, чтобы сразу овладеть всеми областями империи к северу от Желтой реки. Правое крыло, бывшее под начальством царевичей Чжучи, Чагатая и Огатая, завоевало Шань-си. Левое крыло под командой Чжучи Касара завладело приморскими районами Пе-че-ли и опустошило Ляо-си, т. е. местности к западу от реки Ляо. Центр, которым предводительствовал сам Чингиз-хан, сопровождаемый младшим сыном Тулуем, победоносно прошел через Пе-че-ли и Шань-дун до берегов Желтой реки. За эти три похода монголы разрушили девять цветущих городов. Так как императорские войска были использованы для охраны наиболее важных мест, сельским жителям было приказано перейти в города для их защиты; но монголы выводили оставшихся в домах членов семей для осадных работ к крепостям, которыми они

намеревались овладеть, и осажденные, узнавая с крепостных стен своих братьев и отцов, не решались пользоваться оружием. Во всей стране к северу от Желтой реки нашлось лишь девять городов, которые, будучи обеспечены хорошими гарнизонами, не были взяты и избегли общего разрушения¹. В трех северных провинциях монголы собрали несчетную добычу, состоявшую из златотканых и шелковых материй, молодых пленников обоего пола, скота и лошадей.

Эти военные действия имели место в течение первых трех месяцев 1214 года. В апреле вся армия соединилась около Да-гоу (Та-кеоу), крепости в нескольких лье к западу от Чун-ту. Чингиз-хан не дал своим генералам разрешения штурмовать столицу; напротив, он послал двух своих офицеров к императору с таким предложением: „Все твои провинции на север от Желтой реки находятся в моей власти; у тебя остается только Чун-ту. До такого немогощего положения тебя довело небо, и если бы я стал тебя теснить далее, то, пожалуй, мне самому пришлось бы бояться небесного гнева; поэтому я готов уйти. Расположен ли ты ублаготворить мои войска, чтобы смягчить моих генералов?“ Министр Гао-цзи держался мнения, что надо атаковать татарскую армию, которая очень убыла от болезней, а лошади были сильно истощены, но министр Уанянь Фу-син представил мнение, что если войска будут выведены из столицы и если к тому же, к несчастью, сражение будет проиграно, то солдаты неминуемо разбегутся по домам; что разбрестись они должны даже в случае победы, и что поэтому не следует рисковать безопасностью столицы. Он высказывался за принятие мирного предложения, указывая, что после ухода татарской армии можно будет принять меры на будущее время. Император одобрил его совет и велел отправить посланника с мирными предложениями. Чингиз-хан потребовал принцессу из императорской семьи. Утубу дал ему, предварительно удочерив ее, младшую дочь своего предшественника Чун-хэя и послал с ней, в качестве приданого, большое количество золота и драгоценных вещей, пятьсот мальчиков, пятьсот девушек и три тысячи лошадей. После этого Чингиз-хан начал свой отход в обратный путь (апрель). Утубу поручил своему министру Фу-сину сопровождать его до

¹ Это были города Да-мин-фу, Чин-тин-фу, Цзинь-чжоу, Юнь-чжоу (теперь Чжи-чжинь-сянь, к северо-востоку от Сунь-хуо-фу), Пи-чжоу-Хуай-чжоу, У-чжоу, Шунь-чжоу (теперь Шунь-и-сянь, в шести лье к северо-востоку от Пекина) и Дун-чжоу (в провинции Шунь-тянь-фу).

местности к северу от крепости Цзюй-юн-гуань. Когда Чингиз-хан миновал эту крепость, он велел перерезать всех пленных обою пола, число которых было колоссально¹.

Заклучив мир с монголами, Утубу объявил общую амнистию по своей империи. Не считая себя в безопасности в своей столице, слишком близко расположенной к границе, он решил перенести свою резиденцию в Бянь-цзин (ныне Кай-фын-фу), на южном берегу Желтой реки, в Хэнане; это была южная столица, Нань-цзин, императоров этой династии². Тщетно делали ему представления, что это будет сочтено за оставление на произвол судьбы севера империи. Он отправился со своим двором, оставив в Чун-ту наследного принца, под руководством министра Уаняня Фу-сина³, у которого в качестве помощника был Муяннь-Цзинь-чжун (Moupien tsin-tchung).

Прибыв в Лян-сян, в пяти лье к юго-западу от Чун-ту, император дал приказ отобрать у военных своего многочисленного эскорта лошадей и доспехи, которые им были выданы во время осады. Когда стали приводить в исполнение этот приказ, один кавалерийский корпус, состоявший из китаней, взбунтовался, выбрал трех вождей: Чоду, Бейшера и Чжалара и пошел назад по дороге в Чун-ту. Осведомившись об этом происшествии, министр Фу-син, чтобы закрыть им проход, расположился у Лу-гоуского моста, в двух лье от столицы; но он был разбит Чодой, который, подняв знамя возмущения, уже не видел иного пути для своего спасения, как предложить через своих лазутчиков подчиниться Чингиз-хану и просить его о помощи.

Чингиз-хан, который намеревался расположиться на летнюю стоянку у озера Юрли⁴, в Татарии, узнав об отъезде императора и восстании Чоды, без колебания нарушил только что заключенный договор. Он отправил отряд монгольских войск под командой Самухи-бахадур, из племени сальджут, и дивизию чжурчженей под командой Мингана, с приказанием соединиться за Чун-ту с китанями Чоды и начать совместно с ними осаду столицы.

¹ У Иакинфа: несколько сот тысяч молодых мужчин и женщин из Шань-дуна, Хэбэя и др. П. П.

² Этот город назывался также Бянь и Бянь-лян.

³ Так этот генерал-губернатор называется в Истории Юаней. Рашид называет его Fouking и присоединяет к его имени титул чингсанг'а, т.е. имперского министра; но у Mailla и Gaubil он назван Tchinhéi.

⁴ Это озеро находится в аймаке Хорлос. По-монгольски оно называется Чагасутай; на карте оно значится как Байбур-чаган-нор. Иакинф, там же, стр 438 (у него: Юй-эрль-ло).

В то же время генерал Мухули, который во время китайских походов Чингиз-хана являлся его наместником, был послан в Ляо-дун для поддержки князя Лю-гэ, у которого одна из цзиньских армий отняла значительную часть страны.

Как только император Утубу узнал о новом нашествии монголов, он, опасаясь за судьбу наследного принца, отправил ему приказ явиться в Нань-цзин. Тот отправился, оставив столицу в панике. Осаждаемый монголами, этот большой город немедленно стал испытывать страдания от голода. Император, узнав из доклада губернатора Уаняня Фу-сина о печальном положении срединной столицы, отправил на помощь ей генерала Юн-си и Ухури Цин-чжоу, а Ли-ину приказал доставить туда из области Да-мин-фу транспорт с продовольствием под охраной сильного военного отряда. Ли-ин встретился с монголами к северу от Ба-чжоу; он был в это время совершенно пьян; он потерял сражение и был убит; весь обоз захвачен. При известии об этом войска, бывшие под командой двух других генералов, разбежались. Чун-ту потерял и эту последнюю надежду; монголы пресекли всякие сообщения ее с внешним миром (апрель 1215 г.).

В той крайности, до какой был доведен город, губернатор Фу-син предложил своему товарищу Цзинь-чжуну, испытанному воину, которому он поэтому передал военное командование, атаковать неприятеля со всеми войсками гарнизона и победить или погибнуть с оружием в руках. Видя, что тот не разделяет его воинского пыла, он решил, что не может пережить падение города, защита которого была ему вверена. Простившись со своими предками в храме, посвященном духам государей царствующей династии, он поручил одному из чиновников, по имени Сэ-ань-чжэ, передать императору его завещание, в котором он указывал на необходимые для блага государства меры, обвинял в измене первого министра Гао-цзи и извинялся, что не мог спасти Чун-ту, затем он роздал все, что имел своим слугам и принял яд (июнь).

С своей стороны Мунянь-Цзинь-чжун готовился покинуть город, который был обречен в жертву монголам. Оставшиеся в столице принцессы императорского дома хотели выехать вместе с ним; но генерал из опасения, как бы подобный кортеж не создал лишних затруднений для его бегства, уклонился под предлогом, что ему необходимо выехать вперед, чтобы проложить для них путь; он спасся только со своими, бросив их на произвол судьбы.

После его отъезда монголы вошли в Чун-ту и произвели общую резню. Монгольские солдаты подожгли императорский дворец, пожар которого, как говорили, продолжался

более месяца. Чингиз-хан, который только что прибыл в Хуань-чжоу¹, чтобы провести там время больших жаров, послал трех из своих офицеров в Чун-ту, чтобы объявить благодарность от его имени генералу Мингану, который руководил осадой, и принять императорскую сокровищницу, которую они должны были перевезти в Татарию. Казначей цзиньского императора явились с подарками к этим монгольским комиссарам; со стороны одного из них, Шики-Хутуху, они встретили отказ. Когда эти офицеры возвратились в главную квартиру, Чингиз-хан спросил у Шики-Хутуху, не получал ли он подарков. Тот ответил, что не принял их. „А почему?“ — снова спросил хан. „Я подумал, — сказал тот, — что все, что в горде, после завоевания его должно считаться принадлежащим тебе, и никто, кроме тебя, не может всем этим распоряжаться“. Чингиз-хан сказал, что Хутуху знает военные законы; он осыпал его похвалами и наказал двух его товарищей.

Чингиз-хан велел представить ему одного из потомков Ляо, по имени Йелюй-чу-цай, отец которого был министром и который сам был членом сената в Чун-ту, но подчинился после взятия столицы. Чингиз-хан сказал ему: „Дома Ляо и Цзинь всегда были враждебны. Я был мстителем за тебя“. — „Мой дед, мой отец и я сам, — ответил Йелюй-чу-цай, — все мы были подданными и слугами Цзиней; я был бы виновен в двоедушии, если бы, обратясь лицом к северу, питал враждебные чувства против моего прежнего государя и отца“. Чингиз-хану пришелся по вкусу этот ответ. Йелюй-чу-цай понравился ему своим высоким ростом, длинной бородой и внушительным голосом. Зная его, как способного астролога, монгольский хан удержал его при своем дворе и более не расставался с ним. Перед каждым походом он требовал, чтобы Йелюй-чу-цай давал прорицание, согласно с требованиями своей науки, будет ли поход удачным; он даже доверил ему производство гаданий о будущем по трещинам обуглившейся бараньей лопатки; это очень распространенный способ гадания среди монголов².

Когда Сэ-ань-чжэ прибыл в Нань-цзин с известием о смерти губернатора Фу-сина и вверенным ему докладом, император пожелал отметить публично свое уважение к памяти

¹ Этот город, основанный в 810 г. китанами, был расположен в девятнадцати лье к северо-востоку от Ду-ши-гоу, крепости у великой стены, и к юго-западу от озера Долон. Монголы называют его Хуртун-Балгасу. И а к и н ф. Ист. первых четырех ханов, стр. 426.

² И а к и н ф, там же, стр. 106. Биография Йелюй-чу-цай в Nouveaux mélanges asiatiques Абеля Ремюза, т. II, стр. 64.

этого сановника и пожаловал ему титул вана или князя¹. Немного спустя прибыл Цзинь-чжун. Его следовало предать суду; Утубу избавил его от суда и назначил сенатором; но вскоре Цзинь-чжун был обвинен в измене и казнен.

Лишь только монгольский хан овладел Чун-ту, он решил побеспокоить новую императорскую резиденцию. С берегов озера Юрло он послал приказ генералу Самухе выступить во главе десяти тысяч человек, пересечь Шень-си, попытаться врасплох взять крепость Тун-гуань и обрушиться стремительно на Нань-Цзин. Самуха прошел через Тангут, вышел на дорогу в Сингань-фу и осадил Тун-гуань, сильно укрепленный город, на который, в виду его положения на южном берегу Желтой реки, командующего над дефилэ, ведущим из Шень-си в Хэ-нань, смотрели как на ключ к последней области. Видя, что он не сможет ее взять, он решил ее обойти. Он проник в Хэ-нань через Сунские горы, скалы и пропасти которых представили огромные препятствия для продвижения его войск, и появился у Жу-чжоу, в самом сердце Хэ-наня, откуда дошел до пункта всего в двух лье расстояния от Нань-цзина. Но он потерпел поражение от корпуса войск, подоспевшего из Шань-дуна, и отступил к Шень-чжоу, расположенному на западной окраине Хэ-наня, на берегу Желтой реки, которую он перешел по льду.

Встревоженный опасностью, которой он только что подвергся, император отправил к Чингиз-хану посла с просьбой о мире. Но он не мог согласиться на предложенные ему условия, а именно на уступку всего, что у него еще оставалось к северу от Желтой реки, и на отказ от титула императора, вместо которого ему предоставлялся титул царя Хэ-наня.

В следующем (1216) году Самуха-бахадур совершил второй поход в Хэ-нань. На этот раз ему удалось занять крепость Тун-гуань, взять штурмом Жу-чжоу, а также другие города и проникнуть до самых предместий Нань-цзина; но, не располагая достаточными силами для осады столицы, он и на этот раз должен был отступить. Система наступательных действий монголов и система обороны Цзиньского правительства изложены в докладе цензорского трибунала², представленном императору, когда Самуха стоял лагерем в Жу-чжоу. Он составлен в таких выражениях: „Неприятельская армия,

¹ Гобиль говорит, что в китайской империи был старинный обычай наказывать и награждать мертвых. Им давали титулы, звания мандаринов и воздавали исключительные почести. Иногда же предавали суду, отнимали звания, понижали в чинах, уничтожали памятники, воздвигнутые в честь их.

² У Иакинфа: „Прокурорского приказа“ (перев.).

пройдя Тун-гуань, Жао-Гуань и Мян-чжоу, продвинулась внутрь Хэ-наня и подходит к западному предместью Нань-цзина. Ей известно, что столица располагает сильным гарнизоном; поэтому она не штурмует ее. Она избегает боя и ограничивается перерывом, посредством кавалерийских отрядов, коммуникации с Нань-цзином, в то время как другие монгольские войска осаждают окрестные города. Постепенно неприятель все теснее облагает Нань-цзин. Если ограничиться лишь защитой городов, мы будем скоро считаться с полным истощением продовольствия в столице, ибо государственные хлебозапасные магазины и частные запасы не составляют и сотой части того, что было в Чун-ту; вот отчего леденеют наши сердца. Было бы желательно, чтобы В. В. приказали войскам провинции Шень-чжоу прикрыть Тун-гуань и занять позицию против генерала Алибаса; в столице же выбрать несколько десятков храбрых офицеров и, отобрав им лучших солдат, поручить им вести партизанскую войну; такие же меры должны быть предписаны в области к северу от реки¹.

Император передал докладную записку сенату; но Чжуху Гао-цзи сказал, что члены цензорского трибунала не сведущи в военном искусстве и ничего не понимают в оборонительной системе. Докладу не было дано движения. В то время, как монгольские войска каждый день все ближе продвигались к столице, Гао-цзи, исключительно в интересах собственной безопасности, думал лишь об увеличении числа защитников в ней, а области, из которых войска были выведены, были предоставлены грабежам и огню монголов. Так монархия, основанная Агудой, неуклонно близилась к своему концу².

¹ У Иакинфа: в Хэбэе (перев.).

² История первых четырех ханов, стр. 42—84; Mailla, Hist. de la Chine, т. IX, стр. 44—75; Gaubil, Hist. de la dynastie de Mongous, стр. 13—30; Djami ut-Tévarikh.

История Юаней ограничивается указанием лишь главнейших событий в хронологическом порядке. Рассказ Ган-му более обстоятелен, но в нем опущена большая часть военных событий 1212 г. и помещены под этим годом некоторые события 1213 года. Передача Рашида оставляет желать лучшего. В ней отсутствуют даты, так что нельзя отличить походы 1211, 1212 и 1213 годов. Первая дата, которая встречается, это соединение под Чун-ту трех дивизий монгольской армии, пред этим опустошивших северный Китай до Желтой реки, и это указание неточно. Рашид говорит, что это было в конце весны 1213 года, между тем как, по китайским данным, это имело место в 1214 году.

ГЛАВА V

Возвращение Чингиз-хана в Монголию.— Уничтожение меркитов.— Усмирение туматов.— Подавление восстания в Ляо-дуне.— Посылка Мухули в Китай в звании главнокомандующего.— Четвертое нашествие на Тангут.— Уход сына Таян-хана в Кара-Китай.— Сведения об этой империи.— Соглашение Кучлук-хана с хорезмским султаном против кара-китайского императора.— Завоевание Кара-Китая Кучлуком.— Нашествие монголов на это государство и конец Кучлука.

Весною 1216 года¹ Чингиз-хан, по возвращении своем в Орду на берегу Керулэна, отправил генерала Субудая против брата и трех сыновей последнего меркитского царя Тукты, которые собрали военные силы в Алтайских горах. Тугучар получил приказ присоединиться к нему со своим обсервационным корпусом. Меркиты были разбиты у реки Джема и подверглись поголовному избиению. Брат Тукты, Куту, и два сына погибли в битве; третий, по имени Култукан, был взят в плен и приведен к старшему сыну Чингиз-хана, Чжучи. Молодой меркит имел репутацию отличного стрелка, откуда было его прозвище мергэн (mergan). Чжучи пожелал убедиться лично в его искусстве. Култукан пустил одну стрелу, которая попала в цель, и второй стрелой расщепил древко первой. Монгольский царевич пришел в восторг от такой ловкости и послал нарочного к своему отцу с просьбой даровать жизнь этому юноше. Чингиз-хан велел ему сказать, что он завоевал для своих детей столько стран и народов, что они могут вполне обойтись без отпрыска вражеского племени², и последний сын Тукты был убит.

¹ По Рашиду, Чингиз-хан возвратился в Орду в год мыши, который падает на 611 геджры, т. е. на 1215 год н. э.

² В „Введении“ ответ Чингиз-хана заканчивается фразой: „врагу государства нет места лучше, как в могиле“ (стр. 74). П. п.

Байтула Сукар, глава воинственного народа тумат (toumotes), соседившего с киргизами, воспользовался отсутствием монгольского завоевателя, чтобы сбросить иго. Чингиз-хан отправил против него в 1217 г. нояна Бургула, который победил его, но сам погиб в сражении. Монгольский монарх, заботам которого он, отправляясь, поручил свою семью, велел сказать детям, что он с этих пор будет для них печенью и сердцем и впоследствии выказал им много благожелательства¹.

Чтобы усмирить туматов, Чингиз-хан потребовал войска от их соседей, киргизов. Последние отказали и подняли возмущение. Чингиз-хан послал против них в 1217 году отряд под начальством своего сына Чжучи. Последний перешел реку Кем (Kemkemdjout) по льду, покорил эти народы и возвратился обратно.

Мы видели, что Мухули получил в 1214 году приказ итти на Ляо-дун, где цзиньские войска взяли обратно много крепостей, между прочим Ляо-ян или восточную столицу. Этот город, при помощи военной хитрости, снова перешел в руки монголов. Один офицер, по имени Сяо-эсэнь, отряженный с тысячью человек генералом Мухули, узнав, что вновь назначенный императором губернатор Дун-цзина находится в пути, подстерег его на дороге и убил. Он захватил бумаги об его назначении и направился к Дун-цзину. При въезде в город он выдал себя начальнику стражи за губернатора, которого ожидали. Его с почетом проводили во дворец, куда офицеры гарнизона явились с приветствиями. Он сделал вид, что поражен той обстановкой военного времени, которую он видел кругом. Он сказал, что приехал из столицы и что там считают се-

¹ Djami ut-Tévarikh. Рашид в статье об Уйшин (Houschines) говорит: „Ноян Бургул, из племени Уйшин, сначала исправлял при дворе Чингиз-хана должность букаула или стольника и должность баверджи или дворецкого; потом он стал сотником в гвардии, затем тысячником, темником, наконец, вторым после Бурджи командующим войсками правого крыла. Этих двух офицеров Чингиз-хан любил наиболее, он часто говорил, что боится потерять их“.

Прим. перев. В „Введении“ (пер. Березина, ст. об уйшин) слова Чингиз-хана переданы так. „Не будет отказано и невозможно, чтоб Бургуджи умер; не будет отказано (очевидно, Небом) и невозможно, чтоб Бургул умер“. Там же, в статье о тумэте говорится о добровольном подчинении Чингиз-хану тумэцкого князя Тайтула Сухара (стр. 87 — 88). Так же он назван в Старинном монгольском сказании (Дайдутул, стр. 112). Поход Боргула имел место после смерти Тайтулы, когда туматами управляла его вдова, носившая имя, в китаизированной транскрипции, Бётохуйтархунь (стр. 132 — 133).

бя в состоянии полного мира; что нет никакой надобности держать под знаменами столько людей; он приказал распустить значительную часть гарнизона, заверяя, что в случае опасности он будет во время о ней осведомлен. Через три дня, ранним утром, является Мухули, входит в город и овладевает им без боя. За взятием этого города последовало завоевание всего Ляо-дуна.

В 1215 году Мухули обрушился на Ляо-си. Он намеревался осадить город Да-нин-фу, который был тогда северной столицей, Пей-цзином (Péking), и лежал на западном берегу Лохи. Цзиньский генерал Ин-цин вышел из этого города ему навстречу с значительными силами¹, но близ Хото был разбит и отступил обратно в город. Немного времени спустя он был убит двумя высшими офицерами, которые предложили пост главнокомандующего генералу Ухури Илдуху. Этот новый губернатор, осажденный генералом Ши-тянь-сянем, сдал город. Однако Мухули, раздраженный тем, что тот медлил со сдачей, решил разрушить город. Но Сяо-эсэнъ обратил его внимание на то, что если он поступит так со столицей Ляо-си, вопреки ее добровольной сдаче, то более не найдется города, который пожелал бы сдаться. Мухули согласился. Он оставил Илдуху губернатором северной столицы, поручив однако командование войсками китанскому генералу Уйеру.

В предыдущем году цзиньский генерал Чжан-цин овладел городом Цзинь-чжоу, в Ляо-дуне, принял титул царя и затем покорился Чингиз-хану. В 1215 г. он получил приказ сопровождать, во главе своих шести тысяч человек, армейский корпус, отправленный в Пе-че-ли. Но по прибытии в Пин-чжоу (Юн-пин-фу), в 55 приблизительно лье² к востоку от Пе-цзина (Péking), он приостановил свой марш, сказавшись больным. Мухули, который не доверял ему, поручил генералу Сяо-Ужиню наблюдать за ним. Тот арестовал его и велел казнить (январь 1216 г.).

У Чжан-цина был брат по имени Чжан-чжи, который, желая отомстить за него, велел убить цзинь-чжоуского губернатора, принял королевский титул и завладел шестью другими городами, которые однако Мухули не замедлил взять обратно (декабрь). Последний подошел к Цинь-чжоу; но это был очень укрепленный город и охранялся хорошими войсками. Желая завлечь Чжан-чжи в открытое поле, он при-

¹ У Иакинфа: с 200.000 (перев.).

² У Иакинфа: 550 ли (перев.).

казал генералу Йеру напасть на крепость Люй-ши-пу¹, расположенную среди гор. Как он это и предвидел, Чжан-чжи вышел с частью своих сил, чтобы выручить этот важный пост. Мунгу-буха, который имел поручение наблюдать за его движениями, немедленно выслал часть своей кавалерии отрезать дорогу, которую Чжан-чжи оставил позади себя. Мухули, который был за несколько лье от этого места, получив извещение об его выступлении, шел ускоренным маршем всю ночь и на рассвете встретился с ним. Чжан-чжи, атакованный одновременно с двух сторон, был разбит наголову и едва мог вернуться в город. Он был там осажден. Сначала он делал вылазки, но, вследствие потерь людьми, скоро решил предпочительно держаться оборонительных действий. В конце месяца находившийся под его начальством генерал Гао-и схватил его и выдал Мухули, который приказал отрубить ему голову².

Когда Ляо-дун и Ляо-си были приведены к покорности, Мухули был вызван ко двору Чингиз-хана. Последний, стоявший в 1217 году лагерем на берегу Толы, с исключительным блеском вознаграждал своего генерала за его заслуги. Воздав публично хвалу его великим достоинствам, он пожаловал ему китайский титул го-вана (koué-ouang)³, или государя, с правом передачи его своим потомкам. Это был титул, который китайцы давали Мухули, когда тот вел войну в их стране, и так как Чингиз-хан имел намерение послать его в Китай для продолжения завоеваний, то и утвердил за ним этот титул, казавшийся добрым предзнаменованием. Он назначил его одновременно своим наместником в Китае. Он приказал, чтобы его войска в боевом строю повиновались Мухули так же, как ему лично, и вручил ему золотую печать в знак той власти, которая ему была вверена. „Я завоевал,— сказал он ему,— китайские области к северу от гор Тхай-хань; тебе предстоит завоевать страны к югу от этого хребта“. Мухули отправился с армией, состоявшей из двадцати трех тысяч монголов⁴ и двух дивизий китаней и чжурчженей под командой двух

¹ У Д' Оссона Сюй-ши-пу, но у Иакинфа Лю-ши-пу (перев.).

² Ган-му и Ист. Юаней, стр. 74, 75, 83 и 86, Gaubil, там же, стр. 26 и 30.

³ Го означает страну, государство, а ван — государь, царь. Мухули был из племени чат (tchiate), составлявшего часть народа джалаи-ров.

⁴ Было десять тысяч онгутов, тысяча кушикулов, четыре тысячи урутов, две тысячи икирасов, тысяча мингкутов, три тысячи конкиратов и две тысячи джалаи-ров.

генералов тех же национальностей, Ояра и Тогана, которые получили звание командующих десятью тысячами человек или, по-китайски, ван-шай (vang-schai)¹.

В 1218 году Чингиз-хан совершил свой четвертый поход на государство Ся, государь которого Ли-цзунь-сянь (Litzoun-hien), видя, что его столице угрожает осада монголами, бежал в Силян, теперь пров. Лянь-чжоу-фу, в Гань-су².

В тот же год монголам подчинилась Корея.

Тогда Чингиз-хан обратил свое внимание на запад, где один из его бежавших врагов, Кучлук, сын последнего на-иманского хана, занимал уже шесть лет кара-китайский престол, который он узурпировал.

Кара-китайская империя была основана китанским князем из династии Ляо. Когда китанская монархия была уничтожена чжурчженями или цзиньцами, родственник последнего китанского императора Йелюй-Янь-си и его главнокомандующий Йелюй-Таши³, покинул в 1123 году доведенного до крайности монарха и ушел с двумя сотнями людей в сторону к северо-западу от Шень-си. Губернаторы и племенные вожди этой страны, составлявшей часть империи Ляо, оказали ему ленные почести (homage), как потомку знаменитого Апаки (Араки, Абаоцзи). Во главе сил, которые они ему предоставили, он двинулся в Туркестан. Уйгурский государь Билик, к которому он обратился с просьбой о пропуске через его владения, вышел ему навстречу к границе, представил ему в дар значительные количества лошадей, верблюдов и баранов, дал в заложники нескольких сыновей и внуков и признал себя его вассалом. Йелюй-Таши подчинил себе владения Кашгара, Яркенда и Хотана⁴, а также Туркестан⁵.

Последняя страна принадлежала тогда Кагану (Khasan) Махмуду, двадцатому представителю его династии, ведущей свое происхождение от Эфрасиябов (Efrassiyabes), ту-

¹ Mailla, IX, стр. 79; Gaubil, стр. 32, Djami ut-Tévarikh.

² Mailla, стр. 84; Иакинф, стр. 91.

³ В Djami ut-Tévarikh он назван Туши Тайфу. Тайфу — по-китайски значит главнокомандующий.

⁴ Mailla, VIII, стр. 399; Visdelou, стр. 10 и сл.; Djami ut-Tévarikh.

⁵ Арабы и персы подразумевали под Туркестаном, или страню турков, страну, которая простирается от Сихуна (Сыр-Дарьи) до великой пустыни Китая; но в более узком значении он обозначал только часть этой страны, прилегающую к Сихуну и граничащую на севере с Уйгурией и Кашгарией.

рецких властителей, знаменитых в древних исторических преданиях Персии. Владения Махмуда были сведены к владению в Трансоксании, а спустя несколько лет и эта страна равным образом подверглась вторжению кара-китаев, и Махмуд сделался их данником¹. Хорэзм скоро подвергся той же участи; войска Йелюй-Таши предали его огню и мечу; царствовавший там второй представитель династии Хорэзм-шахов, Атсиз, добился мира за ежегодную дань в тридцать тысяч золотых монет². Подчинив своей власти страны, лежащие между великой пустыней Гоби и Джихунном и между горными хребтами Тибета и горными хребтами Сибири, Йелюй-Таши принял в 1125 году титул Гурхана, что значит великий хан, и основал свою резиденцию в городе Бела-Сагун. Он был последователем Будды; эта религия сделалась господствующей в новой Кара-китайской империи. Ее основатель, который соединял с большими военными талантами безукоризненное знакомство с китайской литературой, чему он был обязан в своей молодости званием ученого первого класса, умер в 1136 году, во время приготовлений к войне с цзиньцами за возвращение отнятого ими у его дома престола. После него остался только младший сын Йелюй-Илей, который оставался до 1142 года под опекой своей матери Табуян. Когда он в 1155 году умер, регентшей была провозглашена его сестра Пусуан, на время несовершеннолетия сына Илея, Чилуку, который принял бразды правления лишь в 1167 году³. Чилуку царствовал еще в 1208 (604 — 5) году, когда сын последнего найманского хана явился искать убежища в Кара-Китае; он нашел хороший прием у Чилуку, который выдал за него свою дочь.

Слабость правления этого государя, всецело занятого охотой и удовольствиями, уже повлекла отпадение трех крупных вассалов: уйгурского царя, владетеля Трансоксании и Хорезмского султана; она же внушила его зятю мысль свергнуть его с престола. Найманский князь привлек на свою сторону нескольких генералов Чилуку и, собрав остатки войска своего отца, оказался во главе внушительных сил. Приступая к выполнению своего замысла, он испросил у Чилуку разрешения собрать под свои знамена остатки найманских племен, которые, по

¹ Tarikh Monedjim-Baschi, т. II, гл. о туркестанских каганах (хаканах).

² Tarikh Djihankuschai, II.

³ Mailla, VIII, стр. 399; Visdelou, стр. 10 и сл.

его сведениям, бродили в областях Имиля, Каялыка и Биш-Балыка, уверив его, что он желает собрать эти войска исключительно для службы ему. Кара-китайский государь с удовольствием дал свое согласие, сделал ему, при его отправлении, большие подарки и пожаловал титул Кучлук-хана, что по-турецки значит могущественный государь.

Действительно, едва он появился, как орды его отца стеклись под его знамена; к нему присоединился и глава меркитов, бежавший от войск Чингиз-хана; его войска обогатились от набегов в Кара-Китае, и надежда на добычу привлекла к нему новыя банды; но с этими силами он все же не мог овладеть империей; ему был нужен союзник. Его взоры обратились на султана Мохаммеда, властителя Хорэзма и Персии, который освободился из-под сюзеренитета Чилуку и получил признание вассальной зависимости от Османа, государя Самарканда и Трансоксании. Кучлук предложил ему сообща напасть на Кара-Китай, западные области которого и должны были послужить вознаграждением за его содействие, и получил благоприятный ответ. В это время кара-китайская армия была послана против Самарканда, чтобы принудить Османа снова к подчинению; Мохаммед поспешил на его защиту; но еще до его прибытия кара-китай сняли осаду этого города, отозванные по приказанию их государя, на которого только что напал Кучлук.

Наиманский князь воспользовался удалением кара-китайских войск, чтобы разграбить сокровищницу Гурхана в Озкенде; он решил затем нечаянным нападением овладеть Бела-Сагуном. Хотя Гурхан был в преклонном возрасте и имел мало людей около себя, он дал сражение своему противнику, разбил его наголову на берегу Чинбуджа и захватил в плен порядочное число его воинов. Кучлук отступил, обескураженный неудачей своего предприятия и готовый от него отказаться. Но в это время Мохаммед с Османом вступили на территорию Кара-Китая. За Таразом он встретился с неприятелем, бывшим под командой генерала Танигу, и дал ему сражение. Кара-китайская армия была обращена в беспорядочное бегство, ее командующий попал в плен к победителям. При отступлении разбитые войска разграбили и опустошили собственную страну. Жители Бела-Сагуна, которые желали перейти под власть султана Мохаммеда, заперли ворота перед войском Гурхана. Будучи осаждены им, они защищались в течение шестнадцати дней в надежде, что

султан Мохаммед придет к ним на помощь. Город, наконец, был взят приступом, а его население предано мечу; при этом погибло сорок семь тысяч человек.

Финансы Гур-хана были истощены; Махмуд Бай, один из его генералов, который обладал огромными богатствами, из страха перед необходимостью денежных жертв, посоветовал ему принудить войска возвратить в казну то, что они отняли из сокровищ, похищенных Кучлуком. Начальники войсковых частей восстали против этой меры и ушли в большом раздражении. Кучлук воспользовался их разбродом, поспешно вернулся и захватил врасплох хана, которого сделал пленником в 1211 или 1212 (608) году. Завладев особой государя, он сохранил за ним его титул и вообще обращался с ним почтительно до самой его смерти, последовавшей два года спустя после этого переворота¹.

Кучлук, овладев кара-китайским престолом, решил подчинить себе Озара, хана Алмалыка; он ходил против него не один раз и, наконец, захватил его на охоте; он взял его в плен и велел умертвить. Жители Кашгара и Хотана также отказались подчиниться. Кучлук освободил сына кашгарского хана, которого Гурхан держал в заключении, и отправил его к отцу; но у ворот Кашгара молодой князь был умерщвлен. Чтобы привести эту страну к покорности, Кучлук послал войска, которые опустошили ее во время

¹ Издатель Истории Китая, Mailla, который дает в одном из примечаний (т. VIII, стр. 419) краткие сведения о династии Кара-китаней, или западных Ляо, откуда мы позаимствовали имена наследников Туши (м. б., Нуши) Тай-фу, которых не имеется ни в *Djami ut-Tévarikh*, ни в *Djihankuschaï*, определяет продолжительность царствования этой династии в семьдесят семь лет, с 1124 по 1201 год, но так как Чилуку царствовал до 1211 или 1212 года, то эта империя должна была насчитывать восемьдесят семь лет. Висделу дает очерк истории кара-китаней, по сведениям китайских историков, в своем *Supplément à la Bibl. orient. de D'Herbelot*, см. *Cara-Khataïan*, стр. 10 и сл. Подобный же очерк, почерпнутый из тех же источников, находится и в 3-ей части Записок о Монголии отца Иакинфа, стр. 170 и 172. Они оба сообщают, что Иелюй-Чилуку был схвачен на охоте и лишен Гучлуком престола в 1201 г.; это очевидная ошибка китайских историков. Напоследок Висделу смешал туркестанскую династию китаней с керманской, которая более, чем на сто лет была позднее первой, и ему стоило большого труда согласовать разницу в датах, именах государей и мест. Надо заметить, что Иелюй-Таши и его преемники приняли китайские почетные титулы и давали, по примеру китайских императоров, особые названия годам своего царствования. Примечание VI, в конце этого тома, заключает перевод двух статей из Джувейни и Рашида, относящихся к династии кара-китаев.

жатвы; он возобновлял эти опустошения в течение следующих двух-трех лет, и население, наконец, было вынуждено голодом покориться. Воспитанный сначала в христианской религии, которую исповедовала, как говорили, значительнейшая часть найманского народа, он воспринял затем религию Будды, подчинившись влиянию своей супруги, дочери Гурхана. Подчинив силой, оружия Хотан, он решил принудить его население отречься от магометанства, предоставив ему выбирать между христианской и буддийской религией. Он возымел даже претензию доказать ложность их веры и собрал с этой целью на равнине, под стенами города, мусульманское духовенство; он велел объявить, что всякий желающий дискутировать с ним об этой религии может выступить. Тогда подошел к Кучлуку главный имам, Алай-уд-дин Мохаммед, и горячо защищал ислам. Рассерженный его возражениями, хан разразился оскорблениями по адресу Магомета. В порыве негодования имам воскликнул: „Пусть земля засыплет твой язык, враг истинной веры“. Он был схвачен по приказанию Кучлука, который, после тщетных усилий принудить его пытками к отречению, велел распять его на дверях его собственной школы. С тех пор он принялся преследовать мусульман во всех своих владениях.

Чингиз-хан не был расположен оставлять своего старинного врага мирно наслаждаться на похищенном троне. Когда он выступил в поход на запад, он отрядил против Кучлука в 1218 (615) году корпус из двадцати тысяч человек под командой нояна Чжэбэ. При его приближении Кучлук бежал из Кашгара. Вступив в этот город, Чжэбэ провозгласил свободу религиозных культов; жители тотчас же избили солдат Кучлука, расквартированных в их домах. Монголы немедленно пустились преследовать их врага; они схватили его в горах Бадахшана и отрубили голову¹.

Когда Чингиз-хан узнал о счастливом исходе экспедиции Чжэбэ, он поручил передать этому генералу, чтобы он не надмевался своими успехами, потому что именно гордость и погубила Онг-хана, Таян-хана, Кучлук-хана и других уничтоженных в последнее время государей. Чжэбэ, который, немного лет спустя, нагнал страх пред монгольским оружием вплоть до Армении, Грузии и России, был из Монгольского племени исут (yissoutes), долго враждовавшего с Темучином. После одной победы, одержанной

¹ Tarikh Djihankushai; Djami ut-Tévarikh.

последним над исутами, Чжэбэ и другие воины из этого племени скрылись, чтобы избавиться от плена или смерти; но однажды, когда Темучин делал облаву, Чжэбэ оказался случайно в кольце охотников. Монгольский вождь, узнав его, хотел броситься на него, когда Бургуджи, один из его главных офицеров, упросил его предоставить ему сразиться с этим воином; Темучин при этом одолжил ему, по его просьбе, свою лошадь с белой мордой¹. Бургуджи выехал, пустил стрелу в Чжэбэ и промахнулся. Последний оказался более ловким. Он метнул дротик и повалил коня противника, а затем быстро ускакал. Но через некоторое время, лишенный всяких средств существования, он решил явиться к Чингиз-хану и предложить ему свою службу. Последний, зная его храбрость, дал ему под команду десять человек; довольный его расторопностью, он назначил его затем сотником, потом тысячником и, наконец, темником (десяти-тысячником). Когда Чжэбэ счастливо закончил свою экспедицию против Кучлука, он решил покрыть тот убыток, который он причинил своему господину, убив его лошадь; он набрал в завоеванных им странах тысячу лошадей с белой мордой и представил их в дар Чингиз-хану².

Власть монгольского хана распростерлась тогда и на Кара-Китай, который в число своих провинций включал страны Кашгара, Яркенда и Хотана, промышленное население которых, в большинстве магометанское, занималось земледелием, ремеслами и торговлей, обменивая продукцию Татарии (Tartarie) на произведения Китая и Индии³. Владения Чингиз-хана оказались пограничными с владениями султана Мохаммеда, и скоро монгольскому завоевателю представился повод или, по крайней мере, благовидный предлог для нападения на этого нового соседа, цветущее государство которого сулило богатейшую поживу для жадных номадов Татарии.

¹ По-монгольски, по словам Рашида, чаган аман кула. Турки и монголы дают название кула рыжеваточалой и саврасой лошади, по-немецки *schweissfuchs*. Этого названия не следует смешивать с названием кулан, которое означает дикого осла.

² *Djami ut-Tévarikh*, ст. об исутах. Чжэбэ—по-монгольски означает стрелу с деревянным наконечником.

³ *Marco Polo, Travels*, изд. Марсдена, гл. 29, 31 и 33.

ГЛАВА VI

О Хорэзмской империи.—Ее последовательный рост.—Ссоры султана Мохаммеда с халифом Насиром.—Поход на Багдад.—Уделье сыновей султана.—Состав его войска.—Влияние его матери.—Послание от Чингиз-хана.—Убийство нескольких купцов, прибывших из Татари в Отрар.—Военные приготовления Чингиз-хана.—Убийство его посла.—Битва между хорэзмийцами и монголами в Туркестане.—Поход Чингиз-хана против Хорэзмской империи.—Приготовления Мохаммеда к обороне.

Хорэзмская империя возникла на развалинах сельджукидской державы и разрослась путем присоединения нескольких других государств. В это время она простиралась от Сыр-Дарьи (Sihoun) до Персидского залива и от Инда до Ирак-Араби (Irac-Aréb) и Азербайджана. Повелитель этой империи, в начале тринадцатого столетия, Алай-уд-дин Мохаммед происходил от турецкого невольника, по имени Нуштэгина, который сначала принадлежал одному вольноотпущеннику султана сельджукида Меликшаха, перешел в собственность этого государя и достиг должности чашника (кувшиноносца), с которой было связано губернаторство в Хорэзме. История магометанских династий дает многочисленные примеры возвышения турецких рабов до самых высших рангов. Пленники этой национальности наиболее ценились в Персии за приятную наружность, силу и деятельный характер¹. Их приводили туда толпами в юношеском возрасте, из стран к северу и востоку от Каспийского моря, населенных турками, язычниками и номадами, которые во время непрестанных междоусобных войн забирали друг у друга детей и продавали их работорговцам. Эти молодые люди, покупавшиеся по высокой цене госу-

¹ Еbn-Наоукал, Messalik ul Mémalik (география), арабск. рук. Лейденской библиотеки.

дарями и вельможами мусульманских стран, воспитывались в магометанской религии, и по большей части назначались для военного дела. Они составляли военную гвардию своих господ и служили им в разных домашних должностях, столь многочисленных у азиатской знати. Кто достигал фавора у своего патрона, получал вольность и затем дослуживался до первых степеней при дворе и в армии; он получал в управление область, и при благоприятных обстоятельствах делался ее государем¹.

Таким образом, можно было наблюдать случаи превращения турецких рабов в могущественных людей в магометанских странах еще до завоевания их турецкими народами. Персия, которую арабское завоевание заставило пойти в отношении цивилизации назад и которая под властью халифов и управлением их великих вассалов снова сделалась цветущей страной, была покорена, в середине одиннадцатого столетия, огузами, кочевым турецким народом, вышедшим из песчаных степей, которые простираются между Каспийским морем и рекою Сихуном². Под предводительством своих князей, внуков Сельджука, эти свирепые пастухи раздвинули свои завоевания до берегов Средиземного моря и Пропонтиды. Их многочисленные племена, разместившиеся во всех частях этой обширной империи, за-

¹ Шихаб-уд-дин Махмуд, последний султан гуридской монархии, столицей которой была Газни (Ghiznīn), имел одну только дочь и любил покупать турецких рабов, которых он постепенно возвышал до высших постов. Один из его придворных позволил себе однажды пожелать ему сына, которому он мог бы завещать свои обширные владения, „У меня,— ответил он,— несколько тысяч сыновей, которые после меня сумеют хорошо охранять мои государства“— и действительно после его смерти, в 1205 году, его провинции перешли во владения турецких генералов, которые в них командовали. В их числе был Таж-уд-дин Ильдуз, который стал властителем Газни. Когда этот новый монарх захотел включить свое имя в публичную молитву, улемы воспротивились этому, так как он не получил отпуской, т. е. был формально невольником, и Таж-уд-дин был вынужден, в соответствии с буквальным требованием магометанских законов, просить об отпущении на волю у Гиат-уд-дина, племянника и наследника Шихаб-уд-дина, который лично из всех владений своей семьи смог сохранить лишь маленькое княжество Гур. После долгого сопротивления этот князь дал свое согласие. См. *Mirkhond, Raouzat us-Safa*, IV; *Tarikh Monéjīm-Baschi*, II, ст. о гуридских государях.

² Магометанские историки, которые составляли историю сельджукидской династии, с точностью не указывают стран, где жили огузы до их вторжения в Персию; лишь в некоторых частях географического трактата Ебн-Хаукаля можно почерпнуть сведения, что эти язычники-номады в десятом веке бродили со своими стадами по некультурным равнинам Хорэзма и Трансоксании.

ставили почувствовать иго варварства ее обитателей, персов, арабов, сирийцев, армян и греков. С этого времени история Персии и соседних с нею стран на западе представляет лишь нудно однообразную повесть о военных походах, грабежах, опустошениях и междоусобных войнах тех же турков-сельджуков. Их предводители, получив в свое управление целые провинции и сделавшись неограниченными господами собственных войск, начали тотчас играть ту же роль, что и европейские крупные вассалы в средние века. Каждая смена правления давала сигнал для гражданской войны. Каждый князь, которого беки, бывшие его сторонниками, возводили на престол, должен был оставлять в их руках значительную часть принадлежавшей ему верховной власти, и империя сельджуков погибла в конце двенадцатого века в судорогах анархии.

Последний удар их могуществу в Персии нанес один из потомков Нуштэгина, Кутб-уд-дин Мохаммед; сын этого вольноотпущенника и наследник его феода добился титула Хорэзм-шаха, который носили прежние государи Хорэзма¹ до завоевания его арабами. Атсиз, сын Мохаммеда, несколько раз брался за оружие против своего сюзерена Синджара, сына Меликшаха, но оказался вынужденным платить дань хану Кара-Китая. После смерти султана Синджара, в 1157, сын Атсиза, Иль-Арслан, овладел западной частью Хорасана. Его сын Такаш отнял Ирак-Аджэм у сельджукского султана Тогрула, который был убит в сражении в 1149 г. Так как вследствие его смерти и смерти Синджара обе ветви персидских сельджуков угасли, Такаш получил от халифа Насира инвеституру на страны, которые были уже в его фактическом владении. Господство над Ираном перешло от турков-сельджуков к туркам хорэзмским.

Алай уд-дин Мохаммед, который в 1200 году наследовал своему отцу Такашу, овладел двумя провинциями Балха и Герата и оказался таким образом обладателем всего Хорасана. Немного времени спустя Мазендеран и Керман также перешли под его власть. Тогда Мохаммед счел себя достаточно сильным, чтобы сбросить зависимость от каракитайского императора, которому он, подобно трем своим предшественникам, платил дань, тем более унижавшую его в собственных глазах и в глазах его народов, что его сюзерен был идолопоклонником. Кроме того, его подстрекал к этому владетель Самарканда и Трансоксании Осман, который, будучи, подобно ему, вассалом Гурхана, с нетерпе-

¹ Настоящее название этой страны Х о в а р а з м (Khovarazm).

нием сносил вымогательства кара-китайских префектов, размещенных во всех провинциях, для взимания дани. Осман дал обещание Мохаммеду признать себя его вассалом и уплачивать ему ту же дань, что он давал кара-китайскому хану, когда они свергнут иго последнего.

Мохаммед искал лишь случая, чтобы порвать с ним, и случай не замедлил представиться. Прибыл кара-китайский офицер для получения ежегодной дани; допущенный к султану, он по обычаю сел рядом с ним. Мохаммед, природная гордость которого была еще подогрета недавними победами над кипчаками, языческим народом, обитавшим в диких степях к северу от Каспийского моря, не мог далее выносить такое посягательство на свое достоинство и приказал, в порыве гнева, разрубить на части ханского посла.

После этого неприязненного акта, Мохаммед вступил со своей армией на территорию Кара-Китая; но он потерял сражение (1208—9), в котором был взят в плен с одним из своих офицеров. Этот слуга его имел присутствие духа выдать султана за своего раба. Через несколько дней, договорившись о своем выкупе, он предложил послать последнего в свою страну, чтобы найти условленную сумму денег. Тот, чьим пленником он был, согласился на это и даже дал конвой для посланца. Таким образом, султан возвратился в свои владения, где, в виду слуха об его смерти, его брат, Али-Шир, уже заставил провозгласить себя в Таберистане, а его дядя Эмин-уль-Мульк, губернатор Герата, принимал меры, чтобы сделаться суверенным владетелем там.

В следующем году Мохаммед совершил со своим вассалом, султаном Самарканда, второй поход на Кара-Китай. Он перешел Сихун в Фенакете и одержал над неприятельской армией, которой командовал Танигу, ту победу, о которой уже упоминалось; потом, используя выгоды своего положения, он подчинил часть Туркестана вплоть до Озкенда, где им был оставлен губернатор. Весть об этих успехах, одержанных над идолопоклонниками, вызвала живейшую радость в Хорэзмской империи. Она вознесла на величайшую высоту почтение, которое внушало могущество султана. Все соседние государи отправили к нему послов с поздравлениями. В его монограмму (тугра) был вставлен, вслед за его именем, эпитет тени божией на земле, и даже, согласно обычаю, хотели добавить к его титулам еще титул второго Александра. Он предпочел прозвание Синджара, которое ему казалось наилучшим предзнаменованием, так как сельджукский государь процарствовал сорок один год (1209—1210; 606 гг.).

По возвращении в Хорэзм, свою столицу, султан выдал свою дочь за Османа. Хорэзмский губернатор появился в Самарканде на смену наместнику кара-китайского хана. Скоро Осман оказался настолько недоволен этим губернатором, что стал раскаиваться в перемене сюзерена; он признал себя вассалом Гурхана и велел перебить всех хорэзмийцев, которые оказались в его столице. При этом известии Мохаммед, вне себя от гнева, стремительно выступил на Самарканд. Его войска взяли приступом город и, ворвавшись в него, в течение целых трех дней занимались убийствами и грабежами; затем осадили цитадель, в которой укрылся Осман; она была взята, и Осман, покрывшись саваном и повесив на шею саблю, явился, чтобы расprostереться ниц перед победителем. Султан хотел было его помиловать, но его дочь, которую Осман донимал оскорблениями и которая была даже принуждена прислуживать на одном празднике дочери Гурхана, своей сопернице, потребовала смерти своего супруга, и он был убит со всеми членами своей семьи (1210—11).

После этого Мохаммед присоединил Трансоксанию к своей империи и перенес столицу в Самарканд¹.

Султан увеличил еще свои владения за счет части прежнего гурского государства, которое простиралось от Герата до берегов Ганга. После смерти султана Шихаб-уд-дина, четвертого государя гуридской династии (1205), его индусские провинции перешли под власть военачальников, которые находились там в качестве губернаторов. Султан Мохаммед, как было сказано, овладел Балхом и Гератом и Махмуд, племянник Шихаб-уд-дина из родовых доменов мог сохранить лишь страну Гур, причем для этого он должен был признать себя вассалом хорэзмского султана. Махмуд царствовал семь лет, когда был умерщвлен в своем дворце, и народный голос обвинял в этом преступлении султана (1212—3). Князь Али-Шир, который, вследствие ссоры с своим братом Мохаммедом, уехал к Махмуду в его резиденцию, Фирузгух, заставил провозгласить себя его наследником и обратился к султану с просьбой утвердить его во владении этим феодем империи. Мохаммед послал ему с одним из своих офицеров знаки инвеституры; но в тот момент, когда Али-Шир собирался надеть почетный халат, который был ему привезен, этот офицер ударом сабли отрубил ему голову

¹ Tarikh ul-Kamil (Полная история), сост. Ебн-уль-Етир-ель Джезэри; ар. рукоп. Парижск. библиотеки, т. XII, стр. 204; Tarikh Dji h a n k u s h a i.

и затем немедленно предъявил соответствующий приказ своего господина. После этого акта варварства Гурское княжество было присоединено к Хорэзмской империи (1215—6).

Тремя годами позднее, Мохаммед отнял область Газни у турецкого генерала, бывшего поданного султана Шихабуд-дина, который завладел ею во время распада Гурской империи. В архивах этой бывшей столицы нашли письма халифа Насира к гуридским султанам, в которых он старался возбудить у них тревогу в отношении честолюбивых замыслов Хорэзм-шахов и понуждал их напасть на них, даже вступить для этой цели в союз с кара-китаями; действительно, два последних монарха из гуридской династии вели войну с Мохаммедом, в начале его царствования, считая это время благоприятным для осуществления их намерения завоевать западную часть Хорасана. Открытие этой переписки еще более озлобило Мохаммеда против мусульманского первосвященника¹.

Халиф Насир², который с 1180 года занимал багдадский престол, упорно, хотя и безуспешно, работал над тем, чтобы приостановить рост Хорэзмской державы. Он почти не имел собственных средств для выполнения этого плана; светская власть преемников Магомета была сведена к тесным границам Ирак-Араби и Хузистана. Другие части их обширной империи постепенно перешли под власть арабских, персидских и турецких династий, а начиная с третьего века геджры с поля зрения Персии исчезли монархии Тахиридов, Саффаринов, Саманидов, Себуктегинов, Буидов и Сельджукидов³. Правда, считалось, что государи этих династий владеют своими государствами в качестве феодалов багдадского престола; но

¹ Tarikh (Djihankuschaï, II; Djami ut-Tévarikh; Raouzat-us Safa, IV.

² Abou-l-Abbas Ahmed, En Nassiru li din illahi, или защитник святой веры.

³ Тахир, наместник Халифа аль-Мамуна в Хорасане, объявил себя независимым (822); его династия продержалась около 50 лет. Под властью Тахиридов были Табаристан и Трансоксания. Основатель династии Саффаринов Якуб ибн-Лейс, по прозвищу саффар (т. е. медник), подчинил почти весь восточный Иран; саффарины добились почти полной независимости от халифов (вторая половина IX века). После падения саффаринов их владения перешли к Саманидам, правившим в Трансоксании (900—999). Себуктегин—основатель династии газневидов (977—997). Государство буидов состояло из Кермана, Фарс-Ирана, Хузистана и Ирака (X век). Сельджукиды, Чакирбек, Альп-Арслан, Тогрул и др. в XI в.; Тогрул-бек в 1055 г. ликвидировал государство буидов (примеч. перев.).

если они и испрашивали старательно инвеституру у халифа, то единственно для придания законности своей власти в глазах подвластных им народов. Аббасиды должны были довольствоваться двумя прерогативами, которые знаменуют у магометан верховную власть: упоминанием их имен в публичной молитве и на монетах. Не всегда они были господами даже в своей столице, особенно во время господства сельджукидов.

Империя персидских сельджукидов, сведенная к территории Ирак-Аджэма, при последнем государе Тогруле была во власти анархии. Халиф Насир был одарен деятельным умом и смелым характером; он сильно содействовал ускорению распада соседней державы, разжигая, с одной стороны, раздиравшие ее внутренние смуты и, с другой, призывая на помощь хорэзмского султана Такаша. Он даже льстил себя надеждой, что ему удастся, при падении сельджукидов, получить часть Ирак-Аджэма; но Такаш, завоевав эту большую провинцию, не пожелал ничего уступать из нее. После многих бесплодных попыток халиф оказался вынужденным освятить своей инвеститурой новую державу, которая была для него более опасна, чем та, разрушению которой он содействовал. Когда Мохаммед наследовал своему отцу, Нассир побудил султана Гура, Гиат-уд-дина, воспользоваться переменой царствования для нападения на хорэзмийцев. Последний, уже обладавший провинциями Балха и Герата, жаждал захватить остальной Хорасан; он начал войну; но вслед за началом этого предприятия он умер. Его брат и преемник, Шихаб-уд-дин, вторгнувшийся было в Хорэзм, потерял всю свою армию, которая была наголову разбита у Ендехода армией султана Мохаммеда, в составе которой был и десяти тысячный кара-китайский вспомогательный корпус; это принудило его заключить мир.

В Газни Мохаммед удостоверился, что прежняя война была ему подстроена халифом; это усилило раздражение, которое он и помимо этого питал против Насира. Властвуя над обширными государствами и армией в четырехста тысяч человек, он домогался таких же прерогатив, какие получали от халифов сельджукидские султаны, которых, по его мнению, он был гораздо могущественнее. Он имел претензию назначать губернатора в Багдад; он желал, чтобы его имя упоминалось там в публичных молитвах, и чтобы халиф дал ему титул султана. Чтобы добиться осуществления этих домогательств, он послал в Багдад кади Омара, пользовавшегося полным его дове-

рием. Халифат не пожелал дать на это согласие, ссылаясь на то, что деилемитские и сельджукидские государи получали свои права в Багдаде в признательность за выдающиеся услуги, оказанные наместникам пророка; но что он не усматривает для настоящего момента необходимости в покровителе; он даже выражал удивление по поводу того, что Мохаммед не довольствуется своей обширной империей, а простирает свои вождедения вплоть до столицы халифа.

Под влиянием своего раздражения, Мохаммед принял дерзкое решение отнять у аббасидов престольный город халифата. Чтобы оправдать в глазах подвластных ему народов подобное предприятие, он нуждался в авторитетной поддержке духовенства. Султан предложил ученым знатокам закона следующий вопрос: „Если монарх, который всю свою славу полагает в торжестве слова божия и уничтожении врагов истинной веры, видит, что он становится жертвой вражды верховного первосвященника, может ли он низложить его и заменить более достойным? Особенно, если наместничество Магомета по праву принадлежит потомкам Хуссейна; если дом Аббаса узурпировал его; если, сверх того, аббасидские халифы всегда пренебрегали главнейшей из возложенных на них религией обязанностей—охранять границы Ислама и предпринимать священные войны для обращения в истинную веру и обложения данью неверных народов“. Собрание духовенства объявило в фетве, что в этих случаях низложение законно. Вооружившись этим каноническим постановлением, султан признал халифом сеида¹ Ала-уль-Мулука из Термеда, потомка Али, и приказал исключить имя Насира из общественных молитв и не помещать на новых монетах.

Тогда последователи Али, которых так много в Персии, решили, что, наконец, настал момент, когда род зятя Магомета возвратит, спустя шесть веков, верховную власть первосвященника. Султан собрал армию для приведения в исполнение произнесенного против Насира определения и решил сначала овладеть Ирак-Аджэмом. Один турецкий генерал, по имени Огулмыш, сделался владельцем этой страны и признал себя вассалом его, но был умерщвлен, по наущению халифа, исмаилитами, ибо,

¹ Сеид—титул потомков дочери Магомета Фатымы и ее мужа племянника Магомета Алия (4-го халифа 655--661 г. н. э.). П. п.

чтобы угодить этому первосвященнику, исмаилитский князь предоставил в его распоряжение нескольких своих тайных убийц, которыми Насир перед этим уже воспользовался, чтобы отделаться от меккского князя. После смерти Огулмыша имя султана было выброшено из общественной молитвы в Ирак-Аджэме, и по приглашению халифа два соседних владельца—Фарса и Азербайджана—поспешили занять его. При этих известиях Мохаммед ускорил свой поход на Ирак. Са'д, князь Фарса, был разбит и взят в плен. Он должен был откупиться уступкой двух укреплений и обещанием ежегодной уплаты победителю третьей части своих доходов. Атабек Ызбег (atabey Euzbek), разбитый вслед за этим, бежал¹. Генералы султана хотели было преследовать его, но он удержал их от этого, говоря, что пленение двух государей в течение одного года не может принести счастья. Прибыв в свою страну, Ызбег послал к нему послов с дарами и признал себя вассалом (1217—8).

Приведя Ирак-Аджэм к покорности, султан пошел на Багдад. Насир отправил к своему врагу с мирными предложениями Шихаб-уд-дина Сихирверди, очень ученого богослова, пользовавшегося большим уважением. Этот легат халифа нашел султана в лагере у Хэмэдана и с большим трудом получил аудиенцию. Когда его ввели в шатер Мохаммеда, последний сидел на подушке и был небрежно одет; он не ответил на приветствие шейха и не пригласил сесть. Последний обратился к нему с красноречивым словом на арабском языке, представлявшим панегирик дому аббасидов и, в частности, халифу Насиру; затем он прочитал хадис или изустное наставление Магомета, запрещающее причинять вред членам этой знаменитой фамилии. Мохаммед ответил: „Халиф не обладает теми добродетелями, которые ему приписывает этот человек. По прибытии в Багдад, я посажу на первосвященнический престол человека, одаренного такими выдающимися достоинствами, а что касается запрета пророка, которое он процитировал, то он должен знать, что все

¹ Са'д был пятым государем из династии Салгаридов. Его дед, Санкор, сын Мевдуда и внук Салгара, был главой одного из турецких племен и вассалом сельджукидов; он воспользовался упадком этой монархии и овладел Фарсом в 1148 г. Этому атабеку Са'ду посвятил свой Гулистан шейх Са'ди.—Ызбег был пятым преемником Ильдегиза, который из турецкого раба, во время господства сельджукидов, стал в 1160 г. монархом Азербайджана.

члены аббасидского рода рождаются в тюрьме, и большинство проводит в ней и жизнь. Сделавшие всего больше зла аббасидам были лица из их же собственного дома". Шейх ответил, что всякий халиф, раз он получил посвящение, принимал обязательство действовать, согласно книге бога и примеру пророка его, применяя их веления к обстоятельствам, и что если он считал необходимым, для общего блага, заключить в тюрьму тех или иных лиц, то подобные деяния не заслуживают никакого порицания. Но речи шейха не произвели никакого впечатления на умонастроение султана, и тот возвратился ни с чем в Багдад, а Насир, потеряв всякую надежду на примирение, распорядился приступить к работам по приведению столицы в оборонительное положение. Между тем Мохаммед занимался в Хэмэдане разделом Ирака-Ареба на военные феодалы и фискальные префектуры, причем были даже составлены грамоты о назначениях.

Авангард султана, силою в пятнадцать тысяч всадников, двинулся на Хельван, за ним следовал второй корпус. Хотя было только начало осени, выпало большое количество снега, когда хорэзмские войска находились в Ессед-Абадских горах, и от холода погибло много людей и лошадей. Натерпевшись от непогоды, они подверглись нападению со стороны турецких и курдских племен, которые нанесли им значительный урон, так что их гибель была почти полная. Это непредвиденное событие, которое суеверие приписало небесному гневу¹, привело к катастрофе предприятия, считавшееся Мохаммедом легким.

Беспокойство, которое ему причиняла монгольская держава, не позволило ему продолжать предприятия против халифа. Он остался в Ирак-Аджэме лишь на время, необходимое для устройства дел в этой большой области,

¹ „Это,—говорит по этому поводу историк Ебн-уль-Етир,—одна из счастливых привилегий знаменитого дома Аббасидов, что, кто бы ни пожелал ему нанести вред, немедленно подвергается каре за это покушение, точно также и хорэзмшах не замедлил подвергнуться беспримерным несчастьям". Передав то же событие, Алай-уд-дин Джувейни прибавляет: „Когда звезда смертного приблизится к высотам несчастья, все его предприятия наталкиваются на роковые препятствия, и будь он одарен высоким гением, исключительными способностями, совершенным опытом, все эти преимущества не смогут уберечь его от жестокостей судьбы. До этого счастье было впереди Мохаммеда; ему явно благоприятствовало стечение счастливых обстоятельств, и его желанья легко удовлетворялись; но вдруг на него обрушились величайшие несчастья, какие только могут разразиться над государем, и его поход против Багдада был как бы вступлением к ним“.

которую он отдал в удел своему сыну Рокн-уд-дину Гурсайджи. Другой его сын, Гиат-уд-дин Тиз-шах, немного спустя, получил провинции Керман, Кеш и Мукран. Третий, Джелал-уд-дин Мангу-бирти¹, получил во владение Газни, Бамьян, Гур, Бост и др., которые входили в состав бывшей гуридской монархии. Мохаммед назначил своим наследником на престоле своего сына Озлаг-шаха, хотя он был младше своих братьев, в виде уступки воле своей матери Туркан-хатуни, которая предпочитала его другим внукам, так как он был рожден от жены султана, происходившей, как и она, из турецкого племени баяут; Хорэзм, Хорасан и Мазендеран составили удел этого юного принца².

Большая часть розданных Мохаммедом его сыновьям провинций была слишком еще недавно объединена под его скипетром, чтобы быть преданной его династии. Жители различных частей Хорэзмской империи не имели иной взаимной связи кроме религиозной, а различия между сектами были источником постоянной вражды среди магометан одной и той же местности. Издавна приученные к ярму, народы склонили свои выи под сабли солдат Мохаммеда, у которых, в большей части, не было другого отечества кроме походных палаток, другого имущества кроме стад. Его армии состояли, главным образом, из туркмен (turcmans) и канглов (cangalis). Первые были потомками турков-огузов, которые, под предводительством сельджукидов, завоевали Иран. Так как физические особенности этих кочевников, их нравы, наречие подверглись некоторым изменениям, под воздействием перемены климата и связей с обитателями Персии, то их стали отличать от других турков названием туркмань, что по-персидски значит туркоподобные. Канглы, вышедшие из сухих степей, расположенных к северу от Аральского озера (lac du Khorazm) и к северо-востоку от Каспийского моря, обосновались в хорэзмских владениях со времени выхода дочери одного из их князей за отца Мохаммеда; султан Такаш женился на Туркан-хатуни,

¹ Это имя обозначает по-турецки Богоданный (Богдан) от мангу—вечный и бирти или вирди—данный.

² Tarikh-el-Kamil, II; Tarikh Djihankuschaï; Djami ut-Tévarikh; Sirét Djélal-ud-din (Жизнь Джелал-уд-дина) Мохаммеда из Нессы, Raouzat-us-Safa, III—IV.

дочери Джинкеши, хана племени баяут, одной из ветвей народа Канглы¹.

Вследствие этого брачного союза, многие канглские князья, родственники Туркан-хатуни, перешли со своими племенами на службу к хорэзмскому султану. Благодаря влиянию этой хатуни и доблести их войск, которая часто оказывала услуги Мохаммеду, они достигли высших рангов среди генералов султана и пользовались большой властью в его империи, где начальники войск получали в управление провинции с чрезвычайно широкими полномочиями. Власть султана склонялась пред этой военной аристократией; он чувствовал необходимость считаться с гордостью и потакать честолюбию своих генералов, преданность которых была условна, а повиновение было всегда неустойчивым. Их воинственные племена, у которых сохранялась свирепость северных номадов, были бичом мирных жителей; даже в самой империи они разрушали все, что ни попадалось им на их пути.

Мать султана Туркан-хатунь была во главе партии, которую составляли генералы ее национальности и, обладая сильным характером, она пользовалась властью, равную власти ее сына. Когда в каком-нибудь месте империи получалось два различных приказа по одному и тому же предмету, один—Мохаммеда, другой—Туркан-хатуни, то справлялись лишь исключительно с их датами, и исполняли тот, который был более свежей даты. Мохаммед не приобретал ни одной провинции без того, чтобы не назначить значительного округа своей матери для увеличения ее удела. У нее было семь секретарей, которые все были люди выдающихся достоинств. Ее монограмма (тугра), которую она собственноручно писала на своих указах, состояла из следующих слов: Покровительница мира (вселенной) и веры, Туркан, царица женщин вселенной, а ее девиз был: единый Бог мое прибежище. Она носила титул Худавенд-Джихан или повелительницы мира (вселенной).

Известен замечательный пример того могущества, которым пользовалась эта султанша-мать. Благодаря своему авторитету, она добилась возвышения одного из бывших

¹ Турки-канглы обитали в начале тринадцатого века в степях, расположенных к востоку от Яика; на западе у них соседями были турки-кипчаки. Эти два народа были уничтожены монголами. По Мохаммеду из Нессы, племя баяут было ветвью племени йэмэк; но под йэмэк несомненно, подразумевались в общепринятом названии канглы.

своих рабов, по имени Насир-уд-дина, в звание первого министра. Султан не любил этого везира, потому что он был лишен самых необходимых качеств для занятия столь выдающегося поста, и особенно по причине его продажности, за что он часто сильно попрекал его. Мохаммед, во время пребывания своего в Нишабуре, назначил кади¹ этого города Садр-уд-дина из Дженда, и запретил ему делать подарки везиру, которому он, помимо всего прочего, ничем не был обязан, так как пожалование должности было сделано по собственному почину султана. Но новоназначенному кади намекнули, что с его стороны будет промахом пренебрегать расположением министра и полагаться только на милость султана. Встревоженный этим намеком, новый судья поторопился отнести Насир-уд-дину запечатанный мешок с четырьмя тысячами золотых монет. Султан, который распорядился наблюдать за поведением своего везира, почти тотчас же узнал об этом и приказал ему прислать этот мешок. Он был принесен еще запечатанным. Когда кади явился ко двору, Мохаммед публично спросил у него, какой подарок он сделал везиру. Тот ответил, что он не давал подарков; он упорно продолжал отрицать и даже поклялся головой султана, что ни копейки не давал этому министру. Тогда султан велел принести мешок; при виде его судья был подавлен ужасом. Он тотчас же был разжалован, и Мохаммед приказал обрушить палатку везира на его голову и передать ему, чтобы он отправлялся к дверям своей покровительницы.

Насир-уд-дин отправился в Хорэзм. В дороге он заставлял отдавать себе почести, связанные с званием везира, и разрешал дела, относившиеся к его ведению, так как никто не дерзал сказать ему, что он лишен этой должности. Когда он подъезжал к Хорэзму, Туркан-хатунь приказала жителям всех рангов и классов выйти ему навстречу. Бурхан-уд-дин, глава ученых секты ханэфи, оказался прибывшим одним из последних и извинился, ссылаясь на свою физическую слабость. „Это скорее слабость доброй воли“,—сказал ему везир и в наказание за опоздание приказал, несколько дней спустя, уплатить сто тысяч золотых монет войскам. Туркан-хатунь пожаловала Насир-уд-дину должность везира при своем внуке Озлаг-шахе.

¹ Кади (кадый, перс. кази)—гл. судья; султаны, шахи назначали обычно верховного судью (кады-ль-кодат). П. п.

который, как было сказано, получил в удел Хорэзм. Когда, верный своим привычкам, этот везир вынудил у одного из префектов фиска в этой провинции значительную сумму денег, султан послал из Трансоксании одного из своих офицеров с приказанием принести ему голову Насир-уд-дина. Султанша-мать, предупрежденная об этом, велела привести к ней этого офицера, как только тот прибыл, и приказала ему явиться в диван, когда Насир-уд-дин там будет заседать, приветствовать его от имени султана и сказать от его лица ему: „у меня нет везира кроме тебя; продолжай отправление своей должности; пусть никто не смеет ослушаться тебя и не признавать твоей власти“.

Офицер был принужден исполнить этот приказ, а Насир-уд-дин продолжал пользоваться огромной властью, в ущерб султану, который после того, как уничтожил или унизил столько государей,—говорит его биограф Мохаммед из Нессы,—не был властен наказать даже раба.

Возвращаясь из Ирака, султан остановился на несколько недель в Нишабуре и оттуда проехал в Бухару. Он принял в этом городе посланников Чингиз-хана; это были трое магометан, родившихся в подданстве султана: Махмуд из Хорэзма, Али-Ходжа из Бухары и Юсуф из Отрара. Они поднесли Мохаммеду от лица монгольского хана подарки, которые состояли из произведений центральной Азии, как-то: слитков серебра, мускусной струи, кусков нефрита, одежд из белой шерсти большой ценности, называвшихся такул¹. Чингиз-хан, сказали они, поручил нам передать следующее послание: „Я посылаю тебе мой привет. Я осведомлен о твоём могуществе и обширности твоей империи. Я знаю, что ты царствуешь над большей частью земли. У меня величайшее желание

¹ Эти одежды, по словам Нуваири, были из шерсти белого верблюда и стоили по меньшей мере пятьдесят динаров. М. б., это те ткани, о которых говорит Марко Поло в следующем месте (изд. Бергерон, гл. 63): „В городе Калача (столице Тангута) встречаются сукна, называемые цамбилоти (*zambilloti*), которые ткуются из белой верблюжьей шерсти и которые такие красивые, какие только можно встретить в мире; в виду этого купцы вывозят их в разные страны“.

Прим. перев. В примеч. к русскому переводу Путешествия Марко Поло Минаева и Бартольда это „лучшее в свете сукно“ имеет след. варианты названий: *giambelloti*, *cameloz*. У Рашида упоминается Халаджан. Бартольд ссылается на мнение Юля о тождественности названия Калачана и Алашани.

жить с тобою в мире. Я буду смотреть на тебя, как на любимейшего сына. С твоей стороны ты не можешь не знать, что я завоевал Китай и привел в покорность себе все турецкие народы к северу от этой империи. Ты знаешь, что моя страна кишит как муравейник воинами, богата, как серебряный рудник, и что у меня нет нужды зариться на другие владения. Я думаю, что у нас одинаковый интерес покровительствовать развитию торговых сношений между нашими подданными“.

Передавая Мохаммеду, что он хотел бы смотреть на него как на своего сына, Чингиз-хан в действительности требовал от него признания себя вассалом, ибо отношения сына к отцу, младшего брата к старшему брату, племянника к дяде обозначают разные степени подчиненности в договорах между азиатскими государями, которые почти совершенно не признают политических отношений, основанных на принципе равенства и независимости. Султан велел одному из этих эмиссаров, по имени Махмуду, притти к нему ночью и сказал ему, что, зная его за хорэзмийца, он считает возможным рассчитывать на его преданность; он обнадежил его в своей благодарности, если тот пожелает сказать ему правду, и в будущем информировать его о действиях Чингиз-хана; потом, вынув драгоценный камень из своего браслета, он передал его ему в залог своей верности данному слову. Он спросил у него, правда ли, что Чингиз-хан завоевал Тамгадж¹. „Это одно из событий,— ответил Махмуд,—относительно которых невозможно сомнение“.—„Ну, хорошо,—продолжал султан,—вы знаете величину моей империи,—что же это за окаянный, который называет меня своим сыном? Как много у него войск?“ Махмуд, видя, что султан горячится, сказал ему, что силы монгольского хана не могут равняться с его силами. Султан, несколько успокоившись, счел уместным отпустить трех эмиссаров с дружественным ответом“².

Покорив кочевые народы Татарии, Чингиз-хан принял меры по охране безопасности путешественников в подвластных странах, которые до этого разорялись разбой-

¹ Этим именем называли Китай. Старинные арабские и персидские географы упоминают о стране Тамгадж, правда, очень смутно. Вероятно, это Tavgas греческого историка Феофилакта (у Штриттера, *Tugsisogit* и пр., гл. IV, § 31), тождественность которого с Китаем доказал Клапрот (*Journal asiatique*, том VII, 227).

² Sirét Djélal ud-din.

никами из всех этих орд. Стражники, размещенные на больших дорогах, имели приказ направлять в ставку монгольского монарха всех иноземцев, которые явятся с товарами, достойными его внимания. С тех пор как перестала существовать Кара-китайская империя, владения Мохаммеда простирались до самого сердца Туркестана; они стали пограничными с Уйгурией, страной, которая платила дань монгольскому монарху; Кучлук царствовал лишь над областями Кашгара, Хотана и Яркенда. Три мусульманских подданных султана Мохаммеда прибыли на монгольскую границу с шелковыми и бумажными материями. Один из них, приведенный к Чингиз-хану, заломил за свои ткани такую преувеличенную цену, что монгольский хан с раздражением сказал: „Этот человек воображает, что мы никогда и не видывали подобных материй“, и велел показать ему богатства, какими он обладал в этом роде. Товарам хорэзмийца была составлена опись, и они были отданы на разграбление. Затем велели явиться двум его товарищам. Этим подсказали, как надо вести себя. Они не пожелали назначить цены за материи, а сказали, что они их привезли в дар монгольскому хану. Последний щедро заплатил как за них, так и за материи первого торговца; он приказал, чтобы всех этих трех магометан хорошенько угостили и, в знак особого внимания, для них были поставлены новые войлочные юрты. При их отправлении Чингиз-хан пожелал, чтобы члены его дома, нояны и военачальники отправили с ними своих людей, снабдив их деньгами для покупки ценных изделий Хорэзма. Каждый представитель этой высшей знати отправил одного-двух из своих людей, что составило отряд около четырехсот пятидесяти человек, исключительно магометан. Когда этот караван прибыл в Отрар, на реке Сихуне, Инальджук, носивший титул Гаирхана и бывший губернатором этого города, поддался соблазну присвоить себе богатства, которые вез караван, и велел арестовать всех этих путешественников. Он составил доклад Мохаммеду, в котором представил их как шпионов Чингиз-хана. В ответ он получил приказ предать их смерти и немедленно привел его в исполнение ¹.

¹ *Tarikh Djihankuschaï, I; Djami ut-Tévarikh.* Согласно Мохаммеду из Нессы, который является писателем, современным событию, прибывшие из Татарии купцы были только в числе четырех и все подданные султана, что кажется более правдоподобным. Этот писатель

Передают, что, узнав об этом преступлении, Чингизхан пролил слезы негодования, что он поднялся на вершину одной горы, где, распростершись ниц на земле, с открытой головой, с поясом, переброшенным через шею, молил небо о помощи для отмщения, и три дня и три ночи провел в молитве и посте¹.

Прежде чем выступить против Хорэзма, он решил уничтожить своего старинного врага, Кучлука. Тем временем он отправил посла к Мохаммеду, чтобы потребовать от него удовлетворения. Он возложил эту миссию на одного турка, по имени Багра, отец которого был офицером на службе у султана Такаша. Этот посол явился, в сопровождении двух монголов, ко двору Мохаммеда и передал ему следующее послание: „Ты уверил меня, что не поступишь дурно ни с одним коммерсантом здешней страны; ты не сдержал своего слова, а недобросовестность отвратительна в монархе. Если я должен считать, что купцы были убиты в Отраре не по твоему приказу, выдай мне твоего губернатора, чтобы я наказал его за это; если не выдашь, готовься к войне“.

Если бы даже Мохаммед захотел наказать или выдать Гаир-хана, который был родственником султанши-матери и главных военачальников, это было бы вне его власти. Но мало того, что он не пожелал дать никакого удовлетворения монгольскому хану, он велел убить Багра и отослал обоих монголов обратно, велел предварительно обрить бороды².

За этим бесчеловечным поступком следовали другие проявления вражды. Султан собирал армию в Самарканде, чтобы итти против Кучлука, когда получил сведение, что

называет их по именам: Омар Ходжа из Отрара, Ель-Джемаль из Мераги, Фахр-уд-дин из Бухары и Эмин-уд-дин из Герата. Инальджук доложил своему государю, что эти люди, повидимому, шпионы, в виду того, что они собирают сведения о предметах, не относящихся к торговле; что в разговорах с жителями Отрара они им внушали тревожные мысли насчет того, что происходит на северо-востоке, говоря им, что они скоро увидят неожиданные вещи, и разное другое в том же роде. Губернатор получил приказ наблюдать за ними; но когда он решил, что султан уже бросил думать об этом деле, он самовольно распорядился арестовать этих четырех купцов, предал их смерти и завладел их имуществом. См. *Sirét Djélal-ud-din*. Надо помнить, что автор Джиханкуша был министром внука Чингиз-хана, а Мохаммед из Нессы исполнял обязанности канцлера при дворе султана Мохаммеда.

¹ *Tarikh Djihankushai*, I; *Djami ut-Tévarikh*.

² *Sirét Djélal-ud-din*.

большой отряд меркитов, под предводительством князя Тук-Тогана, продвигается внутрь страны канглов, к северу от Аральского озера. Мохаммед отправился со своими войсками на Джэнд, по бухарской дороге, с намерением отбросить эти иноземные орды; но в Джэнде он узнал, что меркитов, которые были союзниками только что погибшего Кучлука, преследует монгольская армия. Он увидел тогда, что приведенных им войск недостаточно, и повернул в Самарканд за новыми силами, с которыми возвратился в Джэнд. Выйдя из этого города на север, он направился по следам двух армий. Между реками Кайлы и Каймыч он наткнулся на поле сражения, усеянное мертвецами, среди которых нашелся еще живой раненый меркит, от которого узнали, что монголы одержали победу и только что снялись с лагеря. Султан взял то же направление и на завтра настиг их. Он расположился атаковать их, когда монгольский командующий¹ послал сказать Мохаммеду, что их государства не находятся в состоянии войны и что он имеет приказ обращаться с хорэзмскими войсками, которые встретит в этих областях, как с дружественными. Он предложил даже султану часть пленников и добычи, которую он забрал у меркитов. Мохаммед, армия которого численно значительно превосходила противника, не принял этих знаков дружбелюбия и уважения. „Если Чингизхан приказал тебе не вступать в бой со мной, — велел он ответить монгольскому генералу, — то мне бог повелевает напасть на тебя, и я хочу заслужить милость его, уничтожая язычников“. Монголы, вынужденные принять бой, были близки к победе: они обратили в бегство левое крыло хорэзмийцев, ударили на центр, где находился Мохаммед, опрокинули его и также привели бы его в беспорядок, если-бы Джелал-уд-дин, поспешивший с правого победоносного крыла на помощь к отцу, не возобновил боя, который продолжался до конца дня. Ночью монголы, зажегши предварительно огромное количество костров, отступили с такой поспешностью, что при наступлении утра они оказались на расстоянии, равном двухдневному переходу.

Эта встреча с монголами дала Мохаммеду весьма высокое представление об их доблести; он сказал лицам, составлявшим его интимный кружок, что никогда не видал

¹ Согласно Мохаммеду из Нессы, этот монгольский военачальник был старший сын Чингиз-хана Чжучи.

подобных войск. По возвращении в Самарканд он наградил своих генералов раздачей титулов и поместий¹.

Между тем монгольский монарх, после смерти Кучлука и завоевания его государств, созвал в 1218 (615) году² общее собрание членов своей семьи и главных военачальников. На нем война против Мохаммеда была решена³ и были разрешены все вопросы, касающиеся организации армии для этого предприятия. Чингиз-хан выступил в поход к концу того же года, вверив командование в Монголии своему брату Уджигину (Udjukin). Он остановился на все лето следующего года на берегах Иртыша, чтобы дать отдых своей коннице. Осенью он продолжал свой путь; к нему присоединились государь уйгуров, владетель Алмалыка, Сикнак-тэгин, и хан карлуков Арслан.

Приближение этой армии причиняло живейшее беспокойство Мохаммеду, хотя его силы, как говорят, доходили до четырехсот тысяч бойцов. Они, несомненно, превосходили силы Чингиз-хана; но хорэзмской армии не хватало суровой дисциплины, слепого повиновения монарху, привычки к лишениям, напряженному труду и битвам, которые делали столь страшными монгольские войска. Кроме того, воины Мохаммеда не имели для сражений такого же могущественного побуждения, как его враг; на них лежала защита населения, которое было им чуждо, даже победа сулила им мало выгод; между тем монголы, нападая на

¹ Перечислив вызывающие поступки Мохаммеда, историк Ебн-уль-Етир прибавляет (Tarikh-el Kamil, XII): „Нашествие татар приписывается также другой причине, о которой нельзя упоминать в книге“. Эти слова могут относиться лишь к очень распространенному мнению, что халиф Насир призвал монголов, чтобы отомстить Мохаммеду. Это предположение подтверждается другим местом у того же автора; сообщив о смерти Насира в числе событий 622 года от геджры, он прибавляет: „И если правда то, что приписывают ему персияне, именно, что он побудил татар напасть на магометанские страны, и что он к ним с этой целью посылал эмиссаров, то он совершил деяние, которое превышает самые великие преступления“. Макризи высказывает то же мнение более определенно в своей Истории Египта, передавая о смерти Насира под 622 (1225) годом. Указав хорошие и дурные качества этого халифа, он добавляет: „В его царствование татары опустошили страны Востока (так египтяне и сирийцы обозначают Персию), и он был причиной этого, ибо он писал им, приглашая их к нашествию на них, движимый страхом, который внушал ему султан Алай-уддин Мохаммед, сын Хорэзмшаха, жаждавший завладеть Багдадом, чтобы сделать его столицей по примеру сельджукидов“.

² В скобках мы помещаем годы от геджры.

³ Sirét Djélal-ud-din; Tarikh Djihankuschaï; Djami ut-Tévarikh.

богатые и цветущие страны, были воодушевляемы всем, что подстрекает человеческую жадность. Чтобы возместить это невыгодное соотношение, нужно было, чтобы Мохаммед превосходил своего противника мужеством и талантами; но в этот момент опасности он не обнаружил ничего кроме страха и нерешительности. Со времени своего восшествия на престол он непрестанно работал над расширением границ своей империи, а достигнув вершины могущества, не посмел померяться силами с варварским вождем, которого он сам спровоцировал своими оскорблениями. Вместо того, чтобы собрать свои армии и сразиться в открытом поле, он разбросал их по городам Трансоксании и Хорэзма, а сам держался далеко от театра военных действий. Одни приписывают это решение уступке мнению большинства его генералов; другие обвиняют его в этом случае за доверчивость к предсказаниям астрологов, которые заявляли, что положение светил неблагоприятно, и что пока не последует изменения в нем, не следует рисковать исходом сражения. Один историк передает, что он был жертвой коварства, которое пустил в ход Чингиз-хан, чтобы настроить его подозрительно по отношению к его военачальникам. Один смещенный с должности сановник, уроженец Отрара, Бедр-уд-дин, у которого отец, дядя и несколько других родственников были казнены по приказанию Мохаммеда, когда он овладел этим городом, предложил свои услуги монгольскому хану, заверив, что Мохаммед для него самый ненавистный из людей, и что он готов мстить ему даже, если бы это было с ущербом для спасения его души. Он подсказал Чингиз-хану мысль воспользоваться плохим согласием, какое существовало между Мохаммедом и его матерью, чтобы внушить султану, что против его жизни готовится заговор. Бедр-уд-дин написал письмо, якобы от имени генералов, родственников Туркан-хатуни и адресованное Чингиз-хану. Оно было составлено в следующих выражениях: „Мы пришли с нашими племенами из Туркестана к султану Мохаммеду из привязанности к его матери, мы доставили ему победы над многими монархами, государствами коих он увеличил свою империю. Он теперь дурно настроен против Туркан-хатуни и платит ей неблагодарностью. Эта государыня желает, чтобы мы отомстили за нее; мы ждем только твоего прихода и готовы служить тебе“. Чингиз-хан подстроил так, что это письмо было перехвачено. Говорят, что султан, введенный в заблуждение этим стратегическим ходом, почувствовал недоверие к своим генералам, и для

того, чтобы было меньше опасности от их дурных намерений, он распределил их с их войсками по важнейшим крепостям¹. Этот рассказ едва ли правдоподобен; повидимому, генералы Мохаммеда были против боя с неприятелем в открытом поле² и султан сам, без сомнения, думал, что монголы, пограбив и опустошив открытые местности, уйдут со своей добычей.

¹ Sirét Djélal-ud-dîn.

² Djami ut-Tèvarikh.

ГЛАВА VII

Прибытие Чингиз-хана на границу Хорэзмской империи.— Завоевание Трансоксании.— Поход одного из корпусов для преследования Мохаммеда.— Удаление и смерть этого государя на острове Абсукуне.— Пленение его матери и жен.— Смерть двух его младших сыновей.— Завоевание Хорэзма.— Подчинение Бадахшана.— Завоевание и опустошение Тулуем Хорасана.— Удаление султана Джелал-уд-дина в Газни.— Его победа над монгольской армией при Перване.— Раскол между его генералами и отпадение значительной части его войск.— Его отступление к Инду.— Поход Чингиз-хана против Джелал-уд-дина.— Сражение у Инда.— Удаление султана в Индию.— Экспедиция генералов Балы и Туртая за Инд.— Уничтожение Газни.— Разрушение Герата и Мерва.— Судьба войск, которые покинули Джелал-уд-дина.— Разрушение Балха.— Возвращение Чингиз-хана в Монголию.

Чингиз-хан осенью 1219 (616) года, выступил с берегов Иртыша, чтобы напасть на страну таджиков, так называли монголы и турки—язычники магометан¹. Он дошел, не встретив сопротивления, до берегов Сихуна (Сыр-Дарья) у Отрара и отдал распоряжения относительно вторжения в Трансоксанию. Последняя страна, которую магометане называют Мавера-ан-нахр (Mavera-yn-nahr) или Заречье, по причине ее положения по другую сторону Оксуса (Аму-Дарья), заключена между этой рекой и Си-

¹ Сирийцы в прежнее время обозначали арабов вообще под именем та й о й э, множ. число—та й о й о, которое, в частности, давалось представителям племени та и и, наиболее значительному из кочевых арабских племен, обитавших в песчаных степях Сирии. Халдеи называли их ти и я; древние персы—та з и; армяне—да д ж и к. Когда Персия и Трансоксания были завоеваны арабами-магометанами, эти страны стали называться у турков, к востоку от Сихуна, странами та д ж и к о в, т. е. арабов. По примеру турков—язычников, монголы также стали называть магометан та д ж и к или та з и к, и по историческим сочинениям этой эпохи видно, что они употребляли это имя в противоположность имени турк. Первое употреблялось для обозначения магометанского населения городов и земледельческих районов какого

хуном, а на западе ограничена пустыней, которая ее отделяет от Хорэзма. С древнейших времен она была населена турецкими народами, которые, перейдя в начале VIII столетия под власть халифов, приняли магометанскую религию. Очень много персов и арабов водворилось по тамошним городам, которые в эпоху монгольского нашествия были в цветущем состоянии. Кочевые турки странствовали со своими стадами по песчаным степям, которые простираются от этой области до Каспийского моря.

Чингиз-хан разделил свою армию на четыре корпуса: первый он оставил под Оттаром под командой своих сыновей Чаготая и Оготая; второй под командой старшего сына Чжучи пошел направо, на Дженд; третий был направлен налево, на Бенакет, и между тем как эти два корпуса овладевали расположенными на Сихуне укрепленными местами, Чингиз-хан с центром своей армии пошел на Бухару, чтобы отрезать Мохаммеда от Трансоксании и помешать ему оказать помощь осажденным городам.

Оттар был обложен. Укрепления этого города и его цитадель были наспех восстановлены и были хорошо снабжены продовольствием. Гаир-хан¹ имел под своим командованием многочисленный гарнизон, который был усилен десятью тысячами всадников под начальством Караджи-хана. После пяти месяцев осады, военные и горожане стали терять мужество, и этот генерал пришел к мысли, что надо сдаться; но губернатору нельзя было надеяться на пощаду; ведь по его приказанию были убиты купцы, явившиеся в Оттар из Татарии; он заявил, что останется верным своему государю до смерти. Караджа, видя, что тот тверд в своем решении, воспользовался ночным сумраком и ушел из города с отборной частью

бы то ни было происхождения — турецкого, персидского или арабского, между тем как под именем турки подразумевались кочевые народы турецкого или татарского происхождения. Именно в этом смысле Чингиз-хан и монголы называли себя турками; они, напротив, отвергали название татар.

В *Djami ut-Tévarikh* (1-я ч., статья о карлуках) говорится, что Чингиз-хан, приняв изъявление покорности от Арслан-хана, государя карлуков, пожаловал ему, немного времени спустя, одну из своих дочерей в замужество и приказал называть его впредь Арслан Сириаки (Сириец), т. е., — прибавляет Рашид, — Таджиким: „ибо, — сказал монгольский хан, — не можем мы титуловать его ханом“.

¹ Хорэзмские султаны давали своим генералам титул хана.

своих войск. Попытка эта не была счастливой; он попался монголам. Караджа решил купить себе жизнь, предложив перейти на службу к Чингиз-хану; царевичи ответили ему, что так как он манкировал верностью своему господину, на него нельзя положиться, и велели убить его со всеми его людьми, выспросив предварительно у него сведения о положении крепости, которую он только что покинул.

Монголы взяли Отрар; они выгнали все население на равнину, чтобы беспрепятственно грабить город. Губернатор, удалившийся с остатками войск в цитадель, защищался в ней в течение месяца. Он потерял почти всех своих людей. Монголы ворвались в крепость, а он продолжал биться с мужеством отчаяния. Прижатый со всех сторон, он поднялся на плоскую крышу в сопровождении двух солдат, которые скоро были убиты о бок с ним. Когда у него нехватило стрел, он метал кирпичи, которые ему женщины подавали со стен. Но долго он не мог отбиваться от монголов, имевших приказ схватить его живым; подавленный численностью, после бешеного сопротивления, повергнув к своим ногам еще нескольких врагов, он был взят и связан. Его препроводили в ставку монгольского монарха, который тогда был под Самаркандом. Тот велел его привести к себе и приказал лить ему в глаза и уши расплавленное серебро, чтобы отомстить за смерть несчастных купцов, ставших жертвами его алчности. Цитадель Отрара была сравнена с землей, и монголы вывели уцелевших от резни жителей под Бухару¹.

Чжучи на пути к Дженду остановился у города Сигнака, на берегу Сихуна, и отправил туда одного мусульманина, по имени Хасана Хаджи, т. е. паломника, чтобы склонить население открыть добровольно ворота. Этот мусульманин согласился поступить на службу к Чингиз-хану в Татарии, куда он прибыл с товарами. Он хотел поговорить с жителями города, с целью расположить выслушать поручение, которое ему было дано; но едва он открыл рот, как рассвирепевшая чернь бросилась на него, призывая имя бога, и убила его.

Тотчас Чжучи дал приказ начать штурм и запретил прекращать бой прежде, чем крепость будет взята. Све-

¹ Tarikh Djihankuschaï, I; Djami ut-Tévarikh; Sirèt Djelal-ud-din.

жие войска сменяли утомившихся. После семи дней непрерывных усилий, монголы ворвались в Сигнак и перерезали всех жителей. Царевич Чжучи отдал сыну Хасана управление обезлюдившим округом; на дальнейшем пути он взял и разрушил Озкенд, Бархалыгкенд и Ешнас. При его приближении к Дженду, губернатор этой пограничной области, Кутлуг-хан¹, вышел ночью из города, перешел Сихун и направился по дороге в Гургендж (Kour-sandj) через пустыню. Чжучи послал парламентаря, по имени Чинтимура, в Дженд с предложением сдаться. В этой крепости царило величайшее смятение; жители, покинутые своим начальством, разделились на партии в отношении решения, которое предстояло принять. При виде Чинтимура, волнение возросло; его хотели убить. Эмиссар сослался на печальный пример Сигнака и поклялся, что он отведет от Дженда монгольское оружие; с этим лживым обещанием его отпустили.

Но неприятель не замедлил появиться перед Джендом. Жители надеялись на высоту городских стен; скоро их уверенность уступила место унынию. Монголы приставляют лестницы, взбираются на стены и со всех сторон врываются в город, не встречая ни малейшего сопротивления. Все жители были выгнаны за город; но жизнь им пощадили, так как они не защищались; умертвили лишь несколько лиц, замеченных в произнесении оскорбительных выражений по адресу Чинтимура. Население города девять дней оставалось на открытом воздухе, пока продолжался грабёж Дженда. В качестве губернатора монгольский царевич назначил сюда Али-Ходжу, из Бухары, который с некоторого времени состоял на службе у его отца и даже, как мы видели, получил поручение к Мохаммеду. Затем он послал отряд взять соседний город Янгикенд², расположенный на берегу Сихуна, в двух днях пути от впадения этой реки в Хорэзмское озеро. Тогда же уйгурские войска, в числе десяти тысяч человек, составлявшие часть корпуса Чжучи, получили разрешение вернуться в свои места и были заменены десяти-тысячным отрядом кочевых туркменов, которых Чжучи принял к себе на службу. Он послал их в Хорэзм под начальством нояна Тайнала; но эта солдатня зарубила дорогой монгольского офицера, которому Тайнал, шедший

¹ Кутлуг по-турецки значит счастливый, удачливый.

² Это название по-турецки означает новый город.

с авангардом, оставил командование над ними; Тайнал стремительно повернул назад и избил большую их часть, остатки этого отряда спаслись в Мерв и Амуйэ.

Третий корпус, который, под предводительством трех офицеров, Алака, Сугту и Тогая, шел на Бенакет, состоял лишь из пяти тысяч человек. Город этот имел гарнизон, состоявший из турков-канглов, которые через три дня потребовали капитуляции; осаждавшие обещали сохранить им жизнь, но когда они сдались, а население Бенакета было выгнано за город, все военные были отделены от горожан и перебиты или саблями, или стрелами. Ремесленников распределили по монгольским сотням; массу молодых людей увели для использования на осадных работах.

Этот отряд продолжал продвижение на Ходженд, комендант которого, Тимур-Мелик, доблестный воин¹, удалился с тысячью отборных людей в укрепленный замок, расположенный на одном из островов Сихуна, одинаково удаленном от обоих берегов, чтобы быть в безопасности от стрел и камней. Осаждавшие получили из Отрара и других завоеванных мест подкрепление из двадцати тысяч монголов и пятидесяти тысяч туземных жителей. Эти последние были разделены на сотни и десятки, под командой монгольских офицеров, и употреблялись на тасканье камней с горы, лежащей за три лье; они бросали эти камни в реку. С своей стороны Тимур-Мелик велел построить двенадцать палубных судов; чтобы обезопасить их от действия горючих веществ, бросаемых осаждающими, их покрыли войлоками, смазанными толстым слоем глины, пропитанной уксусом. Ежедневно шесть таких судов направлялись к тому и другому берегу и метали, через проделанные в них амбразуры, стрелы в монгольские войска; часто Тимур-Мелик захватывал эти войска по ночам врасплох и наносил им большой урон. Доведенный до крайности, несмотря на все свои усилия, он ночью погрузил своих людей и обоз на семьдесят судов, бросился сам с отборной частью своего войска на крытые суда и спустился вниз по реке при свете факелов, которые он велел зажечь. Эта флотилия удачно порвала цепь, которую монголы протянули через реку у Бенакета и стала спускаться по реке, преследуемая все время по обоим берегам неприятелем. Но Тимур-Мелик узнал, что царевич Чжучи поставил боль-

¹ Автор Djilankuschaï, в похвалу храбрости Тимур-Мелика, говорит, что знаменитый Рустем, живи он в это время, годился бы только на то, чтобы носить за ним плащ.

шой отряд войск у Дженда, по обоим берегам Сихуна, что там же расставлены баллисты, а река перегорожена понтонным мостом; поэтому он высадился и сел на коня. Преследуемый монголами, он останавливался и бился с ними, пока обоз не продвигался вперед. Он повторял этот маневр в течение нескольких дней; но его маленький отряд таял, и он был вынужден бросить обоз. Потеряв постепенно всех своих людей, он очутился один, преследуемый наседавшими на него тремя монголами; у него осталось только три стрелы, из которых одна была без наконечника; он пустил ее в ближайшего конного неприятеля и вышиб ему глаз; в то же время он крикнул другим, что у него еще две стрелы, советуя им повернуть назад, что они и сделали. Тимур-Мелик достиг города Хорэзма, откуда присоединился к Джелал-уд-дину, которого он не покидал до самой его смерти.

В это время монгольский монарх, в сопровождении сына Тулуя, направился по дороге на Бухару. При его приближении жители местечка Зернук укрылись в укрепленный замок. Чингиз-хан послал к ним своего камерария Данишменда убеждать сдаться. Этот парламентар, который был окружен угрожавшей ему толпой исступленных людей, закричал им: „Я мусульманин и сын мусульманина. Я пришел от Чингиз-хана, чтобы спасти вас от пучины смертной. Он близко отсюда со страшным войском; если вы окажете малейшее сопротивление, в один миг ваша крепость и ваши дома будут сметены с лица земли, ваши поля будут затоплены вашей кровью; если вы покоритесь, вы сохраните свои дни и свои имена“. Эти слова произвели такое впечатление на жителей, что они решились послать депутацию с подарками к монгольскому хану. Рассерженный, что зернукские власти сами не явились на поклон, хан послал депутатов за ними. Те явились, дрожа от страха, но с ними обошлись хорошо. Жителям было приказано вытти из местечка. Взяли молодых людей, из которых образовали отряд, предназначенный обслуживать осадные работы у Бухары, а остальному населению было разрешено вернуться к своим очагам; замок был срыт.

Отсюда один туркменский проводник провел монголов малопроезжим путем в район Нура. Таир-Бахадур, который командовал авангардом, послал в Нур парламентаря, чтобы склонить население сдаться обычным путем обещаний и угроз; жители колебались было, какое решение принять, но в результате повторных увещаний открыли ворота. Таир прошел далее; к Чингиз-хану была отправлена депутация

с дарами, а тот послал в Нур генерала Субутая. Последний объявил жителям, что они должны удовольствоваться жизнью, что им также оставят скот и земледельческие орудия, но что они должны покинуть город, ничего не беря с собой. Когда город был эвакуирован, монголы разграбили его. Когда Чингиз-хан явился туда, он спросил, какую сумму налога жители платили своему государю. Ему сказали, что 1500 динаров. Он приказал уплатить их своему авангарду, уверяя, что больше с них ничего не потребуют. Женские серьги дали тотчас половину этой суммы.

Скоро Чингиз-хан появился перед Бухарой¹. Его войска, по мере прибытия, располагались на позициях, вокруг всего этого огромного города. Он был подвергнут непрерывному штурму в течение нескольких дней; наконец, высшее командование гарнизона, утратив надежду защитить город, пришло к общему решению произвести ночью генеральную вылазку и прорваться через неприятельскую армию; этот проект был выполнен. Монголы, подвергшиеся неожиданному энергичному нападению, повернули спину; но вместо того, чтобы преследовать их и завершить их поражение, генералы султана думали только о своем спасении путем бегства. Тогда монголы соединились и пустились преследовать их по пятам. Они настигли их на берегу Сихуна, где почти поголовно всех перебили.

На следующий день из Бухары вышла депутация, состоявшая из имамов и нотаблей, которая явилась на поклон к монгольскому хану. Последний отправился осматривать город; проезжая мимо большой мечети, он верхом въехал в нее. Он спросил, дворец ли это султана; ему ответили, что это дом бога. Он сошел с лошади перед алтарем, поднялся на две-три ступеньки кафедры и громко сказал: поля вытравлены; дайте корм нашим коням. Пошли за зерном в городские магазины; ящики, в которых

¹ „Название Бухары,— говорит Алай-уд-дин Джувейни,— происходит от Бохар, которое, на языке магов, означает средоточие знания, и это имя совершенно сходно с названием бохар, которое идолопоклонники уйгуры и китайцы (т. е. буддисты) дают своим храмам; но в эпоху своего основания этот город назывался Меджкет. Во время Ебн-Хаугала Бухара имела внутреннюю площадь в квадратный фарсанг и вторую в двенадцать фарсангов в окружности, заключавшую в себе замки, парки, сады и деревни. Река Согд,—говорит этот географ,—протекает через ее предместья; цитадель примыкает в городу; хотя окружающая страна очень плодородна, она не может удовлетворять жизненных потребностей его многочисленного населения“ (фарсанг, или как у Д’Оссона, ферсенк, стар. мера длины в Персии, около 5,5 км. П. п.).

хранились списки корана, были перенесены монголами во двор храма, чтобы заменить колоды, а священные книги мусульман были выброшены из них под конские копыта. Варвары поставили свои меха с вином посредине мечети; велели привести скоморохов и пезиц из города; стены мечети огласились их национальными песнями. И в то время, как они предавались разнузданному веселью, знатнейшие жители, богословы и высшие представители религии должны были прислуживать им как рабы и ухаживать за их лошадьми.

Через час-два Чингиз-хан выехал из города на Молитвенное поле, на котором жители Бухары собирались в известные высокаторжественные дни для общественного молебствия. Они были там теперь собраны по его приказу. Чингиз-хан взошел на кафедру и потребовал, чтобы ему назвали самых богатых лиц из этой толпы. Ему указали их в числе двухсот восьмидесяти, из которых девяносто были иностранцы. Он подозвал их к себе и обратился к ним словом. Упомянув об актах неприязни, которые заставили его взяться за оружие против султана, он им сказал: „Знайτε, что вы совершили великие грехи и что начальники народа наиболее преступны. Если вы спросите меня, какие у меня основания, чтобы обращаться к вам с такою речью, то я отвечу вам, что я бич божий, и что если бы вы не были великими грешниками, бог не обрушил бы меня на ваши головы“. Потом он добавил, что у них не требуют выдачи тех богатств, которые на земной поверхности, потому что их сумеют отлично и без них найти; но пусть они укажут те, которые закопаны. Он приказал указать их управителей, которых и принудили выдать сокровища их господ. Каждого из этих богачей поставили под караул монгола и каждый день, на восходе солнца, их выводили и ставили перед палаткой Чингиз-хана¹.

Четыреста хорэзмских всадников, которые не смогли вытти из города с остальным гарнизоном, бросились в цитадель; монголы приготовились их штурмовать там. Они объявили по Бухаре, чтобы все лица, способные носить оружие, явились под страхом смертной казни; эти жители были употреблены на то, чтобы засыпать ров пред цитаделью. Затем поставили катапульты; когда эти машины пробили бреши в стене, монголы проникли в крепость и не оставили в ней ни одной души живой. Ее слабый гар-

¹ Tarikh Djihankuschaï, I.

низон, который доблестно защищался в течение двенадцати дней, перебил довольно большое число монголов и местных жителей, занятых на осадных работах¹.

Когда крепость была взята, жителям Бухары было приказано вытти из города, не вынося ничего, кроме той сдежды, которая была на них. Когда город был покинут, вошли монголы и предали его разграблению, убивая всех, кто вопреки запрещению, остался там. Наконец, монгольским войскам было приказано окружить жителей Бухары и поделить их между собой. „Это был день ужаса,—говорит Ебн-уль-Етир,—слышались лишь плач и рыданье мужчин, женщин и детей, которые разлучались навсегда. Варвары посягали на стыдливость женщин на глазах всех этих несчастных, которые, в своем бессилии отвратить какое-либо из бедствий, обрушивавшихся на них, могли лишь проливать слезы. Многие из них предпочли смерть зрелищу этих ужасов; в их числе были кади Бедр-уд-дин, имам Рокн-уд-дин и его сын, которые, будучи свидетелями бесчестия их жен, нашли смерть, вступив за них в бой. Мучили богатых людей, чтобы принудить их указать места, где они спрятали свое имущество, и монголы кончили тем, что подожгли все кварталы города, который, состоя из деревянных строений, был уничтожен весь, за исключением большой мечети и нескольких дворцов, построенных из кирпича².

Чингиз-хан покинул дымящиеся развалины Бухары, чтобы направиться на Самарканд, который находится от нее лишь в пяти днях пути; он шел прелестной долиной: тогда, тогда покрытой садами, виноградниками, прекрасными лугами и веселыми загородными домами. Он оставил войска для осады фортов Дебуссийе и Сертеля, расположенных на его пути, и подошел к Самарканду в сопровождении пленных бухарцев, предназначавшихся для осад-

¹ Tarikh el-Kamil, XII, стр. 266. Ебн-уль-Етир с негодованием передает, что варвары для засыпки рва употребляли все, вплоть до священных кафедр и списков корана. По сообщению автора Djihankuschaï, монголы вырезали в крепости тридцать тысяч человек, среди которых было много вельмож самого высокого ранга, а женщин и детей обратили в рабство. Так как тут несомненно преувеличение, мы предпочли рассказ Ебн-уль-Етира, который был современником этих событий.

² Tarikh el-Kamil. По Djihankuschaï, жителям города было приказано выслать дружинников султана из Бухары; но так как они, предвидя ожидавшую их участь, оказали вооруженное сопротивление, то Чингиз-хан велел зажечь город.

ных работ; дорогой с ними обращались по-зверски; избивали всех, кто от усталости не мог двигаться¹. Султан поставил в Самарканде сорокатысячный гарнизон из турков и персов под начальством лучших своих генералов². Городские и особенно крепостные укрепления были отремонтированы и увеличены. Самарканд был приведен в такое оборонительное положение, которое позволяло вообще думать, что он выдержит продолжительную осаду; поэтому Чингиз-хан, прежде чем штурмовать его, решил овладеть всей окружающей город страной. Около города к нему присоединились три других корпуса его армии, которые, закончив завоевание севера Трансоксании, привели оттуда наиболее пригодных для военных работ жителей. Он велел пропустить вперед всю свою конницу; пехота и пленные появились перед городом лишь на завтра; у каждого десятка пленных было знамя. Последовательным передвижением этих полчищ он хотел внушить больше страха осажденным, которые, действительно, приняли все это за настоящих комбатантов. Монгольский монарх употребил два первых дня на объезд крепости и изучение ее укреплений. На третий день он велел с утра выдвинуть вперед отряды реквизированных и свои войска. Толпа храбрецов из горожан вышла, чтобы сразиться с ними, но они не были поддержаны хорэзмскими воинами, не смеявшими померяться силами с монголами. Последние немедленно отступили и завлекли в засаду эту толпу чересчур увлекшихся преследованием пехотинцев; последние были разбиты наголову³. Это поражение окончательно обескуражило осажденных. Канглы, которые составляли наибольшую часть гарнизона, решили, что, будучи турками, они могут рассчитывать на обращение с собой со стороны монголов, как с их соплеменниками. Чингиз-хан, действительно, пообещал им принять их к себе на службу. Тогда

¹ Tarikh el-Kamil, стр. 267.

² Sirét Djélal-ud-dîn. Согласно везиру Алай-уд-дину из Джувейна, гарнизон Самарканда состоял из ста десяти тысяч человек, из которых шестьдесят тысяч было турков и пятьдесят тысяч тазиков или персиян. Везир Рашид указывает то же число, но его рассказ о нашествии монголов в Трансоксанию является посредственной копией рассказа Алай-уд-дина. Ебн-уль-Етир исчисляет этот гарнизон в пятьдесят тысяч.

³ Tarikh el-Kamil, стр. 268. Джувейни, напротив, говорит, что гарнизон сделал сильную вылазку, под командой нескольких хорэзмских генералов; что дело продолжалось до самого вечера и что хорэзмийцы вернулись в город с пленниками, но потеряли тысячу человек.

они вышли из города со своими семьями и пожитками. На четвертый день осады, перед самым штурмом, кади и муфтий, в сопровождении законовевов, явились в ставку Чингиз-хана. Они вернулись оттуда с удовлетворительными заверениями, и ворота Самарканда раскрылись. Тотчас приступили к разрушению его твердынь. Жителей принудили вытти из города; обнародовали, что всякий, кто останется, будет убит. Исключение было сделано лишь для кади и муфтия, а также лиц, принадлежавших им, а их число было очень значительно; им была дана охрана¹. Монголы рассеялись после этого по городу для грабежа и перерезали множество людей, которых нашли попрятавшимися в городе.

Ночью, следовавшей за сдачей Самарканда, один из турецких генералов, по имени Алб-хан, вышел с тысячьо человек из крепости, счастливо прорвался через монгольскую армию и ушел, чтобы присоединиться к султану. С зарей начался штурм крепости одновременно со всех сторон; к вечеру осаждавшие проникли в нее. Тысяча храбрецов бросилась в мечеть, где отчаянно защищалась; мечеть была подожжена.

Тогда канглы, которые сдались, были отделены от персиян и собраны в одном месте за городом, без лошадей и оружия. Так как у монголов было в обычае, чтобы принимаемые под их знамена² иностранные войска одевались по-монгольски, то им обрили волосы на передней части головы и сделали косы на манер монголов; но их только хотели успокоить до момента, назначенного для их уничтожения. В следующую ночь они все были перебиты, в числе тридцати тысяч, вместе с их главными вождями: Баришмаз-ханом, Тогай-ханом, Сарсыг-ханом, Улаг-ханом и более, чем двадцатью генералами; их семьи, лошади, имущество достались в добычу победителям.

Было перерезано огромное число жителей Самарканда. Остальное население было переписано, и из него взяли тридцать тысяч человек мастеров и ремесленников, кото-

¹ Число лиц, принадлежавших этим двум сановникам или находившихся под их патронатом, которые получили возможность остаться с ними в Самарканде, во время его разграбления, достигало, по сведениям историка Алай-уд-дина из Джувейна, пятидесяти тысяч.

² Рассказывая о наполовину обритых головах и косах монголов, Плано Карпини говорит: *Talem etiam rasuram habent omnes illi, qui cum iis sunt, ut comani et saraceni et alii; sed facies hominum eorum dissimiles sunt faciebus Tartarorum* (все, кто живет с ними, как команы, сарацины и другие, стригут волосы таким же образом; но лица тех людей несхожи с лицами татар). *Vincentii Speculum*, IV, 240.

рых Чингиз-хан роздал своим сыновьям, женам и офицерам. Равное число было реквизировано для военных работ. Оставалось около пятидесяти тысяч; им было позволено, за выкуп в двести тысяч золотых монет, возвратиться в город, который получил монгольских начальников. Чингиз-хан увел за Сихун часть самаркандского ополчения; другую он отдал своим сыновьям, которых отправлял против Хорэзма. Впоследствии реквизиции людей повторялись несколько раз и так как очень мало этих несчастных увидело снова свою родину, то область Самарканда почти совершенно обезлюдела¹.

В Самарканде оказалось двадцать боевых слонов, принадлежавших султану; сторожа привели их к Чингиз-хану и просили позаботиться об их содержании. Чингиз-хан пожелал узнать, чем они питались, пока не были взяты; вожаки (корнаки) сказали, что они ели траву. Был дан приказ выпустить этих животных в поле, и там они погибли от голода.

По прибытии под Самарканд, Чингиз-хан отрядил против Мохаммеда два корпуса, каждый в десять тысяч всадников. Первым командовал ноян Чжэбэ, из племени Исут; вторым — Субутай-бахадур, из племени урянхит. Он приказал им идти прямо на султана; если они увидят его во главе значительных сил, то избегать боя и выжидать подхода большой армии; если же Мохаммед, напротив, будет отступать, то преследовать его безостановочно; они должны были щадить города, которые сдадутся добровольно, но уничтожать те, которые будут оказывать сопротивление.

В то время как монголы опустошали Трансоксию, Мохаммед держался вдали от театра военных действий и проявлял подавленное настроение, которое сообщалось и его подданным. Во время работ по укреплению самаркандской цитадели, он проходил однажды около крепостного рва, который он велел продолжить вплоть до реки; он при этом сказал, что татары так многочисленны, что для заполнения рва достаточно, чтобы они побросали в него свои плетки. Когда монголы проникли внутрь Трансоксиани, он покинул Самарканд и направился на Нахшеб. Он приказывал жителям тех местностей, через которые он проезжал, заботиться самим о своей безопасности, потому что его войска не могут оказать им защиту. Он советовался на счет необходимых мероприятий с каждым из министров и

¹ Tarikh Djilankuschai; Djami ut-Tévarikh; Tarikh el-Kamil, XII, 267.

генералов, которые его окружали, и расхождение их в мнениях еще более увеличивало его нерешительность. Однако, наиболее испытанные воины говорили, что не время уже спасать Трансоксанию, что надо сосредоточить свои усилия на спасении Хорасана и Ирака, отозвать все войска, которые были распределены по крепостям, сформировать из них армию, сделать распоряжение о поголовном наборе мусульман, и защищать линию Джихуна. Другие настаивали, что Мохаммед должен отступить к Газни и собрать там силы, достаточные для сопротивления татарам; они говорили, что в случае неудачи можно уйти в Индию. Мохаммед отдал предпочтение этому совету, как наиболее робкому: он направился по дороге в Газни; но в Балхе к нему присоединился везир Амад-уль-мульк, который заставил его изменить план. Амад-уль-мульк был главным министром сына султана Рокн-уд-дина, получившего в удел Ирак-Аджэм. Последний и послал его к своему отцу под предлогом, что он может оказаться тому полезным в это критическое время, но, в сущности, с целью избавиться от этого министра, оставившего его в тени своей авторитетностью; между тем он был вынужден ладить с ним, в виду его влияния на Мохаммеда. Везир, чувствующавший затруднительность своего положения, желал оставаться при своем покровителе; однако, его тянула к Ираку привязанность к родной стране и своей семье. Он сумел убедить Мохаммеда пройти в эту часть его империи, где он мог бы найти людские и денежные ресурсы, нужные для отражения варваров. Сын Мохаммеда, Джелал-уд-дин, не одобрял одинаково ни того, ни другого плана отступления перед неприятелем; он хотел помешать переходу монголов через Джихун. Если султан все-таки решился окончательно уйти к Ираку, он просил передать ему командование войсками, чтобы померяться силами с неприятелем. По крайней мере,—прибавлял он,—в несчастном случае народы не смогут покрыть нас проклятиями и сказать: „До сих пор они отягощали нас налогами, а в момент опасности бросают нас на произвол ярости татар“. Но его настояния были напрасны; султан смотрел на эти речи, как на безрассудные выходки молодости, и утверждал, что и добро, и зло имеют predeterminedный от вечности предел; что нельзя остановить ход бедствий и что нужно ждать благоприятного изменения в положении небесных светил¹.

¹ Sirét Djélal-ud-din; Tzrikkh Djihankuschaï, I.

Прежде чем отправиться из Балха, султан выслал отряд в Пенджаб, между Термедом и Самаркандом, чтобы занять там наблюдательную позицию и осведомлять его о передвижениях неприятеля. Он скоро получил от него известие о взятии Бухары. Немного спустя его известили о сдаче Самарканда; тогда он без дальнейшего промедления выехал в Ирак. Большинство окружавших его войск состояло из турков, высшие начальники которых, родственники Турканхатуни, составили заговор, чтобы убить его. Мохаммед был предупрежден об этом и на ночь перешел из своей палатки в другую; та, в которой он обычно спал, на утро оказалась изрешеченной стрелами. Это покушение усилило его тревогу. Он поторопился с отъездом в Нишабур, где остановился, думая, что монголы не скоро перейдут Джихун; но через три недели получили сообщение, что они уже в Хорасане. Тотчас Мохаммед уехал из Нишабура через Иракские ворота, с небольшой свитой, под предлогом поездки на охоту, и немного спустя город был охвачен паникой¹.

Два отряда, отправленные из Самарканда для преследования султана, перешли Джихун у Пенджаба, без мостов и судов. Монголы наделали из ветвей, покрытых воловьими шкурами, нечто вроде чемоданов, куда сложили оружие и одежду; потом привязали их к своему телу и, держась за хвосты своих лошадей, перешли реку вплавь; таким образом вся конница могла переправиться за один раз².

Генералы Чжэбэ и Субутай стремительно ворвались в Хорасан, громадную провинцию, тогда очень цветущую, разделяющуюся на четыре области, административными центрами которых были Мерв, Герат, Нишабур и Балх. При приближении монголов, Балх выслал к ним депутацию с дарами и предложением добровольного подчинения; они там оставили своего губернатора. Город Завэ не последовал

¹ Tarikh Djihankuschaï, I. Апрель—май.

² Tarikh el-Kamil, XII, 268. Монах Карпини точно также описывает способ переправы татар через реки, с той только разницей, что они садились на свои кожаные мешки, привязанные к хвостам лошадей, и иногда пользовались двумя веслами. См. Vincentii, Spec., IV, кн. XXXI, гл. XVII, стр. 450. Вот аналогичное место в сочинении греческого историка Никиты Хониата (год 1154; Stritter, Mem. popul., III, 929): „Чтобы переправиться через Дунай, турки-печенеги (patclimakes) наполняют стружками кусок кожи, сшитый так, чтобы не пропускать ни капли воды, садятся на него и, ухватясь за хвосты лошадей, держа на себе седла и оружие и пользуясь лошастью вместо паруса и кожей вместо лодки, они легко переплывают через широкое течение Дуная“.

этому примеру, но запер ворота и отказался доставить продовольствие. Монголы, чересчур спешившие, чтобы задерживаться для осады, прошли было мимо. Но, видя, что жители позволяют себе издеваться над ними со стен города, ударяя в литавры и осыпая их бранью, они вдруг поворачивают к городу, штурмуют и через три дня берут его. Все население было перебито, и монголы поломали или пожгли все, что не могли унести с собой. Они шли на Нишабур, добывая разведочные сведения о Мохаммеде при помощи пыток, применявшихся ими к захваченным лицам, или заставляя их давать клятву, что они говорят правду. Они рассылали парламентаров по городам, чтобы объявлять о скором приходе Чингиз-хана с огромной армией и убеждать их сдаваться, угрожая величайшими бедствиями в случае отказа. Те города, которые склонялись к добровольному подчинению, получали монгольского коменданта, снабженного печатью (тамгой). Если сопротивлявшиеся города не были сильными, монголы штурмовали их и разрушали; если же они были в состоянии защищаться, они оставляли их позади, так как главная цель их была настичь султана.

После его отъезда из Нишабура, власть в этом городе осталась в руках везира, кади и муфтия, которым было поручено управление до прибытия нового губернатора, евнуха Шэрэф-уд-дина, которого султан вызвал из Хорэзма. Этот губернатор дорогой заболел и умер в трех днях пути от Нишабура. Его личная свита скрыла это событие из страха, чтобы войска, служившие ему в качестве эскорта, не расхитили его имущества. Один из трех названных выше правителей вышел из города с вооруженными людьми под предлогом устройства встречи, и велел ввести его караван в Нишабур; но эскорт Шэрэф-уд-дина, который состоял из тысячи человек, не захотел в нем запереться; он ушел, чтобы присоединиться к султану. На завтра этот отряд был настигнут и разбит наголову в трех лье от Нишабура монгольским авангардом, который, подойдя к этому городу, получил информацию об его уходе и, прежде всего, пустился его преследовать.

На предложение сдаться город ответил, что он откроет ворота, когда будет взят в плен султан. Первые воинские части, появившиеся здесь, заставили дать им продовольствие и продолжали свой путь. В следующие дни прошло еще несколько отрядов, которые равным образом получали жизненные припасы. Наконец, перед Нишабуром появился ноян Чжэбэ и пригласил к себе муфтия, кади и

везира. Ему послали трех простолюдинов под вымышленными титулами с продовольствием и подарками¹. Монгольский генерал вручил им прокламацию Чингиз-хана, написанную уйгурским письмом и составленную в следующих выражениях: „Правители, вельможи и народ, знайте, что бог дал мне власть над землей от востока до запада. Кто покорится, будет пощажён; горе тем, кто окажет сопротивление; они будут перерезаны все вместе с их женами, детьми и домочадцами“.

Одновременно он убеждал снабжать продовольствием проходящие монгольские войска, не противопоставлять огня воде, не полагаться ни на крепость городских стен, ни на численность защитников, если они желают предохранить себя от полного уничтожения².

Два монгольских корпуса, к которым постепенно присоединялось много ратных людей, мусульман и неверных, также как и много бездельников, желавших безнаказанно пограбить и поозорничать, стремительно продвигались по пятам Мохаммеда, опустошая страну, отнимая лошадей и скот. Хабушан, Тус, Есфэрайн, Дамэган, Симнан были разграблены Субутаем, который пересек Кумус, чтобы проникнуть в Ирак-Аджэм. Эта персидская провинция, отделяемая пустыней от Хорасана, Фарса и Кермана, пересечена несколькими горными хребтами, наиболее высокие вершины которых покрыты вечным снегом; природа этой страны заставила арабов дать ей название *Джибал* или горной страны. Генерал Чжэбэ, который прошел через Мазендеран, соединился с Субутаем перед Райи, этот город был захвачен врасплох и разграблен; варвары убили мужчин, волочили в плен женщин, детей и совершали неслыханные жестокости³.

Покинув Нишабур, Мохаммед явился в лагерь своего сына Рокн-уд-дина, который собрал, под стенами Казвина, иракскую армию, силою в тридцать тысяч человек. Он

¹ *Tarikh Djihankuschaï*, 1.

² *Djami ut-Tévarikh*.

³ Ебн-уль-Етир, стр. 271. По Мирхонду, жители Райи, обуреваемые сектантским настроением, обнаружили в своих религиозных спорах величайшую озлобленность. Незадолго перед этим последователи секты Абу-Ханифы сожгли мечеть последователей имама Шафии. Последние, еще полные обиды, послали навстречу генералу Чжэбэ депутацию из кади и почетных горожан. По их наущению, монгольский генерал, после взятия города, велел перебить ханифийцев; потом, рассудив, что нельзя рассчитывать на верность тех, кто изменил своим единоверцам, велел перерезать и шафийцев.

Обсудил с начальниками своих войск лучшие способы защиты и вызвал к себе князя Лура, по имени Хэзар-Асба¹, который был человек с головой. Передают, что этот царек, по прибытии, семь раз простерся ниц, подходя к царскому шатру, и что султан удостоил его чести посадить с собой. Когда Хэзар-Асб вернулся к себе, Мохаммед послал к нему везира Амад-уль-Мулька с двумя из своих первых генералов, чтобы спросить его совета, какие меры принять в виду угрожающей опасности. Тот дал совет, чтобы Мохаммед, не теряя времени, ушел за горный хребет, который отделяет Лур от Фарса, в местность с обильными запасами продовольствия, где он мог бы легко собрать армию из ста тысяч пехотинцев, составив ее из луров, шулов, фарсов и шэбанкаров², с которыми можно занять все горные ущелья и помешать татарам проникнуть туда. Одной победы,—прибавил он,—было бы тогда достаточно, чтобы поднять мужество солдата и излечить его от страха, который ему внушают теперь эти варвары. Султан вообразил, что князь Лур дает этот совет лишь с целью причинить вред своему соседу фарскому атабэку, отвлекая Мохаммеда в его страну; он не захотел последовать совету, говоря, что когда он освободится от гораздо более опасного врага, он подумает над тем, как привести к повиновению и этого атабэка.

Едва Мохаммед успел объявить о своем решении остаться в Ираке и собирать здесь свои силы, как было получено известие о разгроме Райи. Как только это известие распространилось, князья и сеньеры, которые собрались около своего монарха, разбежались по своим владениям, и армия рассеялась: так велик был ужас, который внушали монголы. Султан отправился искать убежища с своими сыновьями в крепости Каруне; на пути туда он был настигнут неприятельскими войсками, которые, не зная его, пустили в него стрелы. Его лошадь получила несколько ранений, но, несмотря на это, донесла своего господина

¹ Хэзар-Асб был сын Абу-Тахера, курдского происхождения, который, получив от своего сюзерена, князя Фарсистана, поручение напасть на Луристан, овладел этой страной. Хэзар-Асб, наследовавший ему в 1160 г., завоевал страну Шулов, кочевого народа, который переселился тогда в Фарсистан и получил от Халифа Насира титул атабэка. Он умер в 1229 г. *Tarikh Gouzidé, bab. IV, fassl 2.*

² Шулы и шэбанкары были два народа курдского происхождения, которые вели кочевую жизнь, первые—в горах, которые окружают северную часть Хузистана, а вторые—в горах, занимающих север Фарсистана.

до Каруна. Мохаммед оставался здесь лишь один день; он велел дать свежих лошадей и выехал по дороге на Багдад. Едва покинул он крепость, как появляются монголы, считавшие, что добыча в их руках; они бросаются на крепость, и после жестокого боя, узнав, что султана здесь более нет, кидаются немедленно за ним в погоню, захватывают в дороге проводников, которых он отпустил, и узнают от них, что он бежал на Багдад; но султан уже изменил свой путь. Монголы, увидев, что они потеряли его след, убили проводников и возвратились назад.

Мохаммед направился к укрепленному замку Серджихану, расположенному в нескольких лье к северо-западу от Казвина¹. Он остановился там лишь на семь дней; оттуда он проехал в Гилян, затем в Мазендеран, куда он прибыл почти один и лишенный всего.

Монголы уже проникли в эту область; они разорили ее главный город Амул, а также торговый город Астер-Абад². Мохаммед посоветовался с явившимися к нему на поклон эмирами Мазендерана, в каком укрепленном замке он мог бы найти надежное убежище от монголов, погоня которых не давала ему ни минуты покоя. Они посоветовали ему на время удалиться на один из небольших островов на Каспийском море, лежащих близко от берега. Мохаммед решил последовать этому совету³. Он остановился на несколько дней в одном селении на берегу моря. „Он аккуратно ходил там в мечеть делать свои пять намазов,— говорит его биограф Мохаммед из Нессы,— и заставлял имама этого храма читать себе коран. Он проливал слезы; он давал обещание богу, если вернет себе державу, водворить правосудие в своей империи“. Таковы были его занятия в этом селении, когда туда прибыл монгольский отряд. Среди этих варваров находился князь небольшого владения Кэбуд-джамэ, в Мазендеране, Рокн-уд-дин, дядя и двоюродный брат которого были преданы смерти по приказу Мохаммеда, завладевшего их княжеством. Чувство мести заставило его перейти на сторону неприятеля, и он вступил во владение семейным уделом. Мохаммед имел

¹ Merassid-ul-ittilla ala essmaï il emkinet vé-el-béca, географический словарь Сафи-уд-дина Абд-уль-Мумина; рукоп. Лейденской библиотеки; Djihan Numa (напеч.), стр. 297. Серджихан значит по-персидски голова мира.

² Астрабад, в 36 км от ю.-в. угла Каспийского моря; Амул или Амол далее на запад от него, на южном берегу моря. П. п.

³ Tarikh Djihankuschaï.

лишь время броситься на барку и выехать в открытое море. В него пустили стрелы. Некоторые из неприятельских всадников, ослепленные желанием захватить его, бросились в воду и нашли там себе смерть.

Мохаммед получил воспаление легких; предвидя свой близкий конец, он говорил на судне, которое уносило его от берега, что после того, как он царствовал над столькими странами, у него нет нескольких локтей земли для могилы. Он высадился на маленьком островке и выказал чрезвычайную радость, что находится в безопасном месте: его поместили в палатке. Жители Мазендеранского побережья привозили ему провизию и то, что, по их мнению, могло быть ему приятным. Султан, в вознаграждение, давал им грамоты на должности и поместья, которые они иногда сами и должны были писать, потому что Мохаммед разослал с поручениями к своим сыновьям большую часть своей свиты. Несколько лет спустя, когда Джелал-уд-дин возвратил часть владений своего отца, ему представили эти грамоты; он уважил всех и кто бы ни показывал нож или полотенце, которое султан Мохаммед давал в знак своей милости, он достигал исполнения данного ему обещания.

Мохаммед, чувствуя, что его болезнь каждый день усиливается, вызвал к себе своих сыновей Джелал-уд-дина, Озлаг-шаха и Ак-шаха. Он отменил акт, которым назначал своим престолонаследником Озлаг-шаха, и объявил, что только один Джелал-уд-дин способен спасти империю. Он собственноручно опоясал его своей саблей и сказал его младшим братьям, чтобы они принесли ему ленную присягу (*hommage*); он увещевал их оставаться послушными ему. Несколько дней спустя он испустил последний вздох. Он был похоронен на острове¹. Не нашлось даже савана, его погребли в одной из его рубашек². Таков был жалкий конец государя, который до своего похода против Багдада был счастлив во всех своих предприятиях и увеличил свое

¹ Этот остров обозначается историками под именем Абсукунского или острова на Абсукунском, т. е. Каспийском море. Абсукун был приморский городок, который служил портом для города Джурджана, в Мазендеране (см. географию Еbn Наоиса). Против него на море в нескольких км находятся три маленьких островка, один из которых и служил убежищем султану Мохаммеду. Этот порт дал свое имя Каспийскому морю, которое у населения Персии носит также название моря Таберистанского, Хазарского и пр.

² Sirét Djélal-ud-din.

государство за счет массы мелких монархов, которые были принесены в жертву его честолюбию.

Историки держатся противоположных одно другому мнений относительно Мохаммеда. Два везира потомков Чингиз-хана, которые передали нам подробности его нашествия на Хорэзмскую империю, Алай-уд-дин из Джувейна и Рашид из Хэмэдана, изображают Мохаммеда в эти минуты опасности, как государя, отдавшегося во власть нерешительности, парализуемого в своих мероприятиях роковой верой в астрологов, безрассудно выдававшего страх, которым он был проникнут, обескураживавшего трусостью своих воинов и свои народы, и однако предававшего удовольствиям, лишь только неприятель давал ему передохнуть. Если верить этим историкам, то во время трехнедельного пребывания в Нишабуре, перед отъездом в Ирак, он думал только о своих удовольствиях. Банкеты и концерты занимали все его время; он был окружен исключительно веселыми особами, и интендант области должен был пренебрегать всеми делами, чтобы доставлять ему певич и скоморохов. Но один современный же автор, Ибн-уль-Етир, рисует нам его в более благоприятных чертах. „Мохаммед, — говорит он, — был государь очень образованный, особенно сведущий в науке права. Он любил общество людей ученых, знатоков закона, служителей религии, и был щедр на милости к ним. Закаленный, нисколько не склонный к роскоши и удовольствиям, он ревностно занимался государственными делами, управлением своей империи и благосостоянием своих народов“. Историк Зэхэби говорит, что он был деятелен, бодр, неустрашим, но что честолюбие делало его часто несправедливым и кровавым ¹.

Как бы то ни было, для Мохаммеда нет оправдания в его трусливом поведении в эпоху нашествия монголов.

Прежде чем удалиться за Джихун, он послал нарочного в Хорэзм, чтобы понудить свою мать переехать с его гаремом в Мазендеран ². Туркан-хатунь перед этим только что получила коварные предложения со стороны Чингиз-хана. Последний, желая использовать несогласие, которое, как он знал, существовало между Мохаммедом и его матерью, передал ей через своего камерария Данишменда, что он знает о неблагодарности к ней ее сына; что ему

¹ Kitab Duwel-ul-Islam (Летописи магометанских государств), сост. шейхом Шемс-уд-дин-ез Зэхэби, ар. рук. Лейд. библиотеки.

² Tarikh Djihankuschaï.

оказывает содействие в его военных операциях часть генералов султана, но что он не намерен вторгаться в страну, управляемую Туркан-хатунью, т. е. в Хорэзм; что она может послать к нему доверенное лицо, чтобы из его собственных уст получить формальное подтверждение того, что он ей передавал, и он дает ей обещание, что, закончив свои завоевания, он отдаст ей во владение Хорасан. Султанша-мать не дала никакого ответа на это послание. Получив сведение об отъезде султана, она покинула Хорэзм вместе с женами и детьми Мохаммеда и тем, что могла увезти с собой из своих сокровищ. Перед отъездом она совершила варварский поступок. Воображая, что монголы очистят империю, когда награбленной добычи у них будет по горло, она прибегла к бесчеловечной мере предосторожности, велев перебить князей, лишенных Мохаммедом своих владений и томившихся в хорэзмских тюрьмах. Между ними было два сына Тогрула, последнего сельджукидского султана Ирака, князь Балха и его сын, владетель Термеда, князь Бамьяна, князь Вахша, два сына владетеля Сигнака, два сына последнего князя гуридского Махмуда и несколько других феодалов. Она велела всех их бросить в Джихун, за исключением сына язерского князя, Омар-хана, который мог быть ей полезен во время путешествия знанием дорог, ведущих в его страну. Действительно, он ей ревностно служил, но когда она была уже около Язера, она велела отрубить ему голову¹.

Туркан-хатунь проехала в Мазендеран по дихистанской дороге. Когда Мохаммед укрылся в этой же провинции, он высказал пожелание, чтобы его мать и его семья заперлись в Илалском замке, одном из сильнейших укреплений, которые увенчивают скалы Мазендерана. Генерал Субутай, гнавшийся по пятам за Мохаммедом, оставил отряд войска перед этой крепостью. Так как Илал расположен в местности, где небо постоянно покрыто тучами, то там никогда не думали о запасах воды на случай бездождья. Но когда крепость была обложена, случилось как раз то, что бывало там чрезвычайно редко, а именно—долго не было дождя. Через несколько месяцев блокады отсутствие воды заставило гарнизон сдать, и в тот же день, как монголы заняли Илал, тучи заволокли небо. Туркан-хатунь была препровождена вместе с женами и детьми ее сына в лагерь монгольского монарха, который тогда осаждал Тале-

¹ Sirét Djelal-ud-din; Tarikh Djihankuschaï, I.

кан. Она осталась там на положении пленницы. Сыновья Мохаммеда, хотя они были малолетние, были убиты; две дочери султана были отданы Чагатаю, который одну включил в число своих наложниц, а другую отдал своему интенданту Хабеш-Амиду, мусульманину; третья была выдана замуж за Данишменда, камерария Чингиз-хана. Принцесса Хан-султан, вдова Османа, владельца Самарканда, досталась красильщику, обосновавшемуся в Имиле, и он женился на ней. Туркан-хатунь была отвезена Чингиз-ханом в Татарию и умерла в городе Каракуруме в 1233 году. Ее везир Насир-уд-дин, взятый вместе с ней, был предан смерти, как только прибыл под Талекан¹.

Когда крепость Илал была доведена до крайности, один из евнухов Туркан-хатуни стал настаивать, чтобы она спасалась бегством и укрылась у Джелал-уд-дина, который, по последним известиям, находился во главе многочисленной армии. Она ответила, что она скорее предпочтет все ужасы плена; такую ненависть питала она к этому своему внуку.

Все драгоценности Мохаммеда, равным образом, попали в руки монгольского завоевателя. При проезде через город Бистам, во время отступления в Ирак, султан вверил одному из своих офицеров десять шкатулок, наполненных драгоценными камнями, с приказанием передать их коменданту замка Эрдэгана, расположенного к северу от Райи, в горах, которые отделяют Ирак от Мазендерана, и почитавшегося неприступным вследствие своей высоты. Монголы, явившись под эту крепость, пообещали коменданту сохранить ему жизнь, если он передаст им эти сокровища; они получили их и отвезли к своему повелителю².

После смерти Мохаммеда трое его сыновей прибыли морем в Мангышлак, в Балханском заливе, а оттуда в Хорезм, где они были встречены громкими выражениями радости. Со времени выезда султанши-матери, эта столица была предоставлена анархии, в спешке отъезда она забыла назначить губернатора. В короткое время около молодых принцев собралось семьдесят тысяч человек. Вожди этой армии, состоявшей из турков-канглов, были недовольны тем, что принц Озлаг уступил трон старшему брату Джелал-уд-дину; его крайняя молодость благоприятствовала их честолюбию,

¹ Tarikh Djihankuschaï; Sirét Djelal-ud-din. По сообщению Мохаммеда из Нессы, Хан-султан была отдана сыну Чингиз-хана Чжучи, который имел от нее нескольких детей.

² Sirét Djélal-ud-din.

в то время как решительный характер Джелал-уд-дина заставлял их бояться, что им придется довольствоваться пассивным подчинением; они составили заговор на жизнь нового султана. Джелал-уд-дин узнал об этом, и ему не осталось другого выхода, как бежать. Он направился в Хорасан в сопровождении трехсот всадников под командой Тимур-мелика, того самого ходжендского коменданта, который как бы чудом ускользнул от сабель монголов. Он быстро промчался через пустыню, которая отделяет Хорэзм от Хорасана на шестнадцать дней пути, и прибыл в район Нессы¹ (617—1221 г.).

Чингиз-хан, овладев Самаркандом, расквартировал свою армию в местности, лежащей между этим городом и Накше-бом; он оставался там весну и лето 1220 г. К осени лошади его кавалерии поправились, и он продолжал свои операции. Прибытие сыновей Мохаммеда в Хорэзм и сосредоточение значительных сил в его стенах не могли не привлечь его внимания; он отправил против этой столицы армию под командой Чжучи, Чагатая и Оготая. Чтобы отрезать отступление тем, кто попытался бы вырваться из Хорэзма, он в то же время приказал своим войскам в Хорасане образовать заградительный кордон на южной окраине пустыни. Отряд из семисот всадников, составлявший часть этого кордона, уже стоял у Нессы ко времени прибытия туда Джелал-уд-дина. Последний отважно атаковал его, заставил, после продолжительного боя, обратиться в бегство и проехал в Нишабур. Это был, по словам Мохаммеда из Нессы, первый успех, одержанный мусульманами над монголами. Оба брата Джелал-уд-дина были менее счастливы. Три дня спустя после отъезда их старшего брата, они, под впечатлением от полученного известия о движении на Хорэзм монгольской армии, решили также ухать в Хорасан; они последовали по его следам, но едва они прибыли в замок Харендер, который был расположен близ Нессы и принадлежал автору жизнеописания Джелал-уд-дина, Мохаммеду, как появился монгольский отряд. Последний производил разведку о направлении, в котором ухал Джелал-уд-дин, и поджидал прихода войск, которые должны были проходить здесь со стороны пустыни вслед за султаном. О прибытии Озлага и Ака еще не было известно. Племянник Мохаммеда из Нессы вышел из Харендера, чтобы дать бой неприятелю и занять его, дав этим время молодым принцам спастись. Но монголы догадались,

¹ Sirèt Djelal-ud-din; Tarikh Djlhankuschaï.

что за особы были беглецы, и тотчас-же пустились в погоню за ними. Они настигли их у одного селения, под названием Вешт; принцы сделали остановку и построили в боевой порядок свой отряд; стычка кончилась поражением монголов. Победители отныне считали себя в безопасности, как вдруг они были атакованы на том-же месте другим неприятельским отрядом, и в этом новом бою оба принца погибли. Их головы, воткнутые на копья, возили по провинции.

Вештские крестьяне собрали на убитых хорэзмийцах огромное количество драгоценных камней, которым монголы не придавали уже значения, и продали их за бесценок¹.

Между тем монгольская армия продвигалась к столице Хорезма, Гурканджу (Keurcandje)², в обычной речи носившему то же название, как и вся область. Этот большой город раскинулся по обоим берегам Джихуна, который вступает в пределы Хорэзма несколько ниже города Аму и впадает в Аральское озеро, вода которого солена. В Хорэзме пригодны для земледелия только берега этой реки, и они были покрыты городами и селениями; за этой узкой полосой, с обеих сторон Джихуна, видны одни лишь песчаные степи³. После отъезда трех сыновей Мохаммеда, Гуркандж остался без главы; турецкий генерал Хумар был выбран губернатором, в уважение его родства с султаншей-матерью⁴. Еще осада не начиналась, как хорэзмийцы понесли большой урон: партия монголов подъехала к самым воротам города и показала вид, что хочет отогнать скот; тогда из города вышел большой отряд всадников и пехотинцев, который, пустившись в погоню за неприятелем, попал в засаду и потерял много людей. Монголы даже проникли вместе с бегущими в Хорэзм, но чересчур в незначительном числе, чтобы там удержаться. Как только прибыли царевичи с главными силами, они предложили городу добровольно сдаться, обещая, что ему не будет сделано никакого зла. Чжучи поручил объявить, что отец отдал ему Хорэзм в удел, ему желательно сохранить свою столицу в целости, и ему было-бы досадно разрушить ее, и что он:

¹ Sirét Djélal-ud-din.

² Арабы, сообразно с духом их языка, переделали это название в Джерджание; монголы тот же город называли Ургендж (Orcandje).

³ География Ибн-Хаукаля; Merassid-ul-ittilâ; статьи Khorazm и Keurkandj.

⁴ По Абуль-Гази, он был братом Туркан-хатуни (тур. текст. стр. 64).

доказал свое решение щадить страну, запретив своим войскам производить опустошения. Рассудительные люди были того мнения, что надо подчиниться, тем более, что покойный султан уже с острова Абсукуна обратился к жителям Хорэзма с письмом такого содержания: „Вы имеете права на мою признательность, как имели их на признательность моих предшественников, и я должен засвидетельствовать мое доброе расположение советом: когда вам будет угрожать многочисленный и победоносный враг, лучшее, что вы можете сделать, это добровольно подчиниться“. Однако, противоположное мнение взяло верх.

Монголы сначала держались на известной дистанции от города, чтобы сделать приготовления к осаде и построить военные машины. Окружающая страна не могла доставить им камней, годных для употребления в качестве метательных снарядов; они повалили огромное количество тутовых деревьев, древесиной коих они воспользовались для приготовления ядер; они оставляли их на некоторое время в воде, чтобы увеличить их вес перед тем, как метать при помощи катапульт. В ожидании, пока все эти приготовления будут закончены, монголы, следуя обычной своей практике, старались воздействовать на умы обещаниями и угрозами, которые они непрестанно повторяли. Из покоренных провинций толпами приводили реквизированное население; их заставили засыпать рвы, что и было выполнено на десятый день. Тогда осаждавшие решили овладеть мостом, который соединял между собою обе части города: три тысячи монголов были наряжены для этой атаки; они все там погибли. Этот успех поднял мужество хорэзмийцев. Но что, главным образом, послужило к замедлению взятия города, так это несогласие, возникшее между царевичами Чжучи и Чагатаем. Оно парализовало осадные операции; военная дисциплина ослабела, и хорэзмийцы воспользовались этими обстоятельствами, чтобы причинить побольше вреда своим врагам. Осада затянулась на целых шесть месяцев. Один офицер, отправленный царевичами, доложил монгольскому монарху, который перед этим обложил крепость Талекан, что его сыновья потеряли под Хорэзмом значительную часть своей армии и отчаиваются овладеть им. Чингиз-хан, осведомленный о главнейшем препятствии, которое лежало на пути к успеху, был раздражен против двух своих старших сыновей и передал Оготаю главное командование осадной армией. Этому царевичу удалось мягкостью помирить своих братьев и строгостью восстановить в своих войсках прежнюю дисциплину, которая делала их до того непобедимыми. За-

тем он отдал приказ начать общий штурм, который решил участь города. Монголы водрузили свои знамена на его стенах, проникли в крепость и подожгли первые же на пути дома, бросая горшки с горящей нефтью. Несмотря на эти угрожающие успехи, хорэзмийцы продолжали защищаться с упорнейшим мужеством. Они оспаривали каждый шаг; выбитые из одной улицы, они переходили в другую; даже женщины и дети принимали участие в этих ожесточенных боях, которые продолжались семь дней. Наконец, многочисленное население Хорэзма, сжатое в трех кварталах, потребовало капитуляции. Начальник полиции был послан к царевичам и сказал им: „Мы испытали вашу суровость; настало время, о, царевичи, испытать силу вашего милосердия“. „Как,—вскричал Чжучи в порыве гнева,—они говорят о нашей суровости, когда они своим сопротивлением уничтожили часть нашей армии. Это мы до сих пор испытывали их суровость и теперь мы заставим их испытывать нашу“. Он отдал приказ выгнать всех из города. Объявили, чтобы мастера и ремесленники отошли в сторону; те, кто послушался этого приказа, спаслись; их отослали в Татарию; но много мастеров, боявшихся этой ссылки и рассчитывавших, что жизнь обывателей будет пощажена, поопасались выходить из толпы: они разделили участь остальной массы; она была распределена между монгольскими ротами и была перебита ударами сабель, кирок и стрел¹. Пощадили только молодых женщин и детей, которые были обращены в рабство. После этой бойни монголы разграбили все, что оставалось от города. Чтобы завершить его разрушение, они затопили его, открыв плотину, сдерживавшую воды Джихуна. Здания в городе были разрушены. Все, кто там скрывался, погибли. „При разрушении других городов,—говорит историк Ебн-уль-Етир,—кое-кто из жителей спасался или укрывшись в потайных местах, или убегая, или оставаясь лежать среди мертвых, но в Хорэзме все, кто уцелел от татарского меча, были потоплены в водах Джихуна“.

Царевичи слышали рассказы об одном уважаемом шейхе, по имени Неджм-уд-дине, жителе Хорэзма, и перед осадой велели ему передать, чтобы он вышел из города, который должен был подвергнуться всем ужасам войны, предлагая ему убежище в своем лагере. Тот ответил, что,

¹ По сообщению историков Алай-уд-дина и Рашида, каждому монгольскому солдату пришлось перебить восемьдесят человек, а армия состояла из пятидесяти тысяч. По Рашиду, в Татарию было отослано 100.000 ремесленников.

прожив семьдесят пять лет среди хорезмийцев в мирное время, он считает себя обязанным не покидать их в тот момент, когда их угрожает поразить молния; и он погиб вместе со своими согражданами¹.

Чингиз-хан, проведя все лето на лугах Нахшеба, где лошади его армии откормились после утомительных переходов, начал новую кампанию осадой Термеда. Этот город, расположенный на северном берегу Джихуна, отверг предложение открыть добровольно ворота и разрушить укрепления и свою цитадель. На десятый день он был взят штурмом. Из города выгнали всех жителей, которые были распределены между монгольскими ротами и перебиты. Одна старая женщина, над которой был занесен уже роковой удар, закричала, что если ее не убьют, она отдаст прекрасную жемчужину; когда последнюю от нее потребовали, она ответила, что проглотила ее. Тотчас же ей рассекли живот и, действительно, извлекли жемчужину. Предполагая, что и другие могли проглотить жемчуг, Чингиз-хан дал приказ потрошить мертвых.

Монгольский завоеватель избрал для своей зимовки округ Сэмана. Он велел опустошить местности на восток от него. Бадашхан² подвергся нашествию монголов и был покорен. В то же время еще одна армия, под командой царевича Тулуя, двинулась на Хорасан с целью опустошить и эту прекрасную провинцию. С наступлением весны все к северу от Джихуна было разрушено или подавлено. Чингиз-хан перешел эту реку вброд. Из города Балха к нему навстречу вышла депутация с изъявлением покорности и богатыми дарами. Добровольное подчинение этого знаменитого большого города не могло предохранить его от полного уничтожения: его гибель была предрешена. Чингиз-хан, который узнал, что Джелал-уд-дин находится в Газнинской области во главе армии, не хотел оставлять позади себя многолюдный город. Он велел жителям Балха выйти из города, под предлогом переписи их, и все они были перерезаны. Монголы разграбили город, превратили его в пепел и разрушили укрепления.

¹ Sirét Djélal-ud-din; Tarikh Djihankuschaï, I; Djamî ut-Tévarikh; Tarikh ul-Kamil.

² „Бадахшат,— говорит Мэрасид-уль-иттила (географический словарь на арабском языке),— в просторечии называемый Балахшаном, славится драгоценными камнями, которые находят в его горах, и особенно рубинами, которые по этой великой и славной стране называются балахш, балас. Тут персидские купцы проезжают в Тибет“.

Чингиз-хан затем появился перед крепостью Нус-срет-кух¹ в горном округе Талекана, которая, хорошо защищенная естественным положением, искусственными сооружениями и доблестью своего гарнизона, шесть месяцев противостояла усилиям его генералов². Чингиз-хан привел с собой множество пленников; он заставил их сражаться в первых рядах; тех, кто отступал, избивали. Монголы насыпали на деревянном помосте земляной холм высотой в уровень с крепостным валом; на нем установили свои машины, которыми разгромили внутренность крепости. Гарнизон, доведенный до крайности, сделал генеральную вылазку, чтобы пробиться сквозь осаждающих. Кавалерия спаслась, бросившись в горы, но пехота была разбита вдребезги. Затем монголы вошли в крепость, которая сопротивлялась им в течение семи месяцев, и не оставили в ней ни живой души, ни камня на камне³.

Варвары были заняты разрушением взятой крепости, когда Тулуй соединился с своим отцом после того, как совершенно разорил прекраснейшую из персидских провинций. Часть Хорасана была опустошена уже отрядами Чжэбэ и Субутая, отправленными в погоню за султаном Мохаммедом. Эти два генерала оставили губернаторов в подчинившихся им крепостях. Так как после их ухода монгольских войск более не появлялось, а распространились слухи об успехах, одержанных султаном в Ираке, настроение, сначала подавленное страхом, начало оживать. Начальник тусского ополчения убил монгольского офицера, назначенного в этот город в качестве коменданта, и послал его голову в Нишабур. Он немедленно понес кару за этот безрассудный поступок: монгольский военачальник, поставленный с тремя сотнями человек в кантоне Устуа для охраны лошадей и скота, принадлежавших двум войсковым частям, отправленным в Ирак, прошел на Тус и предал мечу значительную часть находившихся там войск. В ожидании подхода армии, посланной для завоевания Хорасана, он заставил разрушить укрепления этого города.

Когда осенью 1220 г. Тулуй получил приказ выступить в поход на эту провинцию, он отправил в качестве авангарда десятитысячный корпус под начальством нояна Тогачара, который был зятем Чингиз-хана. Этот генерал пошел на Нессу. Один из отрядов этого корпуса, подо-

¹ Это название значит гора победы.

² *Tarikh Djihankuschaï I; Djami ut-Tévarikh.*

³ *Tarikh ul-Kamil, XII.*

шедший близко к городу, был встречен пущенными со стен стрелами, и его начальник Бельгуш был убит. Монголы, чтобы отомстить за его смерть, осадили Нессу¹.

Покидая Хорасан, чтобы бежать в Ирак, Мохаммед послал одного из своих офицеров передать жителям Нессы, что наступающий враг ведет войну не так, как другие народы; что лучший выход—это покинуть город и бежать в пустыню или в горы, так как очень вероятно, что татары удовлетворятся награбленной добычей и оставят пределы империи; жители, следовательно, должны спастись бегством, если только не решатся восстановить цитадель для своей защиты. Цитадель Нессы была скрыта еще по приказу султана Такаша, когда он овладел Нессой, и самое место, на котором она стояла, было распахано. Жители предпочли восстановить ее и немедленно принялись за дело.

Отряд Тогачара, подойдя к Нессе, направил против ее стен целую батарею метательных машин из двадцати катапульта, которая обслуживалась пленными и рекрутами. Эти несчастные должны были также подвозить тараны, и те, кто подавался назад, умерщвлялись. После пятнадцатидневного непрерывного штурма, когда машины пробили широкую брешь, монголы овладели в течение ночи стеной. На рассвете, они проникли внутрь города и выгнали из него все население. Когда жители собрались на равнине перед городом, им велели связать друг другу руки за спиной. „Эти несчастные,— говорит Мохаммед из Нессы,— повинувались, не размышляя о том, что делают. Если бы они бежали и рассеялись по соседним горам, большая часть их спаслась бы. Когда они были связаны, монголы окружили их и перестреляли из луков всех, не разбирая ни мужчин, ни женщин, ни детей. Число убитых, как коренных жителей Нессы, так и поселян, бежавших в нее, доходило до семнадцати тысяч“.

Три дня спустя после разрушения Нессы, один из монгольских отрядов приступил к осаде Харендера, принадлежавшего тому же Мохаммеду. „Я был,— рассказывает этот биограф,— в своем замке, расположенном на скалистой горе, в одном из самых укрепленных мест в Хорасане, который, если верить преданию, принадлежал моим предкам со времени введения ислама в этих восточных странах, а так как он был в центре провинции, то служил обычным убежищем для бежавших пленников и для жителей,

¹ Tarikh Djihankuschaï.

искавших спасения от плена или смерти. Через некоторое время татары, видя, что они не смогут его взять, потребовали, в качестве платы за свой уход, десять тысяч одежд из бумажной материи и некоторое количество других вещей, хотя они по горло насытились добычей в Несесе. Я согласился на это. Но когда пришлось относить эти предметы, никто не хотел препроводить их в лагерь татар, так как было известно, что они всех убивают. Наконец, два старика решились на самопожертвование. Приведя ко мне своих детей, они просили позаботиться о них в случае их гибели, и, действительно, татары перед тем, как сняться с лагеря, убили их“.

„Немедленно,— добавляет тот же автор,— эти варвары рассеялись по Хорасану. Когда они являлись в какой-либо округ, они сгоняли местных крестьян и уводили к городу, который хотели взять, чтобы использовать их для обслуживания осадных машин. Ужас и отчаяние были всюду, так что тот, кто находился в плену, был более спокоен, чем тот, кто в своем доме ждал решения своей участи. Феодалы владелись равным образом обязывались являться со своими вассалами и военным снаряжением к городу, которым татары хотели завладеть; тех, кто не подчинялся, брали штурмом в их замках и предавали мечу вместе с крестьянами“ (ноябрь 1220 г.)¹.

Затем Тогачар устремился на Нишабур и попытался взять этот город. Но он был убит на третий день штурма стрелой, пущенной со стены. Сменивший его в командовании генерал, полагая, что у него недостаточно сил для того, чтобы овладеть столь значительным укрепленным местом, снял осаду. Он разделил свое войско на два корпуса. Один пошел с ним на Себзевар, который он взял приступом на третий день, и в котором велел вырезать всех жителей, численностью до семидесяти тысяч. Другой устремился в округ Туса и овладел находившимися там укрепленными замками, между прочим Каром и Ноқаном, все жители которых были изрублены².

Первой операцией Тулуя, при его вторжении в Хорасан, был штурм Мерв-Шахиджана. Это один из четырех крупнейших городов этой провинции и бывшая столица сельджукидских султанов, Меликшаха и Синджара. Он был расположен в плодородной равнине, на берегу Мервер-руда, называющегося также Мургабом. Покидая берега

¹ Sirét Djéfal-ud-din.

² Tarikh Djihankuschaï, I.

Джихуна, султан Мохаммед послал в Мерв распоряжения в том смысле, чтобы чиновники и войска удалились в соседний замок Мерагу, а оставшиеся в городе, за невозможностью выезда, жители с покорностью приняли монгольские войска. Но растерянность Мохаммеда успела уже сообщиться его офицерам. Губернатор Бехай-уль-мульк счел небезопасным для себя пребывание в Мэраге и заперся в замке Алатаке¹. Некоторые из начальствующих лиц вернулись в Мерв, другие разъехались. Заместитель Бехай-уль-мулька, человек простого происхождения, был также, как и муфтий, за добровольное подчинение; напротив, кади и главный сеид хотели защищаться. По прибытии Чжэбэ и Субутая в мервский округ Маручак, к ним явилась депутация, посланная из города, и осведомила их, что город добровольно подчиняется. Но в то же время один туркменский офицер, по имени Буга (Воса) из эскорта, сопровождавшего Мохаммеда, собрал отряд из своих соплеменников и неожиданно ворвался в Мерв. Под его знаменами собрались те из жителей, которые хотели защищаться, туркмены, жившие в этой области и лица, бежавшие от реквизиций монголов.

Однако власть Буги не была продолжительна. После смерти султана, в окрестностях Мерва появился прежний губернатор Моджер-уль-мульк, который сопровождал султана до момента бегства его из Термеда, и около него собралось много разных людей, горожан и военных, которые остались преданными ему. Ему удалось, несмотря на принятые Бугой меры предосторожности, проникнуть в город. Тогда ему подчинились все войска, и Буга был принужден подчиниться единолично. После этого Моджер-уль-мульк стал стремиться к захвату верховной власти; он претендовал на происхождение от царской крови, потому что его мать, находившаяся в гареме султана, была беременна, когда султан отдал ее в замужество тому, кто считался его отцом.

Муфтий, бывший сторонником монголов, поддерживал тайные сношения со своим родственником, кади города Сэраха, расположенного в шести днях пути от Мерва и принявшего к себе монгольского коменданта. Моджер-уль-мульк был об этом осведомлен, хотя притворно скрывал. Но муфтий выдал сам себя; говоря однажды проповедь в мечети, он обмолвился, сказав: „да погибнут все

¹ Алатак, по Казвини, представлял укрепленный замок, который был расположен на высокой горе и окружен скалами (в Таберистане).

враги монголов". При этих словах его слушатели не могли сдержать своего негодования; он смутился и попытался оправдаться, говоря, что слова, сорвавшиеся с его языка, не отвечают его мыслям. Этот случай подтвердил подозрения Моджер-уль-мулька, но он не хотел применять суровых мер против представителя закона, не имея в своем распоряжении очевидных доказательств его измены. Он не замедлил их получить: было перехвачено письмо, посланное муфтием сэрахскому кади. Моджер-уль-мульк потребовал его к себе и допросил. Тот отрицал факт сношений. Ему было предъявлено его письмо; он смутился и получил приказание удалиться. Когда он вышел, губернаторская стража пронзила его ударами кинжалов и выволокла за ноги его тело на площадь.

Между тем Бехай-уль-мульк покинул крепость Алатак и явился в Мазендеране к командующему монгольскими войсками, которому похвастался, что овладеет Мервом, и обещал, если его оставят там владельцем, ежегодно поставлять по одежде из бумажной материи с каждого очага. Его отправили с монгольским войском. В Шэхристане он узнал о происшедшем в Мерве перевороте и написал отсюда Моджер-уль-мульку, что они оба должны забыть свое соперничество из-за губернаторского места, монгольские силы чересчур велики, чтобы можно было помышлять о сопротивлении, Нишабур ими разрушен во мгновение ока, семь тысяч монголов с десятью тысячами рекрутского набора идут на Мерв, сам он находится при этом неприятельском корпусе и спешит из дружбы уведомить его об этом, чтобы тот успел позаботиться о своем спасении. Это предостережение вызвало подавленное настроение среди высшей городской знати. Ее представители высказались за оставление города; потом явилась мысль, что сообщение может быть лживым. Два эмиссара, доставившие письмо, были допрошены и сознались; их убили. С своей стороны, монголы, видя, что Бехай-уль-мульк их обманул, предали его смерти.

Придя в себя от испуга, Моджер-уль-мульк послал войска в Сэрахс и велел схватить кади этого города, обвинявшегося в том, что он явился с дарами к нояну Чжэбэ и получил от монголов губернаторство в Сэрахсе. Этот сановник был выдан сыну одного лица, которое он погубил, и подвергся акту родовой мести. Так как некоторое время не было больше слышно об успехах неприятеля, то Моджер-уль-мульк и нотабли Мерва позволили

убаюкать себя мнимой безопасностью. Но скоро прибыл губернатор из Аму с известием, что монголы перешли Джихун у этого города и идут за ним по пятам. В самом деле появился небольшой отряд из восьми сот этих варваров, который атаковал расположившихся около Мерва туркменов. В то время как они бились, на монголов с тыла напал двухтысячный отряд прибывших из Хорэзма турков, и они почти все полегли на месте. Шестьдесят человек было взято в плен; их провели по городу и затем предали смерти. В результате этого успеха туркмены выбрали себе в начальники губернатора Аму и не желали более подчиняться Моджер-уль-мульку. Эти мятежники возымели даже намерение овладеть городом, но губернатор помешал его выполнить. Они отомстили за это, разграбив окрестности Мерва.

В это время перед городом появился царевич Тулуй с семидесятитысячной армией, частью составленной из рекрутов, набранных в завоеванных областях. Первым делом монголов было уничтожить туркменов, стоявших недалеко от города в числе десяти тысяч всадников; они завлекли их в засаду, частью перебили, а частью обратили в бегство, и овладели огромным количеством принадлежавшего им, а отчасти награбленного в окрестностях Мерва скота.

На следующий день Тулуй, в сопровождении пятисот всадников, объехал вокруг города, чтобы изучить городские укрепления. В течение одной недели вся его армия была сосредоточена около города, и начался штурм. Осажденные сделали две вылазки с разных сторон, но были отражены. Неприятель провел ночь на ногах вокруг укреплений, чтобы не дать никому ускользнуть из города. На завтра, утром, Моджер-уль-мульк отправил депутатом к монгольскому царевичу одного уважаемого имама, который воротился от него с такими прекрасными обещаниями, что сам губернатор отправился в его лагерь с великолепными подарками¹. Тулуй заверил его, что за ним останется губернаторство в Мерве и что население последнего будет пощажено. Он приказал надеть на него почетную одежду; затем высказал желание видеть его друзей и домочадцев, говоря, что он хотел бы привязать их к себе и предоставить им должности и поместья. Губернатор послал за ними; но как только они попали ему

¹ Tarikh Djihankuschaï, I.

в руки, Тулуй велел их заковать, как и самого губернатора, и приказал назвать наиболее богатых лиц в городе. Составили список двухсот негоциантов и землевладельцев, которые были отправлены в монгольский лагерь, а с ними около четырехсот мастеров и ремесленников, имена которых были также внесены в список. Затем войска вошли в город и выгнали из него население. Объявили приказ, чтобы каждый житель взял с собой семью и наиболее ценные вещи. Вся эта масса проходила в течение четырех дней. Царевич, сидевший на золотом троне, поставленном на поляне, велел привести военнопленных. Им рубили головы на глазах обливавшихся слезами жителей, которым была уготована не лучшая участь. Разделили мужчин, женщин и детей; воздух оглашался рыданиями и стонами. Несчастные, не сознававшие еще всей жестокости ожидавшей их участи, были распределены между солдатами и перерезаны. В этой бойне сэрхская военщина, мстившая за смерть своего кади, превзошла в кровожадности даже монголов. Пощадили лишь четыреста мастеров и некоторое число детей обоего пола, предназначавшихся в невольники. Зажиточных людей подвергли пытке; их заставляли испытывать неслыханные мученья, чтобы вынудить указания, где они прятали свои богатства. Город был отдан на разграбление. Монголы сожгли мавзолей сельджукидского султана Синджара, обшарив предварительно его гробницу в надежде найти какие-нибудь драгоценности. Городские стены и цитадель Мерва были срыты¹.

Прежде чем покинуть театр этой бойни для разграбления Нишабура, этот достойный своего отца молодой монгольский царевич назначил в обезлюдивший город губернатора из числа почетных жителей, пощаженных по каким-то особым соображениям, и приставил к нему монгольского коменданта. Когда армия удалилась, из подземелий вышло до пяти тысяч человек, но они недолго наслаждались счастьем сознавать, что избегли смерти. Монгольские войска, шедшие на соединение с армией

1. Tarikh ul-Kamil, XII; Tarikh Djihankushai, I. По сообщению Ибн-уль-Етира, убитых под Мервом насчитывалось до 700.000. По автору Джиханкушай, число их было гораздо более значительно. „Сеид Изз-уд-дин,—говорит он,— человек, достаточно известный своими добродетелями и благочестием, провел, при содействии нескольких лиц, тринадцать дней, подсчитывая мертвых; их число превысило 1.300.000; в этот подсчет не попали трупы, оставшиеся скрытыми в безвестных тайниках“.

Тулуя, решили также получить свою часть крови мертвецев. Их начальник приказал, чтобы эти несчастные принесли ему за город хлеба в полах своих халатов; они исполнили приказ и были перебиты. Тот же корпус избивал на своем пути всех встречных беженцев, а за ним шел еще один отряд, равным образом истреблявший все, что ему ни попадалось на глаза.

Тулуй устремился на Нишабур, расположенный на расстоянии двенадцати дней пути от Мерва. Этот город, название которого, по-персидски, означает город Сапора, был, под властью Хозроев, столицей Хорасана, и его называли даже Ираном, по имени древней Персии¹. На протяжении менее одного столетия он дважды подвергся разрушению: в 1153 со стороны кочевых племен турквогузов, которые, взбунтовавшись против султана Синджара, опустошили Хорасан, и в 1208 от землетрясения. Но Нишабур снова поднимался из своих развалин; он заключал в своих стенах многочисленное население², когда монгольский царевич, горевший жаждой мести за смерть своего шурина Тогачара, начал его осаду. Несколько месяцев нишабурцы вредили, как только могли, монгольским бандам, которые показывались в окрестностях, и в ожидании штурма они приготовились к энергичной защите. На валах было расставлено три тысячи балист, или машин для метанья дротиков, и пятьсот катапульт. Приготовления монголов были не менее внушительны. Они начали с разрушения и опустошения всей области, главным городом которой был Нишабур; они подвезли к городу три тысячи балист и триста катапульт, семьсот машин для метанья горшков с нефтью, четыре тысячи лестниц и две тысячи пятьсот возов камней, хотя соседние горы могли дать их в изобилии. При виде этих подготовительных действий и многочисленных войск, окружавших город, вожди осажденных почувствовали упадок духа; к Тулуу отправилась депутация, составленная из имамов и нотаблей, во главе с великим судьей Хорасана, с заявлением о покорности и предложением ежегодной дани мон-

¹ Государство Хозроев, т. е. Сасанидов, или ново-персидское, просуществовало свыше 400 лет (226—650 г. н. э.). Сапор (Шапур, Shahpuhr, сын царя)—имя двух сасанидских царей: Сапора I (239—272) и Сапора II (309—379), которые были основателями целого ряда городов. Персы называют себя ирани, а страну свою Иран. Сасанидские цари называли себя царями Ирана и земель вне Ирана. П. п.

² Mèrassid ul-ittilá, статья Neissabour; Djihan Numa, стр. 320.

гольскому монарху, но Тулуй отверг всякую капитуляцию и задержал великого судью. Назавтра он объехал город, воодушевляя свои войска к штурму. Они двинулись на приступ все разом; это было в среду (12 сафер 618—7 апреля 1221 г.). Бились весь день и следующую ночь; на утро рвы были засыпаны, в стене было пробито семьдесят брешей, и десять тысяч монголов взобрались на нее. Со всех сторон осаждавшие ворвались в город, улицы и дома весь остальной день служили театром для тысячи боев; в пятницу он был окончательно занят монголами, которые жестоко отомстили за смерть Тогачара. Вдова этого генерала, дочь Чингиз-хана, совершила въезд в него с десяти тысячным отрядом, который умерщвлял всех, кто попадался на глаза. Резня длилась четыре дня; убивали даже собак и кошек. Тулую сказали, что во время разрушения Мерва много жителей пыталось спасти жизнь, ложась среди мертвых; он приказал отрубать головы всем жертвам его ярости. Сложили пирамиды отдельно из голов мужчин, женщин и детей. Разрушение города длилось две недели; он исчез с лица земли; на его месте посеяли ячмень. Из всего населения его осталось лишь четыреста мастеров, которые были отправлены на север. Но кое-какие несчастные могли ускользнуть от резни, укрываясь под землей; монгольский царевич оставил солдат, чтобы перерезать жителей, которые после ухода армии вышли бы из своих убежищ. Большое число их погибло в подвалах, где они скрывались¹.

Четыре или пять лет спустя, когда Джелал-уд-дин принял власть над Персией, он сдал на откуп за тридцать тысяч динаров в год право раскопок в развалинах. Часто за один день извлекали эту сумму и даже больше из находок в тех местах, где оказывались погребенными сокровища вместе с их владельцами².

Тулуй пошел на Герат, единственный город, который оставалось ему покорить в Хорасане. Один из корпусов его армии, которому было поручено разрушить Тус, уничтожил, близ этого города, гробницу халифа Харун-ер-Рашида, а также гробницу Али-ер-Рази, потомка халифа Али, предмет величайшего почитания шиитов. Тулуй разорил Кухистан, который был на его пути, и расположился лагерем перед Гератом, лежащим в пяти днях

¹ Tarikh Djihankuschai, I; Djami ut-Tévarikh; Tarikh ul-Kamil.

² Sirét Djélal ud-din.

пути к юго-востоку от Нишабура, на равнине, окруженной горами и покрытой селеньями и садами¹. Губернатор этого города велел убить парламентаря, посланного монгольским царевичем с предложением сдать добровольно город, и убеждал своих людей мужественно защищать то, что у них было самого дорогого. Штурм Герата начался сразу со всех сторон; бились с ожесточением в течение восьми дней, но когда губернатор погиб с оружием в руках, образовалась значительная партия, стоявшая за добровольную сдачу.

Тулуй, зная, что мнения разделились, обещал пощадить жизнь осажденных, если они сдадутся немедленно; его предложение было принято. Он удовольствовался тем, что велел перебить людей султана Джелал-уддина, числом около двенадцати тысяч человек, и поставил в городе магометанского губернатора с монгольским комендантом. Через неделю Тулуй получил приказ присоединиться к своему отцу в Талеканском округе².

В ту пору, когда монголы вторглись в Хорасан, небольшое туркменское племя, называвшееся каи-ханлы (Cayî-khanli), обосновавшееся в Маханском районе, вблизи Мерв-Шахиджана, покинуло свои земли из-за страха, который ему внушали грозные враги. Оно эмигрировало на запад и обосновалось в области Ахлатта, в Армении. Восемь лет спустя, когда монголы появились, чтобы опустошить и эту местность, каи-ханлы удалились в Малую Азию. Эртогрул, который тогда был во главе этого племени, состоявшего из четырехсот сорока семей, получил от сельджукидского султана Рума земли у Ангоры, на границе с греческой империей, с титулом удж-бека (oudj-beu), соответствующим титулу маркграфа. По его смерти этот феодал, который он увеличил кое-какими завоеваниями у греков, перешел во владение его сына Османа или Отмана (Othman). Последний в 1300 году, после уничтожения монголами сельджукидского государства в Малой Азии, когда провинциальные правители в этом государстве понаделали государств из своих феодалов, превратил свою небольшую территорию в самостоятельную монархию,

¹ Kinnear, Geographical Memoir on persian empire. London, 1813, in—4°, стр. 181 и 184; Djihan Numa, стр. 309.

² Tarikh Djihan kuschaï, I; Raouzat ul-Djennat, fi evsaf médinetil-Hérat (описание Гератской области), сост. Мохаммедом из Есфезара; перс. рукопись Парижск. библиотеки.

принял титул султана и стал основателем отоманской империи¹.

После разрушения Талекана монгольский завоеватель расположился на летнюю стоянку в окружающей его горной местности. Из Хорэзма к нему прибыли его сыновья, Чагатай и Оготай. Старший брат их, Чжучи, отделился от них после взятия Гурканджа (Keurcandj) и перешел к северу от Сихуна. Осенью Чингиз-хан продолжал военные операции. Он знал, что султан Джелал-уд-дин находится во главе значительных сил в области Газны. На этот пункт он и направил свой марш. Крепость Кердуан задержала его на месяц своим сопротивлением; она была уничтожена со всеми, кто в ней находился. Он перевалил через высокий хребет Гинду-Куш, продолжение которого к востоку образует северную границу Индии, и осадил крепость Бамиан. Когда один из сыновей Чагатая, Моатуган, был убит стрелой перед этой крепостью, то его дед, который очень любил его, поспешил отомстить за его смерть. Войска, одушевленные его гневом, взяли крепость приступом и получили приказ не оставлять там ни одного живого существа и даже не брать добычи. Все должно было быть уничтожено. Чингиз-хан хотел, чтобы эта местность осталась пустыней, и сто лет спустя она еще была необитаема.

Чагатая не было там, когда погиб его сын; он вернулся, когда разрушали Бамиан. Его отец пожелал, чтобы от него скрыли смерть молодого царевича; придумали какой-то предлог для объяснения его отсутствия. Немного спустя, Чингиз-хан, сидя за столом со своими тремя сыновьями, притворно разгневался на них, упрекая за непослушание своим повеленьям, и при этом пристально смотрел на Чагатая. Тот, испуганный, опустился на колена и стал уверять, что скорее умрет, чем ослушается своего отца. Чингиз-хан несколько раз повторил ему свой упрек и в конце добавил: „А правду ты говоришь, удержишь ты свое слово?“ — „Если не сдержу,— воскликнул Чагатай,— то пусть умру“. — „Ну,— сказал Чингиз-хан,— твой сын Моатуган убит; я запрещаю тебе горевать о нем“. Пораженный, как ударом грома, Чагатай нашел силы удержаться от слез, но, выйдя из-за стола, он на минуту удалился, чтобы облегчить свое сердце².

¹ Tarikh Monédjim-Baschi, II; Tadj ut-Tévarikh (Венец историй), сост. Са'д-эд-дином Ефенди; тур. рукоп., принадлеж. автору.

² Tarikh Djihankuschaï, I; Djami ut-Tévarikh.

Чингиз-хан получил затем известие о победе, одержанной султаном Джелал-уд-дином над корпусом войск, расположенным на границе Забилистана для прикрытия операций монгольского повелителя и его сына Тулуя. Джелал-уд-дин, пройдя через хорэзмскую пустыню и отбросив монгольский отряд у Нессы, явился в Нишабур с намерением пройти в область Газны, которая была его прежним уделом. Он оставался в этом города только три дня. Через час после его отъезда явились туда монголы и пустились немедленно в погоню за ним. Султан поручил одному из своих генералов задержать на некоторое время неприятеля в одном месте, где дорога разветвлялась, и затем взять другое направление. Этот приказ был выполнен. Монголы пошли по следам этого генерала и потеряли след султана, который в этот день прошел пространство в сорок лье. Прибыв в Зузен (Zouzen), он не мог добиться, чтобы его впустили в город на время, пока отдохнут лошади; жители дошли до того, что грозили ему, в случае нападения на него монголов под стенами города, забросать его камнями с вала. Он отправился далее среди ночи. На завтра в Зузен явились монголы и продолжали погоню за султаном на некотором расстоянии по гератской дороге. Через три дня султан счастливо достиг Газны, где его власть получила общее признание, и под его знамена собралось несколько армейских корпусов разных национальностей (февраль 1221 г.).

Газна в промежуток менее одного года была театром нескольких революций. Один гуриец, Мохаммед Али Харпуст, командовал в этой провинции от имени султана Мохаммеда. Когда последний удалился от Сихуна, его дядя по матери, Эмин Мелик, который владел на феодальном праве областью Герата, покинул последний, и, желая быть как можно далее от театра военных действий, ушел в Газнинскую область с двадцатью тысячами турков-канглы. Когда он был на расстоянии двух-трехдневных переходов от Газны, он послал одного из своих офицеров к Харпусту с просьбой назначить ему округ, в котором он мог бы расквартировать свои войска, пока события не примут более благоприятного оборота. Губернатор и его генералы на это ответили: „Мы гурийцы, а вы—турки,—мы не можем жить вместе. Округа были распределены султаном для различных частей войска; останемся каждый на своей территории“. Эмин Мелик повторил свою просьбу, но без успеха. Везир Джелал-уд-дина, Шемс-уд-дин, из Сэрахса, находившийся тогда в Газне,

вошел в соглашение с комендантом крепости, чтобы отделаться от Харпуста, на которого они смотрели, как на мятежника, так как он отказывался допустить в область родственника султана. Они пригласили его на праздник в саду около города, и во время пира комендант заколол его кинжалом. Заговорщики немедленно возвратились в Газну, которую они захватили, прежде чем гурийские войска, стоявшие лагерем в полулье оттуда, узнали о смерти их предводителя. Когда узнали о постигшей его судьбе, они рассеялись. Эмин Мелик был впущен в город, где вступил в права губернатора.

Скоро стало известным о продвижении монгольского корпуса по дороге на Бост. Эмин Мелик выступил ему навстречу. Монгольский отряд был слишком слаб, чтобы ему противостоять, и отступил на Герат. Во время этого похода Эмин Мелик велел арестовать везира Шемс-уддина, который его сопровождал, и подверг заключению в крепости Кечуран. Во время его отсутствия в Газне вспыхнуло восстание. Комендант крепости был принесен в жертву духу Харпуста, и старейшие жители вручили власть Рази-уль-мульку из Термеда. Большое число хуллуджей¹ и туркменов явилось из Трансоксании и Хорасана, чтобы укрыться в Газнинской области. Они собрались на равнинах Фершаура² под начальством Сейф-уддина Аграка. У нового губернатора явился план напасть на них, чтобы завладеть этой частью Индии, но он потерпел поражение и был изрублен с большей частью своих войск. Его брат Умдет-уль-мульк (Oeumdet-ul-mulk), разделявший с ним власть, остался, после его смерти, правителем в Газне. Вскоре он был осажден в цитадели губернатором Кабула. Крепость защищалась в течение сорока дней. В момент ее взятия явился везир Шемс-уддин, которого султан Джелал-уддин освободил и отправил в Газну, чтобы сделать приготовления к своему приему. Через семь дней султан уже был в этом городе. Тогда со всех сторон стали стекаться войска под его знамена. В Газну вернулись Эмин Мелик со своими тур-

¹ „Хуллуджи, — говорится в *Tarikh Monédjim-Baschi* II, — первоначально принадлежавшие к арабской народности, смешались с турецкими племенами и вели кочевую жизнь в местностях между Синдом (Индом) и Гангом“.

² „Ferschaour или Ferschabour, в просторечии называемый Берсавур, — обширные округ и город, находящиеся в зависимости от Лагора; расположены между этим городом и Газной“. *Mélassid ul ittila*. Этот город на современных картах значится под именем Пешавера.

ками-канглы, и султан женился на его дочери; Аграк Мелик явился из Фершаура со своими хуллуджами и туркменами; губернатор Кабула и А'азам Мелик привели к нему свои гурийские войска. После соединения этих сил Джелал-уд-дин оказался во главе конницы из семидесяти тысяч человек.

Султан выступил с этой армией из Газны весною 1221 года и направился на перуанские степи, по соседству с Бамианом. Оттуда он продвинулся далее, чтобы атаковать монгольский корпус, занятый осадой Бамиана; он врасплох напал на его авангард и перебил тысячу человек. Осаждавшие, принужденные к отступлению, отошли к наблюдационной армии, от которой были отряжены, а Джелал-уд-дин вернулся в Перуан, где оставался его обоз. Через неделю туда подошла монгольская армия под командой Шиги Хутуху (Schiki Cou toucou).

Этот генерал расположился с тридцатью тысячами человек в горной местности между Кабулом и Забилистаном, чтобы наблюдать за движениями Джелал-уд-дина и прикрывать операции Чингиз-хана. При известии об уроне, понесенном корпусом его войск перед Бамианом, он выступил против Джелал-уд-дина. При его приближении, султан вышел ему навстречу. Обе армии оказались лицом к лицу на равнинах Перуана. Султан поставил Эмин Мелика справа, Аграка—слева; по его приказанию, вся его конница спешила, и каждый привязал повод своего коня к своему поясу. Его правое крыло было сначала прорвано десятитысячным корпусом монголов, но поддержанное центром и левым крылом, оно заняло прежнее положение и отразило неприятеля. Повторные атаки стоили жизни огромному числу людей с той и другой стороны, без решительного успеха, и к ночи обе армии отошли каждая в свой лагерь. Монгольский генерал, чтобы внушить хорэзмийцам мысль, что он получил подкрепление, приказал, чтобы каждый всадник поместил войлочное чучело на своей заводной лошади и поддерживал его сзади. Эта военная хитрость почти удалась, ибо на завтра утром генералы султана, видя неприятеля, построившегося в два ряда для битвы, воображали, что к нему подошла помощь, и стали говорить об отступлении; но султан держался твердо и приказал, как и накануне, сражаться пешими. Монголы, которые накануне испытали на себе доблесть войск Аграка, направили главные усилия против них; их отборная кавалерия обрушилась на левое крыло, но была встречена тучею стрел, которая

заставила ее повернуть тыл. Она однако же повторила атаку; этот новый удар стоил жизни пятистам хорэзмийцев. Тогда султан велел протрубить сигнал. Войска вскочили на лошадей и с громкими криками ударили на монголов, развертывая свою линию, чтобы охватить их. Хутуху наказал своим людям не терять из вида свой тук или штандарт; но, видя, что их окружают, они обратились в беспорядочное бегство, а так как равнина была изрыта промоинами, в которых спотыкались кони, то они гибли под ударами сабель всадников султана, имевших лучших лошадей, так что большая часть этой армии была уничтожена.

Однако даже победа оказалась губельной для Джелал-уд-дина. Когда зашла речь о дележе богатой добычи, захваченной у неприятеля, между Эмином и Аграком поднялся жестокий спор из-за прекрасной арабской лошади, и первый разгорячился до того, что ударил нагайкой по голове своего противника. Султан не потребовал, чтобы Эмин загладил нанесенное им оскорбление, хорошо зная, что канглы на это согласиться не могут. Оскорбленный этой обидой, Аграк в эту же ночь ушел со своими хуллуджами и туркменами, чтобы отступить к Фершауру и увлек за собой А'азаму Мелика, предводителя гурийских войск, отложившегося от султана. Последний тщетно умолял их вернуться. Видя, что его силы сведены к туркам и хорэзмийцам, он повернул на Газну, а оттуда отступил к Инду. Здесь он получил известие о том, что Чингиз-хан выступил, чтобы отомстить за поражение своего генерала¹.

Чингиз-хан, узнав об уроне, понесенном его войсками, скрыл свой гнев и ограничился словами, что Хутуху, избалованный до сих пор победами, должен использовать этот первый урок. К этому генералу у него было отцовское отношение; он воспитал его с младенческого возраста. Хутуху был еще в колыбели, когда попал в руки Чингиз-хану при разграблении одного татарского племени, к которому он принадлежал, и монгольский князь отдал его своей жене Бурте, у которой тогда еще не было детей, но она часто выражала желание иметь ребенка². Хутуху явился к своему господину, чтобы дать

¹ По Ибн-уль-Етиру, Джелал-уд-дин будто бы послал сказать Чингиз-хану: «Если ты пожелаешь назначить поле для сражения, я явлюсь туда».

² В числе поступков Хутуху, увеличивших привязанность, которую к нему питал приемный отец, историк Рашид передает такой в

отчет об обстоятельствах, при которых он потерял сражение. Чингиз-хан уже отдал приказ своим войскам готовиться к походу. Он двинулся к Газне с такой стремительностью, что в течение двух дней у них не было времени для приготовления горячей пищи. Когда он прибыл на поле сражения при Перуане, он сказал Хутуху и еще одному генералу, чтобы они показали ему расположение войск. Он осудил принятые ими меры, упрекнул за неумение выбрать поле для сражения и признал их виновниками поражения. Он прибыл в Газну через две недели после отъезда султана, оставил в этом городе, не оказавшем никакого сопротивления, губернатора по имени Ялваджа (Yelvadje), и пустился в погоню за Джелал-уд-дином, которого настиг на берегу Инда. Джелал-уд-дин писал племенным вождям, которые его покинули, чтобы понудить их присоединиться к нему, но когда они, наконец, дали согласие, время было уже упущено. Чингиз-хан, предупрежденный, что его враг намерен на следующий день переправиться через реку, постарался ночью же подойти туда. Он смял хорэзмийский арьергард, бывший под командой Орхана, и распорядился так, чтобы небольшое войско Джелал-уд-дина оказалось окруженным несколькими рядами неприятельских войск, построенных полукружием и примыкавших к реке. На рассвете был дан сигнал к атаке. Монголы обрушились на войско султана; они сломили и наголову разбили большую часть правого крыла, бывшего под командой Эмин Мелика, который сам бежал по направлению к Фершауру, но был убит отрядом неприятеля, стоявшим на этом пути. Не лучшая участь постигла левое крыло. Джелал-уд-дин оставался в центре с семьюстами человек и бился отчаянно, бросаясь, чтобы проложить себе путь то на один,

статье о татарах: „Однажды когда Чингиз-хан, соответственно обыкновениям кочевой жизни, менял в очень большой мороз и при глубоком снеге свою стоянку, около дороги, по которой он передвигался, прошло стадо оленей. Хутуху, которому было тогда пятнадцать лет, сказал нояну Гуджугуру, управляющему всех „орду“ Чингиз-хана, что ему хочется погнаться за этими животными, которым бежать мешал глубокий снег; тот ему разрешил, и он отправился. Вечером, когда сделали остановку, Чингиз-хан спросил о Хутуху; ему сказали, что „он пошел на охоту за оленями“. „Этот ребенок погибнет от холода“, — воскликнул он в гневе; он был до того раздражен, что ударил дышлом арбы управляющего о р д у. Однако юный Хутуху вернулся и рассказал, что из тридцати оленей он убил двадцать семь. Этот юношеский задор очень понравился Чингиз-хану. Он послал за убитой дичью, и оленей, действительно, нашли лежащими в снегу“.

то на другой пункт неприятельского полукружия, которое по приказу монгольского хана все сжималось, не пуская стрел. Он бился до полудня; наконец, не будучи в состоянии пробить неприятельские ряды, вскочил на свежего коня и бросился в последнюю атаку; монголы попятись. Внезапно он круто поворачивает лошадь, сбрасывает доспехи, мчится к реке и бросается в нее вместе с конем¹ с высоты двадцати футов, а затем, со щитом за спиной и со знаменем в руке, вплавь переправляется на другой берег. При виде этого, Чингизхан подскочил к берегу Инда, остановил свои войска, готовые броситься туда для преследования султана, и, указывая на него своим сыновьям, поставил его им в образец. Монголы убили стрелами большое число хорэзмийцев, которые бросились в реку вслед за султаном², и перебили последние остатки его войска. Его семья попала в руки победителя, который велел убить всех его детей мужского пола³. Джелал-уд-дин велел побросать в Инд все, чем он владел, из золота и серебра. Монгольский хан велел спустить водолазов, и часть потопленного была выловлена.

Джелал-уд-дин, вынесенный своим конем из вод Инда, достиг восточного берега, на некотором расстоянии от пункта, противоположного месту сражения. Он оказался сначала один; но постепенно к нему присоединились те из его людей, которые смогли, как и он, перебраться через реку. Эти слабые остатки его армии были лишены всего необходимого. Но скоро, делая набег на страну, хорэзмийцы раздобылись оружием, верховыми лошадьми, одеждой.

¹ „Джелал-уд-дин,— говорит Мохаммед из Нессы,— берег этого коня вплоть до взятия Тифлиса (в 1226 г.), никогда не садясь на него, в признательность за спасение ему жизни при переправе через Синд“.

² „Очевидцы этого события мне рассказывали,— говорит везир Джувеини,— что убитых в реке хорэзмийцев было таж много, что ее воды окрасились кровью на расстоянии полета стрелы“.

³ По сообщению биографа Джелал-уд-дина, когда последний, среди замешательства своих, вернулся на берег Синда, его мать, жена и женщины его гарема бросились к нему с криками: „Ради бога, лишите нас жизни, избавьте нас от плена“, и он велел утопить их. Но никакой другой историк не упоминает об этом обстоятельстве. Автор Джиханкушай положительно говорит, что его жены попали во власть Чингиз-хана. Оба эти историка не согласны и в отношении даты сражения. По Алай-уд-дину, она имела место в реджебе (августе); но Мохаммед из Нессы говорит, что оно было дано в среду 22 шевала (9 декабря), что, повидимому, более точно. Нигде нет точного указания на место, которое было театром этого события.

Атакванный князем Джуди, у которого было тысяча всадников и пять тысяч пехотинцев, султан со своими четырьмя тысячами человек конницы обратил в бегство индусов, убил стрелой их предводителя и получил значительную добычу. Затем, предупрежденный разведкой о приближении корпуса монгольских войск, он отступил к Дели¹. Провинции северной Индии были под властью турецких вольноотпущенников, управлявших ими в эпоху падения Гурской империи, в состав коей они входили. Самыми сильными из этих князей были Нассир-уд-дин Караджа, владетель Лагора, Мулетана, части Синда, и Шемс-уд-дин Илетмыш, князь Дели².

Чингиз-хан отрядил ноянов Балуг и Туртая в погоню за неприятелем. Эти два генерала, перейдя Инд и не найдя следов Джелал-уд-дина, овладели сначала фортом Биак (Biah) и затем приступили к осаде Мулетана. Зная, что им не найти в окрестностях этого города камней для катапульт, они наполнили ими фуры и пустили их по течению реки. При помощи их они смогли громить стены Мулетана, которым они и овладели бы, не будь страшных жаров, которые стали невыносимы для монголов. Они сняли осаду города и, не желая заходить в погоне за Джелал-уд-дином далеко вглубь Индии, опустошили области Мулетана, Лагора, Фершаура и Меликпура, а затем перешли обратно за Инд на соединение с главной армией, возвращавшейся в Татарию.

Отправив Балуг и Туртая, Чингиз-хан весной 1222 года прошел вверх правым берегом Инда. Оготай, по его приказу, отправился разрушать Газну, которая могла послужить позднее источником средств для султана. Царевич велел вывести жителей, под предлогом перечисления, и их всех вырезали, за исключением мастеров и ремесленников, которые были отосланы в Татарию. Затем монголы разграбили и разрушили Газну (назыв. также Газни), которая в течение свыше двух столетий была столицей могущественной империи³.

Один корпус, под начальством генерала Илчигада, получил в то же самое время приказание уничтожить город Герат, который был ранее один только пощажен в Хорасане. Он восстал после победы, одержанной Джелал-уд-дином над Хутуху. Когда этот город был завоеван, его жители решили воспользоваться в будущем благоприятными для освобождения от монгольского ига событиями и со-

¹ Sirét Djelal-ud-din; Tarikh Djihankuschai; Djami ut-Tévarikh.

² Mirkhond, IV; Tarikh Monédjim-Baschi, II, Djami ut-Tévarikh.

³ Djami ut-Tévarikh.

брали с этой целью массу оружия и продовольствия, убедив обоих своих губернаторов, что все эти приготовления делаются с исключительной целью привести себя в готовность для похода вместе с монгольскими войсками, в случае, если окажется надобность в их услугах. Недалеко от Герата была расположена крепость Калюн (Calion), построенная на вершине скалы, в Бадгисском кантоне; впоследствии она была более известна под именем Неррету. Чтобы добраться до ее стен, нужно было подниматься по тропинке длиною около полулье и такой узкой, что два человека не могли итти по ней в ряд¹. Находясь таким образом вне досягаемости для стрел и камней, метаемых катапультами, эта крепость не могла быть взята монголами, хотя они осаждали ее дважды. Так как жители Неррету боялись, чтобы варвары не вернулись снова для нападения на них и не воспользовались для этой цели ополчением Герата, они решили скомпрометировать этот город, дабы, видя себя обреченным на страшную месть со стороны монголов, он взялся за оружие в целях собственной безопасности и действовал заодно с Неррету. С этим намерением они написали обоим губернаторам, Абубекру и Мингтаю, что они готовы сдаться, но, боясь жестокости со стороны монголов, желали бы прежде всего получить от их хана письменное обещание, что их жизнь будет пощажена. Абубекр и Мингтай за верили их, что они не замедлят добиться удовлетворения их просьбы, и в ожидании предложили восстановить сношения между двумя крепостями. Этого и хотели жители Неррету, чтобы иметь возможность выполнить свой план. Они отправили семьдесят храбрецов, переодетых купцами, которые, спрятав свое оружие в тюках, прошли порознь в город и успели убить обоих губернаторов. Тотчас население Герата восстало; все люди Абубекра и Мингтая были перебиты, и жители избрали себе двух правителей, одного по гражданской части, другого по военной.

Генерал Илчигадай, которому было поручено наказать город Герат, подождал, прежде чем начать осаду, прибытия около пятидесяти тысяч ополченцев, которых он рекрутировал в завоеванных местностях. Город готовился к отчаянному сопротивлению; вожди клялись быть заодно и биться до последней капли крови. Атаки монголов были энергично отражены, было много кровопролитных схваток. Но в конце-концов между осажденными вспыхнул раздор. Часть их

¹ Raouzat-ul-djennat.

решила сдаться. Благодаря этому расколу, Илчигадай овладел городом после осады, длившейся шесть месяцев и семнадцать дней. Все население было предано мечу; в течение целой недели монголы убивали, грабили, жгли и разрушали. Говорили, что в Герате погибло полтора миллиона человек.

Илчигадай послал своему господину наиболее ценное из добычи, взятой в этом злосчастном городе, и несколько тысяч молодых пленников. Выполнив задачу экспедиции, он пошел на соединение с главной армией. Немного времени спустя двухтысячный отряд был послан в Герат, чтобы избить тех жителей, которые, ускользнув от резни, окажутся среди городских развалин. Этот отряд перерезал еще около двух тысяч и на третий день возвратился. Шестнадцать человек спаслось на вершине скалистой горы в окрестностях Герата; они скрывались там некоторое время. Когда они увидели, что никого из монголов больше не показывается, они возвратились в Герат, улицы которого были завалены еще трупами. К ним присоединился еще кое-кто из беженцев, и образовалась колония из сорока лиц, поселившихся в кафедральной мечети¹.

Город Мерв, который со времени избиения его жителей успел снова населиться, был вторично опустошен монголами. Эмигрировавшие было граждане вернулись, руководимые любовью к родине, также из соседних местностей съехалось много разного люда, спасшегося от смерти, чтобы водвориться на постоянное жительство, в виду плодородности тамошних земель. В это время перед городом появляется, во главе небольшого войска, какой-то офицер султана и захватывает его. Он казнил персидского губернатора, назначенного Тулуем. Это событие навлекло на Мерв новые беды. Из Нахшеба явился пятитысячный монгольский отряд и перебил все население; городские кварталы были распределены между войсковыми частями для разрушения, и монголы, уходя, оставили некоего мусульманина, по имени Ак-мелика, с небольшим числом людей, которые получили приказ убивать всех, кто бы там ни появился. Ак-мелик делал всевозможные обыски, чтобы разыскать этих несчастных; он прибег, наконец, к такому крайнему средству: он велел с минарета известить об общественной молитве; услышав голос муэззина, мусульмане вышли из своих убежищ, чтобы выполнить религиозный долг; их схватили и предали

¹ Raouzat-ul-djennat.

смерти. Обыски производились этим губернатором в течение сорока одного дня и его приспешниками были совершены неслыханные жестокости над несчастными, попадавшими в их руки. В Мерве осталось лишь несколько человек¹.

Уничтожив на берегу Инда оставшиеся верными Джелал-уд-дину войска, Чингиз-хан велел атаковать те, которые покинули его. Их главные предводители уже погибли трагическим образом. Покинув хорэзмийского государя, Аграк вместе с А'азамом уехал в феод последнего. Бекерхар (Bekerhar). Он пробыл там некоторое время, а затем отправился в Фершаур. С первой же остановки он послал одного из своих офицеров к А'азаму с просьбой не допускать, чтобы смертельный враг Аграка продолжал проживать на его территории, при этом он указал на Нух-Джандара, стоявшего во главе пяти-шести тысяч юрт хуллуджей. А'азам велел ему ответить, что в наличных обстоятельствах менее, чем когда-либо следовало бы допускать раздоры между мусульманами, и отправился со свитой из пятидесяти человек к Аграку, чтобы попытаться утихомирить его, но тот оказался непреклонным. Они выпили вместе; Аграк, разгоряченный винными парами, садится на лошадь и с сотней всадников является в лагерь хуллуджей. Нух, воображая, что тот приехал мириться, идет к нему навстречу со своими сыновьями. При виде своего врага, Аграк, вне себя от гнева, выхватывает саблю, чтобы его ударить; тотчас же солдаты Нуха разрывают его на куски. Когда войско Аграка узнало о смерти своего вождя, оно решило, что он пал жертвой заговора между Нухом и А'азамом; оно убило последнего, а затем бросилось на лагерь Нуха и умертвило его вместе с сыновьями. В другом бою погибло большое число гурийцев. Наконец, остатки этих войск хуллуджей, туркменов и гурийцев, преследуемые корпусом, состоявшим из монгольской конницы и персидской пехоты, были в короткое время или уничтожены или рассеяны².

После разграбления Газни, Оготай отправил к отцу гонца, чтобы испросить приказ начать осаду города Систана. Чингиз-хан велел ему вернуться в виду сильных жаров. Он расположился на летнюю стоянку на равнине, которую монголы называют Бэруан; отсюда, по его приказанию,

¹ Мерв оставался необитаемым до царствования султана Шахруха, сына Тамерлана, который в начале XV в. велел построить город и привлечь в него жителей. Djihan-Nima, 317.

² Tarikh Djihankuschaï, I.

вся окрестная страна подверглась полному разграблению¹. Тогда именно Чингиз-хан в первый раз назначил в завоеванные города гражданских губернаторов (даруга)² (июнь 1223). Чингиз-хан подождал ноянов Балу и Туртая. По их приходе он выступил в поход; около крепости Гунаун-Курган к нему присоединился Оготай. Он зазимовал в горном округе Буя Кетвер, у верховий Инда, где в его армии разразилась эпидемическая болезнь.

Когда эта болезнь прекратилась, весной 1223 года, Чингиз-хан решил вернуться в Монголию, через Индию и Тибет³. Перед тем, как выступить, он приказал, чтобы пленники, которых было такое громадное число, что их считалось от 10 до 20 на палатку, очистили огромное количество риса для солдат. Когда, через неделю, эта работа была окончена, все пленные в одну ночь были перерезаны. Армия направилась через Тибет. Но через несколько дней получила контрприказ. Была признана вся трудность для

¹ Djami ut-Tévarikh.

² Иакинф, стр. 125.

³ В китайской истории сообщается о причине возвращения Чингиз-хана легенда, которая повторялась и потом. Согласно ей, когда Чингиз-хан находился в Индии, около крепости, назыв. Железные Ворота, его телохранители заметили животное, похожее на оленя, у которого был лошадиный хвост, зеленая шерсть, рог на голове и способность говорить. Этот зверь сказал телохранителям: „Время вашему государю возвратиться“. Чингиз-хан, взволнованный этим предупреждением, спросил Йелюй-чуцая, который ему сказал: „Этот зверь называется го-дуань (ko-touan) и знает языки всех народов; он является как бы знамением беззаконного пролития крови. Уже четыре года, как великая армия воюет на западе; небо, которое отвращается от убийств, предупреждает тебя, государь, через это видение. Пощади, ради неба, жителей этих государств. Твое милосердие будет для тебя источником бесконечного счастья“. Монгольский монарх, пораженный этим предупреждением, поспешил начать отступление, но предварительно совершил все-таки большие опустошения в Индии (И а к и н ф, стр. 119; M a i l l a, стр. 108). Историк Рашид говорит, что Чингиз-хан вернулся на восток для приведения в покорность восставшего Тангута. Верно то, что Чингиз-хан, спустя около года после своего возвращения в Монголию, пошел в поход на Тангут и предал его мечу и огню; но нет никаких данных, чтобы тангутский государь пытался сбросить иго.

П р и м. п е р. По источникам видно, что в это время приближенные хана были обеспокоены признаками болезненного ослабления физических и умственных сил завоевателя. Они принимали меры, чтобы побудить его к возвращению. Чингиз-хан в это же время проявлял повышенный интерес к средствам продления своей жизни и, видимо, поддавался суеверным внушениям. Очевидно, в этой обстановке и создана была легенда о го-дуане (мотив этот широко распространен как в азиатском, так и европейском фольклоре).

нее перехода через обширную страну, пересеченную высочайшими горами и покрытую дремучими лесами. Чингизхан вернулся в Пешавур, чтобы выйти на дорогу в Персию.

Перевалив через Бамианские горы, он остановился на летнюю стоянку в районе Бакалана, где оставался его тяжелый обоз. Осенью он снова двинулся в поход. Проходя около Балха, он велел убить всех, кто вернулся на жительство в этот город. В течение года все, что осталось от жителей этой провинции, было вынуждено питаться собаками и кошками. Монголы, нуждавшиеся лишь в пастбищах для своих стад, молоко и мясо которых составляли обычную их пищу¹, уничтожали зерновые хлеба в неприятельских странах, так что жители, которым удалось избавиться от других видов смерти, должны были по удалении этих варваров погибать от голода. Чингизхан снова перешел Джихун². Когда он был в Бухаре, он приказал Садру Джихану прислать к нему кого-либо, кто был бы основательно знаком с магометанской религией. Этот сановник направил к нему кади, по имени Ешрефа, и проповедника. Чингизхан велел этим двум ученым изложить ему главные догматы и правила магометанского вероучения. Он одобрил их, за исключением паломничества в Мекку, заметив, что весь мир в целом является домом бога и молитвы к нему могут дойти одинаково из любого места. По прибытии его к Самарканду, нотабли города вышли к нему навстречу. Чингизхан приказал совершить публичное молебствие от своего имени, так как бог даровал ему победу над Магометом. Кади и имамы были изъяты, по их просьбе, от налогов, которые они до этого платили³.

Из этого города монгольский хан отправил гонцов к Чжучи с приказанием явиться к нему вместе с детьми. После взятия Хорэзма, этот царевич, который таил в себе чувство обиды после своей ссоры с Чагатаем, перешел в

¹ Ибн-уль-Етир говорит, что у татар всегда было довольно съестных припасов, потому что они питались только мясом; их лошади довольствовались травой и копытами добывали себе коренья.

² Tarikh Djihaakuschai. Автор этого сочинения, сообщив об операциях монголов в Хорасане, делает следующее замечание: „Кто бы ни занялся, со всем необходимым для этого досугом, восстановлением хода событий этой эпохи, должен был бы употребить много времени, чтобы изложить происшествия в одном только округе. Как же могу я изложить их подробно, когда я мог для написания этой истории использовать лишь короткие моменты отдыха во время долгих путешествий или среди многочисленных занятий“.

³ Mirkhond, Raouzat-us safa.

страну к северу от Сихуна, где и развлекался охотой. Его отец, назначая ему свидание, велел ему нагнать дичи из этих необъятных степей. Чингиз-хан всю зиму 1223 года прожил в Самаркандской области. Когда, по наступлении весны, он продолжил свой поход, он отдал приказ, чтобы во время прохождения войск мать, вдовы и родственники султана Мохаммеда стояли с края дороги и с громкими воплями и стонами прощались с хорэзмским государством. На берегу Сихуна к нему присоединились его сыновья, Чагатай и Оготай, которые оставались для охоты в окрестностях Бухары; во время зимы они еженедельно посылали ему пятьдесят повозок с дичью.

Чингиз-хан на все лето 1224 года остался в районе Колан-Таши. Чжучи не явился к своему отцу; но, по его приказанию, огромное количество дичи, главным образом, диких ослов, было согнано в окрестности Колан-Таши, где Чингиз-хан предавался удовольствиям охоты. После него его войска забавлялись стрельбой по этим животным, которые были так измучены длинным путем, что их можно было брать руками. Когда все устали от этого развлечения, оставшихся диких ослов выпустили на свободу; но прежде, чем выпустить, на ослах были выжжены тавра тех, кто их поймал.

Чингиз-хан провел в дороге лето и зиму 1224 года. Двое из его внуков, Хубилай и Хулагу, царствования которых прославились, встретили его у реки Имиля, на бывшей границе найманов и уйгуров. Первый, бывший тогда в возрасте одиннадцати лет, убил дорогой зайца, а второй, девяти лет, добыл оленя, и так как у монголов был обычай смазывать мясом и жиром средний палец на руке детей, в первый раз бывших на охоте, Чингиз-хан лично совершил этот обряд над своими внуками. Далее он дал пир своей армии, в местности Буха-Сучиху, и достиг своих орду в феврале 1225 года¹.

Чингиз-хан затем занялся приготовлениями к походу на Тангут; но прежде чем последовать за ним в его последних завоеваниях, мы проследим опустошительный поход генералов Чжэбэ и Субутая, которые соединились с ним в пути после того, как распространили страх пред монгольским оружием до пределов Европы.

¹ Tarikh Djihankuschai, I; Djami ut-Tévarikh.

ГЛАВА VIII

Продолжение экспедиции монгольских генералов Чжэбэ и Субутая.—Опустошение Ирак-Аджема, Азербайджана и Аррана.—Победы над грузинами.—Опустошения в Грузии и Ширване.—Поражение аланов и лезгинов.—Нашествие на страну кипчаков.—Победа над русскими.—Опустошение южной России.—Набег в Херсонес Таврический.—Победа над булгарами.—Возвращение этой монгольской армии в Татарию.—
Новые опустошения монголов в Ирак-Аджеме.

После исчезновения султана Мохаммеда генералы Чжэбэ и Субутай, которым было поручено его преследовать, закончили опустошения Ирак-Аджема. Город Райи был уже razорен варварами; город Кум постигла та же участь¹. Когда они подошли к Хэмэдану, глава городского управления вышел к ним с значительными дарами и ходатайствовал о принятии покорности; они назначили туда коменданта. Разрушив Зенджан, они взяли приступом Казвин, жители которого защищались, вооруженные ножами, на улицах, и убили много монголов; но их отчаянное сопротивление не могло спасти их от поголовного избиения, во время которого погибло более сорока тысяч человек.

Оба генерала, предавая все на пути огню и мечу, прошли к Тебризу², столице Азербайджана. Последний, как и Аран, который отделен от него рекою Курой, были под властью турецкого князя по имени Узбега (Euzbeg), сына

¹ „Когда генерал Чжэбе,—говорит историк Мирхонд,—был недалеко от Кума, мусульмане, бывшие в его лагере, настояли, чтобы он перебил всех жителей этого города, потому что это были р а ф е з и (последователи Али). Монгольский генерал велел перерезать мужчин, а женщин и детей увел в плен“.

² Tébriz, Tabriz, Tauris, в русск. литературе обычное начертание Тавриз или Таврис, лучший город по свидетельству Марко Поло в области, а по словам Одорика Парденоне один из лучших городов в свете (П. п.).

Джихана Пехливана (Pehlivan). Дед последнего, Ильдэгиз, был приведен в качестве раба в Персию из Кипчака и продан сельджукскому султану Ирак-Аджема. Отпущенный на волю и постепенно поднявшись до высших должностей, Ильдэгиз получил в 1146 г. в ленное владение провинции Аран и Азербайджан. Когда, через сорок восемь лет, династия сельджукидская в Ираке была уничтожена, фамилия Ильдэгиза сохранила эти земли в своем владении. Узбек царствовал над ними с 1197 года, довольствуясь, как и его отец и дед, титулом атабека или отца-бека (ata-beu), который сельджукидские султаны первоначально давали офицерам, которых они приставляли к своим сыновьям в качестве гувернеров.

Когда монголы подошли к Тебризу, Узбек, уже очень пожилой и сильно пристрастившийся к вину, и не помышляя о защите страны с оружием в руках; он предпочел отвратить бурю, которая ему угрожала, пожертвовав часть своих богатств, и добился мира ценою значительной контрибуции, заключавшейся в серебре, одеждах, лошадях и других животных. Обе монгольские дивизии покинули тогда Азербайджан и ушли на зимовку на берег Каспийского моря, в муганские степи, которые обеспечивали им тучные пастбища и более умеренный климат. Зима была суровая; снега выпало столько, что дороги на некоторое время стали непроезжими. Мимоходом они сделали набег на Грузию и разбили десятитысячное войско грузинов, которое в значительной части было уничтожено.

Рассчитывали, что монголы пробудут бурное время года в Муганской степи; грузинские посланники отправились склонить князей Азербайджана и Месопотамии к образованию лиги с тем, чтобы весною напасть на монголов; но последние возобновили военные операции среди зимы и вступили в Грузию. Их армия была усилена большим числом туркмен и курдов, которые жили в этих местностях, и которых монгольские генералы без труда завербовали на свою сторону против христианского народа, который им часто причинял много зла, а грабежи в его стране сулили богатую добычу. Этот вспомогательный корпус, бывший под командой узбеговского мамелюка, по имени Аккуша, образовал авангард вторгнувшихся в Грузию монгольских войск. Они сожгли и залили кровью все на пространстве почти до самого Тифлиса, перед которым их ожидала грузинская армия. Корпус Аккуша начал сражение, которое было чрезвычайно упорно и стоило жизни большому числу этих союзников. Когда монголы увидели, что грузины ослаблены

и утомлены этой первой атакой, они ударили на них сами, обратили в бегство и перекрошили значительную часть их армии¹ (февраль 1221).

Весною монголы оставили Грузию и направились на Тебриз, который вторично откупился значительной контрибуцией, а затем осадили Мэрагу. Этот город принадлежал одной княгине, которая имела резиденцию в замке Руидер. Следуя своей обычной практике, они заставили штурмовать город своих мусульманских пленников, которых они принуждали идти на приступ, избивая тех, кто подавался назад². Через несколько дней они взяли Мэрагу, перебили всех жителей и сожгли все, чего не хотели вывезти. Чтобы выманить из убежищ тех жителей, которые успели скрыться при поголовном избиении, они велели своим пленникам громко кричать, что татары ушли, и таким способом им удалось избить еще громаднейшее число людей³.

Из Мэраги варвары двинулись на Эрбиль, но затруднительность проникнуть в эту горную страну через ущелья, в которых нельзя двум всадникам ехать рядом, заставила их переменить направление; они обратились на Ирак Араби

¹ „Эти татары,—говорит Ибн-уль-Етир,—совершили вещи, для которых нет примера ни в древнее, ни в новейшее время. Выйдя с границ Китая, они менее, чем в течение одного года проникли до Армении, до Ирака. Поистине я не сомневаюсь, что через некоторое время после нас читатели будут отказываться верить передаваемым нами событиям. Да угодно будет богу послать защитника, покровителя исламу и мусульманам, ибо с рождения пророка они не испытывали бедствий, подобных нынешним: с одной стороны опустошения татар в Мавера-ун-нехре, Хорасане, Ираке, Азербайджане; с другой стороны, еще один враг, франки, придя из своей страны, расположенной на северо-западе за Римской империей, вторглись в Египет, овладели Дамиейтой, и остаются там господами, и мусульмане не могут их прогнать оттуда; даже остальная часть этого государства находится под угрозой вторжения“.

„Главной причиной бедствий, постигших мусульман,—по словам того же историка,—было исчезновение султана Мохаммеда, оставившего свои владения без защиты“.

² „Они,—говорит историк Новаири,—ставят своих пленников во время боя перед собой, и вот среди последних неприятельское оружие и производит наибольшие опустошения. Когда они завоюют данный округ, они убивают их и заменяют пленниками из соседнего округа“.

³ „Нам рассказывали,—говорит Ибн-уль-Етир,—что одна татарка вошла в один из домов в Мэраге и принялась убивать всех, кто в нем был; они принимали ее за мужчину. Когда она положила оружие, увидели, что это женщина, и взятый ею в плен мусульманин убил ее. Мы также слышали от одного жителя Мэраги, что один татарин вошел в улицу, где было более ста человек и всех их одного за другим перебил, и никто даже не попытался защищаться“.

(Irac Arab). Халиф Насир, владениям которого угрожала опасность, тотчас потребовал войск у эрбильского князя Мозаффер-уд-дина, мосульского Бедр-уд-дина и месопотамского Мелика Ешрефа. Двое первых повиновались и отправили к Дакуке свои ополчения, к которым примкнуло большое число добровольцев. Но Ешреф извинился, что не может последовать их примеру на том основании, что его брат Моаззам, владетель Дамаска, прибыл к нему с настоятельной просьбою о помощи их брату, Камилу, против крестоносцев, взявших Дамиедту, и он поспешно отправился на защиту Египта¹.

К князю Эрбиля, который лично вел свои войска, присоединилось в Дакуке восемьсот человек, посланных ему халифом, с обещанием более значительных подкреплений и приказанием дать сражение татарам. Он поручил передать халифу, что с такими ничтожными силами он не может итти против неприятеля; но что если халифу угодно будет поставить его во главе десяти тысяч всадников, он считает для себя возможным очистить Персию от варваров. Несмотря на это заверение, он не получил никакого подкрепления; но он и сам не подвергся нападению. Монголы, зная, что в Дакуке должна собраться какая-то армия, не посмели итти в эту страну. Когда магометанские войска, находившиеся там, увидели, что помощи более не приходит, а их очень мало, чтобы итти навстречу неприятелю, они решили разойтись.

После того, как эта небольшая армия распалась, монголы устремились на Хэмэдан и стали лагерем в виду этого города. Они приказали оставленному ими там коменданту собрать контрибуцию в серебре и материях. Город уже уплатил контрибуцию, которая была на него наложена в качестве выкупа в предыдущем году. Виднейшие жители города отправились к главе городского управления, рэйсу, который играл роль посредника по устройству соглашения с монголами, с жалобами на эту новую реквизицию. Они говорили, что уже отдали этим неверным все, чем владели, да еще должны были сносить унижения, которым их подвергал комендант, что у них ничего уже не остается для отдачи варварам. „Что же делать,—отвечал этот магистрат,—

¹ Дамиедта—город в Египте, на восточном рукаве Нила, один из крупнейших торговых пунктов; он привлекал в эпоху крестовых походов вождения и Византии, и иерусалимского королевства, и Франции. В 1219 году Дамиедта была взята приступом крестоносцами, но в 1221 г. снова у них отобрана. Борьба за сев. Египет продолжалась. П. п.

когда мы так слабы; у нас нет другого выхода, как жертвовать нашим имуществом". Они осыпали его упреками, что он к ним еще более жесток, чем неверные. Видя, что они так взволнованы, рэйс в конце беседы сказал, что готов сделать все, что они желают. Было решено выгнать из города монгольского коменданта и принять меры обороны. Как только народ узнал об этом решении, он бросился на коменданта и убил его.

Эти безрассудные действия послужили лишь к ускорению гибели Хэмдана. Монголы осадили его. Горожане, во главе с факихом, или главным законоучителем, сделали в первые два дня вылазки и бились так храбро, что монголы понесли значительные потери. На третий день, в виду того, что этот прелат не был в состоянии сесть на лошадь, они отправились к рэйсу с требованием, чтобы он вел их на неприятеля; тот бежал подземным ходом со всем своим семейством. Его исчезновение выбило их из колеи; они отказались от вылазок, хотя и решили защищаться до последней капли крови. Монголы, потеряв много людей, были готовы уже отступить, когда, догадавшись по прекращению вылазок, что осажденные потеряли мужество, они бросились на приступ и ворвались в город. Жители бились, с ножами в руках, на улицах; но, наконец, не выдержали и были перебиты. Резня длилась несколько дней; спаслись лишь те, кто мог укрыться в подземельях. Победители предали город пламени.

Возвращаясь на север, монголы штурмовали Ардебиль; взяли его и разрушили. Затем они в третий раз появились перед Тебризом. При известии об их движении, Узбек бежал в Нахичевань; но офицер, которому он вверил командование в Тебризе, сумел так воспламенить мужество жителей, и принял настолько удачные меры обороны, что монголы, осведомленные об его распоряжениях, удовольствовались требованием новой контрибуции в серебре и материях. Они получили ее и отправились штурмовать Сераб, где они всех поголовно перебили; затем жертвой их неистовства стал Байлекан, расположенный в Арране. Монгольский офицер, посланный в этот город по просьбе его жителей для заключения соглашения с ними, был там убит. Монголы штурмовали город¹. Так как в окрестностях не было камней, они срубили большие платаны и наделали из них чурок, которые и метали своими катапультами². Они

¹ Ibn-ul-Ethir.

² Assar-ul-Bilad, статья Baïlécan.

взяли город приступом и умертвили все население, проявив всевозможные жестокости. Они резали женщин, предварительно обесчестив их, распарывали животы беременным и раздавливали вынутый из живота плод. Опустошив окрестности Байлекана, монголы подступили к столице Аррана Гандже, но они не решились штурмовать этот город, жители которого, как они знали, были очень воинственны, вследствие постоянных войн с грузинами. Они потребовали с них известное количество серебра и одежд, которое было им выдано, и продолжили свой путь в Грузию.

Грузинская армия приготовилась к защите государства. Чжэбэ засел в засаду с пятью тысячами человек; Субутай, встретившись с неприятелем, обратил тыл при первой же стычке, и затем, завлекая в погоню за собой, заставил попасть в ловушку. Эта грузинская армия, силою в тринадцать тысяч человек, была в значительной части уничтожена. Царица Рузудана (Rhouzoudan)¹, дочь знаменитой царицы Тамары (Thamar), занимала грузинский престол после незадолго перед этим умершего брата Георгия Лаши²; конюший (connétable) Иване командовал вооруженными силами государства. Была спешно собрана новая армия, чтобы остановить успехи монголов в самом сердце страны; но эти войска, охваченные страхом, который внушали варвары, не осмелились дожидаться их и возвратились в Тифлис, бросив в жертву их ярости южную часть Грузии³.

¹ В русской литературе—Русудани (1223—1247); ее мать, знаменитая царица Тамара, царствовала 1184—1212; ее время считается эпохой могущества Грузии. П. п.

² Георгий IV Лаша (1198—1223). П. п.

³ Историк Ибн-уль-Етир, который в то время находился в Мосуле, передает, что он слышал от одного грузинского сеньера, прибывшего послом к князю Мосула, что татары вселили такой ужас в Грузию, что там не верили в возможность нанести им какой-либо удар, и что эти варвары никогда не обращались в бегство и отказывались даже сдаваться. „Однажды,—говорил он,—мы взяли в плен одного татарина; он бросился с лошади вниз головой и разбил голову о камни“.

В *Annales Ecclesiastiques* Рейнальдуса (т. I, стр. 534, год 1224) помещены два письма, одно царицы Русутаны или Рузудан, другое—ее коннетабля Иване или Ивана, адресованные папе Гонорию; где говорится, что татары вступили в Грузию в предшествовании креста, что их сочли за христиан, и вследствие этого не оказали им недоверия; что, благодаря этой уловке они убили около шести тысяч грузин, но что затем жители Грузии поднялись против них массами, убили двадцать пять тысяч этих варваров, взяли большое число в плен, а остальных прогнали из страны. Повидимому, эти письма едва ли заслуживают доверия.

Монголы однако-же боялись забираться вглубь этой, пересеченной горными ущельями, страны и покинули ее, отягченные добычей. Отсюда они пошли опустошать Ширван. Они штурмовали столицу этой страны Шамаху, взяли ее приступом и разграбили. Равным образом они овладели Дербендом; но они не взяли его цитадели, в которой укрылся шах Ширвана Рашид. Желая пройти через Кавказский хребет, чтобы попасть на север, они нуждались в надежных проводниках через горы. Рассказывают, что для того, чтобы раздобыть их, они обратились к Рашиду с предложением прислать к ним послов для заключения соглашения, и когда увидели, что от шаха явились знатнейшие лица, они убили одного из них, а остальным пригрозили, что их ожидает та же участь, если они добросовестно не проведут их армии через Кавказ.

За этими горами монголы нашли аланов или асов (ases), лезгинов (lezguis), черкесов (circasses) и кипчаков, которые составили между собой союз, чтобы отразить их. Обе армии сразились, но исход сражения был нерешительный. Тогда монголы, чтобы обеспечить себе успех, прибегли к обычному своему оружию—хитрости и вероломству. „Мы, турки, как и вы,—велели они передать кипчакам,—а вы соединяетесь с иноплеменниками против своих братьев. Заключим мир; мы дадим вам столько золота и богатых одежд, сколько вы только пожелаете“. Соблазнившись этими словами и подарками, которыми их раздражили, кипчаки покинули своих союзников; последние после этого были разбиты монголами. Страна, обитаемая этими народами, и город Терки подверглись варварскому опустошению. Между тем армия кипчаков распалась; они возвращались отдельными отрядами в свои стоянки. Монголы шли за ними по пятам, нападали на разрозненные отряды и убили массу кипчаков; они отняли у них гораздо больше того, что им дали в уплату за измену¹.

Кипчаки были кочевые турки и около двух столетий занимали местности, принадлежавшие ранее хазарам. Их страна, состоявшая из безграничных степей, лежала к северу от Черного моря, Кавказских гор и Каспийского моря и простиралась от устья Дуная до устья Яика. С запада на восток их соседями были Византийская империя, венгры, русские, болгары и канглы. Русским они были известны под именем половцев, что означает жителей полей; венграм и

¹ Tarikh ul-Kamil, XII, стр. 272—279.

румынам—под именем куманов, которое до сих пор сохранилось в названии Кубань, которым обозначают часть прежней страны кипчаков, расположенную к северу от Черного моря и к востоку от Азовского (Palus Méotides)¹.

При известии о внезапном нашествии монголов, кипчаки всюду отступили к окраинам своей территории, бросая свои лучшие пастбища во власть неприятельской армии, которая расположилась на зимовку в самом сердце страны². Десять тысяч кипчацких семейств перешли за Дунай, на территорию римской империи³; император Иоанн Дука принял их к себе на службу. Часть этих беженцев была размещена во Фракии и Македонии, где они произвели большие опустошения; остальные были перевезены в Малую

¹ Имя куман, несомненно, происходит от реки, ныне называемой Кубань, Кубан (в различных диалектах турецкого языка звуки м и б заменяют один другой), которая берет начало в Кавказских горах, к северу от Мингрелии, и впадает в Черное море у Таманского пролива. Первоначально должны были говорить куманские турки, как теперь говорят кубанские татары.

Мы знаем имена одиннадцати кипчацких племен той эпохи. Они сохранились в большом историческом труде о магометанской монархии, написанном на арабском языке, под заглавием *Zobdet-ul fikret fi Tarikh-il-Hidjret* Эмира Бейбарса Рокн-уд-дина Дэвандара или канцлера, египтянина, умершего в 725 г. геджры или 1325 нашей эры, в царствование египетского султана Насира. Историк Новаири, современник названного писателя, выписал эти названия из его египетских летописей, откуда заимствуем и мы. В эту эпоху значительнейшая часть мамелюкских войск в Египте состояла из турков-кипчаков, привезенных туда в качестве невольников; военная служба поднимала их там до высших должностей, и даже до трона.

Вот эти названия: Tokssaba, Uetia, Bourdj Ogli, Elberli, Soungour Ogli, Antchogli, Dourouf, Felana Ogli, Djezlan, Sarabeurkli и Kelen.

Ogli, оглы по-турецки значит сын, а сага beurkli означает на этом языке черношапочники.

Прим. перев. Эта заметка Д'Оссона имеет большую ценность. Несомненно, кубан и куман—варианты самоназвания этого племени. Среди кумандинцев, на Алтае, имеется род кубан или куман; соответствующее имя встречается в исторических актах, относ. к абаканским туркам (см. Радлов. Этнографический обзор тур. племен Сибири и Монголии, пер. с нем. Н. Н. Козьмина). Ирк. 1929; Н. Н. Козьмин. Хакасы. Ирк. 1925. Но, конечно, не Кубань дала имя кипчакам, а они оставили ей свое имя. Часть названий, приведенных у Дэвандара, можно найти среди родовых названий в Туркестане, Казакстане, на Алтае.

² *Tarikh ul-Kamil*, т. XII, стр. 279.

³ Т. е. Византийской империи, которая в средние века была известна и на востоке и на западе, преимущественно под именем Римской (Рум, ромеи). П. п.

Азию¹. Большое число кипчаков бежало также на русскую территорию, прося помощи у народа, бичом которого они были из-за своих набегов. Россия тогда простиралась на восток лишь до реки Оки, которая впадает в Волгу. Она была разделена на несколько государств, государи которых вели свое происхождение от Рюрика Варяга, или Росса, который в девятом веке объединил под своей державой различные славянские народы, жившие к северу и востоку от Днепра и известные впоследствии под общим именем русских. Преемники Рюрика делили свои владения между своими сыновьями; эти небольшие княжества однако же зависели от общего сюзерена, носившего титул великого князя. Киев в течение нескольких веков был столицей этого великого князя. С 1169 г. последний имел резиденцию во Владимире; но его вассалы (*feudataires*) едва признавали его власть. Эти князья были заняты беспрестанными междоусобными войнами с целью захвата земель друг у друга, и, пользуясь этими усобицами, венгры, поляки, литовцы, финны нападали на русские границы с запада и севера, между тем как более еще страшные враги, кипчаки, делали частые набеги в пределы южной Руси, грабили, опустошали ее и уводили тысячи пленников в свои степи.

В числе беженцев кипчаков, отступивших со своими семьями и стадами в пределы киевского княжества, был один из их ханов, по имени Кутан, дочь которого была замужем за галицким князем Мстиславом. Кутан предложил своему зятю верблюдов, лошадей, быков, красивых невольниц и просил о помощи, указывая, что татары, сделавшие нашествие на страну кипчаков, не замедлят напасть и на русских. Мстислав созвал в Киеве южно-русских князей; на этом съезде было решено, что будут действовать сообща с кипчаками против татар; съезд послал депутацию в Суздаль просить о помощи великого князя Георгия, и князья разъехались, чтобы спешно собирать войска.

Князья Мстислав Киевский, Владимир Смоленский и несколько мелких князей выступили вперед навстречу неприятелю. Подойдя к Днепру, они были встречены посланцами монгольских генералов, отправленных с целью отклонить их от союза с кипчаками. Монголы, по их словам, не имеют никаких неприязненных намерений против

¹ Nicephorus Gregorius et Georg. Acropolitae, у Шриттера, *Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum etc., incolentium, e scriptoribus Historiae Byzantinae erutae*, том III, стр. 984.

русских; они воюют только против их соседей; русские должны использовать такой благоприятный случай для отмщения за разорения, причиненные этим хищническим народом; им только стоит соединиться для этого с монголами против него: они разделят с ними всю добычу; даже со стороны религии они должны предпочесть союз с монголами, поклонниками единого бога, союзу с кипчаками идолопоклонниками. Русские князья не только не приняли этих коварных предложений, но велели убить тех десятерых человек, которые с ними явились, и перешли Днепр. Был взят в плен начальник неприятельских аванпостов на другом берегу и выдан кипчакам, которые предали его смерти. Русские двинулись к Калке, текущей в соседстве с Доном, идя по следам татар, которые медленно отступали, чтобы завлечь их вдаль от их страны. Не встречая препятствия, они перешли Калку; когда река оказалась позади их, монголы приготовились к бою. Князь Галицкий, который был уверен в победе, 31 мая 1223 г. начал сражение, не предупредив князей Киевского и Черниговского, с которыми он не желал разделить чести в этот день. Но его войска и поддерживавшие их кипчаки были смяты. Князь искал спасения в бегстве и, жертвуя для своего благополучия жизнью своих воинов, велел сжечь находившиеся на берегах Калки лодки. Спаслась едва-ли одна десятая часть этой русской армии; погибло шесть князей, командовавших ею, и участь побежденных была отягчена варварством кипчаков, которые убивали бежавших, чтобы завладеть их лошадьми.

Князь Киевский был свидетелем этого поражения, но не вышел из своего лагеря, который был разбит на холме около реки. Он стал окапываться на нем; но монголы не дали ему времени закончить приготовления к обороне; в то время как одна часть их преследовала остатки разбитой русской армии, другая напала на него. Он защищался доблестно в течение трех дней; но при виде подходившего другого монгольского корпуса решил сдаться; он просил лишь, чтобы оставили жизнь ему и двум князьям, его зятям, и согласились дать свободу за выкуп. Монгольский генерал принял эти условия и подтвердил обещание клятвой, но как только русские сдались, он велел всех их перерезать. Трех князей подвергли медленной и позорной смерти: их положили под доски, на которых уселись монголы пировать по случаю своей победы.

Монголы вступили в Россию, где не встретили никакого сопротивления. Князь Галицкий возвратился в свое княжество; войско, которое послал великий князь Георгий Вла-

димирский на помощь князьям южной России, согласно их просьбе, узнало на пути о постигшей их катастрофе и повернуло обратно. При приближении монголов, жители Новгорода Северского, оставшись без защиты, вышли к ним навстречу с крестами и мольбами о милосердии; они все были перерезаны в числе десяти тысяч. Монголы предали южную Россию огню и мечу. С берегов Днепра они пошли опустошать страны, лежащие около Азовского моря, проникли в Крым и взяли богатый город Судак, принадлежавший генуэзцам, но плативший дань кипчакам; это был торговый и складочный центр для всех стран, расположенных к северу и югу от Черного моря¹.

Покинув эти западные страны, монголы в конце 1223 (620) года вторглись в страну болгаров. Этот земледельческий народ, весьма, вероятно, славянского происхождения, частью магометанский, частью христианский, жил в стране, орошаемой верхней Волгой и Камой, течение которых благоприятствовало его торговле с соседями русскими и побережьями Каспийского моря².

Булгары вывозили в Персию и в Хорэзм, через земли кипчаков, произведения севера, главным образом, пушнину, воск, мед³. Под угрозой неприятельского нашествия, болгары взялись за оружие и вышли навстречу врагу; но они были завлечены в засаду, и монголы, окружив их, перебили множество народа. После этой победы, которой заканчивалась их продолжительная экспедиция, оба чингиз-хановских генерала прошли через страну Сакассин⁴, чтобы

¹ Михаил Щербатов. История Российская, Спб. 1771. in-4°, т. II, стр. 509—521; Карамзин. История Государства Российского. Спб. 1816, in-8, т. III, стр. 227—236.

² Карамзин, там же, т. I, гл. IX; т. III, стр. 270.

³ Messalik ul-Mémalik Ибн Хауалия; Mouroudj-iz-Zehab Mass'udi, г. 15.

⁴ „Сакассин,—говорит географ Баку,—был большой город в стране хазаров. Его жители делились на сорок колен. Там было множество иностранцев и купцов. Холод там очень жестокий. Большая часть населения Сакассина исповедовала магометанскую религию. Крыши домов были из елового дерева. Эта страна пересекается большой рекой, большей, чем Тигр, и изобилующей всевозможными рыбами. Один из видов этой рыбы очень богат жиром; из последнего получается такое количество осветительного масла, что его хватает для ламп на несколько месяцев; мясо ее очень дешево. Эта река зимою замерзает, так что ее можно перейти пешком; ширина ее около 1040 шагов. Сакассин в настоящее время затоплен; от него не осталось следов, но вблизи существует теперь другой город—Сарай Беркэ (Sérai de Barca), столица государя этой страны“. См. Вассуи, Telkhiss-ul Assarvé A'djaïb ul Mélik-il Cahhar; рукоп. Парижской библиотеки.

присоединиться к своему господину, который возвращался тогда из Персии в Татарию¹.

Прежде, чем расстаться надолго с разоренной Персией, мы должны упомянуть о некоторых событиях, которыми закончилось разорение Ирак-Аджема. Когда султан Мохаммед и его сыновья, расположившиеся под Кавказом, неожиданно бежали, при известии о разрушении монголами Райи, удельный владетель Ирака, Рокн-уд-дин, перешел в Керман. Подкрепленный войсками губернатора этой провинции, Зуэна, которые стали под его знамена, он вошел в столицу Кермана и захватил казну этого губернатора, раздав ее затем своим войскам. После семимесячного пребывания в Кермане, он вернулся в Ирак и приготовлялся напасть на одного из владельцев этой страны по имени Джемал-уд-дин Мохаммеда, который хотел ею овладеть. Но около Райи, где он раскинул свой лагерь, он узнал о приближении монгольского отряда под командой генералов Таймаса и Тайнала. Рокн-уд-дин поспешил засесть в замке Сутун-Авэнд, лежащем недалеко от Райи на крутой скале и считавшемся неприступным. Эта крепость была обложена монголами, которые через полгода взяли ее приступом. Рокн-уд-дин, отказавшийся преклонить колена в знак покорности монгольскому хану, был убит со всеми своими людьми².

Название Сакассин напоминает саков, скифский народ, который за тринадцать веков до эпохи, о которой идет речь, жил в местностях к востоку от Каспийского моря и к югу от Яксарта. Саки делали нападения на южные страны. Они овладели Бактрианой и одной из лучших провинций Армении, получившей от них название Сакасэны (Strabo, кн. XI, гл. 8).

¹ Tarikh ul-Kamil, XII. См. примечание VII в конце этой книги, перевод текста Ибн-уль-Етира, относящегося к походу монголов в страны к северу от Кавказа и Черного моря.

Оканчивая главу, в которой он рассказывает о походе Чжэбэ и Субутая, но не описывая их операций к северу от Кавказа, везир Алай-уд-дин высказывает следующее размышление: „Рассказ об этом походе дает представление о выходящей из ряда силе монголов или скорее о мощи того, кто всемогущ. Мы видим, как одна только воинская часть покоряет столько царств, причем не находится народа, который был бы в состоянии оказать ей сопротивление“.

² Мы нигде не нашли даты смерти Рокн-уд-дина, которая, вероятно, придется на 1222 (619) год. Заккария из Казвина говорит (в своем трактате по географии—Assar-ul-Bilad, в статье Dunbavend), что Рокн-уд-дин Гурсайджи заперся в 1221 (618) г. именно в этой крепости, находящейся вблизи Райи. По Рашиду, это было в Фирузхухе.

Джемал-уд-дин, осведомившись об участии хорэзмского султана, заявил о своем подчинении монголам в надежде сохранить за собой область Хэмэдана. Чингизхановские генералы прислали ему почетную одежду, в знак инвеституры, и пригласили явиться к ним в доказательство своей искренности. Он явился в их лагерь и был убит вместе со своей свитой¹.

В начале 1224 (621) года, когда Чингиз-хан зимовал в Самаркандском районе, монгольский отряд, силою около трех тысяч человек, пришедший из Хорасана, появился неожиданно перед Райи. Он напал врасплох на шесть тысяч хорэзмийцев, стоявших лагерем около этого города, рассеял их и вступил в Райи. Город успел снова заселиться успевшими ускользнуть от резни жителями; монголы перебили всех этих несчастных, разграбили город и довершили его разрушение. Та же участь постигла Савз, также Кум и Кашан; два последних города не были разрушены во время первого нашествия монголов, потому что они не оказались на их дороге. Хэмэдан, в котором проживали те, кто спасся при первом избиении, был вторично предан огню и мечу. Оттуда эта монгольская дивизия бросилась на Азербайджан, куда ушли хорэзмские войска, разбитые у Райи; они подверглись новому нападению и понесли значительные потери. Кое-какие остатки этого корпуса бежали в Тебриз; монголы расположились лагерем около этой столицы и послали сказать Узбегу, что если он считает себя их вассалом, ему нужно выдать хорэзмийцев; в противном случае, они будут считать его врагом. Узбег не осмелился отвергнуть их требования; он велел убить многих из этих воинов и послал их головы монголам; остальные были выданы живыми. Монголы, удовлетворенные этим актом покорности, а также значительными дарами, которыми он сопровождался, удалились от Тебриза и ушли в Хорасан². Этот вторичный набег довершил разрушение Ирак-Аджема. Хора-

¹ Nessaoui; Djouvéini; Raschid.

² Tarikh ul-Kamil. „Вот что сделали татары,—говорит Ибн-уль-Етир,—и их было не более трех тысяч, между тем как хорэзмийцев было вдвое больше, а войска Узбега были сильнее тех и других, вместе взятых. Несмотря на это превосходство, Узбег не посмел рисковать собой; не сумели защитить себя и хорэзмийцы. Мы просим бога, да ниспошлет он исламу и мусульманам того, кто мог бы защитить их; ибо они стали добычей величайших бедствий: вырезываемые люди, разграбленные именья, похищаемые дети, жены, обрастаемые в неволю или умерщвляемые, опустошенная страна“.

сан был опустошен. Трансоксания пострадала гораздо менее от варварства монголов, чем эти две страны¹.

Но несчастья Персии еще не кончились; она испытала новые опустошения и долгое время стонала под варварским гнетом, который мешал ей подняться из развалин.

Опустошения, произведенные монголами на западе Азии, распространили смятение вплоть до Византии. Император Иоанн Дука велел обеспечить укрепленные места продовольствием и военным снаряжением. Его подданные, утраченные слухами о невероятных жестокостях, совершенных татарами, верили, что эти завоеватели были с собачьими головами и питались человеческим мясом².

¹ Tarikh Djihankuschaï, I. „В мусульманских странах, опустошенных Чингиз-ханом,— говорит Джувейни,— не осталось и тысячной доли их населения. Там, где было сто тысяч жителей, едва наберется сотня“. „Если даже,— говорит тот же автор,— ничто не остановит роста населения в Хорасане и Ирак Аджеме, отныне до воскресения из мертвых, оно не сможет достичь десятой части того, чем оно было до завоеваний монголов“.

² Pachimeres, том I, стр. 87, у Штриттера, Memoriae populorum etc., том III, стр. 1028.

ГЛАВА IX

Смерть царевича Чжучи.— Нашествие на Тангут.— Подчинение Кореи.— Действия генерала Мухули в северном Китае.— Война между цзиньским и сунским императорами.— Смерть Мухули.— Командование его сына Бору.— Вторжение Чингиз-хана в Тангут.— Завоевание и разрушение этого государства.— Смерть Чингиз-хана.— Его похороны в Татарии.

Едва прибыв в свои Орду, Чингиз-хан узнал о смерти своего старшего сына Чжучи. Этот царевич, получивший приказ завоевать страны к северу от Каспийского и Черного морей, даже не приступил к его исполнению¹.

Раздраженный его неповиновением, Чингиз-хан на своем пути из Персии в Татарию несколько раз посылал за ним; но Чжучи извинялся ссылкой на плохое состояние своего здоровья, и, действительно, он был болен. Когда завоеватель прибыл в свои Орду, один монгол, который только что пред этим вернулся из владений Чжучи и у которого тот осведомился на счет своего сына, уверенно сказал, что последний здоров; этот человек говорил, что видел его на охоте. Чингиз-хан более уже не сомневался в том, что его сын намеренно отказывает ему в повиновении. Считая его мятежником или сумасшедшим, он решил, в порыве гнева, выступить в поход для приведения его к повиновению. Оготай и Чагатай уже выступили с авангардом; их отец готовился идти следом за ними, когда получил известие о смерти Чжучи. Он был этим сильно потрясен; сведения, собранные им, доказывали, что сообщение монгола было неверно; на охоте он видел лишь офицеров Чжучи. Было

¹ Эти северные страны включали, согласно историку Рашиду, Ибир-Сибир, Булгарию, Кипчак, Башкурт (Baschgurdie), Россию и Черкессию (Circassie).

велено разыскать его для наказания, но его не могли найти.

Чжучи умер в возрасте тридцати с чем-то лет. У него от жен и наложниц было около сорока детей. Его мать Буртэ была беременна им, когда была увезена бандой меркитов, в отсутствие Темучина. Онг-хан потребовал ее у царя меркитов и возвратил ее мужу. Дорогой она разрешилась от бремени сыном, который получил имя Чжучи, что по монгольски означает гостя. Человек, которому Чингиз-хан поручил привезти ее, завернул ребенка в сделанное им из муки тесто и вез, сидя верхом на лошади, в поле своей одежды¹. Таково было происхождение царевича, потомки которого несколько столетий царствовали над обширным государством, к северу от морей Каспийского и Черного, и среди своих данников считали и Россию.

В то время как Чингиз-хан опустошал Персию, его наместник Мухули был занят завоеванием северного Китая, в котором, после ухода Чингиз-хана, цзиньцы заняли и укрепили большинство крепостей. Монголы сохранили лишь Чун-ту и северную окраину Пе-че-ли и Шань-си. За этот короткий срок передышки император Утубу имел неосторожность навлечь на себя нового врага. Юг Китая, от реки Хоай в Хэ-нане, подчинялся отпрыску старейшей китайской династии сунов, которая имела резиденцию в столице Чжэ-сяна (Tché-kiang) Хан-чжоу. Император Нин-цзун (Ning-tsong), оставаясь спокойным зрителем войны между монголами и цзиньцами, воспользовался тем бедственным положением, в которое были приведены последние, и отказал им в дани, которую обязался уплачивать; с своей стороны, цзиньцы, из боязни навлечь на себя нового врага, закрывали глаза на это нарушение договора. Утубу даже хотел писать сунскому императору с намерением предложить ему союз против монголов; его отклонили от этого, представляя ему, что такой поступок будет говорить об его

¹ Djami ut-Tévarikh.

Прим. пер. Совершенно иначе этот эпизод жизни Чингиз-хана передан в Старинном монгольском сказании о Чингиз-хане, перев. Палладием Кафаровым (Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, Спб. 1866, стр. 49—58). Бурте была взята меркитами, которые напали на стоянку Чингиз-хана во время его присутствия. Роль Чингиз-хана, бросившего жену на произвол судьбы, изображена в очень некрасивых чертах. Чтобы выручить жену, Чингиз-хан просил помощи у Онг-хана и Чжамухи. Жена была возвращена беременной. Чагатай на этом основании оспаривал права Чжучи на наследование отцу (там же, стр. 143—145). Рашид, на которого ссылается Д'Оссон, передает здесь один из официальных вариантов, предназначавшихся для публики.

слабости, и даже может побудить китайцев скорее к нападению на него, чем к защите. Но когда Чингиз-хан вывел войска из Китая, первый министр Утубу, Чуху-гаоцзи (Tchouhou-kaoki), настоял, чтобы тот начал войну против сунгов с целью компенсации за потери, понесенные на севере, за счет юга; предлогом для разрыва должен был служить перерыв в присылке дани. Утубу послушался этого совета и отправил, в 1217 г., армию за реку Хоай; она взяла некоторые города и опустошила несколько округов сунской империи. Но через короткое время монголы вернулись, и Утубу раскаялся в происшедшем разрыве с соседями на юге, и, полагая, что после потерь, которые они понесли, они будут домогаться лишь мира, он отправил послов предложить его Нин-цзуну. Он даже льстил себя надеждой, что ему удастся привлечь его к совместным действиям против монголов; он заблуждался; сунский император, зная затруднительное положение своего врага, не пожелал согласиться на какую-либо сделку.

Мухули вступил в Китай в 1217 году во главе армии, состоявшей из монголов, китаней и чжурчженей. В то же самое время корпус монгольских войск проник в Тангут и осадил столицу Ли-цзунь-сяня (Li-tsoun-hian), который наследовал своему отцу Ли-ань-чуаню. Новый царь бежал в Си-лян (Si-léang)¹.

Мухули начал действия, взяв приступом Суй-чен и Ли-чжоу (Ли-сянь), два города округа Бао-дин-фу в Пе-че-ли. Затем он овладел Дай-мин-фу. Этим закончилась первая кампания. К концу 1218 года он выступил из Дай-дун-фу, чтобы привести к подчинению Шань-си. Он овладел Дай-юань-фу, столицей этой провинции, губернатор которой, после храброй защиты, с отчаянья повесился. Комендант Пинь-яна также покончил с собой; коменданты Фын-чжоу (Fen-tcheou) и Лу-чжоу были убиты в бою. Мухули в течение этого года овладел восемью главными городами Шань-си и в следующем году закончил завоевание этой большой провинции, между тем как цзиньский генерал Чжан-жоу, перешедший на службу к Чингиз-хану, одновременно покорял Пе-че-ли.

Покидая свою столицу Чун-ту, император вверил власть в области этого города генералу Мяо-дао-чжуню, у которого помощником был Цзя-юй (Kia-уцй). Эти два начальника

¹ Это провинция Лянь-чу-фу, в Гань-су, на запад от Шень-си (у Иакинфа отец императора назван Ли-ань-цзюанем. П. п).

поссорились, и Цзя-юй распорядился умертвить своего коллегу (1218). Генерал Чжан-жоу, который был в дружбе с Мяо-дао-чжунем, подстрекнул офицеров последнего отомстить за его смерть; они поставили его во главе заговора. Чжан-жоу на пути к Чжун-шаню (Дин-чжоу) был атакован монгольским отрядом, который вышел из крепости Цзы-цзинь-гуань (Tse-tsin-souan), лежащей на расстоянии около 25 лье к юго-востоку от Пекина. В сражении его лошадь упала; он был взят в плен и отведен к генералу Мингану. Всякий, кто попал в руки монголов, должен был признать власть Чингиз-хана или обречь себя на смерть. Чжан-жоу не пожелал преклонить колена пред монгольским полководцем, говоря, что он тоже генерал и не унижится для спасения своей жизни. Минган оценил его твердость и возвратил ему свободу; но скоро из боязни, чтобы тот не стал во главе своих войск, которые снова собрались, он велел схватить его родителей в Чун-ту и задержал их в качестве заложников. Чжан-жоу долго колебался между сыновним уважением и долгом в отношении своего государя; наконец, он решился принести присягу на верность и перейти на службу к Чингиз-хану (*préter foi et hommage*). После этого он получил командование над войсками в Хэ-бэе (Ho-ré); под последним названием подразумевается вообще страна к северу от Желтой реки, но здесь надо подразумевать южную часть Пе-че-ли.

Получив приказ подчинить остальную часть этой провинции, Чжан-жоу в мае 1219 г. пошел к югу, подчинил несколько городов и, желая отомстить за Мяо-дао-чжуна, осадил Цзя-юя в одном укрепленном замке, в который тот бежал. Овладев личностью своего врага, которого недостаток воды вынудил сдаться, он принес его в жертву духу Дао-чжуна, вырвав у него сердце. Немного спустя осажденный в городе Мань-чен, недалеко от Бао-дин-фу, главнокомандующим цзиньских войск в Пе-че-ли, Вушаном, он успел разбить армию последнего и нанести ему большой урон. Воспользовавшись этой победой, он овладел еще несколькими городами; затем он разбил один за другим два корпуса войск, посланных против него Вушаном. С тех пор крепости Пе-че-ли открывали свои ворота при первом его появлении, и страх пред именем Чжан-жоу распространился во всем Хэ-бэе.

В этот период подчинилась Чингиз-хану Корея. Один китанский генерал, по имени Луку (Loukou), который решил избавиться от монгольского владычества, вступил в эту страну в 1218 году и овладел городом Цзян-тун-чином

(Kiang-toung-tching). Монгольский генерал Хаоцит-чжала (Khaodjit-Tchala) преследовал его в Корее и взял обратно этот город с помощью войск, предоставленных в его распоряжение корейским царем. Это вторжение монголов имело результатом подчинение Кореи, государь которой Уан-дунь (Ouang-toum) в следующем году признал себя вассалом Чингиз-хана и обязался платить ему ежегодную дань местными произведениями.

Мухули в 1220 году прошел из Шань-си на север Пе-че-ли. Прибыв в Мань-чен, вблизи Бао-дин-фу, он отделил часть войск своему заместителю Мунгу-бухе, который разбил встреченный им отряд войск Вушана. В результате этого поражения Вушан заявил о своем подчинении и сдал Мухули Чжин-дин-фу, также как и другие крепости, находившиеся под его управлением. Монгольский генералиссимус вверил управление западным Хэ-бзэм генералу Ши-тянь-ни, китайцу по происхождению, а в товарищи ему дал Вушана.

Ши-тянь-ни перешел на службу к Чингиз-хану еще во время первого вторжения его в Китай. Видя, что монголы предают мечу и огню те округа, которые оказывают им сопротивление, но щадят покорившиеся, и что правительство не способно их охранить, отец Ши-тянь-ни, из города Юн-цзина, собрал несколько тысяч окрестных жителей и во главе их, в 1213 г., отправился к Мухули, расположившемуся лагерем около города Чжу-чжоу (Tcho-tcheou), в нескольких лье к юго-западу от Пекина, чтобы заявить о своем подчинении. Мухули хотел пожаловать ему чин начальника десяти тысяч, но, в виду его отказа, он предоставил это звание его сыну, который затем оказал монголам огромные услуги. Во время кампании Мухули в Шань-си, в 1220 г., Ши-тянь-ни отважился однажды сделать монгольскому генералиссимусу представление по поводу того варварства, с каким его войска обращались с завоеванными уже странами, указав, что для успеха его предприятия важно, напротив, мягко обращаться с покоренными народами и этим внушать доверие тем, которые еще не покорены. Мухули признал справедливость этого замечания; он немедленно дал приказание прекратить грабежи и освободить пленных. Суровая дисциплина укрепила его армию, которая стала встречать вместе с тем все меньшее сопротивление со стороны населения.

В начале 1220 года цзиньский император, огорченный неудачами, которые терпели его войска как на юге, так и на севере, приписал свои несчастья советам Чуху-гао-ци.

Акт жестокости, совершенный этим министром, окончательно погубил его во мнении его господина: он велел невольнику убить свою жену и убил его самого, чтобы скрыть лучше свое преступление; но последнее было открыто, и он должен был искупить его смертной казнью. Генерал Су-тин, поставленный после этого во главе министерства, работал очень деятельно, чтобы привести в состояние обороны остававшиеся у цзиньцев провинции.

Между тем Мухули направился на Шань-дун. Прибыв в провинцию Дун-пин, он принял заявление о подчинении от генерала Янь-ши, губернатора Чан-де-фу и семи других округов, расположенных на юге Пе-че-ли, в части Хэнаня, на север от Желтой реки, и в провинции Шань-дун. Мухули оставил за ним управление этими местностями. Затем он направился на Цзи-нань-фу, столицу Шань-дуна. Стараниями Су-тина была собрана многочисленная армия на северном берегу Желтой реки, в округе Цао-чжоу-фу. Из нее двенадцать тысяч человек было отряжено, чтобы тревожить Мухули около Цзи-наня. Генералиссимус вышел им навстречу и разбил их; затем он двинулся на главные силы неприятельской армии, которые он нашел приготовившимися к сражению на северном берегу Желтой реки. Мухули не хотел, чтобы его кавалерия тратила время на пусканье стрел; он приказал ей спешиться и идти в атаку с саблей в руке. Опрокинутые при первом же ударе, цзиньцы были сброшены в реку. После этой победы Мухули пошел на Дун-пин, в Шань-дуне, и осадил этот город; но в конце месяца он оставил для блокады города Янь-ши, а сам устремился на Мин-чжоу (Гуан-пин-фу), в Пе-че-ли; он разделил свою армию на небольшие отряды, которые рассеялись по всей стране к северу от реки. Дун-пин сдался лишь в июне 1221 года, после того, как его губернатор Монгу-ань (Mongou-gan), за недостатком припасов, эвакуировал его.

Мухули, пересекши северный Китай в северо-западном направлении, перешел в ноябре 1221 года Желтую реку, при Дунь-шень-чжоу (теперь Тохто-хото), и совершенно неожиданно вступил в Тангут. Он хотел завладеть принадлежавшей цзиньцам частью Шеньси, чтоб из этой провинции проникнуть в Хэ-нань и напасть на южную императорскую столицу. Тангутский король, уstraшенный появлением этой армии, послал генерала Тагая (Taga) в Ордос приветствовать Мухули. Мухули потребовал войск. Король приказал своему генералу Даге Ганбо (Dake Ganbo) присоединиться к нему с пятьюдесятью тысячами человек. Мухули пошел на город Цзя-чжоу (Kia-tcheou), который был ему сдан

циньским комендантом, и овладел двумя укрепленными местами в округе Суй-дэ-чжоу. Тангутский генерал Мипу, по приказанию своего монарха, привел к нему войска. Прежде чем явиться к нему, он осведомился о церемониале, который должен быть соблюден. Мухули потребовал, чтобы ему были возданы те же почести, какие король должен воздавать Чингиз-хану. Мипу ответил, что без приказа двора он не может исполнить этого требования и удалился со своими войсками; но он возвратился в то время, как Мухули осаждал Янь-ань (Уен-ган); он приветствовал последнего согласно с этикетом и держал под уздцы его лошадь.

Комендант Янь-аня, генерал Хада, вышел из этого города с значительными силами, чтобы атаковать монгольскую армию, подошедшую уже к его стенам. Он был разбит и возвратился в крепость, потеряв семь тысяч человек. Мухули осадил этот город; но крепкие его стены и глубина рвов не позволили ему взять город. Он оставил там часть своей армии, чтобы держать город в блокаде, и, продолжая свой путь к югу, овладел Фу-чжоу и Фань-чжоу. В 1222 году Мухули занял большую часть остальных городов Шеньси и вверил генералу Хунатай-бухе охрану Чжан-аня (Си-ань-фу), главного города этой большой провинции. Генералу Анги (Анки) было поручено отрезать сообщения с крепостью Дун-гуань.

В августе 1220 года наньцзинский двор отправил в главную квартиру Чингиз-хана посланника, по имени Ускуна-чжун-туаня (Оусоупа-Тчоунг-тоуан), с письмом, в котором император предлагал монгольскому хану заключить мир, соглашаясь признать его старшим братом, но сохраняя императорский титул. Это предложение было отвергнуто. Наньцзинский двор послал вторично, осенью 1222 года, того же посла добиваться мира у Чингиз-хана, который был тогда еще на западе. Последний ответил, что он уже предлагал, чтобы император уступил ему страну к северу от Желтой реки и сохранил за собой Хэнань с титулом короля, и на это император тогда не согласился; теперь же, когда Мухули завоевал уже указанные земли, император вдруг просит о мире все еще на прежних условиях. Так как посол пытался умиловить его, Чингиз-хан сказал: „Ну, вот на что я соглашаюсь в уважение к твоему далекому пути. Страна к северу от реки уже в моей власти, но несколько городов на западе Шеньси все еще не сдались; пусть твой государь отдаст их мне и оставит за собой Хэнань с титулом короля“. С этими условиями Чжун-туань вернулся, но они не были приняты.

Взяв еще несколько городов в Шань-си, Мухули в феврале 1223 года осадил Фын-сян-фу в Шень-си. В течение сорока дней шел усиленный штурм крепости. Тут Мухули узнал, что генерал Сяо-шу захватил Хэ-чжун-фу (теперь Пу-чжоу-фу), очень важный пункт около восточного берега Желтой реки, и что губернатор Ши-тянь-ин убит. При этом известии Мухули поспешно снял осаду Фын-сян-фу и поспешил к Хэ-чжун-фу, который цзиньцы поспешили эвакуировать, но предварительно подожгли его. Он передал командование войсками сыну Ши-тянь-ина, Ши-тянь-цзы¹, и оставил город. Он недалеко еще отъехал, как его постигла тяжелая болезнь. Чувствуя приближение конца, он сказал младшему брату Дайсуну (Taïsouп)²: „Вот уже сорок лет я занимаюсь войной, чтобы помогать моему государю в его великих подвигах, и никогда не впадал в уныние. В настоящий момент мне только одно досадно, что я не успел взять Нань-цзин³; постарайся овладеть им“. Мухули умер в апреле 1223 года в кантоне Вынь-си (Ven-hi), Се-чжоуского округа, в возрасте пятидесяти четырех лет. Его сын Бору⁴ наследовал его титул великого князя и принял главное командование военными силами в завоеванных частях Китая.

Император Утубу умер в ноябре 1223 года на шестьдесят первом году жизни и одиннадцатом своего царствования, оставив престол своему приемному сыну Нинкьясу, китайское имя которого было Шоу-суй. Новый император предложил мир сунскому императору и велел прекратить враждебные действия. Нин-цзун (Ning-tsong) умер в том же году; его преемником был его приемный сын Ли-цзун (Li-tsong).

Один из генералов этого императора, по имени Пин-ибинь, овладел большей частью Шань-дуна. С ним соединился Вушан и, опираясь на этот союз, убил в 1225 году своего коллегу Ши-тянь-ни и завладел Чжин-дин-фу. Ши-тянь-цзы, брат Ши-тянь-ни, был немедленно назначен князем Бору губернатором западного Хэ-бэя. Он напал на Вушана, разбил его и взял обратно Чжин-дин-фу. Вушан ушел в горы на запад.

Монгольский губернатор Чжун-шаня (Дин-чжоу) в Пече-ли, китаец по происхождению, Ли-цюань, также перешел

¹ У Иакинфа—Ши-тьхян-кхэ (П. п.).

² У Иакинфа—Дайсунь, у Рашида (перев. Березина)—Туилсун (П. п.).

³ У Иакинфа—Бянь-цзин (П. п.).

⁴ В Введении Рашида (перев. Березина)—Богол (П. п.).

на сторону Пин-и-биня. Последний, увидав, что его силы, с присоединением войск Ли-цюаня, значительно увеличились, обложил Дун-пин, где начальствовал еще Янь-ши, который, через четыре месяца, не будучи в состоянии далее держаться за недостатком припасов, решил присоединиться к Пин-и-биню против монголов. Они вместе выступили на Чжин-дин-фу. Около западных гор эта армия встретилась с корпусом монгольского генерала Белхэ. Янь-ши, недовольный Пин-и-бином, не оказывавшим ему доверия, ждал только случая, чтобы разорвать с ним. В данный момент он перешел на сторону монголов и соединился с ними против Пин-и-биня; последний подвергся одновременно нападению со стороны Ши-тянь-цзы с тыла, был разбит и взят в плен. На требование изъявить покорность монгольскому хану, он гордо ответил, что он подданный великой сунской империи и что долг не позволяет ему служить иному монарху. Его предали мучительной смерти. После этого Янь-ши без труда привел в подчинение монголам ту часть Шань-дуна, на восток от реки Цин, которой завладел Пин-и-бинь.

Северная часть этой провинции была под властью Ли-цюаня, который дал много битв монголам, но постоянно терпел поражения; наконец, он заперся в городе И-ту (Цин-чжоу-фу) и был осажден там князем Дайсуном. Он держался в течение целого года, несмотря на голод, доходивший до того, что осажденным приходилось питаться человеческим мясом; но в июне 1227 года он сдался, и Дайсун отдал ему в вассальное владение Шань-дун, а также округ Хуай-нань, в Цзянь-су, с обязательством уплаты ежегодной дани.

Северный Китай был разорен пятнадцатью годами войны. Цзиньцы совершенно эвакуировали его, чтобы сосредоточить свои силы на южном берегу Желтой реки и защищать проход и крепость Дун-гуань, на военной дороге из Шень-си в Хэ-нань. Эту линию охраняло около двухсот тысяч человек под начальством четырех главнокомандующих. Император еще раз, в 1224 году, отправил посланника к Чингиз-хану, который был в то время занят опустошением Тангута. Мы теперь и проследим последний период кровавой карьеры этого завоевателя.

Чингиз-хан отправился из своих Орду, в конце 1225 г., для нападения на Тангут. Причиной его неудовольствия против суверена этой страны, Ли-дэ, который за два года перед тем наследовал своему отцу Ли-цзун-сяню, было то, что тот принял к себе на службу одного из его врагов

Шилгаксан-хону (Schilgaksan-hona) и отказался дать в заложники своего сына. Чингиз-хан вступил в пределы этого государства в феврале 1226 года, оставив в тылу своего сына Чагатая с обсервационным корпусом. Оготай и Тулуй сопровождали его. В следующем месяце он взял Ецзину, Хэ-шуй-чен (Ho-schouï-tchin) и несколько других укрепленных мест. Проведя период больших жаров в горах Хунь-чу, он затем овладел городами Гань-чжоу и Су-чжоу. Осенью он занял округа Чоло и Хола, в провинции Лян-чжоу-фу; оттуда, перейдя Шату, он достиг Цзюйту (Kiyou-tou) на берегу Желтой реки, и взял Яр, а также ряд других второстепенных городов. Все эти местности были преданы огню и мечу. „Жители,—говорит автор Ган-му,—укрывались в горах и пещерах, чтобы спастись от оружия; спаслось не более одного или двух из ста. Поля были усеяны человеческими костями“. Во время этого похода Чингиз-хан был поражен тем, что не нашел в запасных магазинах завоеванных в Китае провинций ни одной меры зерна, ни аршина материй. Его генералы сделали ему представление, что от его китайских подданных нет никакого толку и что лучше всех их перебить, чтобы извлечь, по крайней мере, пользу из земель, которые можно обратить в пастбище. Йелюй-чуцай громко протестовал против этого варварского мнения. Он доказал, какие выгоды можно извлекать из плодородных земель и трудолюбивого населения. Он исчислил, что, установив умеренный налог на земли, пошлины на товары, акцизы на вино, уксус, соль, железо, произведения вод и гор, можно получать ежегодно около 500 тысяч унций серебра, 80 тысяч кусков шелковых материй и 400 тысяч мешков зерна, и выражал удивление, как можно назвать это многочисленное население бесполезным. Чингиз-хан, поручил ему установить такие налоги, но финансовый план Йелюй-чуцай был приведен в исполнение лишь в следующее царствование.

Из китайской истории известно, что в то время, как монгольские военачальники присваивали детей и имущество избиваемых тангутов, Йелюй-чуцай довольствовался китайскими книгами и небольшим количеством ревеня, с помощью которого он спас жизнь тысячам людей, когда, немного времени спустя, в монгольской армии вспыхнула эпидемия.

Чингиз-хан обложил город Лин-чжоу, расположенный, на восточном берегу Желтой реки, на большом расстоянии к югу от тангутской столицы Нинь-ся-фу. Король Ли-тэ-ван умер в августе месяце, оставив престол Ли-сяню (Li-hien).

На помощь Лин-чжоу была послана тангутская армия под командой Вэй-мина. Чингиз-хан перешел Желтую реку и разбил ее. Лин-чжоу был взят и разграблен. Затем Чингиз-хан расположился лагерем на берегу реки Янь-чжоу-чуан¹.

Оставив один корпус перед тангутской столицей, он перешел Желтую реку в феврале 1227 года, взял Ци-ши-чжоу (Ki-schi-tcheou) и разграбил Линь-дао-фу. Оттуда он направился на северо-запад и разрушил Чао-хэ-чжоу и Синин. В то же самое время его брат, Учжигин-ноян, которого он отрядил против Синь-ду-фу, взял приступом этот город².

Чингиз-хан расположил свою главную квартиру около города Лун-дэ, расположенного к западу от Пин-лянь-фу. Его войска взяли приступом Дэ-шунь-чжоу и несколько других городов. Он отправил Тан-цина послом к наньцинскому двору, а сам ушел к горам Лю-бань, чтобы провести там сезон сильных жаров³.

¹ История Юаней, перев. Иакинфа, 133. Mailla говорит, что тангутская армия была силою в тридцать тысяч человек и что она была разбита вдребезги. Согласно Рашиду, монголы взяли большое число городов и только что разрушили Дерсекай, как узнали, что тангутский король, тангутское имя которого было Шидурху, а китайское—Ли-ван, выступил из своей столицы Иркай, которую монголы называют Иркай (Ircaya), и шел во главе 50 туманов, т. е. 500 тысяч человек. Чингиз-хан тотчас же пошел ему навстречу и остановился на равнине, покрытой озерами, образованными разливами Карамурана (Желтой реки), которые тогда были покрыты льдом. Здесь произошло сражение, которое было настолько кровопролитным, что число павших в бою тангутов исчисляли в 300 тысяч. Трое мертвых было поставлено на голову. Среди монголов, по словам Рашида, обычаем установлено, что на каждые десять туманов один труп ставится на голову.

В Историческом зеркале Винцентия (кн. XXIX, гл. 83, и кн. XXX, гл. 95) имеется два места, которые позволяют проверить правильность сказанного персидским историком. Из них мы узнаем, что татары после поголовного избиения населения какой-либо страны, чтобы показать число убитых, которым они обычно хвастались, имели обыкновение один труп на тысячу ставить вниз головой и вверх ногами на возвышенных местах и что после разрушения Тифлиса (1221) семь таким образом поставленных в разных местах тел указывали, что было избито семь тысяч человек.

² История Юаней, стр. 136.

³ Там же; Mailla, т. IX, стр. 127. По мнению этого историка, город Лю-бань лежит в двадцати ли (2 лье) на запад от Гу-юань-чжоу. Отец Иакинф в примечании говорит, что эти горы находятся в округе Пьхин-лянь-фу, в 70 ли (7 лье) на юго-запад от Гу-юань-чжоу. См. Записки о Монголии, 3 часть, стр. 179. Следовательно, этот город лежит под 36° с. ш. и 10° на запад от Пекина. „Лю-бань-шань,—говорит Рашид,—находится на границах Чжурчжэ (цзиньской империи), Нангиас (сунской империи) и Тангута“.

В предыдущем году царевич Оготай продвинулся с корпусом генерала Чагана до Наньцзина и послал генерала Тан-цина в эту столицу требовать у императора уплаты ежегодной дани. В 1227 году Чаган взял большую часть крепостей в округе Си-ань-фу (Si-ngan-fou) и проник в области Фын-цзян-фу и Хань-чжун-фу. Два посла императора, Уанянь-Хачао и Отун-агэ¹, прибыли в Лю-бань с мирными предложениями. В числе даров, которые послал император, было блюдо с превосходным жемчугом. Чингизхан велел раздать его тем из своих офицеров, которые носили серьги; прочие также стали протыкать уши, чтобы получить жемчуг; что осталось после этих щедрот, было разбросано по земле на драку².

Чингизхан принял на этой стоянке поклонение (hommage) от нового короля Ляо-дуна. Его прежний вассал, Иелюй-Люгэ, умер в 1220 году. После этого его вдова Яолисэ была регентшей с разрешения Тумугэ-Утджигина (Témoïsoï Utchiguen), младшего брата Чингизхана, которому на время отсутствия последнего было поручено верховное управление в восточной Татарии. Она явилась со своими тремя сыновьями в Орду монгольского завоевателя как только он возвратился из Персии. Когда она появилась перед своим сюзереном, она опустилась на колени, согласно этикету. Чингизхан оказал ей честь, подав чашу, и принял с особым уважением. Королева сказала ему, что Ляодун не имеет верховного главы; что старший сын, Хивэсэ, уже несколько лет не покидает рядов монгольской армии и в настоящее время остался на западе; она просила, чтобы ему позволили вернуться и принять наследство отца. В качестве заложника она предложила второго своего сына Шангу. Чингизхан очень хвалил ее сына Хивэсэ, рассказал случай, когда тот отличился в Трансоксании, и прибавил, что ему не хотелось бы лишаться такого хорошего офицера; отцу может наследовать Шангу. „Хивэсэ,—ответила королева,—не мой сын, но он старший; Шангу—мой собственный сын; если ему будет передан по наследству престол, то не подумает-ли старший брат, что его права принесены в жертву моей материнской любви?“ Чингизхан был тронут этой чертой ее характера, говорившей о справедливости. Он похвалил мудрость Яолисэ, и назначил Иелюй Хивэсэ королем Ляо-дуна. Когда королева

¹ Иакинф, стр. 136.

² Tarikh Djihankuschaï, I.

откланялась, она получила в дар девять китайских пленников, девять лошадей, девять слитков серебра, девять кусков шелка и разные драгоценности, равным образом в числе девяти; это число имеет священное значение у монголов.

Хивэсэ прибыл к Чингиз-хану в Тангут. Монгольский государь напомнил ему о том покровительстве, какое он оказывал его отцу против цзиньцев. „Он передал мне тебя в залог своей верности. Я всегда поступал с твоим отцом, как если-бы он был моим младшим братом, и я люблю тебя как сына. Командуй моими войсками вместе с моим братом Билгутэем и живите вместе в тесном единении“. Когда Хивэсэ хотел откланяться Чингиз-хану, чтобы отправиться в свои владения, монгольский хан задержал его, чтобы доставить ему удовольствие присутствовать при взятии столицы Тангута¹.

Когда Нинь-ся была доведена до последней крайности, король Ли-сянь отправил, в июле месяце, послов к Чингиз-хану с изъявлением готовности подчиниться; он просил только месячной отсрочки для сдачи столицы. Монгольский государь согласился на это и дал ему обещание смотреть с этих пор на него, как на своего сына. Он отправился на стоянку в округ Цзин-шуй-сянь, на берегу реки Си-цзяна (Si-kiang), около двенадцати лье на восток от города Цзинь-чжоу². Там его постигла серьезная болезнь. В предыдущем году, когда он стоял в марте месяце лагерем в местности Онгу он-талан-худук³, он видел сон, предвещавший его близкую кончину. Он вызвал своих сыновей Оготая и Тулуя, которые стояли со своими войсками в пяти или шести лье расстояния. После утреннего завтрака он сказал военачальникам, заполнявшим его палатку, чтобы они на минуту вышли и, оставшись с царевичами наедине, дал им много советов, которые закончил следующими словами: „Мои дети, я приблизился к концу моего жизнен-

¹ Mailla, IX, стр. 78 — 126; Gaubil, Hist. de Gengh., стр. 25 — 53.

² Иакинф, стр. 136 и 137. Чзин-шуй-сянь — третьестепенный город, помещ. на карте Д'Анвилля под 34° 42' с. ш. и 10° 18' от Пекина на запад. Ист. Юаней добавляет, что Чингиз-хан умер при Сали Коле в своем Харатоском лагере. Оба названия монгольские; можно предполагать, что они были даны чингизхановскими войсками китайской местности, где он окончил свои дни.

³ Эти три монгольских имени означают: Колодцы степи Онгу; это заставляет предполагать, что местность эта была в соседстве с горами Онгу, которые, как уже говорилось, тянутся на наибольшем расстоянии к северу от Шень-си и Тангута.

ного поприща. С божьей помощью я завоевал вам государство столь обширное, что от его центра до окраин будет год пути. Если вы хотите его сохранить, оставайтесь в единении; действуйте с общего совета против ваших врагов; с общего согласия возвышайте ваших друзей. Нужно, чтобы один из вас занял мой престол. Оготай будет моим преемником. Уважайте этот мой выбор после моей смерти и пусть Чагатай, которого здесь нет, не производит никаких смут¹. Когда Чингиз-хан слег в постель, из его сыновей при нем был один только Тулуй. На смертном одре он набросал своим главным военачальникам план продвижения на Нань-цзин. „Лучшие чжурчженские войска охраняют крепость Дун-гуань, с юга защищенную скалистыми горами, а с севера прикрытую Желтой рекой. Эту позицию трудно форсировать. Нужно просить у Сунов позволение пройти через их территорию. Эта держава, будучи в вечной вражде с Цзинь, должна легко согласиться на это. Тогда армия направится на Тан-чжоу и Дун-чжоу (на юге Хэ-наня), а оттуда прямо на Нань-цзин. Императору придется отозвать себе на помощь войска из Дун-гуаня. Но они подойдут уже изнуренные утомительными переходами, и их будет легко победить“².

В то время Чингиз-хан рекомендовал своим генералам в случае его смерти скрыть это, и когда тангутский король, в условленное время, выйдет из своей столицы, убить его и произвести поголовное избиение всего населения Нин-ся. Этот приказ был в точности выполнен после его смерти. Чингиз-хан умер, после восьмидневной болезни³, 18 августа 1227 года, в возрасте 66 лет, на двадцать втором году своего царствования⁴.

¹ Djami ut-Tévarikh; Tarikh Djihankuschaï.

² Ист. первых четырех ханов, стр. 137 и 143.

³ Tarikh Djihankuschaï, I; Djami ut-Tévarikh.

⁴ Ист. перв. чет. хан., стр. 137 и 139. История Юаней не упоминает, какой конец постиг тангутского короля. Ган-му говорит, что Ли-сянь, доведенный до крайности, покорился и был отведен пленником в Монголию. Китайский автор этой истории по поводу разрушения тангутского государства приводит следующие размышления: „От начала мира варвары никогда не были столь сильны, как ныне монголы. Они уничтожают царства так, как выдергивают траву. До такой степени возвысилось могущество их. Почему небо допускает это?“ Ист. перв. чет. хан., стр. 140. Прим. переводчика. Текст Юань-чао-миши во время составления Д'Оссоном его труда не был еще известен. Конец тангутского короля там изображен очень выразительно. „Тогда тангутский государь, Бурхань,—говорится там после сообщения об осаде Лин-чжоу,—явился

Тело его было в полной тайне перенесено в Монголию. Чтобы помешать распространению слухов об его смерти, войска, сопровождавшие его гроб, убивали всех встречных на этом длинном пути. Только по прибытии кортежа в главное Орду Чингиз-хана, в его старинных владениях, у истоков Керулэна, было объявлено об его кончине. Тело завоевателя последовательно выставлялось в Орду главных жен, куда, по приглашению Тулуя, со всех концов империи стекались принцы и принцессы крови и военачальники, чтобы отдать последний долг долгими причитаньями, те, кому пришлось ехать из наиболее отдаленных местностей, могли прибыть лишь через три месяца. После этих похоронных церемоний, гроб был зарыт в землю на одной из гор, которые образуют хребет Бурхан-Халдун, из которого вытекают Онон, Керулэн

к Чингису и поднес ему золотые кумиры, золотые и серебряные сосуды, мальчиков, девочек, лошадей и верблюдов, всего по девяти девяти. Чингис позволил ему сделать поклонение только за дверьми. Во время поклонения Чингиса схватил. На третий день он переименовал Бурханя в Шидурху и приказал Толуню убить его. Он говорил Толуню: „Когда, в начале войны с тангутами, я на облеве упал с лошади, ты, заботясь о моем здоровье, напомнил о возвращении; но за грубые речи врагов я воевал на них и, с помощью неба, овладел ими. Возьми себе принесенный Бурханом походный дворец вместе с сосудами“.—Чингис, овладев народом тангут, убив государя его Бурханя и истребив его родителей, детей и внуков, приказал, чтобы всякий раз, как будут подавать ему пищу, напоминали ему, говоря: „Тангу истреблен“.

Чингиз-хан, очевидно, и здесь поступил так, как он сам поступал и рекомендовал своим сподвижникам поступать с врагами: в отношении последних допускалось всякое вероломство. Чингиз-хан решил уничтожить Тангут и тангутскую династию; но, чтобы облегчить расправу с ними, он дал притворное обещание и поклялся. Ненависть его к Ли-сяну, как представителю врагов, была так велика, что он его прозвал шидурху, т. е. ночная зловещая птица, сова. Как он оформил бы нарушение клятвы, если бы расправу производил сам, трудно, конечно, сказать; но приближение смерти облегчило ему выполнение замысла. Он велел скрыть свою смерть, а когда Шидурху-Ли-сян, полагаясь на клятву Чингиз-хана и считая его живым, выйдет, можно будет убить и произвести избиение населения: ведь его наследники клятвы не давали, Рашид (Введение, стр. 121—122) также передает, что Чингиз-хан согласился признать Ли-сяня (Лунг-Шидургу, очевидно, из Ли-ванг-шидурху) сыном и дал клятву. А затем передает: „в промежутке он захворал и положил завещание, что когда он скончается, это событие пусть не обнаруживают, плача и воплей не производят, дабы враг не известился и вышел наружу по определенному обещанию; пусть всех возьмут и произведут всеобщее избиение. Весною, в год собаки, Лунг-Шидургу вышел наружу: его со всеми обителями предали мечу мщеница и взяла государство“. Таким образом, показания обоих источников сходятся.

и Тола. Однажды, охотясь в этой местности, Чингиз-хан сел отдохнуть в тени одиноко стоявшего большого дерева; он провел некоторое время здесь в тихой задумчивости, и, поднявшись, сказал, что здесь хотел бы быть похороненным. Сыновья, осведомленные об этом обстоятельстве, распорядились, чтобы его похоронили в этом месте. Окружающий участок земли через некоторое время покрылся густым лесом, который не позволил распознать, где стояло дерево, у которого были положены останки монгольского завоевателя. Несколько его потомков были похоронены в том же лесу, и охрана его долгое время вверялась тысяче из племени Урянхит, освобожденного по этой причине от военной службы¹.

¹ Djami ut-Tévarikh. По Марко Поло, Чингис был погребен на горе Алхай, „где, по словам Марко, все его родичи и наследники с тех пор избирали место для своего погребения; их тела переносят туда, будь они хотя-бы за сто дней пути оттуда. А когда переносят тело великого хана, чтобы похоронить на горе Алхай, то сопровождающие погребальный кортеж убивают всех встречных со словами: идите служить нашему государю и господину на том свете. Ибо они настолько одержимы бесом, что верят, будто убитые таким образом люди пойдут служить покойному царю на всю жизнь; да их неистовство распространяется не только на людей, но также на лошадей, которых они режут, когда те попадают на пути, думая, что они также будут служить умершему царю. Когда тело великого хама (хана) Мангу (ум. 1259), предшественника нынешнего (Кубляя), препровождалось на гору Алхай для погребения, сопровождавшие его солдаты передавали, что убили таким манером более двадцати тысяч человек“. Далее Марко Поло говорит, что, отправляясь от Каракорума на север, достигают, за горою Алхай, степей Баргу, которые тянутся на сорок дней в длину. А страна баргутов, Баргучжин, была на восток от озера Байкала; таким образом гора Алхай лежала на северо-восток от Каракорума, который находился около реки Орхона. Гобиль (стр. 54) передает, что монгольские князья из рода Чингиз-хана в его время говорили, что гора, на которой этот государь был похоронен, называлась Хан (Han), и прибавляет, что она находится под 47° 54' с. ш. и 9° 3' на запад от меридиана Пекина. Следуя этому указанию на карте Д'Анвилля, можно найти гору Кентэй-хан (Kentye-han), где берет начало Онон. Можно, следовательно, считать установленным, на основании свидетельств Рашида, Марко Поло и Гобила, что Чингиз-хан и несколько государей его рода были погребены у истока Онона и Керулэна.

„Когда великий хан умирает,—говорит Jean de Mandeville (Voyages, гл. XXXIX),—небольшое число людей переносит его в место, где он должен быть погребен. Там ставится палатка, в которой помешают усопшего на деревянном троне, а перед ним ставят стол с лучшими кушаньями. В палатку вводят белую кобылицу, покрытую богатой попой, с жеребенком, палатку со всем, что в ней находится, спускают в яму, которую зарывают так, чтобы ее совершенно не было заметно. Татары верят, что люди после смерти могут наслаждаться; вот поче-

Перед изображениями этих государей, поставленными в этом месте, постоянно жгли благовония; самое место ни для кого не было доступно, как и четыре великих Орду Чингиз-хана, которые сохранились еще столетие спустя после его смерти.

му они предоставляют своим императорам палатку для жилья, кушанья для еды, молоко для питья, серебро на расходы, лошадь для езды и кобылицу для приплода. После смерти императора никто не смеет, из страха потревожить покой усопшего, говорить о нем в присутствии его семьи".

В китайской истории китаней рассказывается, что по смерти Апаки, основателя китанской империи, его вдова Шуру велела убить несколько сот китанских сеньеров, чтобы они сопровождали покойного на тот свет (Иакинф. Записки о Монголии, т. II, стр. 160).

ГЛАВА X

Причины военного превосходства Чингиз-хана.—Состав его армии.—
Военная организация.—Его охоты.—Его законы.—Его жены.

Чингиз-хан оставил своим наследникам обширную империю, значительнейшая часть которой была некультурна и занята номадами, а другая только что лишилась населения в результате его войн. Его солдаты, обогащенные награбленной в Азии добычей, смотрели, как на сверхестественное существо, на того, кто поднял их над остальными народами и кто с презрением третировал земных владык. Между татарскими народами до него не было более жалкого, чем монголы. Со своими стадами они бродили под небом самым суровым и в наиболее высоко поднятых над уровнем океана областях Татарии; как на признак их крайней бедности, ссылаются на то, что у них только князья имели железные стремена¹. После долговременной борьбы с превратностями судьбы, этот вождь нескольких маленьких полудиких пастушеских племен вдруг увидел, что его честолюбивые стремления увенчиваются успехом. Сначала Чингиз-хан торжествует над государем, вассалом которого был; усилившись за счет побежденных, которых он заставил совершать походы под своими знаменами, он последовательно подчиняет своей власти все прочие татарские народы. Он ведет их в Китай, в Персию и отдает в жертву их хищности цветущие государства. Его завоевания неисчислимы; сотни народов признают его господство; в исступлении своей гордыни он хочет закончить завоевание мира. Он имеет претензию,

¹ Tarikh Djihankuschaï, I

что сам бог дал ему власть над миром, и, захваченный смертью посреди опустошений, произведенных им, он завещает своим сыновьям довершить исполнение своих гигантских планов.

Чингиз-хан был обязан своими триумфами силе своей воли, творческой мощи своего гения, полной неразборчивости в выборе средств. Хитрость и вероломство во всех случаях содействовали успеху его оружия. Его разрушительная деятельность, подобная великим стихийным бедствиям, распространяла на далекие расстояния ужас и отнимала у подвергшихся нападению народов мужество, необходимое для самозащиты. Никакой завоеватель не простирает дальше презрения к человечности. Никогда честолюбивый полководец не имел армии более приспособленной для выполнения его планов. Составленная из кочевников, которые все время вели жизнь солдат, которые перевозили с собой свой домашний очаг и могли существовать всюду, где только их скот и лошади находили подножный корм, эта армия имела превосходство над войсками других наций навыком к военным действиям, быстротой своих передвижений и безукоризненной дисциплиной, которую установил Чингиз-хан. Среди племен Татарики всякий человек, способный носить оружие, был военным, и каждое племя было разделено на взводы по десяти человек; из этих десяти человек выбирался один, который должен был командовать остальными девятью. Девять из этих десятников подчинялись сотнику, который имел и собственный десяток; девять сотников подчинялись начальнику тысячи и девять тысячников — начальнику десяти тысяч (темнику). Приказы государя передавались его адъютантами этому высшему начальнику и последовательно сообщались до десятников включительно. Каждое племя занимало назначенный ему округ. Когда была нужда в войсках для военной экспедиции, брали одного или несколько человек с десятка. Было строго запрещено каждому начальнику принимать в свой десяток солдата, который принадлежал другому; никто, не исключая принца крови, не имел права принять того, кто захотел бы покинуть своего начальника; это запрещение должно было теснее закреплять узы субординации. Повиновение приказу высшего лица не знало границ. Чингиз-хан хотел, чтобы государю, если кто-либо из начальников войск совершил проступок, было достаточно для наказания послать самого последнего из своих подчиненных; виновный генерал, будь он на другом конце мира и

стой во главе хотя бы сотни тысяч людей, должен был почтительно подчиниться приказаниям, которые ему были принесены этим простым посланцем, растянуться на земле, чтобы принять палочные удары, подставить свою голову, если он был осужден на смерть. „Все это очень не похоже на то, что наблюдается в других местах,—замечает Алай-уд-дин, намекая на военачальников в магометанских странах,—лишь только раб, купленный на рынке, оказывается владельцем десятка лошадей в своей конюшне, его повелитель государь должен уже разговаривать с ним обходительно, тем более, если тому поручено командование армией. Редко бывает, чтобы генерал, возвысившийся в силу своих богатств или личных достоинств, не поднял оружия против своего благодетеля. Всякий раз, когда эти военачальники должны выступить в поход, идет ли дело о нападении на врага или его отражении, им нужны целые месяцы, чтобы поставить войска на ноги. Они требуют выдачи сокровищ для уплаты жалованья солдатам, численность которых в мирное время они чрезвычайно преувеличивают, а когда им приходится представлять их на смотр, то они вынуждены для пополнения рядов взаимно одолжать солдат друг другу“¹.

У татар, напротив, каждый воин не только не получал платы, но ежегодно доставлял своему начальнику известное число лошадей, голов скота, кусков войлока и других предметов. Хотя бы он находился на войне, он не освобождался от государственных повинностей; его жена или всякое другое лицо, которое он оставил в своем местожительстве, должны были вместо него относить те службы, к которым он был назначен. „Человек,—говорил Чингиз-хан,—не может быть всюду, как солнце. Нужно, чтобы жена, пока ее муж находится на войне или охоте, поддерживала его хозяйство в добром порядке, чтобы посланец государя или всякий другой путешественник, входя в юрту, видел ее хорошо прибранной и мог найти в ней хороший обед; это послужит к чести ее мужа; о достоинстве мужа будут судить по достоинству его жены“.

Этот завоеватель хотел, чтобы его офицеры держали свои войска в такой боевой готовности, чтобы последние были готовы по первому приказу сесть на коней. Он говорил, что тот, кто хорошо командует своим десятком, заслуживает, чтобы ему вверили командование тысячью.

¹ Tarikh Djihankuschai.

„Но если десятник, — прибавлял он, — не умеет вести своего взвода, я предаю смерти его самого, его жену и детей, и выбираю из его десятка нового десятника. Я также поступаю в отношении начальников сотен, тысяч и десятков тысяч“. Он убеждал своих главных военачальников являться в начале каждого года к нему за приказаньями и наставленьями. „Те, — говорил он, — которые вместо того, чтобы являться ко мне за получением моих инструкций, будут оставаться в своих стоянках, будут иметь участь камня, который брошен в глубокую воду, или стрелы, которая попала в камыши, они пропадают; такие люди не заслуживают командованья“. Он хотел, чтобы его офицеры неослабно заставляли своих сыновей упражняться в верховой езде, стрельбе из лука, в борьбе, дабы они могли надежду на возвышение полагать в своей храбрости, как купцы возлагают ее на свое знание парчевых тканей и других драгоценных товаров, которыми они торгуют.

Он отмечал, что всегда заботился о том, чтобы каждого употреблять в дело сообразно с его способностями. „Я отдавал, — говорил он, — командование войсками тем, кто соединял ум с храбростью; другие были деятельны и расторопны, я им доверял заботу об обозе; что касается малоповоротливых, я велел давать им бич в руки, и они отправлялись смотреть за скотом. Вот благодаря этой внимательности, установлению порядка и дисциплины я достиг того, что мое могущество росло изо дня в день, подобно новой луне; я получил помощь неба, внушил почтительный страх и подчинил себе землю. Если мои потомки, наследники моей державы, будут следовать тем же правилам, они пятьсот, тысячу, десять тысяч лет равным образом будут спомоществуемы небом. Бог преисполнит их своими милостями, люди благословят, и они в течение продолжительных царствований будут наслаждаться всеми земными радостями“¹.

Он рекомендовал своим преемникам, прежде чем предпринимать поход, производить смотр своим войскам и проверять вооружение солдат. Независимо от лука, стрел, топора каждый человек, согласно уставу, должен был иметь напилек для точки стрел, грохот, шило, иголки и нитки. Военного, у которого оказывалась недостача какого-нибудь из этих предметов, наказывали. Наилучше

¹ Djami ut-Tévarikh.

вооруженные носили также несколько кривые сабли и прикрывали себе голову и тело шишаком и броней из кожи с железными пластинками. Монгольский хан оставил инструкции относительно способа ведения войны, обращения с покоренными народами и завоеванными странами¹. Его установления не дошли до нас; можно найти лишь некоторые извлечения из них у авторов той эпохи; но история завоеваний монголов в различных странах Азии и Европы и описания европейских путешественников тринадцатого века знакомят нас с основными чертами их военного искусства.

Прежде, чем напасть на какую-либо страну, Чингизхан предлагал ее государю подчиниться; его требования излагались кратко и заканчивались следующими словами: Если вы не подчинитесь, можем ли мы знать, что произойдет; знает это только бог один².

Становясь вассалом монголов, государь обязывался доставить заложников, дать сведения о численности своих подданных, принять монгольских правителей для своих областей, уплачивать значительную дань, которая составляла обычно одну десятую часть произведений страны, включая и людей, которых эти варвары расценивали наравне со скотом. Участь народа, который подчинился мирно, почти не была более счастливой, чем участь завоеванной страны; его разорение совершалось только более медленно; он был предоставлен произвольной власти и вымогательствам монгольских военачальников, все действия которых носили отпечаток коррупции, соединенной с варварством.

Походу монголов предшествовал общий сейм, к у р и л т а й, составлявшийся из принцев крови и главных военачальников; на нем устанавливали все, что касалось формирования армии, сколько человек с десятка должны были идти в поход, место и время явки войсковых частей. Чингизхан не вступал во вражескую страну, не будучи хорошо осведомлен о внутреннем положении в ней; он старался обзавестись в ней сторонниками; привлекал к себе на службу недовольных, которых он соблазнял перспективой наживы от грабежа сограждан, обещанием наиболее важных должностей. Монголы одновременно с разных сторон проникали в страну, в которую совершали нашествие, и разделялись на отряды, которые беспощадно истребляли

¹ Tarikh Djihan kuschaï.

² Там же.

сельское население, избавляя от смерти лишь известное число пленных, оставлявшихся ими для необходимых работ в лагере или перед осажденными крепостями. В то время, как они опустошали область, около крепостей и замков располагались наблюдательные отряды, чтобы удерживать в них гарнизоны. Прежде, чем штурмовать большой город, взятие которого они считали трудным, они опустошали всю страну вокруг. В самый момент, как обложить его, они старались нанести возможно более значительные потери его гарнизону, завлекая его в засаду; несколько эскадронов пускались производить опустошения и гарцовать под самыми стенами города, чтобы заставить выйти для преследования наиболее храбрых граждан и воинов, которые обычно и становились жертвой своей горячности. Монголы замыкали осажденную крепость контрваллационной линией. Тысячи пленных приводились под неприятельские укрепления, и их употребляли на наиболее тягостные работы и наиболее опасные военные операции, и если осажденные сопротивлялись лживым обещаниям и страшным угрозам, которые ежедневно расточались по их адресу, в то время, как рвы засыпались, а батареи катапульт разрушали стены, то пленных и реквизированных людей заставляли идти впереди на приступ.

Штурм велся день и ночь войсками, которые сменяли поочередно друг друга, не давали ни минуты отдыха осажденным и быстро выводили их из строя. Чингиз-хан нашел в Китае и Персии инженеров для постройки всевозможных военных машин, которые были в употреблении в эту эпоху. Огонь и вода одинаково употреблялись монголами для разрушения неприятельских городов; они пользовались греческим огнем и изыскивали способы для отвода рек из их русла с целью затоплять те города, которые им сопротивлялись. Иногда они проникали внутрь крепости по подземным подкопам. Чтобы завладеть неожиданно крепостью, они снимали осаду, удалялись на большое расстояние, а потом, оставив обоз, налегке возвращались с величайшей быстротой, принимая всевозможные меры предосторожности, чтобы скрыть от неприятеля свое движение. Они редко отказывались от осады крепости, а если она была так хорошо защищена своим положением, что они не могли взять ее приступом, они держали ее в осаде иногда целыми годами. Особенно часто они прибегали к вероломству для выполнения своих намерений; они не скупились ни на какие обещания, чтобы заставить открыть ворота городов, которыми они хотели овладеть, а когда чересчур доверчивые

жители капитулировали, они вырезали их вопреки самым торжественным клятвам. Ничто не могло спасти от разрушения значительный город; подчинились его жители добровольно, выходили ли они к монголам с мольбами о пощаде, их все равно избивали; ибо эти варвары не желали оставлять позади населения, которое могло им причинить беспокойство. ^ЖСчитая ни во что человеческую жизнь, они в завоеваниях видели только временную добычу и приобретение пастбищ для своих стад¹.

При приближении неприятельской армии, отряды, рассеявшиеся в целях грабежа или в поисках пастбищ, спешно сосредоточивались. Монголы стремились уничтожить своих врагов скорее хитростью, чем открытой силой; они не имели особых притязаний на рыцарскую храбрость и в своем способе ведения войны они походили на хищных животных. Поскольку это было возможно, они нападали на противника неожиданно и завлекали в засады. Если они видели перед собой внушительные силы, они отступали на несколько дней пути или занимали сильную позицию в ожидании, когда неприятельские войска разделятся. В сражении они стремились их окружить; если они натыкались на мужественное сопротивление, они открывали свои ряды и давали возможность отступления окруженному врагу; затем они пользовались беспорядком при бегстве для более легкого уничтожения врага. В других случаях они повертывали спины, чтобы завлечь его за собой, и так как они были легко вооружены и каждый монгол имел заводных лошадей, то, увидев, что неприятельская кавалерия утомлена преследо-

¹ В „Историческом зеркале“ (Speculum historiale) Винцентия мы имеем верное изображение монгольской нации в тринадцатом веке, составленное автором-современником, главным образом, на основании известий доминиканца Симона де Сэн-Кентэна, посланного папой Иннокентием IV в 1245 г. с тремя другими монахами того же ордена в расположение ближайшей татарской армии с целью обращения этих варваров в христианство или, по крайней мере, с целью внушения им более человеческих чувств. Вот некоторые черты, относящиеся к поведению монголов в отношении врагов.

„Пролитие крови у них считается вроде пролития воды, а поверженные человеческие тела как бы за разбросанный навоз. Они с восторгом хвалятся убийством людей; во множестве убитых их душа находит жалкое наслаждение. Много в них также коварства, лживости и обмана, отчего, когда им приходится при осаде какой-либо крепости слишком долго простаивать, они прельщают осажденных ласковыми речами и дают им разные обещания, чтобы те предали себя в их руки. И если те в самом деле сдаются, они им говорят: „Выходите к нам; нужно вас исчислить, согласно нашему обычаю“, а когда те к ним выйдут, они оставляют тех, кого считают мастерами и художниками, а остальных, за исклю-

ванием, они поворачивались ей навстречу на свежих лошадях или на бегу они растягивали свою линию, концы которой охватывали быстрым обратным движением неприятеля, неблагоразумно выдвинувшегося сильно вперед. Они начинали атаку издалека, пуская стрелы; так же они поступали и во время бегства, пользуясь саблями лишь для завершения победы. Их конные отряды повиновались известной сигнализации и маневрировали с величайшей подвижностью. Солдаты, убежавшие в одиночку или уклонившиеся от боя для грабежа, наказывались смертью.

Во время своих походов монголы ежегодно в течение нескольких месяцев давали себе отдых, главным образом, для того, чтобы поправить лошадей; но прежде, чем пойти на стоянку, они опустошали всю прилегающую страну на большое расстояние, чтобы быть в большей безопасности. Они предавались тогда отдыху, наслаждаясь всюду разными благами, плодами своих грабежей, и пользуясь услугами огромного числа пленных обоюдо пола, которых пощадили за их молодость или красоту. Участь этих несчастных была более еще достойна жалости, чем участь их сограждан, скошенных монгольским оружием. Почти нагие, истощенные голодом и усталостью, они были на положении самых презренных животных¹. Тысячи молодых женщин, привыкших к утонченной азиатской роскоши и воспитанных в строгом уединении, которое предписывали им восточные нравы и магометанский закон, вырывались из рук родителей, которые тут же на их глазах умерщвлялись, таскались за своими похитителями, наружность которых была

чением удерживаемых при себе в качестве рабов, забивают камнями. Даже взятых в плен в бою они умерщвляют, если только случайно не захотят кого-нибудь сохранить, чтобы держать в вечном рабстве. А назначенных к избиению разделяют по сотникам, чтобы перебить их секирами, а те распределяют по пленным, и каждому рабу достается для избиения десять, а то больше или меньше, как угодно начальникам. Они ничего не выполняют из того, что обещали тем, кто сдался, но всегда выискивают и предъявляют против них какие-нибудь обстоятельства. Поэтому всегда от них следует ожидать, что они чаще будут биться при помощи обмана и коварства, чем при помощи храбрости⁴.

„Таким, что запираются в крепостях, они говорят, что они считают их за своих поросят, запертых в хлев, и что они более за них спокойны, чем за других и радуются, что они как-бы в их руках“. Пер. (У Д'Оссона дан латинский текст; мы даем русский перевод. П. п.).

¹ Винцентий сообщает, кн. XXIX, гл. 84, что иногда татарин выбирал одного из своих рабов, который заранее предназначался быть похороненным живым в его могиле.

противна им, а привычки отталкивающие, и служили игрушкой для удовлетворения их животных инстинктов.

Чтобы обеспечить себе спокойное обладание завоеванной страной, Чингиз-хан заставлял вырезать ее население, разрушал ее города и крепости. Опустошения составляли основную часть военной системы монголов и выполнялись методически. Чингиз-хан предлагает в своих постановлениях истреблять те народы, которые отказываются подчиниться, и те, которые произвели восстание. Согласно жестокому праву войны татарских народов, семья и имущество побежденного становились собственностью победителя. Но что делать с множеством пленников в очень населенной стране? Монголы вырезали тех, кого не хотели сохранить; если они сохраняли известное число их, чтобы употребить против их собственных сограждан, то в момент ухода из страны они избивали их всех поголовно.

Услуги, которые монголы извлекали из пленных, контингенты вспомогательных войск, которые они требовали от своих вассалов или побежденных народов, военные подкрепления, которые они себе добывали, допуская под свои знамена другие кочевые народы, жаждавшие принять участие в разделе добычи, награбленной у цивилизованных наций; заботливость, с которой они старались пустить вперед пленных и вспомогательные войска в особо опасных случаях,—все эти обстоятельства объясняют, как могло случиться, что монгольские армии лишь едва были ослаблены отдаленными и продолжительными походами и кровопролитными осадами. А кочевая жизнь предохраняла их от губительного действия южных климатов.

Чингиз-хан говорил, что в мирное время солдат, находясь среди народа, должен быть тих и кроток как теленок, но на войне он должен кидаться на врага, как голодный ястреб падает на свою добычу.

Говоря однажды о достоинстве своих генералов, он сказал: „Нет человека более храброго, чем Иессутай; ни у кого нет более редких качеств; но так как самый долгий поход не может утомить его, так как он не чувствует ни голода, ни жажды, он думает, что и его офицеры и солдаты не больше от этого страдают; вот поэтому то он не годится для командования. Нужно, чтобы генерал не был нечувствителен к голоду и жажде, чтобы он мог сознательно относиться к страданиям тех, которыми он командует; нужно, чтобы соразмерял величину переходов и бережно расходовал силы людей и лошадей“.

Этот завоеватель однажды спросил у нояна Бургучжи, одного из главных своих генералов, в чем, по его мнению, заключается величайшее удовольствие человека. „Отправиться на охоту,—ответил тот,—в хороший весенний день, на хорошем коне с ястребом или соколом на руке и смотреть, как он бьет свою добычу“. Государь тот же вопрос задал генералу Бургулу, а затем и другим военачальникам и те ответили все, как Бургучжи. „Нет,—возразил Чингиз-хан,—величайшее наслаждение человека состоит в том, чтобы победить своих врагов, гнать их перед собой, отнять у них то, чем они владеют, видеть лица дорогих им людей в слезах, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен“¹.

В своих указах Чингиз-хан рекомендует своим сыновьям упражнение в охоте, которую он называет школой для война; он хотел, чтобы монголы, когда не воюют с людьми, вели войну с животными. Начало зимы было сезоном большой охоты, которая походила на военный поход. Сначала посылали на разведку людей посмотреть, достаточно ли дичи. После их доклада отдавался приказ по племенам, имевшим стоянки по радиусу на расстоянии одного месяца пути, выставить определенное число людей от десятка, чтобы образовать круг и гнать дичь к назначенному месту. Эти войска делились на правое крыло, левое крыло и центр; они имели во главе своих генералов, которые брали с собой жен и наложниц. Во время передвижения этих войск, посылаемых во все стороны, офицеры докладывали монарху о состоянии добычи и местах, куда ее гонят. Кольцо охотников, сначала раздвинутое на огромное пространство, суживалось до тех пор, пока солдаты не оказывались сомкнутыми плечо к плечу вокруг места, назначенного для охоты; последнее огораживалось, в окружности приблизительно десяти километров, кошмами подвешанными на веревках. Охотники должны были внимательно сохранять свои ряды и не выпускать добычи; малейшая небрежность влекла наказание палками. Император первый входил в ограду в сопровождении своих жен и свиты; он забавлялся, стреляя по огромному числу всех видов животных, которые заполняли это тесное пространство. Когда он уставал убивать, он удалялся на возвышение в центре круга, чтобы смотреть на охоту принцев крови, ноянов и генералов;

¹ Djami ut-Tévarikh.

после них могли предаваться этому же удовольствию простые офицеры и в конце концов солдаты. Это развлечение длилось несколько дней. Когда оставалось лишь ничтожное количество дичи, выступали старики и выпрашивали пощаду тому, что уцелело от избиения. Этих животных выпускали на свободу, чтобы дать им возможность размножиться и доставить материал для охотничьих развлечений в ближайшем будущем; тогда стольники императора распределяли добычу; неделя проходила в удовольствиях, а затем войска возвращались в места своих стоянок¹.

Чингиз-хан, по примеру того, что существовало уже в Китае, учредил на больших дорогах ямщицкие станции, чтобы облегчить путешествия чиновников, послов и курьеров. Почтовых лошадей должны были поставлять обыватели, которые были обязаны также доставлять содержание курьерам и повозки для отправки собранных податей. Особые правила предписывали порядок пользования, которого должны были держаться лица, имевшие право на взимание лошадей. Безопасность на дорогах, обеспеченная суровой полицией, позволила иностранцам разъезжать по Татарии, которую до того делали для них недоступной грабежи многочисленных независимых племен.

Чингиз-хан суровыми законами подавлял пороки и беспорядки, царившие среди татарских народов. Он говорил, что до него ничто не было так часто, как воровство и прелюбодеяние; ребенок не слушался своих родителей, младший не повиновался старшему; муж не имел доверия к жене, а жена не подчинялась мужу; богатые не помогали бедным и низший не почитал высших; наконец, разбой оставался безнаказанным. „Но, — добавлял он, — когда я объединил эти народы под моей державой, моей первой заботой было установить среди них порядок и справедливость“².

Его кодекс грозил смертной казнью за убийство человека, кражу, нарушение супружеской верности, распутство и содомию. Тот, кто в третий раз утратил доверенные ему капиталы; кто скрывал беглых рабов или найденные вещи; кто поднял вещь или оружие, которое кто-нибудь обронил в бою и не отдал владельцу; кто

¹ Tarikh Djihankuschai.

² Djami ut-Tévarikh.

пользовался волшебством с целью повредить другому; кто вмешивался в поединок, помогая одному из дерущихся, признавался также заслуживающим смерти¹. Обвиняемый, за исключением случая, когда он был захвачен на месте преступления, не мог быть осужден, если он не сознался в своем преступлении; но чтобы заставить сознаться в последнем, его предавали пыткам. Незначительные кражи наказывались палочными ударами².

Чингиз-хан своими законами освятил некоторые из суеверных представлений татарских народов, которые воображали, что целая куча вещей, безразличных по существу, приносит несчастье или привлекает гром, которого они сильно боялись. Он строжайше запретил мочиться в воду или на пепел, перешагивать через огонь, стол, тарелку; обмакивать руку в текущую воду—ее нужно было почерпнуть в какой-нибудь сосуд; мыть одежду—ее нужно было носить до тех пор, пока она совсем не износится. Чингиз-хан не желал, чтобы говорили, что какая-нибудь вещь грязная; по его мнению, все было чисто³.

Чтобы убить животное, мясо которого употребляется в пищу, нужно было, связав ему ноги, распороть грудь, просунуть руку и зажать сердце. Тому, кто резал животное по способу мусульман, должно было самому перерезать горло⁴.

¹ Kitab-ul-movaiz v-el itibar, bi zikr-il khittat v-el Assar (Описание Египта) Ахмеда Ибн-уль-Макризи, т. III.

² Rubriquis, Voyage en Tartarie, глава X; Marc Paul, Voyage en Orient, кн. I, гл. 60.

³ Tarikh Djihankuschaï, I; Djami ut-Tévarikh; Kitab-ul-movaiz. „Монгольские женщины,—говорит Рубруквис (Voyage, гл. IX),—никогда не моют платья, говоря, что бог гневается и посылает гром, когда его развешивают для просушки. Они не моют суповых чашек иначе как горячим бульоном, который снова выливают в котел“. Карпини говорит то же самое: „Vestes suar nen lavant nec lavari permittunt, et maxime a tempore quo tonitrua incipiunt usque quo desinat illud tempus“ (т. е. одежд своих не моют и не позволяют мыться, особенно в промежутки времени между началом ударов грома и концом непогоды).

Паллас сообщает, что закон Чингиз-хана, упоминаемый Аб-уль-Гази и запрещающий мыть водой домашнюю утварь, до сих пор благоговейно соблюдается калмыками, которые очищают ее только сухой травой или войлоком (Sammlungen histor. Nachrichten, том 1, стр. 131). Согласно Плано Карпини, татары остерегались касаться огня ножом, доставать последним или похожим орудием мясо из котла, ударять топором вблизи огня; они имели много и других суеверных предрассудков в этом роде, которые, может быть, имели источником боязнь нанести оскорбление стихиям.

⁴ Tarikh Djihankuschaï; Djami ut-Tévarikh; Kitab ul-movaiz. Калмыки сохранили этот способ убивать баранов. „Они

Чингиз-хан хотел, чтобы монголы оказывали самое широкое гостеприимство, когда они принимают пищу; они должны были разделять ее со всяким, кто пожелал бы сесть рядом с ними; не позволялось никому отказывать. Надлежало также, чтобы гость вкушал блюда прежде своего сотрапезника, хотя бы между ними была большая разница в общественном положении¹.

Чингиз-хан восставал против неумеренного употребления спиртных напитков: „Пьяный человек,—говорил он,—глух, слеп и лишен рассудка. Он не может держаться прямо; он как бы оглушен подобно тому, кого ударили по голове. Все его уменье, все таланты ни к чему; кроме стыда он ничего не может получить. Властитель, преданный питью, неспособен ни к чему великому. Военачальник, который напивается, не может держать в порядке свою часть. Этот порок губит всякого, кто ему предается. Если нельзя совсем обойтись без питья, надо, по крайней мере, стараться не напиваться более трех раз в месяц; напиться только один раз было-бы лучше; совсем не пить еще лучше; но где найдешь такого, кто бы никогда не напивался“.

Чингиз-хан усиленно рекомендует своим приемникам не оказывать предпочтения никакой религии, обращаться одинаково с людьми всех культов. Он был убежден, что для божества имело мало значения, каким способом его

опрокидывают их на спину,—говорит Паллас (S a m m l i n g e n, т а м ж е, стр. 128),—делают надрез вдоль груди, просовывают туда руку и вырывают сердце; этот способ убоя животных был введен у всех монгольских народов во время великого Чингиз-хана, как говорят калмыки“.

¹ Kitab ul-шогаиз. Такое же свидетельство о гостеприимстве монголов можно найти в „Историческом зеркале“ Винцентия, кн. XXIX, гл. 75. Автор, сказав, что татары так жадны, что хотят иметь все, что видят в чужих руках, что они всегда держат открытую руку, чтобы выпрашивать, и закрывают, когда нужно давать; что они так скупы, что употребляют в пищу только тех животных, которых приходится убивать из-за болезни или несчастного случая и что даже те из них, которые живут в полном довольстве, неспособны притти на помощь нуждающемуся,—прибавляет: „У них одно только заслуживает похвалы, что они допускают разделять с ними пищу всякого, кто придет в это время“. Он описывает их в то же время, как очень неопытных в манере есть; он говорит, что они с удовольствием едят мясо крыс, собак и кошек, и даже высказывает предположение, что они пожирают человеческое мясо в жареном или вареном виде. Плано Карпини говорит по этому предмету: „Пищей им служит все, что можно съесть; мы видели даже, как они ели вшей“, и на счет их жадности: „Когда нужно выпросить, они величайшие вымогатели; чрезвычайно крепко держатся за то, что имеют; очень скупые дарители“.

чтили. Сам он верил в высшее существо, но обожал солнце и следовал грубым обрядам шаманизма.

Он изъял от всяких податей и каких-либо повинностей служителей различных культов, монахов, нищих, врачей и других ученых.

Пренебрежительно относясь к пышным титулам, которыми обычно украшали себя азиатские монархи, он рекомендовал государям своей династии не принимать их. По его примеру его преемники также приняли только титул хана или каана; принцы крови называли государя его собственным именем и в его письмах и грамотах это имя не сопровождалось никакими почетными титулами. Письменные документы, вышедшие из канцелярий Чингиз-хана, составлены просто и кратко; он не одобрял напыщенности персидского стиля¹.

Когда он завоевал Трансоксанию, один из секретарей султана Мохаммеда явился к нему с предложением услуг; он принял их. Получив рапорт своего генерала Чжебэ, который, между прочим, сообщал ему, что противодействие государя Мосула, Бедр-уд-дина Лулу, заставило его отказаться от намерения напасть на Сирию, Чингиз-хан приказал этому секретарю написать мосульскому государю в следующих выражениях: „Бог даровал нам власть над землей. Те, кто подчинится и пропустит наши войска, сохраняют свои государства, свои семейства, свое имущество; что касается остальных, один бог знает, что с ними будет. Если Бедр-уд-дин подчинится, он найдет в нас друга; если нет—что станется с Мосулом по прибытии нашей великой армии?“ Секретарь изложил это письмо на персидском языке очень напыщенным стилем, не пропустив ни одного из пышных эпитетов, которые употреблялись по адресу магометанских государей. Когда камерарий Чингиз-хана Данишменд перевел ему письмо по-монгольски, тот остался недоволен этим произведением и сказал своему секретарю, что это не то, что он продиктовал. Секретарь ответил, что он следовал

¹ Tarikh Djihankuschai, т. 1. Из сообщений европейских путешественников XIII века и по некоторым документам, исходящим от преемников Чингиз-хана, все-таки видно, что эти государи принимали титул сына бога, по примеру китайских императоров, и титуловали себя повелителями вселенной.

Примеч. переводчика. В китайской и турецко-монгольской терминологии понятия бога и неба сливаются; сын неба (тенгри, тянь), или рожденный небом, не совсем тождественны с понятием „сын бога“; небо, как божество, не имеет подчеркнутого элемента личности, личного бога.

принятым формам. „Ты предатель,—возразил в гневе Чингиз-хан,—ты написал письмо таким образом, что, прочтя его, мосульский князь еще более осмелеет“, и велел предать его смерти.

Постановления и наставления Чингиз-хана были редактированы, по его повелению, на монгольском языке и написаны уйгурским письмом, который этот государь велел изучить молодым людям своей нации. Экземпляры этого сборника законов, озаглавленного Улуг Яса или великие повеления, бережно хранились в архивах его потомков. Во всех важных случаях эти государи, собираясь на совещания, заставляли приносить свитки, содержавшие заповеди Чингиз-хана, и с благоговением справлялись с ними¹.

Он сам возложил специально на своего сына Чагатая, суровый характер которого он знал, поручение наблюдать за исполнением его законов. Он говорил, что если его наследники не станут следовать правилам, которые вознесли его над остальными людьми, которые утвердили его державу, если они не будут поддерживать строгой субординации, их власть подвергнется немедленно потрясению и неукоснительно будет обречена на падение. „Тогда,—добавил он,—они запросят Чингиз-хана“.

„Мои потомки,—говорил он также,—будут одеваться в златотканые материи, будут питаться отборными кушаньями, ездить верхом на превосходных лошадях, будут обнимать молодых и красивых супругов и не подумают, кому они обязаны всеми этими наслаждениями“².

Чингиз-хан имел до пятисот жен и наложниц. Этими последними были пленницы из всех народностей или монгольские девушки, ибо, согласно установившемуся тогда обычаю, который соблюдался и наследниками Чингиз-хана, по племенам производили набор наиболее красивых девушек или для самого государя или для принцев из его дома. Все те, которые принадлежали людям той

¹ Постановления Чингизовского кодекса, которые приводились выше, находятся в Истории Алай-уд-дина, в Истории Рашида, в Историческом зеркале Винцентия и в Описании Египта Макризи. Этот последний получил подробности, которые у него приведены, от одного из своих друзей, который видел экземпляр Усы Чингиз-хана в библиотеке училища Мостансира в Багдаде.

См. т. III, ст. Nađjib. Одно место у Рашида, повидимому, указывает, что эти законы были составлены во время пребывания Чингиз-хана в его Орду по возвращении из Персии, т. е. в 1225 году. „Этот государь,—говорит он,—издал тогда подробные постановления“.

² Djamī ut-Tévarikh.

или иной сотни, подвергались осмотру соответствующим военачальником, который отбирал красивейших и представлял их начальнику тысячи. Этот высший начальник производил отбор в свою очередь, и избранный цвет каждой тысячи представлялся хану командующим десятью тысячами. Девушки, которых государь не оставлял для сожительства с собой, раздавались его женам или раздаривались его родственникам¹.

Между супругами Чингиз-хана было пять высшего ранга с титулом великой госпожи. Первой из всех была Бурте, пожалованная китайским титулом фужинь, который императоры Китая давали тем из своих жен, которые занимали первое место после императрицы². Она была дочерью нояна Даина (Таин), главы племени хонкират, и матерью Чжучи, Чагатая, Оготая и Тулуя, а также пяти дочерей, которые были выданы замуж за племенных князей. В монгольских семьях супруга, занимавшая первое место, пользовалась известным авторитетом над остальными, и так как ранг детей определялся рангом матери, те, которых произвела на свет Бурте, сохранили огромное преимущество над остальными детьми Чингиз-хана. Вторая из жен, Кулан, была дочерью главы меркитов; от нее был один сын, Гулган³, о котором кроме имени ничего неизвестно. Третья и пятая супруги были двумя сестрами, татарками, по имени Исукат и Исулун⁴. Четвертая по положению Гекчжу (Gueukdjou) была дочерью цзиньского императора. Чингиз-хан, сверх того, имел в числе своих жен племянницу Ван-хана и вдову Таяна. Остальные были дочерьми военачальников и глав отдельных орд⁵.

В одну ночь, которую он проводил в стоянке племянницы Ван-хана, по имени Абика, дочери Джагамбу, его сон был потревожен страшным сновидением. Проснувшись, он сказал этой принцессе, своей супруге, что он был всегда ею доволен, но что в сновидении, которое

¹ Tarikh Djihan kuschaï. Карпини говорит, что если император попросит для себя чью-нибудь дочь или сестру, она немедленно ему доставляется; что каждый год, а иногда каждые два или три года он приказывает собирать девиц своей страны, чтобы выбрать тех, которых ему будет угодно, а остальных он раздает своим придворным.

² Mailla, Hist. de la Chine, VI, стр. 40

³ У Рашида (перев. Березина) Кулькан. П. п.

⁴ У Рашида—Мисукэт и Мисулун; в Ючмш.—Есуй и Есугань. П. п.

⁵ Djami ut-Tévarikh.

он только что имел, бог велел ему уступить ее другому; что он просит ее не сердиться на него за это; в то же время он громко спросил, кто находится за шатром. На карауле был в эту ночь ноян Кейтей (Kehti); он отозвался. Чингиз-хан приказал ему войти и сказал, что отдает ему в замужество эту госпожу и так как Кейтей-нойон стоял, онемев от удивления, он уверил его, что говорит серьезно; потом, обращаясь к принцессе, он сказал, что дарит ей орду, где она жила, со слугами, вещами, табунами и стадами, которые к орду принадлежали; он оставил себе только стольника и золотую чашу, которые он пожелал сохранить на память об этой принцессе. Абика, таким образом стала супругой Кейтея, нояна из монгольского племени урут, который командовал четырьмя тысячами левого крыла¹.

Конец первого тома.

¹ Djamî ut-Tévarikî, параграф о монголах урут. Чингиз-хан имел пять дочерей от Буртэ-фучжинь; первая, Кучи-Бики, была отдана замуж за Тегун Туку, из племени Икирас; вторая, Чичеган, за Туралчжи, сына Кутука Биги, хана удуют-меркитов; третья, Алакай Бики, за Чинкуя, сына хана онгутов; четвертая, Тумалун, за Гургана, сына хана кункуратов и пятая, Алталун, за Чавер Сагана, сына Тайчжу, главы олхунутов.

Примеч. перев. В перев. Березина, первая дочь названа Худжин (монголизиров. — фуджинь)-биги; ее муж Буту-куркан (куркан — зять); вторая, Чичакан, за Дуралджи-курканом, сыном Хотуга-бики, главы ойратов (а не удуют-меркитов), третья, Алагай-биги, за племянником онгутского князя Алакуш-тикина, Шихуем, четвертая, Тумалун, за хонкиратским нояном Дайркай-курканом (в другом месте мужем Тумалун назван Шингку-куркан, сын Дарги-гуркана). См. Введение, стр. 150 и 152. Пятая, Алталун, была за Баджу-курканом, сыном олхунутского нойона Улар-куркана, брата матери Чингиз-хана, Олун-фучжинь (или Олун-экэ).

К ГЕНЕОЛОГИЯ ЧИНГИЗ-ХАНА

(Примечание III)

(По Djami ut-Tévarikh и Mo'izz-ul-Anssab)

Бурте-чино, вышедший из гор Иргэнэ-кун.

Бетеджи-каан

Тамалж (Таманак)

Кабчу-мергэн (Хорндар-мергэн)

Кучим-Бугурул

Нигэ-Индун

Сам-Сауджи

Кали-Каджу

Дубун-Бали

Бугунуты Бильгунуты

Алун-гова, вдова Дубун-Балина.
ветвь Монголов-Пирун

Буху-Хатаки Вухаджи Сальджи (Буху Сальджиго) Буданджар
в. Хатакинов в. Сальджутов в. Сальджиутов,

Буха (Бикер-Багатур)

Дутум-Мэнен (Маха-Тодак)

Кайду-хан (Качи Кулуку)

Бай Шингор

Чергэ Лингкум
в. Тайджутов

Джауджин-Ердэки
в. Эриканоу
и Сиджутов

Туменай-хан

(Тумбагай Сецен)

Кенду Чино Улукчино
Оба брата родоначальники в. Чиниз

Амбагай Каан

Кадан Тайши Тудай

Джакеу Барим-Ширату-Кайнджу Качули Сим-Качун Бат-Килгай Кабул-хан Удур-
Балин Буданджар-Дукалан Чинатай Учуген
в. нуякинов в. берулас в. хидеркии в. будат в. кият в. джаджер-
рат в. дукалат р. йисеутов
в. Урутов
в. Мингкутов.

Укин Баркан Бартам Бахадур Хутуху-Мунгер Кадан Бахадур Кубилай-Каан Бадав-Учуген
в. кият буркии Джучи-хан Худжир

Сурхактур-Бурга

Байджу

Селже Биги

Мунгду Киян Некун Тайши Ийсугай Бахадур Дарнтай-Учуген
(Менгету Сецен) в. хойи ериган в. кият бурджуги

Алтан

Бильгутаи Ноия

Темучин Джучи Хасар Каджуи (Каджинкен) Темугу-Учуген

Чауту

Нэху Куту Йессунку Илчидай Тогачар Ноия

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1

(стр. 35)

„Лесных урянхитов (ourianguites),—говорит историк Рашид,—называемых так потому, что они обитают в необозримых лесах, не надо смешивать с урянхитами монгольского происхождения. Они не живут в кибитках (sous les tentes); они одеваются в звериные шкуры и питаются мясом диких быков и баранов, ибо у них нет домашнего скота, и они выказывают даже величайшее презрение к пастушеским народам. Так, самой страшной угрозой, которую отец или мать могут обратить к своей дочери, является угроза, что они ее выдадут за человека, который заставит ее пасти баранов; говорят, что девушки тогда вешались с отчаяния. Когда урянхиты меняют местопребывание, они перевозят свое имущество на спине диких быков. Они никогда не выходят из своих лесов и не имеют другого убежища, кроме шалашей, сделанных из веток и покрытых берестой, корою березы. Делая насечки на этом дереве, они получают сладкий и приятный напиток. Они воображают, что нет более счастливого образа жизни, чем ихний. и думают, что жители городов и даже пастушеские народы ведут самую жалкую жизнь. Их страна, покрытая высокими горами и дремучими лесами, отличается сильными холодами, и они зимою охотятся большей частью по снегу. Тогда они привязывают к ногам доски, которые они называют чана, и, держа в руке палку, которую они погружают в снег так, как лодочник погружает свой шест в воду, чтобы заставить двигаться свою лодку, пробегают по равнинам, поднимаются и спускаются с гор с такой быстротой, что настигают быков и других животных. Они складывают свою добычу на сани, которые следуют за ними, и легко тащат по снегу груз в две-три тысячи меннс¹. Кто не привык бегать на таких лыжах, может поранить себе ноги, особенно при спуске; но при умении ими пользоваться, можно одолевать большие расстояния. Такую штуку нужно самому увидеть, чтобы поверить. Когда султан Газан (монгольский монарх Персии в начале че-

¹ Одна мена или мина весит два фунта.

тырнадцатого столетия) услышал об этом, велел привести уроженцев этой страны, и они проделали при нем то, о чем ему рассказывали. Такие чана в употреблении в большинстве стран Туркестана и Моголистана, особенно в Бургучжин Тугруме, у хори (couris), киргизов, урасутов (orassoutes), теленгутов и туматов (Djami ut-Tévarikh).

Эти подробности полностью совпадают с тем, что сообщает на счет образа жизни современных нам тунгусов Георги в своем труде под заглавием *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche*, том 1, стр. 242—268.

Обширная область, в которой живут тунгусы в Восточной Сибири, называется Урянхаем. Это имя очень сходно с тем, какое монголы, давали этому народу в XIII столетии (см. *Recherches sur les langues tartares*, par Abel Rémusat, Paris, 1820, 1, стр. 4).

Рубруквис (гл. 39) также упоминает об оренгаях¹, „которые подвывают к своим ногам хорошо отполированные кости и двигаются на них по смерзшемуся снегу и по льду с такою быстротою, что ловят зверей на бегу и даже птиц“.

Примечание II

(стр. 33)

Рашид делает в первой части *Djami ut-Tévarikh* обзор турецких народов, которые жили в центральной Азии, смешивая под именем турков кочевые народности, отличавшиеся и по физическому облику, и по языку от турков в собственном смысле. Он начинает с огузов, потомков Огуза, сына Кара-хана, сына Диб Бакуя, сына Абулджихана (Абу-Алджи)². Огуз имел шесть сыновей, которым усваивают титул хана: Кун (Gup) Ай, Юлдуз, Кёк (Gueuk) Таг и Дингиз; у каждого из них было по четыре сына.

Сыновья Күн-хана: Кай (Gayi), Баят, Алыкраули (Alca-ola), Караули (Car-evlu).

Сыновья Ай-хана: Яраз (Yazer), Дүкер (Deuguer), Тутурга (Doudourga), Яирлы (Yaparlu).

Сыновья Юлдуз-хана: Мушар (Oschar), Кырык (Cazik), Бикдели (Bigdili), Каркын (Carkin).

Сыновья Кёк-хана: Баяндур (Baïndur), Бичина (Bitchina), Джаулдур (Tchaoundour), Чапна (Tchini).

Сыновья Таг-хана: Салур (Salour), Имур (Imour), Ала-юнтлы, (Ala-yountlou), Уркез (Oraguir).

Сыновья Дингиз-хана: Бикдыр (Eskindour), Букдур (Boukdour), Бую (Séva), Катык (Canik).

¹ Географическое положение района обитания оренгаев (урянхаев, урянха) определяется указанием Рубрука: „К северу (от Орду Мангу) также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, но имени керкисы (киргизы). Живут там же оренгаи“ (глава XXXIX). Тунгусы там не жили. П. П.

² Мы даем транскрипцию имен в переводе Березина (Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-ад-дина. Перев. с персидского П. Н. Березина. Введение. Сиб. 1858) и в скобках французскую транскрипцию Д'Оссона. Из нее видно, какие разночтения имеются для текстов разных списков сочинений Рашида. Имена, следующие далее, имеют мифический и легендарный характер. Кун по-турецки—солнце. ай—месяц, юлдуз—звезда, таг—гора, дингиз—море (тенгиз, тингиз, откуда титул Чингиз-хана и палатализ. произношения—чжингиз, чингиз), кёк—голубой (сопост. с тенгри, небом). П. П.

Эти двадцать четыре внука Огуза были родоначальниками соответствующего числа племен; двенадцать первых составляли правое крыло; их называли Бузук (Bouzouk); двенадцать других—левое крыло; их называли Учук (Utch-ок).

Между ветвями огузов считаются еще: 1. Уйгуры; 2. Канклы (Cancalis); 3. Кипчаки; 4. Карлуки; 5. Калачи (Calladjes) и 6. Агачери.

Эти турецкие народности обитали в западной части центральной Азии. Территория уйгуров простиралась до гор Алтая; на восток от этого хребта жили народы, принадлежавшие одни к турецкой, другие—к татарской или монгольской расе, а именно:

Джаллаир (Djélaïres), в соседстве с рекой Ононом, разделявшиеся на десять больших ветвей, называвшихся:

Джаит (Tchaïes), Тукраут (Tacrroune), Кункаут (Councasroune), Кумсаут (Koumssaoute), Уят (Ouyate), Нилкан (Bilcassan), Куркин (Couguer), Туланкит (Toulangkite), Тури (Bouri) и Санкут (Schingcoute).

Суниты, одна из ветвей которых называлась Кыркын (Caïroune).

Татары, обитавшие в окрестностях озера Буира и разделявшиеся на шесть племен: Тутукульют (Toutoucalioutes), Анчи (Ittchi), Чаган (Tchagan), Кюин (Couyin), Нерэит (Térate) и Баргуй (Bergouï).

Меркиты, называвшиеся также Ороют (Oudouyoutes). Они делились на четыре племени: Ухур (Ohouze), Модон (Moudan), Тодаклин (Toudaclines) и Джиюн (Djioune)¹.

Курлут (Keurloutes).

Торгут (Bargoutes).

Ойрат (Ouirates), делившиеся также на несколько племен, обитавших в местности, орошаемой семью реками, которые, соединяясь вместе, образуют реку Кем или верхний Енисей.

Хори (Cours).

Тулас (Coualaches).

Буряты (Bouriates, у Березина отсутствуют; показаны Баргут).

Три последних носили общее наименование Баргутов (Bourgoutes), потому что они жили по ту сторону Селенги; их страна поэтому называлась Баргуджин-Тукум (Bourgoutchin Tougoum).

Тумэты (Toumoutes), включавшиеся также в число Баргутов, жили около страны Киргизов².

Булгачин (Coulgatchines).

Керемучин (Kermoutchines).

Эти два племени обитали около Баргучжин-Тукума, на окраине страны киргизов.

Урасуты (Ourassoutes).

Теленгут (Télenoutes).

Кестеми (Kesstimis).

Эти обитали в лесах стран киргизов и кем-кемчутов.

Лесные урянхиты (Ourianguites sylvestres).

Жили в лесах в тех же самых странах.

Хорхан (Courcanes).

¹ В Ючми показаны мерки: удунт, увасы, хаат, хоасы (стр. 51, 55, 109). П. П.

² Очевидно, вернее, будет читать: тумат (в Юль-чао-миши, стр. 51, 55, 132, 133. Туматы. Ходитумат, т. е. Хори Тумат; там же: Тубасы). Это будет множ. чис. от Туба или Тума (в другом произношении), Тубас (тоже мн. ч. в монг. форме) как раз и показаны в местности, на пути к киргизам от монголов. Старинное монгольское сказание о Чингизхане. Перев. архим. Палладия. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, стр. 131—133, ср. стр. 87—88: из рода Тумянь-Тубегань. Прим. пер.

Сагаит (Sacaïtes).

Места их обитания не обозначены¹.

Кераит в собственном смысле. Под этим именем подразумевалось пять племен этой народности, а именно: Тонгкоит Кераит (Toung-saïtes), Кераит (Tchirkite), Сахыат (Sakiates), Добоут (Toumaïtes), Албат (Eliate)².

Найманы, владевшие обширной территорией, ограниченной Алтайскими горами, горами Каракорум, горами Алуй-Сераса (Eloüi Serass), орошаемой рекой Иртышом, с севера граничившей со страной киргизов, на востоке—со страной кераитов, и на западе отделяемой от Уйгурии пустыней. Одна из их орд называлась Кучагур (Goutchagour).

Онгуты, расселенные около Китайской стены.

Тангуты составляли государство, включавшее значительную часть китайской провинции Шень-си.

Бекирин (Tékrines), называвшиеся также Мекринами, обитали в скалистых горах на границе Уйгурии³.

Примечание III

(стр. 41)

Монголы

После установления монархии Чингиз-хана, стали делать различия между племенами монгольской расы. Племена, происходившие от одного предка с завоевателем получили прозвание Нирун, указывавшее на чистоту их происхождения, так как они являлись потомством сыновей Алун-гоа (Alan-goa), зачатых ею от действия луча света. Прочие были объединены под общим названием Дорлигин (Durlukin), т. е. простого происхождения. Они происходили от Нукуза (Tékouz) и Кыяна (Caïan), которые были заключены в горах Ергэнэ-кон (Erguéné Couñ).

Уин-Урянхит (Orianguites).

Хонкират (Councarates).

Икирас (Ikirass).

Олхунут (Oulcounoutes).

Хунглиют (Counkoulioutes).

Харанут (Caranoutes).

Четыре последних племени были ветвями Хонкиратов. Икирасы и Олхунуты были потомками Хубай-Ширы (Gabaï Schira), Харануты и

¹ Далее в числе керентских племен показаны сахыат; очевидно, последние то же, что упоминаемые в Ючм. сахант. Надо думать, что это предки сахаларякутов и сокы-сахалар, части мнгуенских турков. Обычно в этнографической литературе их смешивают с сагаями, которых, вероятно, надо подразумевать под сагаит.

Хорхан (Soucraïnes), надо думать, то же, что курыкан (уч. курыкан—три курыкана) Орхонских надписей и гулигань (Couligan) китайских летописей (см. Пакниф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Ср. Азии). Интересно, что среди керентских племен указывается под сходным названием племя хархын (Рашид. Введение, пер. Березина, стр. 95). Прим. перев.

² Добоут, Тумат, Тумат, Тумант, Тубасы, Натубегань, Тумянь, Тубегань—различные варианты произношения одного и того же имени. См. Рашид. Введение, стр. 87, 96 Ючм., стр. 132—133, 75, 87. В Ючм. упоминаются: Дуихант (соотв. Туиукайт), Джиргинь (соотв. Чиркир), Омань (албат, элиат?) (См. стр. 87—88). П. П.

³ Еще один вариант названия—Кебирин (Введение, стр. 70).

Хунглиюты—его брата Тосбодая (Tousboudaï); у них был старший брат, по имени Чурлук, по прозванию Мургэн или Стрелок. Рассказывали, что они вышли из золотой кады.

Хорлас (Courlass) и

Элджиген (Ildjikines) также были потомками Тусбудая.

Уряут (Ozbaoutes) разделялись на три ветви, именно: Хонгхотан (Soupsamares), Арулат (Érlates) и Килункгут (Kélangoutes), происшедшие от трех братьев, имена которых они сохранили.

Уйшин (Houschines).

Сулдэс (Seldouses).

Илдэркэн (Ildourkines).

Баяут (Bayaoutes).

Эти разделялись на Джида-Баяут (Djedi-in Bayaoutes), которые жили по берегам Джиды, и Керерун-Баяут (Kharoun Bayaoutes), которые жили в степи¹.

Монголы-нирун

Хатакин (Katakines).

Салджиют (Saldjioutes).

Тайджиют (Taïdjioutes).

Ариган (Erikanes).

Санджиют (Sildjioutes).

Чиниз (Tchinizes).

Нутакин (Nouyakines).

Урут (Ouroutes, odoutes).

Манкгут (Mingcoutes).

Барин (Barines).

Дурбэн (Dourban).

Хоит (Canoutes).

Сухаяут (Souctoutes).

Берулас (Beroulasses).

Хоиргинили Идэркин (Ilderkines).

Джурьяти или Джаджират (Djadjèrates).

Будат (Boudans).

Доголат (Doucalates).

Исут (Yissoutes).

Сукэн (Soucans).

Хонгхот (Hingcotans)².

¹ У Березина еще: Ходжит (рядом с Уйшин; м. б. Houschines объединяют тех и других) и Кингит (стр. 9—10, 79).

В Ючм.: хонгхотан—хуанхотань, кингит—гэньгэсы (?), баяут—баяу, хатакин—хатагин, хорлас—хорилар, арулат, олхуна, хонкират—унгира, сулдэс—сулдусунь, сулду. Одна из очередных задач монголоведения—это установление аутентичной для эпохи Чингиз-хана номенклатуры для географических названий и личных имен. П. П.

² У Рашида, в переводе Березина, выделена часть нирунов, ближайших родичей Чингиз-хана, именно: кийот, разделившиеся на Буркин, Джескшут и кийот—Смяр. Затем выделена совсем особая семья отца Чингиз-хана—Кийот-Борджигини (светлоглазые). В Ючм.: дайичиут, джадалань, чжадарра (джаджират), баалинь (барин), барулас, уруут, манхут, дохолат, киянь (кийот), сюенкэту (сукэн) и др. П. П.

„Имя татар,— говорит Рашид,— было славно на свете с самых отдаленных времен. Татарский народ делился на большое число ветвей и состоял (в эпоху Чингиз-хана) из семидесяти тысяч кибиток. Территория, на которой он жил, была смежна с китайской границей и озером Буиrom. У каждого племени был свой особый округ. Татары большую часть времени были подданными и данниками императора (сев.) Китая (Khitai), но часто то одно, то другое племя возмущалось, и его можно было смирить лишь оружием, часто также эти племена воевали друг с другом. Татары были известны тем, что по малейшему поводу пускали в ход ножи или сабли, как поступают курды, шулы и франки. У них не было тогда того сурового порядка, который существует ныне у монголов. Они были злобны, вспыльчивы и мстительны. При их численном перевесе, да будь у них сплоченность, ни один другой народ, не исключая китайцев, не смог бы оказать им сопротивления. Даже при всех своих междоусобицах они делали в прошлом большие завоевания. Они стали столь могущественны и внушали такой страх к себе, что другие турецкие народы выдавали себя за татар и гордились этим именем, под которым вошли в славу, совсем как в настоящее время, когда чжелаиры, татары, ойраты, онгуты, кераиты, найманы, тангуты и др. кичатся именем монголов, прославленным Чингиз-ханом и его потомками, а между тем до этого они пренебрегали им. Молодежь всех этих народов даже склонна думать, что их предки всегда носили имя монголов. Но это не так, ибо в прошлом монголы были лишь одним из турецких народов. Даже не далее, как со времени Флангоа, т. е. около 300 лет, существует это их имя; оно было дано потомкам этой принцессы, которые сильно размножились.

Это имя стало распространенным до того, что в настоящее время народы Китая (северного, китанского и цзиньского. Пер.) и Нангуся (южного, сунского Китая), чжурчжи, уйгуры, кипчаки, туркмены, карлуки, калладжи, военнопленные и тазики (магометане), выросшие среди монголов, также называются монголами. Чтобы заставить более считаться с собой, всем интересно сойти за монгола. До нашей эпохи то же самое было с татарами в силу их могущества. Вот почему монголов до сих пор называют татарами в Китае, в Индии, у киргизов, башкиров, в Кипчакии, в северной Азии, в Аравии, в Сирии, в Египте и в Африке“.

Прежние магометанские писатели, вроде Массуди и Ибн-Хаукаля, которые упоминают о народах северной Азии; совсем не говорят о татарах. Однако имя этого народа, как это еще отметил С-Мартэн (*Mémoires sur l'Arménie*), встречается в одном персидском руководе по всеобщей истории, озаглавленном *Modjmelet-Tévarikh vel Coussass* (Исторический Сборник), анонимный автор которого писал в 520 году геджры (1126 г.) (рукопись хранится в Парижской библиотеке). Этот автор, указывая особые титулы, какие носит каждый из азиатских монархов, называет в этом перечне царя татар, имевшего титул *Simon Biveu Khiar* (произношение остается сомнительным за отсутствием диакритических знаков у арабских букв в рукописях).

Вот что содержится на счет уйгуров в Tarikh Djihankushai и Djami ut-Tévarikh.

„Мы изложим здесь,—говорит везир Алай-уд-дин, — кое что из того, что находится в книгах уйгуров, не потому, конечно, что мы придаем веру их рассказам, но просто, чтобы показать их причудливость. Уйгуры думают, что их народ первоначально жил на берегах Орхона, который берет свое начало в горах, называющихся Каракурум, по имени которых назван недавно основанный Кааном (Оготаем) город. С этих гор выходит тридцать рек; столько же народов обитало по их берегам. Уйгуры, основавшись на берегах Орхона, разделились на два народа; так как число их значительно возросло, они выбрали себе начальника. Спустя пятьсот лет после этого появился Букухан. Говорят, что этот государь тот же, что известен под именем Ефрасияба. В горах Каракурум есть ров, о котором говорят, что это ров Пижена¹ и на берегу Орхона видны следы города и дворца, которые некогда назывались Орду-балык, а теперь называются Му-балык².

Пред входом во дворец лежат камни, покрытые высеченными на них надписями, которые мы видели. В царствование Каана эти камни подняли и открыли яму, в которой находилась большая плита с надписью. Император велел исследовать ее людям различных наций; никто не мог ее прочесть; наконец, из Китая привели людей, которых называют (название пропущено в рукописи)³; это было их письмо. В надписи значилось, что в Кумланчжу, месте, расположенном при слиянии Туголы (Толы) и Селенги, которые берут свое начало в горах Каракурум, стояло рядом два дерева. одно называемое фи стук, похожее на сосну, вечно зеленое, как кипарис, и дающее в качестве плодов шишки; другое было дикой сосной. Между этими деревьями показался бугорок, на который нисходил небесный свет. Этот бугорок день ото дня выростал. Уйгуры, бывшие очевидцами этого чуда, подходили к нему с благоговением. Оттуда исходили гармоничные звуки, подобные человеческому пению. Все ночи он был окружен ярким светом на расстоянии тридцати шагов. Когда он дошел до предела своей тяжести, открылась дверь, за которой показались пять разрозненных хижин, похожих на палатки, над которыми были протянуты серебряные тенета; в каждой сидело по ребенку, которого сосал молоко из трубочки, подвешенной над его ртом. Племенные начальники, страшно изумленные, приходили дивиться и поклоняться этому чуду.

Лишь только к этим пятерым детям был открыт доступ воздуху, они начали двигаться, и вышли из своих келеек. Им дали кормилиц. Когда они стали в состоянии говорить, они спросили об отце и ма-

¹ Ефрасияб—имя одного из турецких государей, знаменитого в древней истории Персии своими войнами с государями этого царства, в конце царствования династии шишаидцев и в начале династии кедийцев. Пижен, сын Кина, был персидский герой в царствование Кея-Хозроя, который будучи пленен Ефрасиябом, на дочери которого, без его ведома, он женился, был заключен некоторое время на дне колодца, откуда его освободил знаменитый Рушетем.

² Орду-балык значит город Орду, а Му-балык (Maou-Balic)—дурной город, т. е. разрушенный город (вероятно, Орду-балык соответствует названию хан-балык, ханский город, резиденция. Прим. перев.).

³ В другой рукописи: камап. т. е. камы (шамачы).

тери; им указали на два дерева; они отправились воздать им то почтение, которое полагается детям воздавать виновникам их появления на свет. Деревья, начав говорить, наказали им приобрести самые ценные качества и пожелали им долгой жизни с вечной славой. Пятеро детей пользовались со стороны народов этой страны тем почетом, который воздают царским сыновьям. Старший был назван Сункур-тегин, второй Кутур-тегин, третий Букак-тегин, четвертый Ор-тегин, и пятый Буку-тегин. Уйгуры, убежденные, что они посланы с неба, решили поставить себе одного из них в государи. Буку им казался одаренным наибольшей красотою, умом и способностями; он знал кроме того все языки; уйгурцы избрали его в ханы и посадили с великим торжеством на престол. Этот государь водворил царство справедливости; он видел, как росло число его подданных. Бог послал ему трех воронов, которые знали все языки; с какой бы стороны он ни пожелал известий, они отправлялись за ними.

Однажды ночью спавший в своей палатке Буку-хан был разбужен тенью в виде молодой девушки; охваченный страхом, он притворился спящим. В следующую ночь он увидел то же явление; в третью, по совету своего министра, он последовал за женским призраком вплоть до горы, называемой Кут-таг, где они беседовали до зари. Эта тень возвращалась каждую ночь в продолжение семи лет шести месяцев и двадцати двух дней и каждую ночь они шли вместе беседовать в то же самое место. В последний раз, как они виделись, молодая девушка, прощаясь с Буку-ханом, сказала: Целый мир от востока до запада будет под твоей властью; приготовься исполнить предначертанное тебе и хорошо управляй своими народами. Тогда Буку собрал свои войска; он послал триста тысяч человек под командой своего брата Сункур-тегина в страну монголов и киргизов; сто тысяч человек с Кутур-тегином на Тангут; равное число с Букак-тегином против Хигая и четвертого брата оставил вместо себя в своей столице. Его войска возвратились из всех этих стран с огромной добычей и привели великое множество пленных на берега Орхона, где они построили город Орду-балык; весь восток был покорен.

В то время Буку-хану было новое сновидение; он увидал человека, облеченного в белые одежды и державшего в руке палку того же цвета, который дал ему кусок жада (почечного камня) в форме соны и сказал ему: Если ты сможешь сохранить этот камень, ты будешь господствовать над четырьмя странами света. Его министру приснился тот же сон. На завтра Буку-хан сделал военные приготовления и затем выступил в поход на запад. Прибыв в Туркестан, он увидал прекрасную равнину, хорошо орошенную, представлявшую тучные пастбища; он основал там свое местопребывание и построил город Бала-Сагун (Bela-sagoun), который теперь называется Гу-Балык. Его армии, которые он разослал во все страны, покорили ему в двенадцать лет все земли. Они проникли до области, в которой туземцы имеют сложные подобно зверям, и узнали, что за нею уже нет никаких жителей. Тогда они возвратились, ведя с собой царей всех земель, которые представили Буку-хану дары. Последний принял их с почетом, за исключением индийского царя, которого он не пожелал допустить из-за его безобразия. На каждого из них он наложил дань и разрешил возвратиться в свои царства. Закончив эти великие предприятия, Буку-хан покинул свою столицу (Бела-Сагун), чтобы возвратиться в родную страну.

Что касается религии, то уйгуры имели тогда чародеев, называемых камами, какие до сих пор имеются у монголов. Это люди,

которые говорят о себе, что они одержимы духами, и последние будто-бы осведомляют их о всем, что происходит. Я собрал от многих лиц сведения на их счет; они слышали рассказы, будто духи являются беседовать с этими камами через верхнее отверстие их юрт. Возможно, что они поддерживают с ними короткие отношения и даже воплощаются в этих чародеях. Монголы, по своей невежественности, верили словам камов, и даже ныне большинство государей чингисова дома питает к ним великое доверие; они ничего не предпринимают важного, если нет согласия между камами и астрологами. Эти чародеи также лечат болезни.

Уйгуры послали просить у хана северного Китая (Кхитаï), страны языческой, людей, которых называют нуми (ламы)¹. По их прибытии уйгуры устроили диспут слугителей двух религий, намереваясь держаться той, которая одержит победу. Нуми принялись читать священную книгу, называемую ном (Nomu). Это их кодекс нравственности, сборник басен, рассказов и добрых правил, достойных быть проповедуемыми всеми небесными посланцами; между прочим там предписывается не причинять никому вреда, даже животным, и воздавать добром за зло. Нуми делятся на несколько сект, которые имеют отличия в догматах; наиболее распространенная верит в метемпсихоз (переселение душ). Они говорят, что существуют уже десятки тысяч лет; что души лиц благочестивых и благотворительных после их смерти помещаются в более или менее высокий разряд, сообразно с заслугами, начиная с ранга монарха и до класса простых подданных или нищих; но что души тех, кто осквернил себя пороками, кто совершил убийство, кто притеснял себе подобных, переходят, в наказание за их злодеяния, в тела пресмыкающихся, диких животных и хищных зверей.

Идолопоклонники прочли несколько отрывков из их Нума, и камы были смущены. Тогда уйгуры приняли идолослужение первых, и из всех идолопоклонников на востоке нет больших врагов ислама, чем они. В конце концов Буку-хан остался счастливым до конца своей жизни. Мы пересказали лишь какую-нибудь сотую часть выдумок, рассказываемых в книгах уйгуров, чтобы на них показать невежество и глупость этого народа.

Один из моих друзей мне рассказывал, что он читал в какой-то книге, будто два дерева, о которых говорилось, были выдолблены одним человеком, который и спрятал туда своих детей, там же поместил он светильники; потом он привел людей, чтобы показать это чудо, и он был первый, создавший культ этим деревьям и увлекший и других своим примером.

Буку-хану наследовал один из его сыновей. Уйгуры (не сказано в какую эпоху) слышали от всех животных домашних и диких и даже из уст младенцев слова: *gue utch, gue utch*, т. е. иди, иди! Послушные этому призыву, они выселились; во всяком месте, где они останавливались, их слух поражали те-же звуки. Только по прибытии на ту равнину, где был потом построен город Биш-Балык, они перестали слышать эти звуки. Они обосновались на этом месте и построили там пять кварталов, которым дали имя Биш-Балык (т. е. пять городов). С тех пор потомки Буку-хана продолжали царствовать над этими народами, которые дают своему государю титул *идикута*; деревья, о которых была речь, были помещены в их храмах.

¹ Нуми, очевидно, от ном—книга, св. писание: книжники. Прим. перев.

Автор Djami ut-Tévarikh в своем обзоре турецких и монгольских народов упоминает об уйгурах в следующих выражениях: „Когда Огуз, сын Кара-хана, сына Диб-бакуя, сына Абулчжи-хана, Яфета, сына Ноя¹, воевал со своими родственниками, которые напали на него, потому что он признавал единого бога, он получил помощь от части своих близких; он восторжествовал над своими врагами, покори́л многие страны, и сделался могущественным монархом. Тогда он созвал общее собрание, на котором его родственники, офицеры и войска были удовлетворены знаками его милости; тем из своей семьи, которые ему оказали помощь, он дал имя уйгуров, что по-турецки значит: союзники, помощники. Это имя осталось за всеми их потомками, хотя впоследствии по различным обстоятельствам они получили особые наименования, напр., карлуки, каллачжи, кипчаки и пр., но тем не менее общее имя уйгуров за ними осталось. Однако, по прошествии столь долгого времени, разделение и разветвление их племен известны не настолько, чтобы можно было указать происхождение каждого из них. Мы ограничимся указанием их места среди турецких народов. Хотя мы упоминали уже о них в роду ветвей огузов, однако мы должны снова о них сказать в этой главе, отведенной для народов, которые похожи на турков. Так как история уйгуров очень подробно, я дам ее в полном объеме на основании их собственных книг, в дополнение к этой истории (монголов). Здесь я приведу кое-что относящееся к их происхождению.

Передают, что в стране уйгуров имеются две горные цепи, одна называемая Букрату-Турлук, другая — Ускун-лук-тангрим², между которыми расположены горы Каракурум; название последних было дано городу, построенному по воле Оготай-Каана. Вблизи этих двух гор есть еще другая, называемаяся Кут-Таг. В этих областях есть страна, орошаемая десятью реками, и другая, орошаемая девятью реками. Вся эта страна была в прошлом населена уйгурскими народами. Те, которые занимали берега десяти рек, назывались о-у-й-гурами; те, которые жили по девяти рекам — токуз-уйгурами³. Вот имена десяти первых, называемых Он-Орхон: Ишкил (Ишлык), Онигер, Тукаир, Узкайдер (Азкандер), Булар, Бадар (Тардар), Адер, Ух Табин (?), Камланчжу, Утикян (варианты, заключенные в скобки, извлечены из петербургской рукописи; это место переведено Волковым и цит. в Forschungen и пр. Шмидта, стр. 281). Берега трех первых из этих рек были заселены девятью племенами; берега четырех следующих пятью племенами. Девятая, т. е. Камланчжу пересекала территорию племени, наз. Онг, и десятая, или Утикян, имела на своих берегах племя Камен-Ати (Кумук-Ати по рукоп. петерб.); о восьмой реке здесь не упоминается. Сверх этих племен, водворившихся на берегах названных рек, имелось сто двадцать два других в тех же местностях, но названия их неизвестны.

Прошли века, прежде чем у уйгурских народов появился общий государь; каждое племя имело отдельного вожда. Наконец, они устроили общее собрание и с общего согласия избрали двух государей, власть коих была признана всеми этими народами. Один, по имени Мангу-бай, был взят из племени Ишкил; он получил титул Ил Илетириз (?); другой, из племени Озкайдир, получил титул Куль-Иркин (Keul-Irkin). Потомки этих двух царей царствовали в течение ста лет.

¹ Магометанские начетчики отождествили легендарного Абульджи-хана с Яфетом (Uafeth), сыном Ноя (Нуха) библейской легенды, чтобы увязать традицию библии-корана с турецким преданием. II. п.

² В „Введении“, пер. Березиним: Букрату-бузлук и Ашкунлук-Тенгрим. II. п.

³ Он и токуз по-турецки десять и девять.

С их историей можно будет познакомиться в посвященном им дополнении к этому труду, где она изложена по уйгурским источникам. В последние времена уйгуры давали своему государю титул идикут, что значит господин (seigneur) страны.

История монгольских государей в Китае, под заголовком Су-хунг-цзянь-лу, написанная по-китайски Чао-юань-пингом, дает на счет уйгуров сведения, согласные с теми, которые нам переданы Джувейни и Рашидом, что указывает на общий источник, которым пользовались китайский и персидские историки. Соответствующие места были переведены Висделу (Supplément à la Bibliothèque Orient. d'Herbelot, стр. 138) и в последний раз Клапротом (Mémoires relatifs à l'Asie, t. II, стр. 331 и сл.). Мы процитируем перевод этого автора, чтобы облегчить сравнение двух версий—китайской и персидской и воспроизвести кое-какие дополнительные детали, которые содержатся в китайском труде.

«Идуху—титул царей Гао-чан (Kao-tchang), которые издревле обитали в стране Уйгур. В этой местности находятся горы Хоринь (Кара-Курум); две реки там берут начало: Тухула (Тула) и Сиелинга (Селенга). Однажды ночью сверхестественный свет снизошел на дерево, которое находилось между двумя реками. Окрестные обитатели явились и нашли, что дерево вздулось, как живот беременной женщины. Спустя девять месяцев и десять дней оно разрешилось пятью мальчиками. Пораженные жители воспитали новорожденных. Младший получил имя Бука-хана; он был силен и храбр, подчинил себе соседние народы и стал их царем. Его преемником в третьем поколении был Жулюн-тегин (Joulun-Tieghin). Рассказа о событиях, имевших место до его времени, до нас не дошло. Жулюн-тегин был также очень могуществен и мужествен; он часто вел войны с Танама (Thang—китайская династия, царствовавшая с 618 по 907 г.). Последние боялись его и стали искать связи с ним при посредстве брака. Действительно, они просватали царевну Цюй-лянь (Kiu-lian) за Гали-тегина, сына Жулюна, который жил в соседстве с Хоринем, в местности, называемой Били Полида или гора, на которой живет супруга¹. В этой стране была еще другая гора, которая носила название Тенгарю-таг (Tengeri-yu-takh), т. е. гора небесного разума. На юг от последней была Хули-таг или гора счастья². Когда посол Танов прибыл на границу двух стран, ему сказали, что могущество и благосостояние Хориня связаны с существованием этой горы и что если ее разрушить, то погибнет и это царство. Китайский посол обратился тогда к царю с такими лукавыми словами: „Так как ты отец новобрачного, я вправе обратиться с просьбой, которую ты должен исполнить. Скала, называемая горою счастья, никакой пользы твоему царству не приносит; китайцы очень хотели бы сделаться ее собственниками, и они просят ее у тебя как плату за невесту“. Жулюн согласился на эту просьбу; но так как скала была очень велика, то ее оказалось невозможным увезти целиком. Тогда вокруг нее развели большой огонь и накалили ее докрасна; после этого ее полили уксусом, который раздробил ее на куски и последние сложили для перевозки на телеги. После отправки горы счастья, птицы и животные в стране потеряли способность двигаться и испускали крики, возвестившие о величайшем бедствии. Жулюн-тегин умер через семь дней; бесчисленные беды и внутренние смуты обрушились на страну, и через несколько поколений все возраставшие бедствия принудили

¹ Висделу переводит это место иначе: „Царевна (Цюй-лянь) поместила свой двор на Ho-lin-pie-li-po-li Тагга, т. е. горе, где живет супруга (царя)“.

² Это, вероятно, кутлук-таг; кутлук значит счастливый.

жителей покинуть родину. Они переселились в соседство Цяо-чжоу или Хэ-чжоу (100 ли к западу от нынешнего города Турфана). Главным местом их водворения был Биш-Балык. К северу они распространились до реки Ачу (Achu); с юга у них было китайское княжество Tsieou-tsiuan kiun (теперь область города Су-чжоу, расположенного на северо-западной окраине провинции Ганьсу); на востоке они соседили с Goundouh-Gachikia¹ и на западе с Си-фань (или тибетцами, которые в эту эпоху господствовали в центральной Азии). Династия этих государей до Барчу-Арте-тегина насчитывает свыше 970 лет. Этот последний подчинился китаням. Когда Чингиз-хан предпринял в 1209 г. свой поход против стран, расположенных к северу от Китая, Барчу-Арте-тегин велел убить губернатора, которого китани поставили в его владениях. В то же время он обратился к Чингиз-хану с просьбой принять его в число своих вассалов; но лично он к нему не явился. Тогда повелитель монголов пригласил его через посланца, и Идуху восхищенный этим повелением, обратился со следующими словами к нему: „Твой раб услышал о слове высокой добродетели твоего величества; он ненавидит китаней и уже давно имел желание подчиниться твоей державе; не представлялось только случая. Последний теперь явился, когда небесный вестник приблизился к нему, и ныне самое горячее желание его узреть все народы, ставшими твоими подданными“.

Мы видели, что одна из рек, которые пересекали прежнюю территорию уйгуров, называлась Утекян. Это также название горной цепи, между которой и рекой Орхоном была расположена прежняя резиденция Буку-хана и его преемников, по Су-хунг-цян-лу (см. Abel Rémusat, Recherches sur la ville de Kara Korum, стр. 15).

Примечание VI

(стр. 108)

„Ханы Кара-Китая,—говорит Алай-уд-дин Джувейни,—происходили от китаней (Khitai). Основатель этой империи, один из знатнейших людей своей нации, вынужденный обстоятельствами покинуть свое отечество, принял титул Гур-хана, который означает хан ханов. Говорят, что когда он отправился из Китая, его сопровождало семьдесят человек; по другой версии, он был во главе очень многочисленного войска. Когда эти эмигранты прибыли на границу страны киргизов, они предприняли набеги на их территорию; но увидев, что киргизы собираются отразить их, они удалились в область Имля, где основали город, развалины которого видны до сих пор. Турецкие племена стали собираться под знаменами китанского государя, который скоро увидел себя во главе сорока тысяч кибиток. Он направился к городу Бала-Сагуну, который монголы ныне называют Гу-Балык. Властитель этой страны, который называл себя потомком Ефрасияба, не был очень могуществен. Его власть не распространялась на племена карлуков и канглов этих стран, которые не только вышли из повиновения ему, но даже делали набеги на принадлежавшую ему территорию. Не будучи в состоянии защищать ее, этот государь отправил послов к предводителю приближавшегося к его стране полчища с пригла-

¹ Вследствие читает: X u e n - t u n - k i a - c h a .

шением явиться в столицу, извещая о своем намерении передать в его руки бразды правления и удалиться от дел. Китанский государь явился в Бала-Сагун и, завладев троном, лишил потомка Ефрасияба ханского титула, дав взамен ему лишь титул Ильк-Туркан или начальника турков. Он назначил губернаторов по всем областям, начиная с Кум-Кичжика и до Барзечжана и от Тараза до Тамичжа. Спустя некоторое время он подчинил канглов; одна из его армий завоевала Кашгар и Хотан, другая отправилась отомстить киргизам. Он овладел Биш-Балыком; его войска подчинили ему Фергану и Трансоксанию, и именно в это время предшественники султана Османа сделались его вассалами. После всех этих завоеваний, он послал своего генерала Эрнуза против Хорэзма, который был предан огню и мечу. Хорэзмшах Атсиз подчинился Эрнузу и обязался уплачивать Гур-хану ежегодную дань в тридцать тысяч динаров, сверх определенного количества вещей и скота. Эрнуз согласился на мир и удалился, а немного спустя Гур-хан умер.

Его вдова Кейюнк (Кенуонк) наследовала ему; по истечении некоторого времени открыли, что у нее была незаконная связь, и ее убили вместе с сообщником. Тогда на трон был возведен один из двух братьев покойного; другого принесли в жертву безопасности нового суверена.

Султан Такаш, преемник Атсиза, был аккуратен в платеже дани и старался во всем угодить своему сюзерену. Перед кончиной он завещал своему сыну Мохаммеду держаться такого же поведения в виду того, что держава Гурханов была сильною преградой против хищнических народов на восток от его империи. Мохаммед несколько лет уплачивал дань и поддерживал сначала наилучшие отношения с своим сюзереном; так что когда на него напал гуридский султан Шихаб-уд-дин, он получил от Гур-хана в помощь десять тысяч человек, которые победили гурийцев при Андхуде“.

В главе о государях, современниках Чингиз-хана в первые годы его жизни, историк Рашид дает следующие подробности о Кара-китайской династии.

„Когда государь чжурчженей уничтожил государя Кара-Китая (императора Ляо), один сеньер, по имени Нуши-Тай-фу, пользовавшийся большим влиянием среди кара-китаев, обратился в бегство и ушел в страну киргизов, а затем в Уйгурию и Туркестан; это был человек, одаренный большим умом, обширными способностями и редким благоразумием. Он собрал в этих странах значительные силы и овладел всем Туркестаном; после этого завоевания он принял титул Гур-хана, который означает великого хана. Эти события произошли в годы 522 и 523 (1128 и 1129). По его смерти его сын, в возрасте семи лет, был посажен на трон и провозглашен Гур-ханом. Он прожил девяносто два турецких года, которые составляют девяносто пять лунных годов, и умер около 610 (1213—4). При рождении Чингиз-хана этот Гур-хан был в возрасте тридцати четырех лет и уже процарствовал около двадцати пяти лет“.

Примечание VII

(стр. 186)

Мы даем перевод текста Ибн-уль-Етира о действиях монголов в странах к северу от Каспийского и Черного морей.

„Когда татары вошли в страну кипчаков и вероломно уничтожили те части войск, которые, отделившись от союзников, аланов и

лезгинов, возвращались к своим очагам, кипчаки побоялись поместиться силами с этой неприятельской армией и разошлись во все стороны; одни искали убежища в лесах; другие—в горах; большое число их ушло в страну русских. Татары захватили их стоянки в землях кипчаков; это местность с прекрасными пастбищами как зимой, так и летом; там имеются места с прохладной температурой в жаркое время года и места с мягкой температурой зимой; на морских берегах есть леса. Татары прошли до города Судака, который принадлежал кипчакам и откуда они получали хлеб; он расположен на Хазарском море¹, и там пристают суда. Там продаются ткани, и кипчаки приходят их покупать, давая в обмен невольников обоего пола и меха лисиц, бобров, белок и пр., что идет из их страны. Татары овладели Судакком, жители которого обратились в бегство; одни ушли с семьями и имуществом в горы; другие сели на суда и уехали в Рум, который находится под властью мусульманских государей из потомства Килидж-Арслана (сельджукидов).

Завладев страной кипчаков, татары в 620 (1223) г. совершили поход против русских. Последние соединились, чтобы дать сражение, с кипчаками, выселившимися в большом числе в их страну. Они вместе выступили навстречу татарам, чтобы застичь их, пока те не вступили на русскую территорию. При их приближении татары отступали и были преследуемы неприятелем, который думал, что они не осмеляются биться с ними. Он горячо преследовал их по пятам, а татары продолжали все отступать в течение двенадцати дней, пока вдруг неожиданно не обрушились на русских и кипчаков, которые были далеки от мысли о возможности нападения. Это было одно из упорнейших сражений; оно продолжалось несколько дней, но татары оказались, наконец, победителями; кипчаки и русские потерпели полное поражение; во время беспорядочного бегства они большей частью были изрублены, все их обозы попали во власть татар. Те, которые успели спастись, а таких было небольшое число, и им пришлось пройти длинный путь, добрались до Руси в самом несчастном виде. Татары по их следам ворвались туда, убивая, грабя, сжигая и разрушая все, что находилось на их пути. Старейшие купцы и богатые жители страны выселились с наиболее ценным имуществом и переплыли море, чтобы найти убежище в магометанских странах.

Спустошив Русь, татары оставили ее и пошли на Булгарию в конце 620 (конец 1223) года. Булгарское войско вышло им навстречу; они завлекли его в засаду; когда оно проходило то место, где скрывались татарские отряды, те, которых оно преследовало, повернулись к нему лицом, и булгары оказались окруженными, и большая часть их была перебита; только небольшое число спаслось; говорят, что таких оказалось около четырех тысяч. Татары направили путь через Сакассин, чтобы вернуться к своему господину Чингиз-хану.

Когда они оставили страну кипчаков, те из последних, которые спаслись, возвратились в отечество. Пока татары занимали его, всякое сообщение с мусульманскими странами было прервано; не привозилось более ни лисицы (bourfass), ни белки, ни бобра, ни других мехов, которые вывозятся из этой страны. После их удаления снова начался вывоз этих товаров* (стр. 279 и 280).

В *Tarikl Dihan kuschaï* не упоминается о нашествии монголов на Русь; он только говорит, что пройдя Дербенд, чего ни одна армия до того не делала (!), этот отряд чингизхановских войск отпра-

¹ Крым тогда назывался Х а з а р и е й, так как принадлежал ранее хазарам.

вился на соединение с войсками Чжучи в кипчакских степях, откуда прошел к Чингиз-хану.

То, что об этой экспедиции рассказывает Рашид, является сокращенным изложением рассказа Ибн-уль-Етира.

Эти историки заставляют предполагать, что поход к северу от Кавказа был комбинирован с каким-то другим, который не состоялся. После взятия Хорэзма Чингиз-хан велел своему старшему сыну Чжучи итти на страну кипчаков; но этот царевич вместо того, чтобы повиноваться воле отца, удалился в свой удел.

Конец примечаний первого тома.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	V
Введение	1

ИСТОРИЯ МОНГОЛОВ

Глава I

Кочевые народы центральной Азии.—Древние турецкие и татарские монархии.—Их сношения с китайской империей.—Центральная Азия в начале тринадцатого века.—Народы татарского происхождения в эту эпоху и районы их обитания.—Их нравы .	31
---	----

Глава II

Древние предания монголов.—Предки Чингиз-хана.—События его молодости. Он становится главою нескольких племен.—Его первые войны.—Его отношения с ханом керейтов.—Сведения о керейтах.—Походы Темучина и Унг-хана против некоторых кочевых народов.—Вражда между этими двумя князьями.—Поражение Темучина.—Его послание к хану керейтов.—Поражение Унг-хана.—Его смерть.—Победа Темучина над найманами.—Смерть их царя.—Подчинение меркитов.—Уничтожение татар.—Вторжение Темучина в Тангут.—Сведения об этом государстве	41
---	----

Глава III

Сейм.—Темучин провозглашен императором с титулом Чингиз-хана.—Вторичное нашествие на Тангут.—Подчинение киргизов-кемчжутов.—Подчинение ойратов.—Поход против Кучлука и Тукты.—Третье нашествие на Тангут.—Подчинение уйгуров и сведения об этой национальности	77
--	----

Глава IV

Восстание Чингиз-хана против императора северного Китая.—О монархии китаней или Ляо.—Монархия чжурчженей или Цзинь.—Поход Чингиз-хана на Китай.—Нашествие в Шаньси и Пе-че-ли.—Поражения, понесенные цзиньцами.—Восстание китаней в Ляодуне и их подчинение Чингиз-хану.—Переворот в Цзиньской столице и насильственная смерть императора Чунгхея.—Восшествие на престол его племянника Утубу.—	
---	--

Война между Ся и Цзинь.—Вторая кампания Чингиз-хана в Китае.—Опустошение Шень-си, Пе-че-ли и Шань-дуна.—Мир.—Перенесение цзиньской императорской резиденции в Пянь-Цзин в Хэ-нане.—Третья кампания монголов в Китае.—Взятие Чунту—Поход против Пянь-цзина 84

Глава V

Возвращение Чингиз-хана в Монголию.—Уничтожение меркитов.—Усмирение туматов.—Подавление восстания в Ляо-дуне.—Посылка Мухули в Китай в звании главнокомандующего.—Четвертое нашествие на Тангут.—Уход сына Таян-хана в Кара-Китай.—Сведения об этой империи.—Соглашение Кучлук-хана с хорезмским султаном против кара-китайского императора.—Завоевание Кара-Китая Кучлуком.—Нашествие монголов на это государство и конец Кучлука 104

Глава VI

О Хорезмской империи.—Ее последовательный рост.—Ссоры султана Мохаммеда с халифом Насиром.—Поход на Багдад.—Уделы сыновей султана.—Состав его войска.—Влияние его матери.—Послание от Чингиз-хана.—Убийство нескольких купцов, прибывших из Татарии в Отрар.—Военные приготовления Чингиз-хана.—Убийство его посла.—Битва между хорезмийцами и монголами в Туркестане.—Поход Чингиз-хана против Хорезмской империи.—Приготовления Мохаммеда к обороне 114

Глава VII

Прибытие Чингиз-хана на границу Хорезмской империи.—Завоевание Трансоксании.—Поход одного из корпусов для преследования Мохаммеда.—Удаление и смерть этого государя на острове Адсукуне.—Пленение его матери и жен.—Смерть двух его младших сыновей.—Завоевание Хорэзма.—Подчинение Бадахшана.—Завоевание и опустошение Тулуем Хорасана.—Удаление султана Джелал-уд-дина в Газни.—Его победа над монгольской армией при Перване.—Раскол между его генералами и отпадение значительной части его войск.—Его отступление к Инду.—Поход Чингиз-хана против Джелал-уд-дина.—Сражение у Инда.—Удаление султана в Индию.—Экспедиция генералов Балы и Туртая за Инд.—Уничтожение Газни.—Разрушение Герата и Мерва.—Судьба войск, которые покинули Джелал-уд-дина.—Разрушение Балха.—Возвращение Чингиз-хана в Монголию 135

Глава VIII

Продолжение экспедиции монгольских генералов Чжэбэ и Субутая.—Опустошение Ирак-Аджема, Азербайджана и Аррана.—Победы над грузинами.—Опустошения в Грузии и Ширване.—Поражение аланов и лезгинов.—Нашествие на страну кипчаков.—Победа над русскими.—Опустошение южной России.—Набег в Херсонес Таврический.—Победа над булгарами.—Возвращение этой монгольской армии в Татарию.—Новые опустошения монголов в Ирак-Аджеме 186

Глава IX

Смерть царевича Чжучи.—Нашествие на Тангут.—Подчинение Кореи.—Действия генерала Мухули в северном Китае.—Война между цзиньским и сунским императорами.—Смерть Мухули.—Командование его сына Бору.—Вторжение Чингиз-хана в Тангут.—Завоевание и разрушение этого государства.—Смерть Чингиз-хана.—Его похороны в Татарии	200
---	-----

Глава X

Причины военного превосходства Чингиз-хана.—Состав его армии.—Военная организация.—Его охоты.—Его законы.—Его жены	217
Примечания	235

Отв. редактор *Т. Л. Троицына*. Тех. редактор *М. Ф. Клинской*.
Корректор *М. А. Комченко*.

Сдано в набор 5/XI—1936 г. Подписано к печати 5/IV—1937 г. Огиз 900.
Уполн. В.-Сиб. Обллита 602. Бумага 62×94₁₆. Бум. листов 9¹/₄. Печатн.
листов 18¹/₂. Уч.-авт. листов 18,66. Тираж 1500. Инд. Эк—1г. Заказ 3092.

Цена 5 р. 05 к. Переплет 95 к.

Отп. в Иркутской тип. Огиза треста „Полиграфкнига“

ВАЖНЕЙШИЕ ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
IX	11 снизу	вместо	вместе
xxx	1 „	Лекция	Лекции
45	5 „	В Ведении	В Введении
53	4—5 „	тонгкоит, кереит	тонгкоит кереит
57	7 снизу	Енэ	Екэ
72	3 „	Schrift	Schrift
79	10 „	Кемчин	Кемчик
„	1 „	которую	который
107	1 сверху	напасать	напась
141	11 снизу	оохар	бохар
157	13 „	Хорзэм	Хорэзм
173	11 „	трехдневных	трех дневных
182	9 сверху	последнего.	последнего,
208	9 снизу	1224	1227
228	15 „	Suar nen	Suas non
243	10 „	gue utci	geutch
245	15—16 сверху	обитали	обитали
„	23 „	Танама	Танами
246	17 „	слове	славе